91
045
359

91
C 48 e

14
V. 3163

26.81-4
Е 22

Изданіе Вятскаго Товарищества.

7153

ЕВРОПА.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

съ 23 рисунками.

ГИМНАЗІЯ. * ПЕНЗЕНСКАЯ 2-Я ЖЕНСКАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Сѣверъ: Скандинавія, Данія, Великобританія и Ирландія.

СОСТАВИЛЪ
С. Слобожанскій.

ИЗДАНІЕ ПОМѢЩАЕТСЯ:
въ Петербургѣ въ книжн. складѣ „ПРОВИНЦІЯ“ и М. М. Стасюлевича,
въ Москвѣ въ книжн. скл. Бр. Башмаковыхъ и „НАУКА“.
1913.

4403

РК0031

Пензенская областная
юношеская библиотека
Инв. № 84663

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ.

		Стран.
1.	Драматическій театръ въ Стокгольмѣ	5
2.	Сѣверный музей въ Стокгольмѣ	11
3.	Шведская деревня	25
4.	Видъ въ Швеціи.	41
5.	Шведка въ національномъ костюмѣ	57
6.	Фіордъ	73
7.	Мысъ Нордкапъ.	89
8.	Норвежскіе крестьяне	105
9.	Шлюзы въ Норвегіи.	121
10.	Театръ въ Копенгагенѣ	137
11.	Одна изъ главныхъ улицъ въ Копенгагенѣ	153
12.	Башенный мостъ въ Лондонѣ	169
13.	Паркъ въ Лондонѣ	185
14.	Парламентъ въ Англіи.	201
15.	Хрустальный дворецъ въ Лондонѣ	217
16.	Уголокъ въ Западномъ Лондонѣ.	233
17.	Видъ въ гористой Англіи.	249
18.	Западный берегъ въ Шотландіи.	265
19.	Самая высокая гора въ Шотландіи.	281
20.	Замокъ на озерѣ въ Шотландіи.	297
21.	Высокій берегъ въ Ирландіи.	313
22.	Хижина въ Ирландіи	329
23.	Тролльгетскій водопадъ—на обложкѣ.	

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
28	5 сверху	жилыхъ	милыхъ
33	8 „	оны	оно.
35	11 „	мірка.	мірка,
„	14 „	десятинъ.	десятинъ,
„	„ „	Цѣлый	цѣлый
38	16 „	поспѣшностью	поспѣшностью быть
60	7 „	Норвегіи	Норвегіи,
72	12 снизу	ёлы	ёлы,
125	14 сверху	Плававательныій	Плавательныій
136	6 снизу	спасителя	Спасителя
140	16 сверху	умѣвшіе	успѣвшіе
155	2 снизу	самахъ	самихъ
157	1 сверху	становилос	становилось
„	14 „	вырабатывалось	вырабатывалась
163	16 снизу	другое	другого
187	12 сверху	вєьико	велико
269	5 снизу	мадамъ,	мадамъ.

Стокгольмъ.

Вотъ прекраснѣйшій городъ! Шведы имѣютъ полное право гордиться своей удивительной столицей. Во-первыхъ, городъ очень красивъ издали. Онъ расположенъ почти на 60° с. ш., значитъ не среди кипарисовъ, розъ и апельсинныхъ садовъ онъ лежитъ, а между тѣмъ путешественники сравниваютъ его по красотѣ съ такими прославленными дѣтьми теплаго юга, какъ Неаполь, Венеція, Константинополь. Во-вторыхъ, городъ блещетъ красотою и роскошью своихъ частныхъ домовъ и общественныхъ зданій; въ третьихъ, городъ отличается замѣчательнымъ благоустройствомъ, по которому онъ навѣрно превосходитъ всѣ европейскія столицы, за исключеніемъ можетъ быть одного Берлина; въ четвертыхъ, и это самое главное, населеніе города поражаетъ своимъ здоровьемъ, энергіей, своей жизнерадостностью, умѣніемъ весело и бодро работать, умѣніемъ отдыхать и наслаждаться, своей интеллигентностью, своей воспитанностью, необыкновенной честностью, умѣніемъ держать себя съ чувствомъ достоинства и уважать это достоинство въ другомъ.

Стокгольмъ расположенъ по берегамъ Мелара и протока, посредствомъ котораго это озеро изливаетъ свои воды въ Балтійское море. Множество мелкихъ островковъ при соеди-

неніи двухъ главныхъ каналовъ было колыбелью города и до сихъ поръ еще образуетъ его центръ. Меларъ былъ крѣпостью древнихъ воителей викинговъ. По узкому проходу, ведущему изъ него въ море, отправлялись они въ свои далекіе походы; по этому же проходу вторгались въ озеро враги, когда хотѣли напасть на ихъ дома. Для защиты отъ враговъ викинги построили крѣпость на центральномъ островѣ, господствующемъ надъ входомъ въ озеро. Этимъ было положено основаніе городу въ XI столѣтіи. Кругомъ этой крѣпости возникли хижины рыбаковъ и жилища викинговъ; потомъ появились набережныя и склады товаровъ. Крѣпость сдѣлалась дворцомъ, въ которомъ стали жить короли.

Особенность города—обиліе воды. Каналы и проливы, соединенные мостами и шлюзами, пересѣкаютъ городъ по всѣмъ направленіямъ. Глазъ всюду встрѣчаетъ полосы воды. Кажется, что улицъ въ городѣ меньше, чѣмъ набережныхъ и каналовъ. Едва ли существуетъ улица, которая не привела бы васъ къ набережной, если идти по ней достаточно долго. Изъ половины городскихъ домовъ открывается видъ на воду, и маленькіе пароходики, бойко бѣгущіе по проливамъ, столь же приняты для передвиженія, какъ и трамваи, хотя они и быстро мчатся вдоль набережныхъ, доковъ, по мостамъ и по всему городу во всѣхъ направленіяхъ.

Наряду съ блестящими полосами воды, которая видна всюду, куда бы вы ни повернулись, пріѣзжаго поражаетъ огромная масса зелени вперемежку съ постройками. Я не говорю о лѣсахъ, которые расположены по окраинамъ, въ двухъ шагахъ отъ города и спускаются къ берегамъ Мелара и его протоковъ, образуя темный фонъ, на которомъ отчетливо выдѣляются городскія зданія. Въ самомъ центрѣ города парки и сады встрѣчаются повсюду. Ихъ общая площадь немногимъ меньше площади собственно

подъ постройками. Деревья и цвѣты—услада стокгольмцевъ, и городское управленіе никогда не упускаетъ удобнаго случая увеличивать пространство садовъ, которые щеголяютъ всѣми богатствами городскихъ питомниковъ. Неудивительно, что горожане гордятся своимъ городомъ, такъ какъ цвѣты общая страсть высшихъ и низшихъ классовъ. Говоря сравнительно, въ Стокгольмѣ больше цвѣточныхъ магазиновъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было городѣ, и цвѣточная торговля идетъ очень бойко. Шведскія дамы всегда получаютъ отъ своихъ друзей въ подарокъ цвѣты въ дни имянинъ и рожденія. Въ окнахъ самаго бѣднаго дома вы найдете горшки съ цвѣтами, за которыми старательно ухаживаютъ. Служанка, заведись у нея свободный полтинникъ, купитъ цвѣтовъ, и школьница предпочитаетъ ихъ, какъ подарокъ, лентѣ или какой-нибудь бездѣлушкѣ. Цѣнность, придаваемая цвѣтамъ, кажется, находится въ прямомъ отношеніи къ трудности ихъ выращиванія или полученія ихъ изъ другихъ болѣе благословенныхъ странъ.

Красивый видъ развертывается на городъ съ возвышеннаго мѣста, напр., съ платформы общественной подъемной машины, устроенной для быстраго и удобнаго передвиженія публики въ верхніе кварталы города. Спокойныя, голубыя воды Мелара блестятъ подъ блѣдной лазурью сѣвернаго неба и отдаютъ такой чистотой, свѣжестью и счастьемъ, какъ лицо здороваго прелестнаго ребенка. По берегамъ, одѣтымъ хвойными или лиственными деревьями, отражающимися въ прозрачной водѣ, пріютились великолѣпные замки аристократіи или скромныя, но милыя избушки поселянъ. Берегъ прихотливо извивается и уходитъ въ даль. Многочисленные скалистые островки поднимаются изъ воды, по скатамъ которыхъ среди зелени живописно громоздятся одни надъ другими тѣсно скучившіяся группы домовъ, то тамъ, то здѣсь дымятся пароходы. Среди каменныхъ громадъ различныхъ построекъ извиваются узкими лентами

каналы и протоки, среди которыхъ выдѣляется главный, соединяющій озеро съ моремъ. Онъ описываетъ красивую кривую, обозначаемую цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Безчисленные островки, иногда похожіе на корзины зелени, погруженныя въ воду, дробятъ его на множество проливовъ. Чистые, легкіе, изящные, какъ лебеди, бѣлые пароходы цѣлой стаей несутся по водѣ, распуская длинные хвосты дыма и оглашая воздухъ мѣрнымъ стукомъ колесъ и пронзительнымъ свистомъ. Ихъ такъ много, что просто рябитъ въ глазахъ. Они гонятся другъ за другомъ, идутъ навстрѣчу, пересѣкаютъ свои пути, обходятъ дремлющія на своихъ якоряхъ большія суда, ловко изворачиваются то туда, то сюда, пристаютъ на минуту къ берегу, высаживая и принимая пассажировъ. Все это необыкновенно оживляетъ картину города. Надъ домами поднимаются вверхъ острыя, какъ кинжалы, колокольни церквей и шпили башенъ. Рѣзко выдѣляются среди бѣлыхъ каменныхъ громадъ темнозеленые сады. Въ отдаленіи высятся холмы, покрытые хвойными лѣсами.

Широкія, безукоризненно чистыя улицы и просторныя площади города прекрасно вымощены гранитными однообразными плитами, которыя образуютъ такую гладкую поверхность, что при ѣздѣ вы не испытываете ни малѣйшихъ толчковъ и сотрясеній, вы ѣдете словно по паркету. На улицахъ нѣтъ пыли: откройте окна вашей квартиры, хотя на цѣлый день, и ваша лакированная мебель не будетъ покрыта сѣроватымъ налетомъ. По обѣимъ сторонамъ улицы съ массою свѣта и воздуха, подымаются громадные дома въ 5—6 этажей. То и дѣло вы будете останавливаться и любоваться этими домами-дворцами: они грандіозны, красивы и оригинальны со своими остроконечными башенками, колоннами, статуями, внушительными входами, разными затѣйливыми украшеніями, крутыми высокими крышами, дорогими строительными матеріалами, массой цвѣтовъ.

Рис. 1. Драматическій театръ въ Стокгольмѣ.

Нѣкоторыя общественныя зданія новѣйшей постройки по своей красотѣ, оригинальности, роскоши, принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ въ Европѣ. Оперный театръ со стѣнами свѣтлаго тона, обрамленными бѣлымъ мраморомъ, зданіе парламента, немного тяжеловатое при дневномъ освѣщеніи и пріобрѣтающее какой-то фантастическій оттѣнокъ въ сумерки, новый драматическій театръ, это чудное видѣніе красоты, полное вдохновенія, уносящее воображеніе въ залитую солнцемъ древнюю Грецію съ ея священными рощами, почтамтъ, словно какая-то крѣпость противъ морозовъ и снѣговъ, не смотря на свою массивность исполненный изящества и выразительности, всѣ эти постройки принадлежатъ къ первокласснымъ созданіямъ новѣйшей архитектуры и могли бы служить гордостью и славой столицы величайшей державы.

Возводя свои новыя величественныя постройки, шведы обнаруживаютъ прямо какую-то страсть къ новизнѣ, мало показывая почтенія къ памятникамъ старины и своей исторіи. Они безжалостно уничтожаютъ темныя узкія старыя улицы и обвалившіеся дома, не считаясь съ тѣмъ, что при этомъ пропадаетъ не мало исторически интереснаго и живописнаго. Для нихъ на первомъ планѣ требованія гигіены и удобства, настоящее—выше и дороже прошлаго. Много шуму и споровъ было въ Швеціи, когда обсуждали вопросъ о мѣстѣ постройки парламента. Это грандіозное зданіе стоитъ на островкѣ около королевскаго дворца. Съ художественной точки зрѣнія это сосѣдство очень невыгдно для него. Теперь дворецъ ужъ не высится въ своемъ одинокомъ величіи, какъ раньше, подавляя своей массой и красотой сосѣднія зданія, новая колоссальная постройка совершенно затмеваетъ его собой, какъ солнце мелкія звѣзды. Напрасно депутатамъ указывали на это, они остались глухи ко всѣмъ возраженіямъ и высказались за то, чтобы новый парламентъ строился тамъ, гдѣ онъ стоитъ теперь.

По улицамъ Стокгольма мало видишь экипажей, публика обыкновенно или идетъ пѣшкомъ, или ѣдетъ на трамваяхъ, которые по всѣмъ направленіямъ изрѣзываютъ городъ. На тотъ случай, если бы у пассажира возникли сомнѣнія, какоії ему избрать путь, чтобы пріѣхать на мѣсто назначенія, у каждаго кондуктора есть планъ города, который всегда къ услугамъ публики, да и сами кондуктора, отлично знающіе городъ, всегда съ полной готовностью придутъ на помощь въ случаѣ надобности. Лѣтомъ публика пользуется еще маленькими пароходиками, которые во множествѣ быстро бороздятъ голубую воду многочисленныхъ каналовъ города.

Потребность въ передвиженіи по городу сильно сокращаетъ необыкновенно развитая телефонная сѣть. Телефонъ въ Стокгольмѣ поразительно дешевъ: меньше тридцати рублей въ годъ. Поэтому послѣдняя лавчонка, самая жалкая конторишка, всякій домъ имѣютъ телефонъ. Невѣроятно, но фактъ, что въ Стокгольмѣ больше лицъ пользуется имъ (30.000), чѣмъ даже въ Парижѣ и Лондонѣ. Повсюду разсыпаны въ городѣ телефонные автоматы, которому стоитъ сунуть только нѣсколько копеекъ въ узкую пасть, чтобы получить отъ него разрѣшеніе переговариваться со всѣмъ городомъ. Центральная станція помѣщается въ желѣзной башнѣ (что-то въ родѣ Эйфелевой башни въ меньшемъ размѣрѣ), откуда проволоки, подобно густой паутинѣ гигантскаго паука, расходятся во всѣ концы города. Проводовъ такъ много, что большую ихъ часть пришлось закопать въ землю. Общая длина проводовъ болѣе 200.000 километровъ. Живя въ Стокгольмѣ, вы можете переговариваться не только съ другими городами Швеціи, но даже съ глухими деревнями. Вмѣсто того, чтобы писать письма своимъ пріятелямъ, заброшеннымъ въ отдаленные уголки, вы можете болтать съ ними, сколько вамъ угодно, слышать ихъ голосъ и смѣхъ, хотя васъ раздѣляютъ отъ нихъ цѣлыя

сотни верстъ. Мало того, вы можете поддерживать съ ними сношенія даже тогда, если они выѣхали въ Норвегію или Данію, потому что эти страны находятся со Стокгольмомъ въ телефонномъ сообщеніи.

Въ Стокгольмѣ прекрасно поставлено пожарное дѣло. На каждой улицѣ есть электрическіе сигнальные ящики. Стоитъ только нажать кнопку и въ помѣщеніи пожарной команды начинается страшный звонъ, на доскѣ появляется названіе улицы, откуда данъ сигналъ, повода, на которыхъ были привязаны лошади, запряженныя въ телѣги, сами собой развязываются и менѣе, чѣмъ черезъ 2 минуты послѣ сигнала пожарная команда съ машинами, лѣстницами и разными спасательными аппаратами уже мчится по улицамъ такъ скоро, какъ только могутъ бѣжать лошади, и пронзительный рогъ реветъ, очищая передъ ней дорогу. А давно ли еще пожарный съ высокой башни громкимъ звономъ колокола предупреждалъ населеніе о пожарѣ? Теперь маленькій волшебный ящикъ спустилъ его съ высоты и несравненно лучше исполняетъ его обязанности.

Но при всемъ благоустройствѣ и Стокгольму не удалось окончательно рѣшить жилищный вопросъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ столицахъ, бѣднѣйшая часть населенія живетъ еще очень скученно. Значительной части его вовсе недоступно нанимать даже самыя маленькія квартирки изъ кухни и одной комнаты, поэтому многіе берутъ къ себѣ въ свои каморки жильцовъ. Извѣстны случаи, когда въ одной комнатѣ живутъ 2—3 семьи, раздѣляя мѣловой чертой на полу свои крошечныя владѣнія. Очень распространенъ обычай отдавать въ наемъ спальныя мѣста на полу. И не особенно давно еще около четверти всѣхъ рабочихъ Стокгольма пользовалось такими спальными мѣстами, платя за нихъ до 2 рублей въ мѣсяцъ.

Для устраненія этого явленія, вреднаго для здоровья и нравственности населенія, городское управленіе и частныя

общества стали строить на окраинахъ жилища для рабочихъ съ дешевыми квартирами. Не смотря на краïнюю дешевизну этихъ квартиръ, онѣ приносятъ до 5% прибыли на затраченный капиталъ. Но ихъ слишкомъ мало. Рабочіе и сами стали заботиться о себѣ. Они устраиваютъ товарищества, которыя покупаютъ сообща землю и строятъ для себя дома. Правительство на льготныхъ условіяхъ продастъ такимъ товариществамъ землю подъ постройки. Дѣло идетъ великолѣпно, но бѣда въ томъ, что устраивать такія товарищества доступно только для высшаго слоя рабочихъ, объ нихъ и мечтать не могутъ простые поденщики и ремесленники.

Въ самой серединѣ города на островѣ, охраняющемъ входъ въ озеро, среди красивыхъ изгибовъ быстрыхъ потоковъ воды, на возвышенномъ мѣстѣ поднимается гранитная величественная масса королевскаго дворца, видимая отовсюду со своимъ простымъ фасадомъ и своими итальянскими террасами, украшенными статуями, которыя въ своихъ костюмахъ по модѣ классическихъ Аоинъ должны 8 мѣсяцевъ въ году мерзнуть подъ сѣвернымъ небомъ Зданіе чрезвычаïно помѣстительное: когда въ 1897 г. по случаю королевскаго юбилея въ Стокгольмъ съѣхались принцы и принцессы со всѣхъ концовъ Европы, они всѣ со своими многочисленными свитами удобно размѣстились въ одномъ дворцѣ. Большую часть его занимаютъ огромныя залы для торжественныхъ пріемовъ и баловъ, личное же помѣщеніе королевскоïи семьи сравнительно не велико. Каждыïи вторникъ отъ 10 до 2 король даетъ въ этомъ дворцѣ свои аудіенціи. Онъ принимаетъ всѣхъ своихъ подданныхъ, кто желаетъ его видѣть: офицеровъ и должностныхъ лицъ въ формѣ, а частныхъ лицъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Не требуется никакихъ особенныхъ формальностей, чтобы быть допущеннымъ. На столѣ въ пріемной лежитъ листъ бумаги, куда добивающіïся аудіен-

Рис. 2. Сѣверный музей въ Стокгольмѣ.

ціи просто вноситъ свою фамилію, и потомъ ждетъ своей очереди. Адъютантъ въ порядкѣ записи ведетъ каждаго къ дежурному камергеру, который и представляетъ вошедшаго его величеству. Одинъ на одинъ со своимъ повелителемъ онъ дѣлаетъ свое сообщеніе или излагаетъ свою просьбу. Для всѣхъ у короля находится ласковое слово и будетъ ли просьба уважена или нѣтъ, отвѣтъ дается такой же прямой и обстоятельный, какимъ должно быть и самое заявленіе просителей. Король ничего не цѣнитъ болѣе, какъ прямоту, искренность и свободу рѣчи, и ничего онъ не желаетъ болѣе, какъ полнаго довѣрія и полной откровенности между собой и своимъ народомъ. Его терпѣніе столь же неистощимо, какъ и его любезность. Часами онъ стоитъ, выслушивая обращающихся къ нему лицъ, и отпуская каждаго съ улыбкой и ободрительнымъ словомъ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ Стокгольма является сѣверный музей. Въ немъ собраны всевозможные предметы, которые даютъ понятіе о жизни сѣверныхъ народовъ, но по преимуществу шведовъ въ различные періоды ихъ исторіи, отъ самыхъ отдаленныхъ до нашего времени. Созданіе этого музея безъ всякаго преувеличенія—огромное дѣло, стоившее милліоновъ, и однако оно осуществилось по почину одного человѣка и при помощи частныхъ пожертвованій. Прежде чѣмъ войти внутрь, бросимъ бѣглый взглядъ на внѣшній видъ музея.

Передъ нами громадное зданіе до 60 саж. длиною очень простой, но красивой и внушительной постройки. Фасадъ его совершенно лишенъ украшеній, по угламъ поднимаются 4 башни съ куполами изъ красной мѣди и съ острыми шпилями надъ ними, посерединѣ на крышѣ высится еще пятая башня повыше. Внутри огромныя, свѣтлыя, величественныя залы, противъ входа въ углубленіи—гигантская статуя Густава Вазы, одѣтаго въ пурпуръ, возсѣдающаго какъ какое-то божество, съ необыкновенно покровитель-

ственнымъ и грознымъ видомъ судьи. Въ большой центральной залѣ собрано оружіе, сѣдла, знамена, парадныя кареты, историческія воспоминанія временъ Густава-Адольфа и Карла XII. Боковыя залы посвящены крестьянской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Многочисленные манекены, до того многочисленные, что устаешь ихъ разсматривать, наглядно показываютъ костюмы крестьянъ въ разныя времена и въ разныхъ провинціяхъ. Тутъ видишь необыкновенное разнообразіе головныхъ уборовъ, передниковъ, нагрудниковъ, куртокъ и юбокъ часто съ яркими, пестрыми и красивыми вышивками. Тутъ есть и будничная одежда и праздничные наряды и платье для крестинъ, свадьбы и похоронъ. Съ особеннымъ почтеніемъ остановишься передъ какимъ-нибудь этнографическимъ сокровищемъ въ родѣ подвѣнечнаго платья, въ которомъ вѣнчались цѣлыя поколѣнія невѣстъ, съ высокими золотыми филиграновыми вѣнцами, дѣлавшими невѣсту царицей дня. Интересно посмотрѣть и домашнюю обстановку крестьянина: стѣны, украшенныя рѣзьбой, то вымазанныя известкой и разрисованныя цвѣтами или сценами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, то завѣшанныя холстами съ разными рисунками, иногда очень наивными, напр., волхвами въ костюмахъ сѣверной провинціи Швеціи, ѣдущими на саняхъ поклониться новорожденному Спасителю міра. Своеобразная старинная мебель: столы, стулья, лавки со спинками и безъ спинокъ, часто искусно украшенныя рѣзными драконами и змѣями, разставлена въ комнатѣ; кровати то покоятся подъ балдахиномъ, то расположены въ нѣсколько этажей. Тутъ же можно видѣть и домашнюю утварь, деревянную посуду, сундуки, ящики, музыкальные инструменты, прялки, ткацкіе станки, сбрую, земледѣльческія орудія.

Дополненіемъ Сѣвернаго музея является Сканзенъ, своего рода тоже музей, но только подъ открытымъ небомъ. Онъ занимаетъ часть прекраснаго парка Дьюргордена. Живые

экземпляры шведской фауны: медвѣди, тюлени, пушные звѣри, морскія птицы собраны здѣсь на радость дѣтей и поученіе взрослыхъ, не забыты даже олени и собаки Лапландцевъ. Здѣсь можно видѣть типы различныхъ построекъ. Вотъ коническій шалашъ угольщиковъ изъ Смоланда, тамъ избушка изъ грубыхъ бревенъ, гдѣ сильная и рослая дѣвушка изъ Далекарліи живетъ одна на высокихъ лѣтнихъ пастбищахъ, присматривая за коровами и приготовляя сыръ. Деревянная церковь, крытая черепицей на подобіе чешуи дракона, напоминаетъ своимъ куполомъ въ видѣ луковицы московскія церкви или храмы Тибета. Крестьянскіе дома старыхъ временъ стоятъ здѣсь въ такомъ видѣ, какъ стояли нѣкогда въ Далекарліи, Норландѣ и другихъ мѣстахъ Швеціи. Они даютъ наглядное представленіе о той жизни, какую вели ихъ обитатели и какая считалась самой здоровой и благородной. Эта жизнь—свободный земледѣльческій трудъ при твердыхъ нравственныхъ устояхъ, въ грубомъ довольствѣ, съ тяжелыми усиліями вырванномъ у природы и озаренномъ лучемъ красоты. Эти крестьянскіе дома, когда войдешь въ нихъ, иногда наклонивъ голову, потому что двери у нихъ низки, производятъ чисто художественное впечатлѣніе. Соотношеніе частей, игра свѣта и тѣни, живописныя линіи крышъ подъ острымъ угломъ, рѣдкія окна съ зеленоватыми рамами такъ идутъ къ блестящимъ тонамъ обоевъ и разрисованнымъ холстамъ стѣнъ. Тутъ непремѣнно увидишь прялку около стола, поставленнаго для рождественскаго пиршества, гдѣ разложены пироги вѣками освященной формы. Передъ лавкой, врѣзанной въ стѣну и украшенной разноцвѣтными подушками, въ укромномъ уголкѣ для патріарха, на почетномъ мѣстѣ стола лежитъ огромная Библія большого формата со страницами, которыя перелистывали пальцы цѣлыхъ поколѣній. Въ углу женщины въ соотвѣтственныхъ народныхъ костюмахъ вышиваютъ или вяжутъ, слѣдя

глазами за движеніями посѣтителей, и продаютъ открытки съ изображеніемъ старинныхъ установленныхъ праздниковъ, которые ежегодно устраиваются въ Сканзенѣ въ опредѣленные дни.

Прежде чѣмъ разстаться со Стокгольмомъ, посѣтимъ одну изъ его народныхъ школъ. Вотъ какъ описываетъ одна француженка свое посѣщеніе школы въ Стокгольмѣ. Школьное зданіе со своими кирпичами, обрамленными бѣлыми камнями, имѣетъ величественный и веселый видъ. Деревья и цвѣты, нарисованные красными линіями, украшаютъ притолку дверей и окна. По фасаду написаны разныя изреченія, напоминающія молодежи о качествахъ, полезныхъ въ жизни. Передъ школой огромный дворъ, въ углу котораго дѣвочки подъ руководствомъ молодой учительницы играютъ въ мячъ. Игра идетъ молча, но съ большимъ увлеченіемъ, во всѣхъ ихъ движеніяхъ чувствуется добровольное подчиненіе дисциплинѣ.

Школу посѣщаютъ 1200 дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, но они учатся и отдыхаютъ не вмѣстѣ, а порознь. Мы начинаемъ свой осмотръ съ ванныхъ комнатъ. Мнѣ позволяютъ войти, а мои товарищи остаются въ корридорѣ, потому что какъ разъ въ это время мылись дѣвочки. Что бы произошло въ нашей французскоій школѣ, если бы я такъ неожиданно появилась при подобныхъ же обстоятельствахъ среди массы нашихъ маленькихъ школьницъ. Начались бы лукавыя перемигиванья, смѣхъ исподтишка. Мое появленіе произвело бы цѣлую сенсацію, какъ если бы разорить осиное гнѣздо. Но мои шведки остаются благоразумны и встрѣчаютъ меня хорошо, хотя имъ видимо хотѣлось смѣяться и любопытство дамы иностранки показалось имъ, очевидно, очень забавнымъ.

Онѣ старательно оканчиваютъ мытье. Платья и юбочки еще висятъ на стѣнѣ; всѣ эти принадлежности дѣтскаго костюма въ полномъ порядкѣ, чисты и бѣлы.

Надзирательница съ гордостью, хотя и не выражаемой на словахъ, показываетъ двѣ другія бани съ температурой одна выше другой, куда дѣти послѣдовательно идутъ до намыливанія и обливанія, и наконецъ огромный бассейнъ проточной воды для плаванія. Блестящіе мѣдные краны, свѣжая живопись, безукоризненная чистота въ общемъ производятъ впечатлѣніе почти роскоши.

Мой любезный руководитель говоритъ мнѣ, что школьное управленіе очень довольно хорошими результатами физическими и нравственными школьныхъ бань. Матери, гордятся тѣмъ, что держатъ своихъ дѣтей въ безукоризненной чистотѣ. Вначалѣ съ ихъ стороны была нѣкоторая небрежность. Но достаточно разъ послать сомнительное бѣлье въ баню для дезинфекціи, чтобы все пошло хорошо. Каждый школьникъ посѣщаетъ баню разъ въ 2 недѣли, но разсчитываютъ устраивать ее еженедѣльно. Въ 1906 г. въ общемъ во всѣхъ школахъ города было болѣе 200,000 этихъ посѣщеній, не считая лѣтнихъ морскихъ купаній. Они обошлись городу, считая и послѣднія, круглымъ счетомъ до 8.000 рублей.

Теперь мы идемъ въ кухонные классы. Въ огромной залѣ съ большими свѣтлыми окнами 15 дѣвочекъ возились около большихъ плитъ, поставленныхъ въ два ряда по серединѣ залы. Дѣвочки въ бѣлоснѣжныхъ фартукахъ и красивыхъ чепчикахъ на своихъ бѣлокурыхъ волосахъ. Я интересуюсь знать, куда уходитъ дымъ, такъ какъ не видно ни одной трубы. Завѣдующая кухней молча поднимаетъ желѣзную крышку въ полу около стѣны и показываетъ мнѣ, что трубы проходятъ подъ поломъ. Такимъ образомъ онѣ не безобразятъ комнаты, нѣтъ ни малѣйшаго запаха, ни дыма: тяга настолько сильна, что все уноситъ съ собой. Признаюсь, я была поражена. Я никогда не воображала, чтобы даже въ оперѣ кухня была такъ хитро устроена и чтобы поварихи порхали въ видѣ бѣлыхъ голубей. Посуда, кото-

Инв. № 84663
РК0031

рая сушится на деревянныхъ рѣшеткахъ, походитъ на какое-то украшеніе, настолько все въ порядкѣ, вычищено, вытерто и блеститъ. И можно бы сказать, что все это дѣлается съ восторгомъ. Дѣти словно играютъ. Но, чтобы сказать правду, я съ грустью убѣждаюсь, что блины печальнаго вида, которые одна изъ дѣвочекъ поднимаетъ ножемъ надъ громадной плитой съ шестью кружками, гдѣ горитъ слабый огонь, что эти блины плохо поджарены. «Первый урокъ въ году!» — замѣчаетъ ободрительно учительница. На черной доскѣ, повѣшенной на стѣнѣ, пишутся названія блюдъ обѣда. Сегодня супъ съ горохомъ и блины. На доскѣ обозначается также стоимость различныхъ составныхъ частей и ихъ питательное значеніе (въ калоріяхъ). Новѣйшая наука, куда ты насъ приведешь? Такимъ образомъ я вижу, что весь сегодняшній обѣдъ стоитъ 3 р. 25 к. или около 7—8 к. на каждаго. Обѣдъ будетъ съѣденъ молодыми стряпухами и бѣдными дѣтьми школы, которымъ первыя будутъ прислуживать за столомъ, чтобы потомъ занять ихъ мѣста.

Потомъ мы послѣдовательно посѣщаемъ классы кройки и рисованія и классы ручного труда (слёйда) Нашъ руководитель съ полнымъ удовлетвореніемъ передаетъ намъ, что у нихъ каждый имѣетъ свой собственный станокъ, тогда какъ въ Германіи за однимъ станкомъ работаютъ по-двое. Классы огромные, высокіе и полные свѣта; стѣны, покрытыя свѣтлымъ лакомъ, безъ единаго пятнышка. Онѣ украшены прекрасными фотографіями самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ Швеціи или превосходными картинами въ краскахъ литографской работы. Это почти произведенія искусства: такъ хороши въ нихъ печать, краски и рисунокъ. Онѣ наглядно передаютъ маленькимъ дѣтямъ народныя сказки и поэтическія легенды и обогащаютъ ихъ воображеніе великими образами, созданными отдаленными предками.

Классъ гимнастики—одно изъ самыхъ веселыхъ и красивыхъ зрѣлищъ, какія только можно видѣть. Дѣвочки въ мужскихъ блузахъ и панталонахъ совершаютъ разныя движенія по командѣ, какъ маленькіе солдатики; онѣ видимо такъ увлечены общимъ ритмомъ движенія, что ходьба гимнастическимъ шагомъ кругомъ огромной залы превращается въ какую-то веселую хороводную пляску, которую ведетъ съ самымъ забавнымъ увлеченіемъ маленькая бойкая блондиночка, шествующая во главѣ. Разъ, два! Разъ, два!.. Дѣтей также подзадориваетъ желаніе дать представленіе для разсматривающихъ ихъ иностранцевъ, вотъ что ихъ чрезвычайно забавляетъ. Но это не портитъ природной жизнерадостности и милой простоты улыбокъ, если общая веселость возрастаетъ. И сколько забавныхъ упражненій, вполнѣ оправдывающихъ проявленіе сдержаннаго смѣха! Онѣ приссѣдаютъ, охватываютъ руками колѣни и въ этомъ положеніи исполняютъ скачку съ препятствіями, какъ армія калѣкъ. Потомъ положеніе дѣлается серьезнымъ. Словно какой-то волшебной силой вытаскиваютъ изъ полу различные брусья, напоминающіе тѣ, какіе употребляли древніе для метанія тяжестей, и складываютъ ихъ, какъ будто приготовляясь къ нападенію. На этихъ брусьяхъ исполняются самыя разнообразныя сгибанія. Большинство дѣтей съ ихъ правильными чертами лица, свѣтлой кожей и золотистыми волосами очень милы. Позднѣе отъ жизненныхъ заботъ типъ лица очень рано загрубѣетъ. Но дѣтство пора расцвѣта. Въ этомъ огромномъ школьномъ ульѣ, который мы посѣтили, всѣ свѣтлыя дѣтскія личики дышутъ привѣтливостью, довѣрчивостью и веселостью. Безъ сомнѣнія, способы воспитанія въ Швеціи превосходны и заслуживаютъ основательнаго изученія.

Приближается время обѣда. Передъ уходомъ по приглашенію нашего руководителя мы входимъ еще въ одинъ классъ. Задняя стѣна его вся занята огромной картиной

Крейгера: «Празднованіе Иванова дня въ Стокгольмѣ». Самые знаменитые художники Швеціи считаютъ за честь украшать народныя школы картинами, чтобы доставить дѣтямъ впечатлѣнія красоты.

Ученіе кончилось. Учительница садится передъ маленькой фисгармоніей, и маленькія школьницы встаютъ. Раздается пѣніе подъ аккомпаниментъ органа въ миніатюрѣ. Я не знаю, что онѣ пѣли, религіозные ли псалмы или народную пѣсню, мотивъ былъ исполненъ величія и важности, а голоса были чисты. Я была тронута до слезъ.

Готскій каналъ и Тролльгетскій водопадъ.

Въ прекрасный теплый весенній вечеръ я сѣлъ въ Стокгольмѣ на пароходъ «Рѣка Мотала», чтобы по готскому каналу черезъ всю южную Швецію проѣхать въ Готенбургъ, второй по величинѣ городъ королевства. Солнце только-что зашло, когда мы тронулись въ путь. Омываемый темными, почти неподвижными водами, при свѣтѣ вечерней зари, отъ которой покрытыя металлическими листами башни пылали яркимъ пламенемъ и красныя крыши отливали розоватымъ сіяніемъ, Стокгольмъ лежалъ передъ нами, какъ сновидѣніе, и мы очарованные долго не сводили своихъ глазъ съ чудной картины, пока его неясныя очертанія и сказочно прекрасныя розовыя краски постепенно не исчезли въ надвигавшейся темнотѣ ночи и въ уходящей дали.

Пароходъ «Рѣка Мотала» оказался очень удобнымъ. Здѣсь каждый получаетъ въ свое распоряженіе большую

каюту съ достаточнымъ количествомъ воздуха и поразительнымъ обиліемъ мебели. Кромѣ широкой кушетки, на которой вечеромъ дѣлаютъ постель, тутъ стоитъ диванъ, стулъ и столъ съ раскрывающейся доской, который служитъ и умывальникомъ, на стѣнѣ—зеркало, полка для книгъ и нѣсколько крючковъ для платья. Здѣсь живется такъ пріятно, какъ въ какомъ-нибудь хорошемъ отелѣ на сушѣ, и я вообще не могу представить себѣ болѣе пріятнаго путешествія, какъ на пароходѣ готскаго канала.

Готскій каналъ, прорѣзывающій Швецію по ширинѣ и соединяющій Балтійское море съ Нѣмецкимъ, одна изъ величайшихъ достопримѣчательностей Европы. Цѣлый рядъ большихъ и маленькихъ озеръ тянется черезъ всю страну, которая кажется словно усыпанной блестящими драгоцѣнными камнями, но первоначально эти воды не были соединены другъ съ другомъ. Каналъ устроили только въ періодъ времени 1810—1832, затративъ на него чуть не 10 милліоновъ рублей. Съ тѣхъ поръ озера южной Швеціи составляютъ одинъ прекрасный водный путь, какъ жемчужины, нанизанныя на нить, образуютъ одно цѣлое. На всемъ протяженіи между Балтійскимъ моремъ и Нѣмецкимъ пароходы должны преодолѣвать подъемъ въ 308 футовъ; отъ Сёдерчепинга до Моталы каналъ поднимается по ступенямъ шлюзовъ, а отсюда спускается до Готенбурга. Поразительно видѣть, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой своеобразной водной дороги пароходы, подобно крѣпкимъ горцамъ, буквально медленно карабкаются вверхъ и внизъ по крутымъ склонамъ.

Нашъ пароходъ, оставивъ Стокгольмъ, сначала довольно долго плылъ по живописному озеру Меларъ, чтобы потомъ мимо различныхъ островковъ и прибрежныхъ мѣстечекъ повернуть въ каналъ, соединяющій его воды съ Балтійскимъ моремъ. Между тѣмъ наступила ночь и послѣ ужина мы пошли спать. Онъ былъ обиленъ и превосходенъ, такъ

что привелъ насъ къ пріятной мысли, что на нашемъ пароходѣ насъ будутъ кормить великолѣпно. Было уже не рано, когда я проснулся отъ какого-то своеобразнаго болѣзненнаго ощущенія. Въ вискахъ у меня стучало, въ желудкѣ происходило что-то неладное, въ глазахъ рябило и ходили круги—чтобы все это значило? Я съ удивленіемъ осмотрѣлся кругомъ: полотенце, висѣвшее на стѣнѣ, качалось такъ сильно туда и сюда, какъ салфетка въ рукахъ услужливаго лакея, мои ботинки, которые я вечеромъ поставилъ у кровати, лежали въ безпорядкѣ въ углу, всѣ планки и доски скрипѣли и трещали и самого меня какой-то невидимой силой самымъ непріятнымъ образомъ качало, какъ спеленанаго младенца, и перекатывало изъ стороны въ сторону. Я быстро вскочилъ на ноги и посмотрѣлъ въ круглое окно: земли не было и слѣда, мы находились въ открытомъ морѣ, саженныя волны ходили по водѣ отъ сильнаго вѣтра и при каждомъ ударѣ накреняли на бокъ не очень большой нашъ пароходъ. На эти наблюденія мнѣ понадобилось не больше минуты, но и ея было достаточно, чтобы значительно ухудшить мое самочувствіе. Поэтому я опять быстро юркнулъ подъ одѣяло и снова заснулъ. Когда я проснулся, пароходъ совершенно неподвижно и тихо стоялъ у Сёдерчёпинга, гдѣ начинается Готскій каналъ, сдѣлавъ нѣсколько верстъ по Балтійскому морю. Мы были у перваго шлюза и ждали, пока все будетъ готово. Зеленоватая морская вода еще омывала пароходъ и за нами простиралось широкое море. Передъ нами тянулась до самаго шлюза полоса бѣловатой воды, прѣсной воды изъ озеръ, которая долго текла, не смѣшиваясь, среди соленой воды. Справа и слѣва шли чуть-чуть опускавшіеся низкіе берега.

Мы ѣхали безъ приключеній. То медленно карабкались по лѣстницѣ шлюзовъ, въ 8—10 ступеней, поднимаясь по нимъ на 50—60 футовъ, то скользили по ровной водяной

поверхности. Короткія пространства превосходно сохранившагося канала смѣнялись большими и маленькими озерами, берега ихъ частью были меланхолически пустынны, частью покрыты привѣтливыми деревушками и городками, къ которымъ пароходъ приставалъ, чтобы обмѣнять почту и грузы. Такъ мы дошли до Моталы при входѣ въ озеро Веттернъ. Пока пароходъ поднимался по цѣлому ряду быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ шлюзовъ, чтобы войти въ озеро Веттернъ, лежащее футовъ на 300 выше Балтійскаго моря, мы имѣли время осмотрѣть маленькій, молодоій, но бойко развивающійся городокъ съ его громадными желѣзными заводами, которымъ онъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ. На нихъ изготовляютъ броню, рельсы, локомотивы и другія машины высокаго качества. Эти заводы по справедливости гордость Швеціи, которая, несмотря на свое рѣдкое населеніе имѣетъ высоко развитую промышленность и въ нѣкоторыхъ ея отрасляхъ (производство желѣза, стали, деревянныхъ издѣлій) успѣшно конкуррируетъ съ первыми промышленными народами свѣта.

Ѣзда по озеру Веттернъ была непродолжительна, но интересна. Широкое зеркало воды неподвижно лежало кругомъ. Мрачные лѣса по берегамъ подступали до самаго края воды и погружали свои стволы въ синія воды, бросая на нихъ темныя тѣни. Кое-гдѣ надъ озеромъ съ крикомъ проносилась бѣлая чайка и исчезала въ густомъ тростникѣ мелкихъ островковъ, которые поднимались надъ водой далеко другъ отъ друга. Берега и острова пустынны. Едва-едва замѣтишь на горизонтѣ крышу какой-нибудь деревянной избушки. Но зато народная фантазія населила мѣстность духами. На островахъ часто попадаются древнія могилы, надъ которыми по утрамъ и по вечерамъ висятъ таинственные туманы и на озерѣ вдругъ безъ всякихъ предвѣстниковъ появляются страшные вихри, продолжаясь иногда лишь нѣсколько минутъ, иногда цѣлую четверть часа, а

затѣмъ столь же внезапно они исчезаютъ и наступаетъ прежняя тишь. Въ этихъ капризахъ природы окрестные жители видятъ взрывы гнѣва властвующихъ здѣсь духовъ. Языческіе великаны оставляютъ тогда свои старыя могилы и вмѣстѣ съ развѣнчанными богами сѣвера, Азами и Валькиріями, бѣшенымъ ураганомъ носятся по озеру и страшному лѣсу, а потомъ утихаютъ и опять возвращаются къ своему мертвому покою.

За Веттерномъ опять пошли короткіе участки канала и небольшія озера, пройдя которыя, мы послѣ значительнаго спуска по ряду шлюзовъ вошли въ озеро Венернъ, самое большое озеро Швеціи и одно изъ большихъ озеръ Европы. Пароходъ почти цѣлый день употребилъ на то, чтобы, приставая къ различнымъ прибрежнымъ городкамъ, достичь другого конца огромнаго, какъ море, озера, на которомъ лишь изрѣдка встрѣчаются острова, лѣсистые и пустынные. Теперь мы были на Гота-эльфъ и послѣ короткаго плаванія среди лѣсистыхъ и холмистыхъ береговъ этой быстрой рѣки достигли Трольгетскаго канала, гдѣ пароходъ, пройдя 16 шлюзовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, спускается на 120 футовъ и оказывается почти на уровнѣ Нѣмецкаго моря. При входѣ въ каналъ лежитъ маленькій городокъ, гдѣ мы оставили пароходъ, который медленно сталъ спускаться по каналу, употребивъ на это 2 часа, и пошли пѣшкомъ осматривать близъ лежащій водопадъ.

Тропинка привела насъ съ каменной набережной канала къ рѣчкѣ, берега которой покрыты соснами; еще прежде, чѣмъ мы дошли до нея, послышался гулъ шумѣвшаго водопада, отъ котораго, мы чувствовали, сотрясается земля подъ ногами. Черезъ нѣсколько минутъ мы его увидѣли; онъ низвергался съ высоты футовъ 30 надъ изъѣденной, покрытой трещинами гранитной пропастью съ такой силой, что ревущія водяныя массы отраженіемъ подбрасываются почти на ту же высоту, съ какой

Рис. 3. Шведская деревня.

онѣ низринулись. На нѣсколько сотенъ шаговъ ниже находится второй водопадъ, несравненно болѣе величественный. Онъ падаетъ съ высоты футовъ 45. Картина дикая и страшная. Со всѣхъ сторонъ поднимаются высокія горы, поросшія густымъ лѣсомъ; рѣка несется какъ бы въ пропасти среди разорванныхъ утесовъ, близко тѣснящихся другъ къ другу, среди скалъ и камней, чернѣющихъ надъ бѣлою пѣною, она съ ревомъ низвергается въ бездну, гдѣ неистово клокочетъ и пѣнится вода и гдѣ стоитъ вѣчный мракъ, придающій еще болѣе ужаса оглушительному гулу бѣшеныхъ водяныхъ массъ. Тѣнь отъ лѣса и горъ, въ которую погружена мѣстность даже среди полуденнаго солнца, постоянное колебаніе земли, которое происходитъ толчками въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какъ воды снова и снова низвергаются въ пропасть, непрерывный, неослабѣвающій ревъ и гулъ, который безпорядочно повторяетъ и усиливаетъ отраженіе отъ скалъ и утесовъ, производятъ могучее дѣйствіе на душу, ошеломляя и повергая васъ въ состояніе какого-то ужаса. Какое-то зловѣщее впечатлѣніе испытываешь, если слѣдить за водой, какъ она сначала мчится стрѣлой, потомъ съ страшной быстротой устремляется внизъ, чтобы, превратившись въ пѣну, исчезнуть изъ виду и только немного дальше снова показаться, все еще дико бѣснуясь и вздымаясь высокими волнами. Кажется, что ты и самъ будто бы увлеченъ безумной стремительностью водяныхъ массъ и вотъ-вотъ вмѣстѣ съ ними долженъ съ быстротою молніи ринуться черезъ скалы въ страшную глубину.

Къ сожалѣнію, мы не имѣли времени подольше насладиться возвышеннымъ зрѣлищемъ, такъ какъ стало сильно темнѣть и мы должны были еще порядочно пройти по лѣсу, чтобы добраться до нашего парохода. Пройдя еще нѣсколько мелкихъ водопадовъ и пороговъ, мы опять пришли на свой пароходъ, который на слѣдующее утро благо-

получно доставилъ насъ въ Готенбургъ. Поѣздка продолжалась цѣлыхъ 84 часа, но она была чрезвычайно пріятна благодаря постоянной смѣнѣ рѣкъ и озеръ, острововъ и лѣсовъ, гранитныхъ пустынь и лѣсистыхъ холмовъ, маленькихъ тихихъ деревень и оживленныхъ жилыхъ городковъ, но въ особенности благодаря очаровательной тишинѣ и уединенности мѣстъ, черезъ которыя мы проѣзжали, тишинѣ, которая для нервовъ вѣчно возбужденнаго жителя большого города столь же необычна, сколько и благодѣтельна.

Въ Готенбургѣ я оставался только три дня, которые въ миломъ обществѣ пролетѣли, какъ мечта. Прекрасный, богатый городъ со своими обширными гранитными набережными, широкими прямыми улицами, хорошо содержимыми парками и садами, домами въ видѣ дворцовъ и монументальными общественными постройками ничѣмъ не отличается отъ другихъ новѣйшихъ цвѣтущихъ портовыхъ городовъ и только странные гранитные холмы, окружающіе его со всѣхъ сторонъ, составляетъ его отличительную черту.

Шведская деревня.

Путешественника по сельскимъ мѣстностямъ Швеціи всего болѣе поражаетъ уединенность крестьянскихъ домовъ. Они не группируются въ поселки и деревни, располагаясь по обѣ стороны улицы, а разбросаны безъ всякаго порядка и связи между собой на значительномъ пространствѣ. Каждый домъ какъ бы образуетъ свой отдѣльный маленькій мірокъ, который избѣгаетъ тѣснаго соприкосновенія съ со-

сѣдями. Причина этого лежитъ въ характерѣ шведскаго крестьянина: онъ выше всего цѣнитъ свою свободу и не менѣе аристократа любитъ чувствовать, что его домъ—его крѣпость, что онъ полный хозяинъ и господинъ на окружающей его землѣ. Центромъ, который связываетъ воедино всѣ эти дома, нерѣдко разбросанные на цѣлыхъ сотняхъ квадратныхъ верстъ, съ населеніемъ до 1000—1500 человѣкъ является церковь. Колокольня ея виднѣется издали и всѣ дороги и тропинки кругомъ ведутъ къ ней. Она стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ посреди кладбища, неподалеку—церковный домъ, гдѣ живетъ пасторъ, школа, домъ учителя съ огородомъ, гдѣ посажены картофель и капуста, тутъ же почта и телеграфъ, телефонная станція, мясная и мелочная лавки съ общественными складами.

Домъ шведскаго крестьянина, обыкновенно деревянный, въ одинъ этажъ, выкрашенъ въ неизмѣнную ярко-красную краску для предохраненія отъ гніенія и покрытъ черепицей. Съ верандой или аркой надъ входомъ, съ цвѣтами и занавѣсками на окнахъ онъ имѣетъ привѣтливый видъ. Внутри нѣсколько комнатъ. Посерединѣ большая комната, гдѣ обѣдаютъ, принимаютъ гостей и собирается семья; часто здѣсь и спятъ, устраивая въ стѣнахъ углубленія, въ которыхъ ставятъ кровать, завѣшивая ее занавѣсомъ. По стѣнамъ висятъ бѣлые холсты домашней работы со старинными рисунками въ двѣ краски: синею и красною. Сцены изъ Библіи и сельской жизни, деревья, дома и арабески—вотъ содержаніе этого наивнаго дѣтскаго искусства. Всюду поразительная чистота. Кругомъ въ отдѣльныхъ зданіяхъ, также крашенныхъ въ красную краску, рига, прачешная, молочная, стойла, гдѣ стоятъ породистыя коровы, дающія до 250-300 ведеръ молока въ годъ и сытыя, съ лоснящейся шерстью лошадки, которыя безъ кнута повезутъ васъ со скоростью 15 верстъ въ часъ.

Шведскіе крестьяне обыкновенно рослый, крѣпкій, силь-

ный, красивый народъ съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами, настоящіе витязи, которые ни передъ кѣмъ не сгибаютъ своей спины, высоко держатъ свою голову и смѣло, увѣренно смотрятъ на міръ; это потомки свободныхъ сыновъ, достойные своихъ предковъ, которые никогда не были рабами, какъ крестьяне другихъ странъ. Но эти витязи облагорожены цивилизаціей: въ ихъ лицахъ нѣтъ грубости и свирѣпости древнихъ скандинавскихъ воителей, въ ихъ лицахъ свѣтится человѣческая мысль и человѣческое чувство. Поразительная честность, вѣрность слову, прямота и стойкость характера отличаютъ шведскаго крестьянина. Онъ, конечно, всегда грамотенъ, потому что въ Швеціи обученіе обязательно и безплатно для всѣхъ отъ 7 до 14 лѣтъ. Крестьянинъ усердный читатель газетъ и освѣдомленъ о всемъ, что дѣлается не только у него на родинѣ, но и вообще на земномъ шарѣ. Кому не доступно выписывать газету одному, тотъ входитъ въ соглашеніе съ другими. Поэтому-то на шведскихъ деревенскихъ почтовыхъ станціяхъ получается такая масса газетъ, удивляющая иностранцевъ.

До недавняго времени крестьяне сами готовили себѣ одежду. Женщины пряли и ткали шерсть своихъ овецъ и ленъ своихъ полей, приготовляя изъ выдѣланныхъ тканей одежду для всей семьи. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаютъ такъ и до сихъ поръ, но многія нашли, что дешевле и удобнѣе покупать готовую одежду у странствующаго разносчика. Поэтому старые крестьянскіе костюмы по большей части замѣнены коленкоромъ, ситцемъ и сукномъ фабричнаго производства. Теперь только въ рѣдкихъ случаяхъ услышишь въ шведской деревнѣ гулъ веретена и стукъ ткацкаго станка, которые раньше раздавались по цѣлымъ днямъ, потому что жена крестьянина, его дочери и работницы по очереди пускали въ ходъ свои мускулы, чтобы приводить въ дѣйствіе эти почтенныя допотопныя орудія,

совершенно безпомощныя безъ человѣка. Кажется, только въ Далекарліи сохранились старинные костюмы, различные въ каждомъ приходѣ. Самые извѣстные изъ нихъ, выставляемые на различныхъ выставкахъ подъ именемъ національнаго шведскаго костюма — это костюмы въ приходѣ Лександръ, на берегахъ озера Сильяна. Женщины носятъ рубашки съ пышными рукавами, юбки яркихъ цвѣтовъ съ красивыми полосатыми фартуками, а на головѣ черный колпакъ съ красной каёмкой и какіе-то бѣлые чепчики съ развѣвающимися крыльями. Молодые люди особенно отличаются стремленіемъ переодѣться поскорѣе въ обще-европейскій костюмъ: пиджакъ и котелокъ, такъ что только одни старики остались вѣрны старой одеждѣ. Въ воскресенье около церкви можно еще видѣть почтенныхъ старцевъ съ удивительно прекрасными лицами, одѣтыхъ по старинѣ: въ курткѣ изъ грубаго сукна, въ короткихъ и узкихъ желтыхъ кожаныхъ штанахъ, въ огромныхъ башмакахъ съ пряжками на ногахъ, одѣтыхъ въ бѣлые длинные чулки, и съ войлочной шляпой съ широкими полями, изъ-подъ которой висятъ рѣдкія пряди волосъ, временемъ окрашенныя въ цвѣтъ льна.

Ѣстъ шведскій крестьянинъ сытно и разнообразно, каждый день пьетъ кофе. Вы всегда найдете за его столомъ мясо, рыбу, колбасу, сыръ, сливочное масло, молоко и домашнее пиво. Если вы не гастрономъ, вы съ удовольствіемъ съ нимъ пообѣдаете. Вотъ только шведскій хлѣбъ едва-ли придется по вкусу. Его пекутъ тамъ обыкновенно въ видѣ очень твердыхъ большихъ лепешекъ, такъ что только смѣлые зубы и крѣпкій желудокъ могутъ справиться съ нимъ, недаромъ остряки иностранцы говорятъ про этотъ хлѣбъ, что онъ подъ силу только желудку, способному переваривать камни и гвозди.

Хозяйство свое шведскіе крестьяне ведутъ толково и разумно, какъ теперь принято во всѣхъ образованныхъ

странахъ. У нихъ введена многопольная система, примѣняются искусственныя минеральныя удобренія и усовершенствованныя машины. Эти машины обыкновенно дѣлаются на мѣстныхъ заводахъ изъ хорошей шведской стали, которой славится эта страна, и приспособлены къ ея почвѣ и климату.

Въ однообразномъ упорномъ трудѣ среди своихъ полей и луговъ проходитъ жизнь крестьянина, съ утра до вечера онъ работаетъ на своей землѣ вмѣстѣ съ членами семьи, рѣдко нанимая рабочихъ, развѣ въ томъ случаѣ, если семья его мала или земли у него много; но и тогда онъ не сидитъ сложа руки, а работаетъ вмѣстѣ со всѣми, служа всѣмъ примѣромъ и образцомъ. Весело, дружно и бодро идетъ работа, всѣ наперерывъ стараются перегнать другъ друга въ быстротѣ и расторопности, безъ ущерба, конечно, для качества работы. Изрѣдка слѣдуютъ простыя деревенскія развлеченія. Послѣ жатвы, когда снопы сложены въ высокія скирды, устраиваютъ около нихъ танцы. Приглашаютъ деревенскаго скрипача, который, взобравшись на скирду, начинаетъ наигрывать веселые танцы. Пара жнецовъ — побѣдителей въ состязаніи имѣетъ право руководить танцами, всѣ, взявшись за руки, образуютъ кругъ и, слѣдуя главной парѣ, шумно и весело отплясываютъ. Вечеромъ престарѣлый дѣдъ, сидя на порогѣ житницы, съ арфой въ рукахъ, словно древній бардъ, играетъ хорошо извѣстныя народныя пѣсни, умѣя извлекать изъ своего страннаго инструмента то веселые и чарующіе, то нѣжные и меланхолическіе звуки. Окружающіе, сидя на землѣ, или непринужденно развалившись, присоединяются къ нему и вотъ раздалась народная пѣсня простая и трогательная, гдѣ веселая радость смѣняется грустью.

Только поѣздки въ городъ по дѣламъ и въ церковь вносятъ разнообразіе въ эту монотонную жизнь. Часто ѣздить въ городъ шведскому крестьянину нѣтъ нужды: онъ пред-

почитаетъ вести переговоры по телефону. Зато рѣдкое воскресенье крестьянинъ не поѣдетъ въ церковь. Поѣздка въ церковь не только удовлетворяетъ религіозную потребность, но потребность общенія: здѣсь онъ имѣетъ возможность встрѣтить своихъ пріятелей и сосѣдей, которыхъ ему рѣдко приходится видѣть на недѣлѣ. Если церковь расположена на озерѣ, что часто случается въ Швеціи, то поѣздка совершается на пароходѣ. Во время оны ѣздили на большихъ «церковныхъ лодкахъ», гдѣ было однихъ гребцовъ до 60 человѣкъ. Онѣ существуютъ и теперь еще кое-гдѣ, но пользуются ими только въ особо торжественныхъ случаяхъ или когда хотятъ оказать особый почетъ почетному гостю. Пароходы по воскресеньямъ переполнены. Хозяева и рабочіе перемѣшиваются въ толпѣ и вмѣстѣ ѣдутъ по озеру въ отдаленную церковь, гдѣ проводятъ цѣлый день. Кому удобнѣе, ѣдетъ на лошади, иногда за 10—15 верстъ и ставитъ ее во время службы на церковной землѣ. Для удобства отдаленныхъ богомольцевъ около деревенскихъ церквей всегда почти отводится особое мѣсто для стоянки лошадей, которое во время церковной службы, сплошь загроможденное распряженными экипажами всякаго рода, напоминаетъ народную ярмарку.

Къ церкви ведетъ длинная красивая аллея изъ огромныхъ раскидистыхъ березъ и кругомъ нея среди могилъ также роскошно произрастаютъ деревья, образуя тѣнистыя, тихія аллеи, прекрасное мѣсто для прогулокъ. Деревенскія церкви представляютъ большія зданія, гдѣ удобно можетъ помѣститься до 1500 человѣкъ. Почти вездѣ еще удержался старый обычай раздѣленія молящихся по полу: по одну сторону сидятъ женщины, по другую—мужчины. Служба продолжается долго, особенно проповѣдь, потому что иначе крестьяне, сдѣлавъ такой длинный путь, были бы недовольны. Въ старину служба была еще гораздо продолжительнѣе, такъ что многіе благочестивые слушатели засы-

пали во время проповѣди. Существовала даже особая церковная должность церковнаго будильника, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы ходить по церкви съ длинной палкой во время проповѣди и, толкнувъ легонько подъ ребро задремавшаго слушателя, напоминать о томъ, что сюда онъ пріѣхалъ не дремать, а слушать слово Божіе. Теперь эта должность упразднена, потому ли, что проповѣди теперь стали гораздо короче, или потому, что новѣйшее духовенство болѣе краснорѣчиво и его проповѣди производятъ больше впечатлѣнія. Но во многихъ деревенскихъ церквахъ еще можно видѣть, какъ любопытный остатокъ прошлаго, жезлъ церковнаго будильника, длинную палку съ гремящими повязками на концѣ. Послѣ службы молящіеся разбиваются на группы и проводятъ нѣсколько часовъ вмѣстѣ, затѣмъ запрягаютъ лошадей, или садятся на пароходъ и ѣдутъ домой.

Въ длинные зимніе вечера мужчины и женщины занимаются рѣзьбоіі по дереву, дѣлаютъ шкатулки, блюда для хлѣба, кувшины, украшая ихъ красивыми рѣзными фигурами, плетутъ корзины; свои издѣлія они продаютъ въ городѣ или вымѣниваютъ на яркія матеріи, готовое платье, сельди и свинину.

Большую роль въ шведской деревнѣ играетъ пасторъ: онъ не только завѣдуетъ церковными дѣлами, но принимаетъ участіе и въ свѣтскомъ управленіи приходомъ, состоя членомъ коммунальнаго совѣта и предсѣдателемъ школьнаго совѣта и комитета для помощи бѣднымъ. Всѣ пасторы въ Швеціи выбираются самими прихожанами. Лица, желающія занять мѣсто приходскаго священника, говорятъ свою пробную проповѣдь, послѣ чего происходятъ выборы. Изъ трехъ лицъ, получившихъ больше всего голосовъ, король, епископъ или консисторія, смотря по разряду прихода, выбираютъ кандидата. Обыкновенно предпочтеніе дается тому, кто собралъ больше голосовъ. Пасторы—люди

съ университетскимъ образованіемъ. Содержаніе свое получаютъ отъ прихода: деньгами отъ 1500 до 2500 рублей въ годъ и квартиру.

Шведское помѣстье.

Замокъ аристократа—это въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ центръ, къ которому тяготѣютъ всѣ, кто отъ него зависитъ, чьи жилища разсѣяны на пространствѣ имѣнія; въ сосѣдствѣ съ помѣщичьимъ домомъ находится церковь, школьныя зданія, квартира управляющаго, хозяйственныя постройки, соединяясь въ одну или нѣсколько важныхъ группъ, образуя центръ деревни, маленькаго мірка. какимъ является имѣніе. Впрочемъ не такъ ужъ и малъ этотъ мірокъ, который часто охватываетъ пространство въ 10—20 тысячъ десятинъ. Цѣлый большой французскій округъ. Конечно, нечего прибавлять, что почва здѣсь не особенно плодородна. Имѣніе то майоратъ, т.-е. цѣликомъ переходитъ по наслѣдству къ старшему сыну, то просто аллодъ, т.-е. свободно отъ поземельныхъ налоговъ. Ихъ много, такъ что тяжесть налоговъ падаетъ почти исключительно на среднюю и мелкую собственность. Собственникъ почти всегда живетъ въ деревнѣ, отдавая большую часть земли зажиточному фермеру изъ средняго класса, избравшему себѣ земледѣліе главнымъ занятіемъ. Живетъ онъ широко, вольной здоровой жизнью посреди природы, о которой мечтаетъ почти каждый на свѣтѣ. Крупный собственникъ чувствуетъ себя королемъ въ своемъ имѣніи посреди массы работниковъ, которые обрабатываютъ его

землю и зависятъ отъ него. Все и вся зависитъ отъ него въ этихъ обширныхъ владѣніяхъ, которыя иногда охватываютъ цѣлый приходъ и несутъ всѣ его повинности (школьныя, церковныя). Рабочіе въ то же время являются и фермерами, потому что они арендуютъ небольшіе участки земли, уплачивая за нее работой. Ихъ хижина принадлежитъ обыкновенно собственнику. Привѣтливая и по обыкновенію окрашенная въ ярко-красный цвѣтъ, она напоминаетъ какую-то землянику, скрытую въ зелени, и ея скромный видъ не можетъ соперничать съ величественнымъ видомъ замка, какъ и ея скромный обитатель съ богатымъ владѣльцемъ послѣдняго.

Крупныя имѣнія не всегда занимаются только сельскимъ хозяйствомъ; они могутъ имѣть и часто имѣютъ отчасти и промышленныя предпріятія. Въ центрѣ и на югѣ въ нихъ попадаются доменныя печи, работающія на древесномъ топливѣ изъ лѣсовъ имѣнія, и винокуренные заводы; въ болѣе сѣверныхъ провинціяхъ лѣсное хозяйство составляетъ главное богатство. Что касается земледѣлія, то оно обыкновенно ведется на широкую ногу при помощи машинъ и всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій подъ руководствомъ управляющаго, окончившаго высшую сельскохозяйственную школу.

Здѣсь, въ этихъ замкахъ можно наблюдать прославленное шведское гостепріимство. Лѣто проходитъ среди многочисленныхъ гостей, пріѣзжающихъ надолго. Развлеченіямъ нѣтъ конца: прогулки, охота то на лося, то на дичь, которая попадается все рѣже и рѣже, обѣды, танцы, пикники... Въ этихъ удовольствіяхъ мало оригинальнаго, но обстановка ихъ единственная въ своемъ родѣ и природа такъ чудно прекрасна, что трудно выразить ихъ необыкновенную прелесть. Человѣка, привыкшаго жить въ тѣснотѣ, въ мірѣ стѣсненій и принужденія, прямо можетъ опьянить эта свобода, это общеніе съ природой, столь полное и столь успокоительное.

Въ огромномъ имѣніи, гдѣ собственникъ, какъ бы далеко онъ ни смотрѣлъ, не видитъ ничего, кромѣ своихъ владѣній, мы можемъ бродить часами и никто насъ не побезпокоитъ. Вы наслаждаетесь уединеніемъ еловыхъ лѣсовъ, гдѣ почва покрыта толстыми мхами, откуда выглядываютъ нѣжные розовые цвѣточки съ тонкимъ запахомъ; вы катаетесь на лодкѣ по пруду, покрытому кувшинками и усѣянному островками, гдѣ растутъ молодыя рощицы березъ и осинъ. Къ вашимъ услугамъ озера, столь многочисленныя въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ средней Швеціи, что я иногда насчитывалъ ихъ до 10 или 12, въ томъ числѣ очень много большихъ. Нужно грести цѣлые часы, чтобы пріѣхать съ одного ихъ конца до другого; только что оставилъ одно озеро, смотришь, а тамъ гладкимъ зеркаломъ раскинулось новое, за которымъ виднѣется лѣсъ или какой-нибудь холмъ.

Крупныхъ помѣщиковъ особенно много въ Сканіи, богатой небольшой южной провинціи, которой шведы очень гордятся. Когда ихъ спрашиваютъ, растетъ ли такое-то растеніе въ Швеціи, они всегда неизмѣнно отвѣчаютъ: «да, въ Сканіи». Здѣсъ растутъ всѣ виды необыкновенныхъ растеній, напр., буки. Ну, что-жъ, почему бы и не считать ихъ необыкновенными? Вѣдь сѣвернѣе они дѣйствительно не встрѣчаются. Сканія даетъ въ изобиліи пшеницу, много фруктовъ, въ томъ числѣ абрикосы и персики, но, я думаю, главнымъ образомъ изъ оранжерей.

Совершенно естественно, что знатныя фамиліи здѣсь выбрали себѣ помѣстья и что здѣсь находятся самые прекрасные майораты. Богатыя датскія фамиліи также имѣютъ здѣсь значительные майораты, стоющіе милліоновъ, съ замѣчательными историческими замками, которые заключаютъ въ себѣ коллекціи произведеній искусства и богатыя библіотеки; здѣсь во множествѣ сохранились «памятники» 30-лѣтней войны.

Въ этихъ помѣстьяхъ живутъ широко и богато, но нѣсколько иначе, чѣмъ въ остальной Швеціи. По своему положенію Сканія не совсѣмъ шведская земля. Расположенная, можно сказать, у воротъ Даніи, которой она и принадлежала до 1650 г., она остается датской по нравамъ, по языку и скорѣе тяготѣетъ къ Копенгагену, который всего въ 2 часахъ разстоянія, чѣмъ къ Стокгольму, до котораго надо ѣхать болѣе дня по желѣзной дорогѣ. Въ особенности здѣсь помѣщичья жизнь отличается всею роскошью новѣйшаго времени. Она немного напоминаетъ широкую жизнь и богатство крупнаго англійскаго аристократа, хотя въ общемъ шведскія крупныя помѣстья скорѣе походятъ на помѣстья сѣверной Германіи и восточной Пруссіи.

Крупныхъ помѣстій также очень много въ серединѣ Швеціи. Понятно, окрестности Стокгольма вслѣдствіе близости къ столицѣ должны были съ такой же поспѣшностью расхватаны, какъ и земли Сканіи, хотя почва здѣсь и хуже, чѣмъ на югѣ. Земледѣлію въ этой области мѣшаютъ гряды холмовъ, валуны и въ особенности озера и пруды или болота, происшедшія изъ высохшихъ прудовъ. Эти милыя озерки съ лѣсистыми и смѣющимися берегами составляютъ прелесть здѣшняго спокойнаго пейзажа, но зато они же суживаютъ площадь полей.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ почва становится все бѣднѣе и бѣднѣе, и тѣмъ все болѣе и болѣе исчезаютъ крупныя помѣстья. Здѣсь нѣтъ ни майоратовъ, ни дворянскихъ земель, но только фермы, болѣе или менѣе значительныя, гдѣ хозяйничаютъ собственники. Здѣсь мало возможности вести роскошную и свѣтскую жизнь. Нѣтъ сосѣдей, нѣтъ гостей, кромѣ пастора да доктора, пріѣзжающихъ на своей каріолкѣ за 40—50 верстъ и болѣе. Хозяева и слуги здѣсь сильно сближаются въ постоянной потребности имѣть другъ друга, усваиваютъ общія привычки, живутъ патріархально, почти какъ въ старину.

Такъ какъ здѣсь нѣтъ городовъ, никакой торговли по сосѣдству, то люди здѣсь предоставлены своимъ собственнымъ средствамъ и должны всѣмъ запасаться. Въ извѣстные дни здѣсь бьютъ быковъ, рѣжутъ барановъ и приготовляютъ солонину, которой питаются цѣлые мѣсяцы. Здѣшняя жизнь, первобытная до такой степени, сильно напоминаетъ жизнь въ глуши далекаго сѣвера Россіи.

Кируна.

Въ четыре часа утра 29 іюля мы сошли съ поѣзда на станціи Кируна, расположенной въ шведской Лапландіи почти подъ 68° с. ш. Солнце ярко свѣтило, воздухъ былъ свѣжій, бодрящій. Термометръ на станціи показывалъ 7°, а въ полдень поднялся до 21.

Вокзалъ, какъ вообще въ Швеціи, красивое деревянное зданіе. Напротивъ, на набережной находится очень похожій на него отель. Между ними небольшой кіоскъ, окна котораго украшены открытками; въ этотъ ранній часъ онъ, конечно, запертъ. Мы единственные пассажиры, оставившіе поѣздъ, и кругомъ никого. По другую сторону желѣзной дороги, гдѣ стоятъ товарные вагоны, высится желѣзная гора Кируна-вара, большой изрытый конусъ, который обращенъ къ намъ высокимъ острымъ выступомъ, напоминающимъ носъ корабля, и полого спускается по другую строну. Со своими девятью террасами отъ основанія до вершины гора имѣетъ странный видъ. Это какая-то гигантская вавилонская башня или лѣстница, построенная титанами, чтобы взобраться на небо. Эти сѣрыя террасы

съ математически правильными линіями странно блестятъ при свѣтѣ дня милліонами металлическихъ искорокъ, какъ слюда. Гора поднимается, на глазомѣръ, саженъ на 100—150 надъ озеромъ, которое лежитъ вправо у ея подошвы и въ своихъ тусклыхъ водахъ отражаетъ безконечно безотрадную природу Лапландіи.

Послѣ долгихъ переговоровъ и долгаго ожиданія насъ допустили наконецъ въ отель, всѣ комнаты котораго были заняты и столовая котораго должна была открыться только въ 7 часовъ, къ отходу поѣзда въ норвежскій городъ на Атлантическомъ океанѣ въ Нарвикъ. Служанка, угрюмая финка, съ помороженнымъ носомъ, согласилась наконецъ принести намъ чернаго кофе съ отличнымъ печеньемъ. Огромныя залы отеля изящно отдѣланы, все блеститъ, всюду поразительная чистота, какъ вообще въ Швеціи. Но нравъ финляндокъ ужасенъ. Словно онѣ на васъ вымещаютъ личную злобу за суровость климата, способнаго превратить въ красную свеклу носъ молодой дѣвицы. Съ ними обязательна мягкость и пріятность обращенія. Въ концѣ концовъ намъ удалось расположить въ свою пользу нашу несговорчивую красавицу и получить нѣкоторыя свѣдѣнія. Къ нашимъ услугамъ будетъ сейчасъ даже комната, потому что одинъ господинъ сейчасъ уѣзжаетъ въ Нарвикъ. Лѣтомъ отели въ Швеціи отъ одного конца до другого переполнены и благоразуміе требуетъ по крайней мѣрѣ съ дороги заранѣе по телефону заказывать себѣ комнату. Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что въ случаѣ крайности всѣ съ замѣчательной любезностью будутъ стараться найти вамъ пристанище въ частномъ домѣ.

Въ девять часовъ дали очень обильный завтракъ по старому шведскому способу, который теперь встрѣтите только въ отдаленныхъ провинціяхъ. Теплыя и холодныя кушанья ставятъ на очень большомъ столѣ, каждый подходитъ къ нему и беретъ, что хочетъ. На столѣ въ этотъ

Рис. 4. Видъ въ Швеціи.

ранній часъ оказались всевозможныя закуски: семга, копченая оленина, икра, яйца, огромная разварная рыба съ картофелемъ, жаркое и пирожное. Изъ напитковъ были только чай и кофе съ молокомъ. Ни въ одномъ отелѣ въ Лапландіи вы ни за что не получите никакихъ крѣпкихъ напитковъ, даже и пива. То же самое и въ Норландѣ. Впрочемъ въ послѣдней провинціи нѣкоторые отели имѣютъ право давать вино, но рѣдко спиртные напитки и никогда—ликёры. Это результатъ вліянія общества борьбы съ пьянствомъ. Впрочемъ всегда возможно носить бутылку водки съ собой, что многіе и дѣлаютъ.

Послѣ завтрака мы направились въ городокъ Кируну, чтобы оттуда на трамваѣ поѣхать къ желѣзной горѣ. Этотъ городокъ со своей какой-нибудь тысячью домиковъ, столь чистыхъ и веселыхъ на видъ, можно сказать, только вчера выросъ среди карликовыхъ березъ полярнаго плоскогорья. Стоитъ только вступить въ него, чтобы видѣть его характеръ; такіе городки каждый день возникаютъ на расчищенныхъ дебряхъ далекаго американскаго запада; городокъ доставленъ въ готовомъ видѣ и расположенъ въ шахматномъ порядкѣ. Улицы солидно построены и проведены по шнуру, но домики, ярко раскрашенные, поставлены иногда немного криво на большихъ каменныхъ глыбахъ въ оградѣ, гдѣ сохнутъ буки посреди вѣчныхъ березъ. Однако, главныя улицы расположены правильно. Церковь съ деревянной колокольней поднимается къ блѣдному небу и сейчасъ мы проходимъ мимо зала, откуда доносятся звуки гимна арміи спасенія, распѣваемаго женскими голосами. Въ Швеціи нѣтъ ни одного поселенія безъ народнаго дома и отдѣленія арміи спасенія. Это послѣднее движеніе имѣло очень благодѣтельное значеніе въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ.

Мы быстро доѣзжаемъ на трамваѣ до подошвы горы и пересаживаемся въ вагончикъ, который посредствомъ каната поднимается по крутому склону и доставляетъ раз-

личныя партіи рабочихъ на мѣсто работы. Другой трамвай, защищенный галлереей отъ зимнихъ снѣговъ, идетъ вокругъ горы на половинѣ ея высоты на протяженіи многихъ верстъ. По лѣстницѣ легко добраться до самой верхушки плато.

Почти все дѣлается машинами и человѣку остается только управлять ими и чинить ихъ. Единственно, что дѣлается ручнымъ способомъ, это собираніе руды, отколотой динамитомъ, и погрузка ея въ вагонетки. Частью послѣдняя работа выполняется огромными лопатами, приводимыми въ движеніе автоматически. Цѣлая вереница вагонетокъ поднимается и опускается съ горы сама собой: вагонетки съ грузомъ своею тяжестью поднимаютъ на высоту пустыя. Вагонетки на ходу выгружаютъ свой грузъ въ особые желѣзные громадные «карманы», которые въ свою очередь при достаточной нагрузкѣ открываются снизу и высыпаютъ руду въ вагоны, которые локомотивъ доставляетъ въ незамерзающій портъ Нарвикъ.

Откалываніе руды производится посредствомъ динамита. Каждый день въ 9 ч. утра, въ полдень и въ 4 дня раздаются одинъ за другимъ цѣлые залпы отъ взрыва 300, а иногда 500 динамитныхъ патроновъ, разносясь гулкимъ эхомъ далеко по окрестности. Отовсюду поднимаются клубы дыма, словно изъ жерла невидимыхъ пушекъ. Рабочіе окрестили гору Портъ-Артуромъ. Всякій разъ, какъ, забывая время, мы слышимъ съ высокаго плато первые взрывы, мы должны бѣжать въ деревянныя хижины, построенныя нарочно для того, чтобы рабочіе могли находить въ нихъ себѣ защиту.

Рудники находятся подъ открытымъ небомъ и рабочіе въ холодное время года должны выдерживать иногда морозы до 40° по Цельсію. Въ длинные мѣсяцы около зимняго солнцестоянія солнце едва показывается надъ горизонтомъ и блѣдный свѣтъ въ серединѣ дня на нѣсколько мгновеній освѣщаетъ мракъ. Тогда цѣлый день работы

идутъ при электрическомъ освѣщеніи. Какое зрѣлище фантастической красоты должна представлять гора, окруженная сверху до низу многими нитями огня среди глубокой ночи. Понятно при этихъ условіяхъ работа должна быть очень мучительна и сравнительно мало производительна. Компанія желала бы уменьшить продолжительность работы зимой и увеличить соотвѣтственно лѣтомъ, но рабочіе противъ этого. Они однако страдаютъ по крайней мѣрѣ въ своемъ душевномъ равновѣсіи отъ ненормальнаго климата. По мѣрѣ того, какъ наступаетъ холодное время года, становится все труднѣе и труднѣе управлять ими, ничего не остается, какъ терпѣть, распустить вожжи и ждать, пока вернется свѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ солнце поднимается выше на небѣ, наступаетъ успокоеніе и непокорные слушаютъ резоны. Рабочіе какъ зимой, такъ и лѣтомъ работаютъ въ двѣ смѣны; первая съ 4 часовъ утра до полудня, вторая съ полудня до 8 часовъ вечера.

Общество фалунскихъ мѣдныхъ рудниковъ.

Фалунь—главный городъ Далекарліи. Здѣсь есть соборъ 18-го столѣтія съ колокольней, которая своимъ куполомъ въ видѣ луковицы напоминаетъ русскую церковь. Правильныя улицы городка тихи и молчаливы; съ каждой стороны аллеи большихъ березъ вдоль желѣзной дороги тянутся виллы въ новѣйшемъ стилѣ. Гимназія, прекрасное зданіе съ двумя флигелями подъ прямымъ угломъ, выходитъ на широкую улицу своимъ большимъ прямоугольнымъ дворомъ, обнесеннымъ только съ трехъ сторонъ. Здѣсь

играютъ ученики. Когда я проходила мимо, то офицеръ объяснялъ устройство ружья группѣ мальчиковъ 14—15 лѣтъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица, они передавали ружье изъ рукъ въ руки и внимательно его разсматривали.

Но слава Фалуни въ ея рудникахъ. Извѣстность общества мѣдныхъ рудниковъ Фалуни (Стора Коппарбергъ) столь же стара, какъ имя самыхъ старинныхъ фамилій. Происхожденіе этого общества относится къ тѣмъ временамъ, когда Швеція была болѣе, чѣмъ полуязыческой страной. Мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ промышленныхъ королевствъ, почти столь же важныхъ, какъ маленькое государство, какихъ много возникало въ средніе вѣка на сѣверѣ Европы. Они отвѣчали необходимости этихъ безпокойныхъ временъ, когда сосредоточеніе промышленныхъ силъ было необходимо для того, чтобы обезпечить труду какую-нибудь безопасность. Историческіе документы позволяютъ отнести образованіе Стора Коппарбергъ къ 1225 г. Въ музеѣ общества въ Фалуни сохранился актъ продажи отъ 16 іюня 1288 г., написанный по-латыни епископомъ Петромъ Элофсономъ и относящійся къ уступкѣ обществу части его земель; есть бумага 1347 г. за шестью печатями, подтверждающая всѣ его права и привилегіи отъ имени короля Магнуса Ладулы. Стора Коппарбергъ насчитывала до 10.000 рабочихъ, которые составляли отдѣльный полкъ и ходили сражаться подъ своимъ собственнымъ знаменемъ. Общество имѣло привилегію наравнѣ съ государями чеканить монету. Въ его фалунскомъ музеѣ можно видѣть странные банковые билеты, выпущенные имъ въ 1708 и 1710 г. Это мѣдныя монеты съ бронзовыми гвоздями по угламъ стоимостью въ два талера; другіе билеты сдѣланы изъ бересты. Здѣсь хранятся также образцы самой громадной монеты, какая, можетъ быть, только существуетъ на свѣтѣ: бронзовыя прямоугольныя пластинки чуть не въ аршинъ длиною и до полуаршина въ ширинѣ, вѣсомъ

болѣе пуда и стоимостью въ 10 талеровъ. Эти монеты были приготовлены обществомъ въ 1685 г. по заказу шведскаго государства.

Но дѣятельность общества Стора Коппарбергъ не ограничилась фалунскими мѣдными рудниками, съ которыхъ оно начало свою работу и отъ которыхъ получило свое названіе. Подобно могучему земельному владѣтелю, который постоянно присоединялъ къ себѣ новыя земли, общество въ теченіе вѣковъ, приноравливаясь къ новымъ условіямъ, распространило свои дѣйствія на двѣ главныя формы національной шведской промышленности: производство желѣза и эксплуатацію лѣса.

Лѣсъ въ Швеціи дополняетъ рудники и это тѣмъ болѣе, что лѣсъ и руда встрѣчаются въ одной и той же области. Шведское желѣзо и сталь обязаны своимъ повсюду признаннымъ превосходствомъ употребленію древеснаго угля, какъ топлива. Только одни заводы около Фалуни, принадлежащіе обществу, ежегодно истребляютъ угля 4500 кубическихъ саженъ.

Вся эта область центральной Швеціи, бурныя рѣки которой впадаютъ въ Балтійское море и представляютъ живыя артеріи, цѣлая великолѣпная поэма человѣческаго труда среди дикой природы. Эта старая страна «носительницъ желѣза» пользуется славой въ національной исторіи съ незапамятныхъ временъ. Подъ безконечнымъ покровомъ елей металлоносныя жилы идутъ густою сѣтью, словно вены земли. Въ лѣсистыхъ пустыняхъ на берегу водопада со всѣхъ сторонъ высятся заводы и доменныя печи. Дровосѣки и угольщики заготовляютъ топливо. Потомъ по мѣрѣ того, какъ открываются міровые пути, промышленность принимаетъ болѣе обширныя формы. Неистощимый лѣсъ, это поле, которое жнутъ ежегодно, уходитъ по быстрымъ рѣкамъ, которыя въ своихъ струяхъ несутъ срубленные стволы до глубокихъ заливовъ Балтійскаго моря,

здѣсь ихъ поджидаютъ лѣсопильные заводы и пароходы двухъ материковъ, которые ихъ увезутъ. Смѣлое, закаленное суровыми зимами племя кузнецовъ, дровосѣковъ, угольщиковъ, судовщиковъ и сплавщиковъ живетъ рудой, лѣсомъ, рѣками и съ самыхъ отдаленныхъ временъ вывозитъ лѣсъ и людей. Если это помнить, лучше понимаешь арміи Карла XII и ту необыкновенную роль, какую Швеція, при своемъ ничтожномъ населеніи, могла играть въ Европѣ.

Но возвратимся къ компаніи фалунскихъ рудниковъ. Чтобы получить понятіе объ обширности этого промышленнаго царства, достаточно знать, что ея владѣнія, расположенныя главнымъ образомъ въ Далекарліи, состоятъ изъ огромныхъ лѣсовъ, занимающихъ пространство болѣе 3000 квадр. верстъ, изъ безчисленныхъ желѣзныхъ рудниковъ, водопадовъ съ общей силой въ 150.000 лошадей, рѣкъ и озеръ, расположенныхъ на ея земляхъ, съ общимъ протяженіемъ болѣе 2500 верстъ.

Компаніи принадлежатъ на Балтійскомъ морѣ лѣсопильные заводы, самые большіе въ свѣтѣ, заводы химическихъ продуктовъ, огромныя фабрики древесной массы и великолѣпныя писчебумажныя фабрики около пороговъ на Далэльфѣ, поставляющія бумагу газетамъ стараго и новаго свѣта до Австраліи и Японіи. Я видѣла огромные бумажные цилиндры, предназначенные для типографіи большой англійской газеты. Въ каталогѣ компаніи есть фотографія спеціальнаго поѣзда, доставляющаго изъ Грэнтона въ Глэсго 50 вагоновъ съ газетной бумагой завода Стора Коппарбергъ.

Что касается мѣдныхъ рудниковъ Фалуни, съ которыхъ началась дѣятельность компаніи, то они начинаютъ истощаться. Вѣдь 700 лѣтъ ихъ безпрерывно разрабатываютъ! Они дали міру около 30.000.000 пудовъ мѣди, стоимостью около 600 милліоновъ рублей. Глубина рудниковъ немного меньше 200 саженъ; ихъ подземныя галлереи и пещеры составляютъ въ общемъ около 30 верстъ.

Здѣсь встрѣчаются огромныя залы, высокія, какъ церкви, и много разъ въ нихъ со всѣмъ широкимъ шведскимъ гостепріимствомъ устраивались фантастическіе и оригинальные праздники для почетныхъ гостей. Лѣтомъ 1908 парижскіе журналисты при посѣщеніи Швеціи собрались на роскошный завтракъ въ большой залѣ подъ именемъ «всеобщій міръ». Всѣ, кто былъ тутъ, не могутъ забыть того поразительнаго впечатлѣнія, какое произвели на нихъ могучіе торжественные звуки французскаго національнаго гимна, которые безчисленное эхо повторяло въ нѣдрахъ земли, тогда какъ казалось, что сами подземные духи рудниковъ въ видѣ молодыхъ блондинокъ въ остроконечныхъ красныхъ колпакахъ и сѣрыхъ платьяхъ наперерывъ старались услужить гостямъ.

По теперешнимъ вычисленіямъ въ рудникахъ остается мѣди лѣтъ на 30. Въ настоящее время начинаютъ извлекать также и жилы сѣрнистаго желѣза, которыя повсюду идутъ параллельно мѣднымъ и которыми въ старину пренебрегали. Теперь изъ этого желѣза приготовляютъ минеральную краску краснаго цвѣта, употребляемую по всей Швеціи для окраски деревянныхъ домовъ и придающую столь характерный видъ пейзажу.

Входъ въ мѣдные рудники находится около музея. Земля здѣсь вырыта саженъ на 35 въ глубину отъ старыхъ разработокъ подъ открытымъ небомъ, когда до изобрѣтенія взрывчатыхъ веществъ добывали руду посредствомъ огня. Эта зіяющая пропасть съ обожженными скалами ржаваго цвѣта кажется входомъ въ подземное царство. Почва покрыта красноватой пылью, въ которой металлоносныя частички блестятъ, какъ искорки. Кучи отбросовъ со всѣхъ сторонъ поднимаются высокими холмами, словно могильныя насыпи. Возрастающая масса этихъ мертвыхъ волнъ вызываетъ безпокойство. Это выброшены нѣдра горы. Земля не хочетъ ихъ принимать. Раньше эти отбросы вывозили

далеко въ поле на нѣсколько часовъ разстоянія въ тяжелыхъ телѣгахъ на быкахъ. Я видѣла на берегу смѣющейся рѣки эти кучи отбросовъ, гдѣ цѣлые вѣка не могли вызвать ни мха и ни былинки травы.

Ивановъ день въ Швеціи.

Ивановъ день (24-го іюня) и Рождество—самые большіе праздники въ году въ Скандинавіи. Церковь празднуетъ въ Ивановъ день память Іоанна Крестителя, но въ глазахъ народа этотъ день имѣетъ гораздо больше значенія. Это лѣтній праздникъ сѣверной легенды, это—праздникъ природы, развернувшейся во всей своей славѣ и красотѣ, праздникъ солнца, которое теперь на высотѣ своего величія и могущества, которое теперь всегда надъ горизонтомъ. Принимая христіанство, викинги удержали этотъ праздникъ, вплетая въ христіанскій календарь языческое празднество прославленія природы. Они думали, что это празднество стоитъ въ соотвѣтствіи съ христіанскимъ праздникомъ Рождества Христова: какъ первое бываетъ около лѣтняго поворота солнца, такъ второй около зимняго. Эти два солнцеворота—поворотныя точки въ существованіи сѣверянина, счастливые дни въ жизни. Не даромъ одинъ совпадаетъ съ самымъ длиннымъ днемъ, другой съ самой длинной ночью во всемъ году. Первый день надо праздновать на открытомъ воздухѣ, въ самомъ сердцѣ природы, одѣтой въ пышный нарядъ, второй въ миломъ домѣ вокругъ елки, пылающей весело огнями, среди радостей домашняго круга.

Въ Ивановъ день во всей странѣ богатые и бѣдные оста-

вляютъ свои дома, чтобы закусить на лонѣ природы, погрѣться на солнцѣ и потанцевать вокругъ майскаго дерева. Парки и лѣса около Стокгольма переполнены тѣми, кто не можетъ отправиться куда-нибудь подальше. Захвативъ съ собой корзины съ провизіей, они проводятъ цѣлый день и почь подъ деревьями: ѣдятъ, дурачатся, дремлютъ, играютъ и танцуютъ на лугу или просто лежатъ въ травѣ и смотрятъ на небо. Это для истаго скандинава настоящія радости Валгаллы, которыя по обычаю, освященному временемъ, обязательны въ Ивановъ день. Но всѣ, кто можетъ, а такихъ очень много, оставляютъ городъ и разъѣзжаются по деревнямъ. Каждый пароходъ, оставляющій набережную, будетъ ли это на берегу озера или моря, разукрашенъ флагами и зеленью и биткомъ набитъ. Поѣзда еще за день до праздника отходятъ одинъ за другимъ, переполненные до чрезвычайности. Магазины закрыты и городъ имѣетъ праздничный видъ. Зеленыя вѣтви покрываютъ двери и окна ресторановъ и кафе. Трамваи украшены зеленью и цвѣтами убрана сбруя лошадей. Извозчикъ прикрѣпилъ зеленую вѣтку къ своему сидѣнью, рядомъ съ маленькимъ краснымъ флагомъ, указывающимъ, что онъ незанятъ, и украсилъ голову лошади пучкомъ цвѣтовъ. Съ ранняго утра цѣлыя толпы спѣшатъ къ набережнымъ, гдѣ рѣзкіе свистки пароходиковъ, которые какъ только наполняются, такъ сейчасъ же отваливаютъ, смѣшиваются съ прощальными криками и громкими пѣснями, несущимися съ переполненной палубы.

Пойдемъ за толпой и прыгнемъ на первый пароходъ, какой встрѣтимъ на набережной. Онъ идетъ въ Упсалу, будетъ пересѣкать Мёларъ, чтобы войти въ Фирисъ и плыть вверхъ по рѣкѣ до университетскаго города. Немногіе изъ пассажировъ поѣдутъ такъ далеко. Они по большей части сойдутъ по дорогѣ на многочисленныхъ маленькихъ станціяхъ по озеру и по рѣкѣ. Люди оставляютъ сегодня го-

родъ не ради путешествія. Всѣ устремляются въ деревню, и университетскій городъ не составляетъ исключенія. Начались лѣтнія вакаціи и профессора со студентами не меньше прочихъ смертныхъ жаждутъ отпраздновать великій лѣтній праздникъ. Самый усидчивый человѣкъ или самый зачерствѣлый книжный червь ни за что на свѣтѣ не останутся сегодня дома. Толпа, усѣивающая берега, машетъ платками нашему пароходу, когда мы проходимъ мимо. На каждой пристани веселая толпа ждетъ его прибытія, чтобы встрѣтить своихъ пріятелей изъ города. Большинство женщинъ одѣты въ крестьянскіе костюмы, потому что даже городскія барышни носятъ ихъ во время пребыванія въ деревнѣ. Это одно изъ удовольствій и забавъ деревенской жизни. Барышни дѣлаютъ это точно такъ же, какъ косятъ траву, взбираются на скирды, ловятъ въ рѣкахъ раковъ, собираютъ въ лѣсу землянику. Объ этомъ онѣ и не думаютъ въ городѣ, но въ деревнѣ другое дѣло. Развѣ это не то же самое, что играть въ лаун-теннисъ, кататься по озеру, гулять по лѣсу или лежать въ травѣ и мечтать надъ книгой. Кромѣ того, сама кронпринцесса приняла этотъ костюмъ и заставляетъ всѣхъ своихъ фрейлинъ носить его по утрамъ въ Туллгарнѣ, своей красивой дачѣ. Яркія юбки и красивые полосатые фартуки, остроконечные черные колпаки и развѣвающіяся бѣлыя головныя наколки придаютъ свѣжимъ лицамъ дѣвицъ на берегу много прелести и живости, увеличивая красоту картины. Мужчины во фланели и соломенныхъ шляпахъ, въ яркихъ рубашкахъ; крестьяне въ своихъ воскресныхъ нарядахъ. На лицахъ у всѣхъ одинаково мужчинъ и женщинъ праздничное выраженіе, всѣ рады, что могутъ свободно располагать яркимъ солнечнымъ днемъ, рады чувствовать себя въ тѣсномъ общеніи съ природой, рады блеску солнечныхъ лучей на поверхности озера, тихому лѣсу, сбѣгающему до самой воды.

Широкая просѣка въ лѣсу ведетъ отъ маленькой дере-

вянной пристани, гдѣ останавливается пароходъ, къ замку. Кругомъ желтѣютъ поля, почти готовыя для жатвы. Она начнется на слѣдующей недѣлѣ по прошествіи празднествъ Иванова дня. Между тѣмъ рабочіе и арендаторы собрались на праздникъ. На широкой площадкѣ около замка высится огромная мачта, украшенная зеленью и пучками дикихъ цвѣтовъ, наверху ея развѣваются флаги и маленькія забавныя куклы или чучела въ крестьянскихъ костюмахъ, своими крошечными неподвижными ручонками презабавно привѣтствуютъ жестомъ всѣхъ приходящихъ. Со всѣхъ сторонъ сюда собираются арендаторы со своими семьями, крестьяне и рабочіе тутъ всѣ налицо отъ мальчика-пахаря и молочницы до эконома и садовника. Послѣ того какъ они съѣли кушанья, разставленныя подъ деревьями, начались танцы вокругъ мачты. Сначала около нея весело кружились дѣти, взявшись за руки, и распѣвали дѣтскіе стихи и деревенскія пѣсни; затѣмъ молодежь подъ музыку деревенскихъ скрипачей стала танцовать вальсы и польки, а старшіе сидѣли подъ деревьями и смотрѣли. Въ промежутки между танцами много шутили, дурачились и ухаживали попросту по-деревенски, а нѣкоторые конечно и здорово выпивали. Для чего же другого и устраивается этотъ праздникъ? Всю ночь продолжается онъ, когда легкій мракъ одного дня переходитъ въ пурпуровую зарю другого.

Зимній спортъ въ Швеціи.

Бѣгъ на лыжахъ въ сѣверныхъ провинціяхъ главный способъ передвиженія крестьянина зимой и самый легкій способъ пройти огромныя разстоянія, на которыя тамъ

отстоятъ другъ отъ друга дома, въ городахъ же бѣгъ на лыжахъ—любимый зимній спортъ молодежи обоего пола. Онъ представляетъ превосходное упражненіе и удобный способъ передвиженія и даетъ возможность насладиться прекрасной прогулкой въ яркій солнечный день. Когда солнце блеститъ на рыхломъ бѣломъ снѣгу, небо чисто и свѣтло, спокойный воздухъ свѣжъ и бодрящъ при температурѣ въ 10—20° ниже нуля, лѣса по сосѣдству отъ городовъ оживляются молодыми людьми и дѣвицами, скользящими группами на своихъ длинныхъ деревянныхъ лыжахъ. Нѣтъ упражненія болѣе веселаго; быстрое движеніе, которое приводитъ въ дѣйствіе всѣ мускулы и быстро гонитъ кровь по венамъ, развиваетъ теплоту, такъ что никакоій холодъ не страшенъ. Лыжи, сдѣланныя изъ хорошаго упругаго дерева, тщательно отполированнаго, имѣютъ въ длину до 12 футовъ и дюйма 4 въ ширину. Толщина ихъ, равная на серединѣ, гдѣ ставится нога, приблизительно $^1/_2$ дюйму, уменьшается къ краямъ, доходя до тонкости лезвея, передній заостренныіі конецъ загнутъ кверху дюймовъ на шесть.

На ноги надѣваютъ сапоги изъ оленьяго мѣха и просовываютъ носокъ подъ ремень около центра тяжести лыжи, между тѣмъ какъ задній ремень поддерживаетъ пятку, но нога можетъ свободно двигаться на лыжѣ, которая съ каждымъ шагомъ, скользя по снѣгу, передвигается впередъ; корпусъ уравновѣшивается на скользящей лыжѣ, когда другая въ свою очередь приводится въ движеніе, ноги при этомъ почти не поднимаются. Сила движенія увеличивается при помощи двухъ короткихъ палокъ, которыми подталкиваются, какъ рычагами. Движеніе быстро и красиво. При спускѣ по наклону обѣ ноги держутъ вмѣстѣ, опираясь одинаково на обѣ лыжи, такъ чтобы онѣ скользили параллельно. При быстромъ спускѣ скорость движенія дѣлается страшной, но искусный лыжникъ можетъ ее регулировать, слегка наклоняя свои лыжи; въ то же время онъ долженъ

быть готовъ объѣхать препятствіе, напр. дерево или кустъ, нагнуться подъ выступающей вѣткой, перепрыгнуть черезъ пропасть или свернуть въ сторону, если препятствіе слишкомъ грозно. Быстрота, достигаемая опытными бѣгунами при спускѣ или на ровномъ мѣстѣ, очень велика, но подъемы очень утомительны и медленны, потому что ихъ нужно вести зигзагами. На одномъ дамскомъ состязаніи на ровномъ мѣстѣ по глубокому снѣгу разстояніе болѣе 2 верстъ было покрыто взявшей призъ въ 11 мин. 13 сек., остальныя отстали на нѣсколько секундъ, самая послѣдняя прошла это разстояніе въ 14 мин. 4 сек. При состязаніи на длинную дистанцію 30 верстъ по холмистой неровной мѣстности было взято въ 2 часа 23 мин. 50 сек. Прыгаютъ въ предѣлахъ 9—14 саженъ. Въ настоящее время въ Швеціи наибольшая длина прыжка, какая извѣстна (рекордъ на прыжокъ)—16 саж., а въ Норвегіи, гдѣ искусство прыгать на лыжахъ въ холмистыхъ мѣстностяхъ еще болѣе процвѣтаетъ, были прыжки еще болѣе удивительные.

Другой любимый спортъ лыжниковъ—это ѣзда на лыжахъ. На лошадь надѣваютъ сбрую и къ ея постромкамъ привязываютъ веревку, которая прикрѣпляется однимъ концомъ къ поясу лыжника, онъ пускаетъ лошадь рысью или галопомъ и быстро несется, крѣпко стоя на своихъ лыжахъ. Лошади ничего не стоитъ бѣжать при легкой нагрузкѣ, а человѣку нужно только держаться на своихъ лыжахъ и регулировать ходъ, направляя ихъ болѣе или менѣе параллельно. Для этого требуется нѣкоторая опытность и кромѣ того нужно искусно управлять вожжами, чтобы держать бѣгъ лошади въ соотвѣтствіи съ движеніемъ по холмистой поверхности. При такомъ способѣ легко поддерживать скорость въ 15 верстъ въ часъ на большія разстоянія, а небольшія дистанціи можно дѣлать со скоростью 25—30 верстъ. Въ хорошій зимній день около Стокгольма можно видѣть часто, какъ дамы и мужчины катаются въ этой своеобраз-

ной упряжкѣ. Этотъ способъ употребляютъ также и въ арміи, какъ средство быстраго передвиженія пѣхоты. Восемь или десять пѣхотинцевъ на лыжахъ берутся за канатъ, прикрѣпленный къ сѣдлу драгуна, и такимъ образомъ быстро несутся, стараясь держаться на требуемомъ разстояніи отъ лошади и другъ отъ друга.

Благодаря многочисленнымъ озерамъ и рѣкамъ, разсѣяннымъ по странѣ и покрывающимся зимой толстымъ слоемъ льда, катанье на конькахъ сдѣлалось въ Швеціи въ широкомъ смыслѣ слова національнымъ спортомъ. Каждый мальчикъ и дѣвочка рано научаются чувствовать себя привольно на парѣ коньковъ и въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ есть общественный катокъ. Въ настоящее время шведамъ принадлежитъ первенство въ фигурномъ катаніи не только въ Европѣ, но даже во всемъ мірѣ. Праздники на льду — любимое развлеченіе конькобѣжцевъ и годовыя состязанія между извѣстными бѣгунами Стокгольма и Упсалы—важныя событія въ мірѣ спорта. Катанье подъ парусами на конькахъ другой видъ спорта на льду. Парусъ около квадратной сажени, натянутый на легкія бамбуковыя палки, держутъ за плечами противъ вѣтра, дѣйствуя руками, какъ рычагами, а коньками, какъ рулемъ. Конькобѣжецъ можетъ катиться по вѣтру или крейсировать и измѣнять направленіе, маневрируя своимъ парусомъ такимъ образомъ, чтобы умепьшать давленіе коньковъ на ледъ. Скорость передвиженія здѣсь весьма велика, иногда до 70—80 верстъ въ часъ. Въ большомъ ходу также лодки съ парусами, движущіяся по льду съ очень большой быстротой.

Катанье на салазкахъ первое удовольствіе школьниковъ повсюду. Послѣ ученія ихъ можно видѣть множество за этимъ занятіемъ въ паркахъ или въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только есть достаточный наклонъ, чтобы скользить по нему на салазкахъ, которыми катающійся правитъ ногой, какъ рулемъ. На площадкахъ для спорта около Стокгольма можно

Рис. 5. Шведка въ національномъ костюмѣ.

даже пройти спеціальный курсъ этого искусства на крутыхъ горахъ, гдѣ въ прекрасные зимніе вечера происходитъ катанье на широкую ногу.

Отъ Христіаніи до Трондгейма.

Дорога отъ Христіаніи къ Трондгейму, пересѣкающая всю Норвегію, — лучшая дорога въ Европѣ по чуднымъ ландшафтамъ, открывающимся на каждомъ шагу. Такія дикія красоты, какъ Ромсдальсгорнъ, открываются одна за другою передъ глазами туриста, иногда мчащагося по желѣзной дорогѣ на высотѣ двухъ съ половиною тысячъ футовъ, по склонамъ горъ, надъ долинами, заключающими цѣлыя рѣки, озера и города. Вся эта масса воды, которую видитъ путешественникъ въ Скандинавіи, питается огромными снѣговыми горами, глетчерами, залегшими на огромныхъ пространствахъ по вершинамъ горъ. Знаменитое Юстедальское снѣговое поле занимаетъ площадь болѣе 800 квадр. верстъ, выдѣляя отовсюду безчисленные ледяные потоки, стекающіе тонкими струйками по бокамъ обледенѣлыхъ скалъ. Большинство ледниковъ Сѣверной Норвегіи представляетъ тотъ интересный фактъ, что съ 1807 они перестали увеличиваться и начинаютъ отступать. Видъ этихъ дикихъ Норвежскихъ горъ не поражаетъ глазъ разнообразіемъ видовъ, какъ ландшафты Швейцаріи, но зато здѣсь горная порода и камень подавляютъ все живущее. Растительность, часто представленная одними мхами, ютится лишь на солнечныхъ склонахъ, тогда какъ бокъ-о-бокъ въ тѣни большихъ камней даже среди лѣта стоятъ нерастаявшія лужи.

Кучи огромныхъ камней загромождаютъ подошву каждой горы. Человѣкъ уходитъ изъ этихъ горныхъ дебрей, печальныхъ и безжизненныхъ, какъ пустыня, и только скандинавскій медвѣдь да песецъ осмѣливается бродить по этимъ склонамъ, да могучій орелъ своимъ клекотомъ живитъ каменную пустыню.

Отъ Христіаніи мы пропли въ самое сердце Норвегіи, гдѣ природа является во всемъ своемъ величіи.

Узкою дорожкою, вьющеюся, какъ ленточка, вдоль какого-нибудь потока, приходится пробираться въ нѣдра скандинавскихъ горъ. Тутъ снѣжные великаны болѣе версты вышиной, нагроможденные одинъ на другой, украшенные на склонахъ огромными лѣсами, и могучіе ледники, подобныхъ которымъ нѣтъ въ Европѣ, образуютъ цѣлый хаосъ. Глетчеръ Свартизена покрываетъ площадь въ 1500 кв. верстъ и лежитъ въ видѣ шапки на цѣлой группѣ горныхъ великановъ, вершины которыхъ высовываются изъ-подъ снѣжнаго покрова. Поднимаясь почти на двухверстную высоту, они другими своими отрогами спускаются прямо къ морю. Только немногіе туристы рѣшаются пробираться изъ конца въ конецъ по этому леднику, котораго фирновыя поля и морены, трещины и провалы представляютъ опасности на каждомъ шагу. Я еле поднялся на морену, несмотря на свою цѣпкость, изранивъ руки объ острые гребни ея гранитныхъ плитъ. Подъ зыбкими камнями журчала вода; казалось, камни были нагромождены надъ водой и готовы рухнуться въ массы слеглаго снѣга. Мѣстами виднѣлись такія ужасныя трещины, темныя, зіяющія, что становилось жутко и нога со страхомъ ступала по обледенѣлымъ краямъ. Послѣ трехчасовыхъ усилій мы очутились въ центрѣ ледника. Эта большая, слегка выпуклая площадь слеглаго снѣга, звѣздообразно изрѣзанная трещинами шириной отъ аршина до сажени, глубиною отъ нѣсколькихъ футовъ до пяти саженъ, завалена осколками гранита съ

журчащей подъ ними водой, а стѣны ея отдаютъ прекраснымъ зелено-синимъ цвѣтомъ. Поверхность ледника бороздчата и вся въ ледяныхъ осколкахъ и разбитыхъ коркахъ льда. Ходить мѣстами было очень легко, мѣстами же скользко; нѣсколько разъ мы проваливались до пояса въ тающіе снѣга, пронизанные каналами съ обледенѣвшими стѣнками, по которымъ сочилась тающая вода. Масса ледника вся ноздревата. Мѣстами я встрѣчалъ маленькихъ насѣкомыхъ, которыя живутъ въ самыхъ снѣгахъ и иногда размножаются милліардами. Если жизнь есть движеніе, то ледникъ полонъ жизни; онъ ни минуты не находится въ покоѣ; безпрестанно слышится то скрипъ и трескъ льдинъ, то паденіе валуновъ со ската горы, то легкое шуршаніе сползающаго снѣга. Въ одномъ мѣстѣ, спускаясь по склону ледниковъ, мы принуждены были сбѣжать, и нѣсколько огромныхъ камней тронулись за нами; къ счастью, они прокатились мимо насъ по сторонамъ; иначе эти лавины и камни могли бы стереть и вбить въ ледъ неосторожнаго путника и его проводника. Впрочемъ, для того, чтобы понять впечатлѣніе, производимое колоссальнымъ ледникомъ, надо испытать его самому.

Чѣмъ дальше идешь впередъ, тѣмъ живописнѣе и прекраснѣе становится страна; если ѣхать къ Трондгейму по желѣзной дорогѣ, мѣстами поѣздъ пробѣгаетъ подрядъ нѣсколько тоннелей, мѣстами онъ мчится надъ городами, лежащими въ глубинѣ долины или у самаго берега озеръ и порожистыхъ рѣкъ, а порой взлетаетъ, кажется, на самыя вершины опускающихся амфитеатромъ горъ. Ни въ Швейцаріи, ни на Кавказѣ, ни на Уралѣ, ни даже на Пиринеяхъ нѣтъ такого разнообразія и вмѣстѣ съ тѣмъ такого величія видовъ. Словно въ волшебной панорамѣ смѣняются ландшафты, пока не достигнешь Трондгейма – древней столицы Норвегіи.

Трондгеймъ и въ настоящее время является главнымъ

торговымъ пунктомъ страны сѣверныхъ финикіянъ, какъ называютъ норвежцевъ, обитающихъ на узкой береговой полосѣ земли у подножія необитаемыхъ горъ и имѣющихъ болѣе могущественный флотъ, чѣмъ обширныя государства, населенныя десятками милліоновъ жителей, какъ Россія, Испанія и даже Франція. Трондгеймъ въ древности принадлежалъ къ торговому союзу и до сихъ поръ не утратилъ своего торговаго и политическаго значенія: до сихъ поръ еще короли Скандинавіи коронуются въ его древнемъ соборѣ святого Олафа. Болѣе пятисотъ судовъ принадлежатъ его гавани и около тысячи чужихъ поддерживаютъ его сношенія съ остальнымъ міромъ. Возлѣ самаго собора, выстроеннаго изъ зеленоватаго серпентина въ древне-готическомъ стилѣ, разбито небольшое, но густо поросшее цвѣтами кладбище, хранящее прахъ многихъ героевъ Норвегіи.

Надо видѣть норвежцевъ—этихъ здоровыхъ широкоплечихъ мужчинъ, двѣнадцати вершковъ ростомъ, съ краснымъ, обвѣтреннымъ непогодами, лицомъ, у себя на дому, чтобы понять, какою могучею жизненностью обладаетъ этотъ народъ. Правда, суровый климатъ не благопріятствуетъ его быстрому размноженію, но онъ отличается завиднымъ здоровьемъ: процентъ заболѣваній и смертности въ Скандинавіи не великъ, особенно въ Норвегіи, гдѣ умираетъ всего 16—17 на 1000,—наименьшая пропорція, которую представляетъ какая-либо европейская страна.

Только одна ужасная болѣзнь способствуетъ вырожденію населенія въ прибрежной Норвегіи—это проказа. Проказа проявляется здѣсь въ нѣсколькихъ формахъ. Пятнистая форма сказывается только красноватыми пятнами на тѣлѣ, но зато сопровождается ужасающими болями, указывающими на глубокое разстройство нервной системы. Внѣшнія ощущенія притупляются, пораженная часть тѣла становится безчувственною, страшныя корчи членовъ переходятъ въ ихъ омертвѣніе, и несчастный страдалецъ кончается въ

страшныхъ мукахъ. Другая шишковатая форма проказы ужасна наоборотъ съ внѣшней стороны, но зато не вызываетъ внутреннихъ страданій. При ней все тѣло покрывается толстыми шишками, преимущественно на лицѣ, которыя разростаются и лопаются, страшно обезображивая физіономію несчастныхъ. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что проказа не поражаетъ земледѣльцевъ и обитателей долинъ, а развивается лишь среди рыболововъ, употребляющихъ въ пищу жирную рыбу, богатую фосфористыми началами. Въ Палестинѣ и М.-Азіи—другой странѣ міра, гдѣ свирѣпствуетъ проказа,—эта послѣдняя господствуетъ наоборотъ среди чистыхъ вегетаріанцевъ, утопающихъ въ вѣковой грязи и нищетѣ.

Несмотря на недостатокъ хлѣба, Норвегія не имѣетъ нищихъ. Это единственная страна въ мірѣ, гдѣ всѣ равны, гдѣ нѣтъ титуловъ, и чины не имѣютъ никакого значенія; это страна мужиковъ, рыбарей-судохозяевъ и земледѣльцевъ-собственниковъ. Норвежскій парламентъ—стортингъ—преимущественно собраніе крестьянъ.

Тѣмъ не менѣе, этотъ народъ крестьянъ превосходитъ по своему образованію всѣ народы Европы. Посѣщеніе школъ дѣтьми съ 7 до 14 лѣтъ обязательно. Всякая даже небольшая община, будь это приходъ или село, обязана имѣть безплатную школу съ учителемъ, выдержавшимъ спеціальное испытаніе. Кромѣ этихъ начальныхъ школъ, есть еще много среднихъ и нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній. Между прочимъ оригинальное явленіе представляютъ такъ называемыя подвижныя школы. Существованіе ихъ обусловливается раскиданностью селеній, тонущихъ въ горахъ и снѣгахъ, которые препятствуютъ ребятишкамъ посѣщать мѣстныя школы. Наставникъ долженъ поэтому передвигаться самъ, останавливаясь на время въ какой-нибудь гостепріимной фермѣ. Благодаря подобной системѣ народнаго образованія, почти всѣ жители Норвегіи поголовно гра-

мотны, и нигдѣ въ Европѣ не встрѣчается столько людей, получившихъ среднее образованіе, какъ въ Норвегіи. Школьное дѣло ведется въ Скандинавіи такъ толково, что знанія умственныя не идутъ въ ущербъ физическому развитію, и среди здоровыхъ, атлетическихъ молодыхъ норвежцевъ не встрѣчается ни чахлыхъ грудей, ни вялой мышечной системы, ни испорченныхъ глазъ и желудка, какъ у высокоцивилизованныхъ жителей коптинентальной Европы.

Типичный норвежскій городъ Трондгеймъ стоитъ въ глубинѣ прекраснаго фіорда, въ самомъ центрѣ той замѣчательной системы фіордовъ, подобныхъ которой немного найдется на землѣ. Развѣ берега Чили, часть берега Сѣверной Америки (Британскої Колумбіи), берега Далмаціи, Гренландіи и Шпицбергена могутъ быть поставлены рядомъ съ норвежскими фіордами. Длинныя, узкія, но глубокія, словно исполинскою рукою вырѣзанныя бахромки, вьются они въ прибрежныхъ скалахъ вдоль всего берега Норвегіи, отъ Ставангера до Нордкапа. Масса скалистыхъ острововъ, шхеръ, наполняющихъ эти заливы и заграждающихъ ихъ со стороны моря, увеличиваетъ еще болѣе изрѣзанность берега. Нѣкоторые фіорды, шириной не достигающіе версты, врѣзываются въ берега полуострова на десятки и сотни верстъ. При своей незначительной ширинѣ эти заливы отличаются такою глубиною, что даже большія суда могутъ проходить по нимъ. Только масса шхеръ и острововъ и узость фіордовъ, не позволяющихъ повернуться судну, часто мѣшаетъ ихъ судоходству. Много фіордовъ высмотрѣлъ я по берегамъ въ продолженіе своего дальнѣйшаго плаванія вдоль береговъ Норвегіи, и долженъ сознаться, что они произвели на меня впечатлѣніе большее, чѣмъ самый огромный глетчеръ, чѣмъ самыя колоссальныя вершины. Мы попытаемся набросать нѣсколькими яркими чертами картину Скандинавскаго фіорда.

Вотъ входитъ судно въ одинъ изъ такихъ узкихъ за-

ливчиковъ. Огромныя, часто въ нѣсколько сотъ саженъ, скалы вздымаются по обѣимъ сторонамъ его, какъ бы готовыя захватить судно въ свои каменныя объятія; мѣстами эти горы принимаютъ фантастическія формы и очертанія. Пароходъ, проникшій въ эти темныя аллеи и плывущій среди отвѣсныхъ скалъ, кажется сверху маленькимъ насѣкомымъ, скользящимъ по дну колодца. Еще нѣсколько верстъ—и фіордъ начинаетъ суживаться, а прибрежныя скалы, отполированныя еще въ ледниковый періодъ, превращаютъ его въ настоящій корридоръ, по которому судно движется мертвымъ ходомъ, часто давая ходъ назадъ. Вотъ уже совсѣмъ стемнѣло; огромныя каменныя громады заперли проходъ; небо едва синѣетъ наверху прозрачной полоской, пароходъ еле движется, чуть не касаясь бортами отвѣсныхъ стѣнъ фіорда, по которымъ спускаются съ высокихъ ледниковъ водопады струей сажени въ полторы шириной и съ паденіемъ до четверти версты. Тихо все вокругъ, парохода какъ бы не слышно, только журчаніе воды нарушаетъ безмолвіе фіорда. Еще нѣсколько минутъ такого хода—и вдругъ фіордъ расширяется въ небольшое озерко, гдѣ свободно идетъ пароходъ. Еще дальше—и снова такіе узкіе корридоры, что даже въ лодкахъ проѣзжать опасно, чтобы не нарушить покоя фіорда.

Воды его вѣчно спятъ въ мертвомъ штилѣ, недосягаемыя вѣтромъ, запертыя въ каменныхъ стѣнахъ; лишь волны прилива, достигающія сажени въ высоту, будятъ заснувшія воды, но во многихъ узкихъ фіордахъ приливная волна, задерживаемая скалами, низвергается съ высоты, какъ настоящій водопадъ. Зато легкое волненіе, вызванное даже всплескомъ веселъ, ударяя о стѣны нѣкоторыхъ узкихъ фіордовъ, иногда производитъ такое сотрясеніе, что камни съ вершинъ окрестныхъ горъ падаютъ и убиваютъ неосторожныхъ пловцовъ. На такихъ опасныхъ мѣстахъ гребцы

разгоняютъ лодку и она, пролетаетъ страшную тѣснину подъ Дамокловымъ мечомъ.

Мертвенность воды фіордовъ съ избыткомъ возмѣщается оживленіемъ парящихъ здѣсь птицъ. Тысячи и милліоны пернатыхъ покрываютъ всѣ скалы. Стонъ стоитъ въ воздухѣ, нельзя даже говорить, когда поднимается эта стая. Свинцовое небо, разорванные клочки черныхъ тучъ, висящихъ надъ бѣлѣющими ледниками, и темныя громады скалъ при этомъ пронзительномъ крикѣ птицъ, все вмѣстѣ представляетъ такую картину, которая не забывается никогда.

Что касается до растительнаго міра, то онъ не богатъ на скалахъ, окаймляющихъ фіорды. Еще на скатахъ, обращенныхъ къ полудню, разстилаются прекрасные луга изумрудно-зеленаго цвѣта, испещренные весной разнообразными цвѣтами, но зато на сѣверныхъ склонахъ сѣрѣютъ лишь заросли мха да зеленовато-желтаго вереска.

Несмотря на всю запутанность линіи норвежскихъ фіордовъ, только на первый взглядъ они имѣютъ неправильный видъ и расположеніе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ направленіе ихъ обусловливается общею архитектурою полуострова. Если мы представимъ себѣ, что весь Скандинавскій хребетъ разломался на отдѣльные куски, то направленіе трещинъ разлома опредѣлитъ и направленіе фіордовъ. Горная долина, продолжаясь до берега моря, переходитъ въ каналъ, отдѣляющій кусокъ береговой массы; горный хребетъ, вдаваясь въ море, образуетъ, наоборотъ, полуострова и острова, преимущественно четвероугольной формы съ закругленными краями. Нѣкоторые геологи пытались даже начертить главное направленіе трещинъ, по которымъ раскололся скандинавскій берегъ. Эти линіи уяснили бы также и развитіе фіордовъ.

Море—великій геологическій дѣятель, вѣчно бьющійся въ прибрежья, подтачивающій и обивающій цѣлыя скалы, вѣчно стремится къ тому, чтобы обровнять свои берега.

Но на Скандинавскомъ побережьѣ, благодаря твердости горныхъ породъ, оно успѣло въ этомъ дѣлѣ всего менѣе. Главной причиной этого были громадные ледники, которые долго лежали на скалахъ Норвегіи, даже послѣ того, какъ въ остальной Европѣ закончился ледниковый періодъ.

Заполненные глетчерами и снѣгами вырѣзы фіордовъ оставались нетронутыми моремъ, пока ледники не отступили внутрь материка, давъ полную возможность океанскимъ волнамъ перестраивать изрѣзанный берегъ. Разрушеніе скалъ и фіордовъ уже началось и масса щхеръ и береговыхъ моренъ указываютъ на дѣятельную, разрушительную работу моря. Разрушая, засыпая заливы и изъ обломковъ береговыхъ скалъ строя новыя запруды поперекъ фіордовъ, формируя острова, какъ искусный каменщикъ, изъ обломковъ разрушеннаго зданія, рѣчныя воды приносятъ землистыя частицы и отлагаютъ ихъ въ видѣ ровныхъ плоскихъ береговъ у подошвы горъ, въ то время какъ море раскидываетъ въ видѣ песчаныхъ поясовъ всѣ обломки скалъ, подточенныхъ его волнами.

Многія сотни туристовъ, ученыхъ всѣхъ національностей плывутъ ежегодно вдоль береговъ Норвегіи не только для того, чтобы наслаждаться дикимъ величіемъ природы, но и поучаться, наблюдая величественныя явленія земного шара. Хотя и можно любоваться красотами фіордовъ, но если любопытство не соединено съ жаждою познанія, то дикіе виды, подобныхъ которымъ нѣтъ въ Европѣ, скоро утомятъ взоръ и подавятъ душу туриста своимъ мрачнымъ колоритомъ, своею свинцовою окраскою. Тѣмъ не менѣе путешествіе въ Норвегію теперь начинаетъ входить въ моду, такъ какъ Швейцаріи и Италіи уже пріѣлись достаточно и не удовлетворяютъ тѣхъ, кто ищетъ болѣе сильныхъ впечатлѣній и вдохновенія, которыя портятся въ Западной Европѣ обезображеніемъ природы рукой человѣка. «Люди подъ страхомъ постепеннаго измельчанія, умствен-

наго и нравственнаго,—говоритъ одинъ знаменитый географъ, мыслитель и поэтъ,—должны всѣми силами стараться созерцаніемъ великихъ сценъ жизни земли уравновѣшивать вліяніе той посредственности и пошлости, которыми такъ богата наша общественная жизнь, и въ которыхъ узкіе умы усматриваютъ достоинство современноіі цивилизаціи. Необходимо, чтобы непосредственное изученіе природы и наблюденіе совершающихся на ней явленій сдѣлалось для каждаго вполнѣ развитого человѣка однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ воспитанія. Нужно, кромѣ того, развить въ каждомъ человѣкѣ ловкость и мускульную силу такъ, чтобы онъ могъ смѣло взбираться на высокія горы, безбоязненно смотрѣть въ глубокія пропасти и вообще сохранять во всемъ своемъ физическомъ существѣ равновѣсіе физическихъ и умственныхъ силъ. Современный человѣкъ, не отрекаясь отъ громадныхъ преимуществъ дающихъ цивилизаціей, долженъ обладать мощью античнаго человѣка и не уступать ни одному дикарю въ крѣпости мышцъ, въ ловкости и въ знакомствѣ съ природой. Современное общество, развивая въ юныхъ поколѣніяхъ всѣ мужественныя качества и пріучая ихъ къ общенію съ природой, можетъ путемъ возрожденія самоіі расы обезпечить себя отъ всякаго упадка».

Норвежцы, какъ и англичане, давно поняли это, и изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ это лучшіе по крѣпости организаціи люди (а въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа). Не говоря о молодыхъ людяхъ, цѣлыя сотни молодыхъ норвежскихъ дѣвушекъ едва кончаютъ свое образованіе, какъ для развитія своихъ физическихъ силъ предпринимаютъ далекія путешествія на сѣверъ. На пути къ Нордкапу я встрѣчался съ нѣсколькими такими отважными туристками и удивлялся столько же ихъ геройству, какъ и умѣнью переносить физическія лишенія. Нѣкоторыя изъ нихъ до того безстрашны, смѣлы и ловки, что предприни-

маютъ самыя рискованныя экскурсіи, на которыя не всегда рѣшаются мужчины. Такъ со мною на Нордкапъ быстро взобралась 18-лѣтняя норвеженка, оставившая позади себя членовъ альпійскаго клуба. Другая молодая дѣвица, недавно окончившая курсъ средней школы, только что возвратившаяся изъ Исландіи, гдѣ она чуть не спускалась въ самое жерло вѣчно дышащей огнемъ Геклы и едва не погибшая при изверженіи горячей струи гейзера, отправлялась искать новыхъ впечатлѣній въ колоссальныхъ ледникахъ Свартизепа. Третья норвеженка два раза переплыла грозный водоворотъ Малыштромъ, правда въ пору его покоя, тогда какъ ея товарка спускалась въ корзинѣ съ огромной высоты въ пропасть, чтобы съ уступа самолично снять пуховое гнѣздо гаги. Эти отважныя туристки, путешествуя съ небольшимъ саквояжемъ, альпійской палкой и иногда съ небольшимъ револьверомъ въ карманѣ, приготовляются къ отправленію будущихъ обязанностей жены и матери семейства, принося своей семьѣ здоровую физическую организацію, трезвый взглядъ на міръ и установившійся образъ мыслей, воспитанный на созерцаніи здоровой природы.

Лофоденскіе острова.

Лофоденскіе острова составляютъ центръ запутанной системы фіордовъ, которая увеличивается и отличается еще архипелагами острововъ и массой шхеръ. Здѣсь нѣкогда было царство викинговъ, нынѣ же—царство смиренныхъ рыбарей. Здѣсь возвышаются очень высокія горы страны, и весь

рядъ островныхъ группъ, разсѣянныхъ по берегамъ, можно разсматривать какъ отдѣльные куски разрубленнаго на части главнаго хребта страны. Недаромъ зубчатую цѣпь Лофоденскихъ острововъ, вершины которой обрисовываются на голубомъ фонѣ неба остроконечными шпицами, сравнивали съ челюстью акулы. Гребни этихъ островныхъ вершинъ такъ круты и остроконечны, что на нихъ не могъ бы удержаться даже альпійскій козелъ. Многіе изъ острововъ поражаютъ кромѣ того своею причудливою формой, которую можно сравнить съ башнями, замками и церквями. Скала Стивенъ—Палка исполина—это тонкій высокій шпицъ, подымающійся надъ огромными ледниками; скалы «Семь сестеръ»—своимъ соединеніемъ образуютъ корону; пикъ Хіельтъ удивительно похожъ на лошадиную голову, а одинъ островъ походитъ на всадника, скачущаго на конѣ среди бурь и тумановъ. Скала Борнезунда образуетъ профиль человѣческаго лица, которому полярное солнце иногда замѣняетъ глазъ. Островъ Торгетанъ похожъ на громадную шапку съ широкими полями, плавающую въ морѣ; тулья ея высотой почти въ 100 саж. пробита насквозь естественнымъ тоннелемъ почти въ 200 аршинъ длиной, со входомъ вышиной въ 60 аршинъ; стѣнки этого тоннеля отполированы и онъ весь усѣянъ доисторическими памятниками—каменными кругами, показывающими, что этотъ гротъ служилъ мѣстопребываніемъ еще доисторическаго человѣка.

Несмотря на всѣ эти чудеса, самымъ замѣчательнымъ мѣстомъ всего норвежскаго побережья и прибрежья Лофоденскихъ острововъ является знаменитый водоворотъ Мальштромъ. Между причудливыми скалами Лофоденовъ и одиночными пиками, возвышающимися среди водяной поверхности, образуется рядъ водоворотовъ, изъ которыхъ Мальштромъ самый ужасный. Водовороты образуются вслѣдствіе встрѣчи двухъ морскихъ теченій, какъ ураганы или циклоны порождаются встрѣчей двухъ воздушныхъ токовъ.

Теченіе, несущееся изъ внѣшняго моря навстрѣчу приливной волнѣ изъ глубокаго Вест-фіорда между двумя островами Москэ и Москенесъ, закручивается съ этою послѣднею и образуетъ прославленный водоворотъ. Правда, онъ спокоенъ большую часть сутокъ, но когда во время наивысшей точки прилива онъ забушуетъ, тогда самый ужасный водопадъ не можетъ сравниться по своему величію съ этимъ дивнымъ явленіемъ природы. Словно вулканъ кипитъ онъ тогда въ морѣ. Съ огромной быстротой крутится вода между берегами, докручиваясь до глубины нѣсколькихъ десятковъ саженъ, откуда она выбрасываетъ рыбъ и морскихъ животныхъ, а, бывали случаи, и обломки кораблей, попавшихъ въ ужасный водоворотъ. Я переѣзжалъ Мальштромъ на лодкѣ за 2 часа до прилива, и еслибъ не зналъ мимо чего проплываю, то ни за что не узналъ бы знаменитаго водоворота, пожравшаго уже столько жертвъ и сильно приукрашеннаго разсказами моряковъ.

Между отдѣльными островами Лофоденскоій группы существуетъ еще нѣсколько меньшихъ водоворотовъ, но ихъ значеніе важно только для мѣстныхъ мореходовъ. Пробираясь на огромномъ пароходѣ даже ночью и въ туманѣ черезъ эту цѣпь фіордовъ, мелей, острововъ, рифовъ и шхеръ, научаешься цѣнить норвежскихъ мореходовъ, умѣющихъ проводить самыя большія суда, даже во мракѣ, среди тысячи опасностей, благодаря осторожности, неусыпному вниманію и превосходнымъ картамъ всего побережья.

За полярнымъ кругомъ.

Еще за цѣлый градусъ до Лофоденской группы пароходъ пересѣкаетъ полярный кругъ на параллели острова Тренe—голой скалы, возвышающейся на 650 метровъ надъ

уровнемъ океана. Отсюда уже начинается царство холода и зимы, слѣды которыхъ видны бываютъ даже въ лѣтніе мѣсяцы. Огромныя глыбы снѣга покрываютъ вершины горъ, спускаясь часто по ихъ откосамъ почти до самой воды; дики, мрачны, но еще величественнѣй фіорды къ сѣверу отъ полярнаго круга. Въ прибрежныхъ скалахъ есть дивныя пещеры, которыя проходятъ подъ колоссальными ледниками, въ ледяныхъ откосахъ которыхъ вода прорыла настоящіе ходы со стѣнами бирюзово-аквамариноваго цвѣта.

Разъ 10—15 въ сутки остановится быстрый бѣгунъ у того или другого прибрежнаго селенія, спуститъ пассажировъ, захватитъ товары и бѣжитъ по лабиринту фіордовъ. Зелени ужъ не видать на прибрежныхъ скалахъ. Травы и кусты отходятъ дальше въ глубь страны; камень, море, снѣга и небо, большую часть года покрыты тучами и туманами,—вотъ все, что видитъ глазъ на огромномъ пространствѣ. А жизнь всетаки кипитъ вокругъ—и въ морской глубинѣ, откуда выглядываютъ кругленькія мордочки тюленей и гдѣ кишатъ миріады рыбъ и красивыхъ медузъ, окружающихъ пароходъ голубыми, красными и зеленоватыми своими тѣлами, и въ тѣснинахъ фіорда, гдѣ снуютъ юркіе ёлы и и въ воздухѣ, стонущемъ отъ докучливаго крика морскихъ птицъ.

Переваливъ за полярный кругъ, путешественникъ входитъ въ область полуночнаго солнца. Еще задолго до перехода за полярный кругъ, въ полночь наступаютъ легкія сумерки, нисколько не мѣшающія читать написанное; а за $66^1/_2$ градусомъ солнце не сходитъ съ горизонта цѣлыя сутки въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—трехъ, четырехъ и шести, по мѣрѣ движенія къ сѣверу. Въ 9 часовъ вечера солнце такъ низко, что, кажется, готово закатиться, но оно продолжаетъ плыть по горизонту почти до полуночи, послѣ которой оно поднимается снова по плоской

Рис. 6. Фіордъ.

дугѣ и продолжаетъ свой путь къ югу. При ясномъ небѣ ничего не можетъ быть прекраснѣе полярной ночи.

Можно любить лунную ночь съ ея фосфорическимъ сіяніемъ, но полярная бѣлая ночь имѣетъ еще болѣе фантастическій колоритъ. Словно догорающее солнце и луна слили свой свѣтъ и облили этимъ смѣшаннымъ сіяніемъ и океанъ и небо, и темныя скалы фіордовъ, и ихъ отливающія пурпуромъ, золотомъ и лазурью ледяныя вершины. Можно любоваться цѣлыми ночами на эти полярныя чудеса и не насладиться ими.

Наступаетъ полночь. Солнце, хотя и спустилось до края горизонта, но еще ярко и свѣтло, и позволяетъ смотрѣть на свой лучезарный дискъ. Фіолетовая, пурпурная, лазурная и золотая краски переливаются въ водѣ, отливающей въ общей массѣ темною лазурью. Массы акалефъ и медузъ играютъ, подымаясь и опускаясь съ поверхности, а лучи замирающаго солнца пронизываютъ насквозь эти прозрачныя существа, кажущіяся воплощеніемъ красокъ и солнечныхъ лучей. Часто на противоположной сторонѣ горизонта смотрится полный ликъ луны и тогда серебристый свѣтъ ея сливается съ радужными цвѣтами полузаката въ чудной свѣтовой гармоніи. Изъ темной лазури водъ выглядываютъ круглыя головки котиковъ и тюленей, тоже любующихся ночью. Порой выскакиваютъ, какъ вьюны, юркіе дельфины, гоняющіеся за пароходомъ; у берега, тамъ и сямъ, направо и налѣво, показывается временами плавникъ или разсѣченный хвостъ акулы. Поодаль немного, глядишь, вдругъ изъ воды прорѣзывается словно подводный круглый камень, для того, чтобы снова скрыться въ глубинѣ; сперва недоумѣваешь, но потомъ два фонтанчика воды, быстро поднимающіеся кверху, сразу открываютъ кита, любящаго тоже поиграть съ пароходомъ, котораго онъ и боится и любитъ, какъ подобное себѣ чудовище. Съ полчаса прошло незамѣтно, а тамъ, глядишь, снова солнце начинаетъ играть

всѣми цвѣтами утренней зари, не сходя съ горизонта, и тогда блѣдная луна убѣгаетъ снова за темныя скалы фіордовъ. Такъ и простоишь всю ночь у борта, не смыкая глазъ. Первое время любуешься этою прелестью, но потомъ страшно утомляешься постояннымъ присутствіемъ солнца на горизонтѣ и стараешься найти тѣнь.

Вслѣдствіе отсутствія ночи, организмъ, привыкшій къ смѣнѣ свѣта и темноты, постоянно возбуждаемый вліяніемъ свѣта, безъ освѣжающаго вліянія сна въ темнотѣ, начинаетъ изнуряться и искать искусственнаго мрака, который, впрочемъ, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ организма. Раздѣленіе сутокъ на періоды ночи и дня, необходимое для поддержанія роковыхъ потерь нашего тѣла, вноситъ извѣстную правильность въ теченіе жизни и во всѣ экономическія отношенія. Долгій полярный день разстраиваетъ то и другое и отзывается не особенно благопріятно даже на туземцахъ, часто ожидающихъ съ нетерпѣніемъ полярной ночи съ ея чуднымъ сѣвернымъ сіяніемъ.

Красивая фантастическая картина полуночнаго солнца долго еще освѣщала намъ путь. Мы быстро плыли вдоль береговъ Нордланда, направляясь къ дальнему сѣверу, къ самымъ крайнимъ городамъ земного шара—Тромсё и Гаммерфестъ. Чѣмъ дальше подвигались мы на сѣверъ, тѣмъ мрачнѣе, диче и суровѣе становилась природа вокругъ насъ. Высокіе зубчатые профили береговыхъ скалъ мѣстами были совершенно темно-сѣраго цвѣта, лишенные всякихъ признаковъ растительности; даже неприхотливая полярная флора не могла пріютиться на этихъ словно обожженныхъ каменныхъ громадахъ, часто спускающихся почти отвѣсно въ океанъ, образуя тѣ длинные, узкіе заливы, которымъ норвежцы даютъ названіе пальцевъ перчатки, а русскіе поморы — чортовой заводи. Огромные ледники, сползающіе низко по крутымъ склонамъ, среди зловѣщаго мрачнаго колорита, придавали своей яркой бѣлизной настоящій траур-

ный видъ каменнымъ громадамъ, съ которыми гармонировало и свинцово-сѣрое небо и бурное море, подымавшееся короткими, но довольно высокими волнами. Въ свинцовыхъ пучинахъ играли предъ бурей дельфины. Суровый сѣверякъ завывалъ осеннею пѣсней въ реяхъ нашего парохода. Крики морскихъ птицъ вторили ему съ надрывающимъ душу тембромъ. Склизкій непроницаемый туманъ, напоминающій скорѣе студенистую массу, чѣмъ пары воды, лежалъ вокругъ насъ.

Невесело было наше вступленіе въ гавань Тромзё — этого Парижа сѣверныхъ странъ, какъ его величаютъ норвежцы по той кипучей дѣятельности, которая царитъ въ его водахъ, и по тому значенію, какое онъ имѣетъ для арктическихъ странъ. Вмѣстѣ съ Гаммерфестомъ, Вардё и Вадсё Тромзё является передовымъ постомъ Европы по направленію къ таинственному полюсу. Тутъ снаряжаются многія сотни судовъ въ далекое плаваніе — къ Шпицбергену, Янъ-Майену и Новой Землѣ. Сюда сходятся всѣ корабли и суда, собирающія добычу съ Ледовитаго океана. Запахъ трески и рыбьяго жира, приносимый съ берега, уже издалека показываетъ, что мы приближаемся къ центру рыболовнаго царства. Небольшой городокъ съ 6 тысячами обитателей, гавань котораго всегда наполнена кораблями, стоитъ на холмахъ, образованныхъ массой раковинъ, лежащихъ на подпочвѣ темпорозоваго обманковаго сланца. Въ окрестностяхъ его встрѣчается много березовыхъ лѣсовъ, прекрасныхъ для широты почти 70°, а вдоль узкаго Квалефіорда тянутся настоящіе изумрудные луга, состоящіе преимущественно изъ альпійскихъ травъ. Въ этихъ полярныхъ оазисахъ тромзенскіе купцы имѣютъ свои загородныя дачи и виллы, въ которыхъ даже іюльскою ночью приходится сидѣть въ пальто. Несмотря на то, что полярная ночь продолжается въ Тромзё около 5 мѣсяцевъ, тамошніе обитатели умѣютъ жить весело, какъ и подобаетъ жить

парижанамъ Ледовитаго океана. Въ городѣ имѣются хорошенькій театръ, гдѣ даются произведенія лучшихъ скандинавскихъ авторовъ, двѣ библіотеки, сѣверный музей и ученый кружокъ. Балы, пикники и танцовальные вечера помогаютъ коротать длинную полярную ночь. Самыя фантастическія прогулки дѣлаются зимнею порой, когда полярныя сіянія превращаютъ сѣверный ландшафтъ въ фантастическое царство свѣта, въ апоѳеозъ блестящей фееріи.

Отъ Тромзё до Гаммерфеста всего сутки пути; пароходъ продолжаетъ пробираться частью фіордами, частью открытымъ моремъ, останавливаясь у городковъ: Скворвэ, Лоппена, Бергфіорда, надъ которымъ лежитъ огромный глетчеръ, порождающій величественный водопадъ. Черныя скалы съ бѣлыми каемками снѣговъ вздымаются изъ воды, словно деревья, затопленныя во время наводненія. Ульфсъ и Липгенъ-фіорды представляются длинными озерами или рѣками, ведущими въ сердце темныхъ, мрачныхъ каменныхъ громадъ, а ихъ зіяющія трещины, наполненныя зеленоватымъ льдомъ—входами въ Дантовъ адъ. Тутъ возвышаются величайшія вершины сѣверной Норвегіи: нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ до 700 метровъ вышины; огромные глетчеры лежатъ на ихъ зубчатыхъ вершинахъ. Пароходъ идетъ мимо маленькаго острова Лоппена, гдѣ желѣзная настойчивость норвежцевъ возрастила крошечное поле картофеля. Самой поразительной мѣстностью на пути является Бергфіордъ, знаменитый своимъ глетчеромъ, съ вершины котораго свергается прямо въ море огромный водопадъ. Трудно представить что-нибудь мрачнѣе и печальнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ величественнѣе этого зрѣлища, рѣдкаго даже въ Норвегіи. Отсюда берега фіордовъ образуютъ такъ называемые цирки, т.-е. кругловатые заливчики въ родѣ озеръ, запертыхъ отовсюду горными громадами и сообщающихся съ моремъ посредствомъ небольшого пролива.

Цирки сѣверныхъ фіордовъ представляютъ величествен-

ные ландшафты, предъ которыми блѣднѣютъ самыя дикія ущелья Пиринеевъ и Альпъ. Представьте себѣ небольшое озеро, черныя, почти отвѣсныя стѣны котораго превосходятъ по вышинѣ его длину и на верхушкѣ своей увѣнчаны серебрящимся покровомъ ледниковъ, съ которыхъ шумливо съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ свергаются десятки небольшихъ водопадовъ прямо въ море, то бѣшено бьющееся о подножіе каменныхъ громадъ, то тихое и покойное, покрытое массою медузъ или освѣщенное фосфорическимъ свѣтомъ луны. Представьте себѣ, что это фантастическое озерко залито сіяніемъ полуночнаго солнца или кровавымъ отблескомъ сѣвернаго сіянія и оживлено милліардами морскихъ птицъ, населяющихъ обнаженныя скалы—и вы будете имѣть понятіе о дикомъ величіи картины норвежскаго цирка, подобную которой можно видѣть только на берегахъ Гренландіи и Британской Колумбіи.

Даже профанъ, не говоря уже о геологѣ, разсматривая внимательно строеніе берега, невольно убѣждается, что вся эта часть Скандинавіи—горная страна, опустившаяся въ море на нѣсколько тысячъ футовъ, верхушки которой и представляютъ эти одинокіе острова, зубчатые мысы и обрывистыя стѣны цирковъ. Береза, ель и ольха попадаются только глубже на материкѣ; самые же острова, какъ и прибрежныя скалы, совершенно обнажены. Взамѣнъ недостающей растительней жизни и въ этихъ заполярныхъ водахъ ключемъ кипитъ жизнь: надъ головами путешественниковъ носятся тысячи чаекъ, гагаръ, кайръ, нырковъ, буревѣстниковъ и другихъ водныхъ птицъ. Еще выше гордо взлетаютъ морскіе орлы и рыболовные ястреба. Вокругъ парохода тѣснится масса медузъ, акалефъ, гребневиковъ и цѣлыя стада сельдей и трески; зубатая волчанка и страшная касатка-акула порой вынурнутъ изъ воды и снова начинаютъ свою охоту за мелкой рыбешкой. На прибрежныхъ меляхъ и грядахъ камней виднѣются тысячи

раковинъ, куски вѣтвистаго розоватаго коралла и обломки красивыхъ звѣздъ и панцырей морскихъ ежей. Порой на обнаженныхъ верхушкахъ прибрежныхъ скалъ мелькнетъ рогатая головка оленя или юркій заяцъ, а на бѣлыхъ поляхъ покажется сѣренькое пятнышко стада пеструшекъ, вѣчно бродящихъ по нагорьямъ сѣверной Норвегіи. Во время остановокъ парохода пассажиры устроили небольшую охоту па морскихъ птицъ, и черезъ какіе-нибудь полчаса около полусотни несчастныхъ чаекъ, баклановъ и кайръ валялось на борту парохода.

Подъ 70°39′ сѣверной широты, у подножія небольшой шиферной скалы, на островѣ Квало, лежитъ Гаммерфестъ — самый сѣверный городъ въ мірѣ.

Невеселъ его видъ съ моря; еще мрачнѣе и печальнѣе кажутся его окрестности съ горы Тивепъ, царящей надъ цѣлой сѣтью острововъ. Вокругъ однѣ голыя скалы изъ шифера, слапца и гнейса, покрытыя мѣстами снѣгомъ; ни рощица, ни лужокъ не оживляютъ мрачной природы приполярнаго города; даже тѣхъ жалкихъ березокъ и осинъ, лѣса которыхъ мы видѣли у Тромзё, не было у Гаммерфеста; изъ всѣхъ древовидныхъ только береза-стланка можетъ расти подъ этими широтами. Бѣдные туземцы, не чуждые любви къ растеніямъ, принуждены даже простыя травы разводить у себя на дому въ горшкахъ; многіе дома на крышахъ своихъ украшены дерномъ; передъ многими окнами разбиты небольшіе садики изъ насыпанной на камень земли, въ которую мѣстами были воткнуты горшки съ простыми цвѣтами; въ одномъ изъ такихъ садиковъ мы видѣли даже игрушечный фонтанъ. Несмотря на свою скудость, эта зелень все-таки пріятно поражаетъ глазъ среди монотонности общей обстановки. Около одной изъ кирокъ находится порядочное кладбище съ красивыми монументами.

Всѣ улицы хорошо вымощены, хотя въ большинствѣ

случаевъ мостовая образуется естественнымъ образомъ, благодаря каменистому плитняковому грунту. Въ общемъ видъ этого городка, затерянаго на далекомъ сѣверѣ, съ тремя тысячами его обитателей, все-таки говоритъ о довольствѣ его жителей и о томъ значеніи, которое имѣетъ онъ, этотъ передовой пунктъ европейской цивилизаціи въ Ледовитомъ океанѣ.

Одною изъ замѣчательностей Гаммерфеста является памятникъ, стоящій на сѣверной оконечности дуги меридіана, вымѣренной подъ руководствомъ знаменитаго Струвэ отъ Нордкапа до Дуная, гдѣ у Измаила, южнаго конца дуги, поставленъ подобный же столбъ, краснорѣчиво говорящій о великомъ научномъ предпріятіи. Невысокій каменный столбъ съ бронзовымъ глобусомъ на вершинѣ и латинскою надписью на одной изъ сторонъ, обнесенный небольшою оградой — вотъ и весь памятникъ острова Фугельнеса.

Хотя еще въ Тремзё путешественникъ встрѣчается обыкновенно съ лопарями, но зато въ Гаммерфестѣ онъ можетъ ихъ наблюдать, сколько угодно. Невысокіе, но крѣпкіе и коренастые, съ черными щетинистыми и длинными волосами, выдавшимися скулами, одѣтые въ оленьи шкуры и въ оригинальныхъ колпакахъ, эти истыя дѣти сѣвера и льдовъ производятъ довольно сильное впечатлѣніе на туристовъ.

Гаммерфестъ представляетъ центръ торговли съ русскими, которыхъ суда наполняютъ цѣлыми десятками гавань полярнаго городка. Привозя изъ Архангельска поволжскую муку и лѣсъ, а съ поморья — оленьи шкуры и дорогіе мѣха, они мѣняютъ ихъ на рыбу, колоніальные товары и мануфактурныя издѣлія, а также и на ромъ.

Птичьи базары.

Отъ Гаммерфеста вдоль сѣвернаго побережья расположено нѣсколько десятковъ норвежскихъ деревушекъ, которыя всѣ цвѣтутъ благосостояніемъ, хотя и не имѣютъ буквально ничего, кромѣ камня и воды. Земли такъ мало, что даже телеграфные столбы, соединяющіе каждую приморскую деревушку со всѣмъ прибрежьемъ, поддерживаются кучами камней. Печаленъ, уныль и дикъ путь отъ Гаммерфеста до Нордкапа; небольшіе кругловерхіе скалистые острова, совершенно обнаженные и опоясанные у воды темнокоричневымъ поясомъ водорослей и другихъ морскихъ растеній, утесы, сверху обсыпанные птичьимъ пометомъ, составляютъ главные элементы ландшафта. Тутъ начинается настоящее царство морскихъ птицъ, о которомъ трудно даже составить себѣ понятіе, не видавъ его.

Нужно видѣть эти громады птицъ, населяющихъ сѣверные фіорды и питающихся тоже при посредствѣ моря, чтобы не удивляться массамъ помета, оставляемымъ ими на всѣхъ скалахъ. Издали эти скалы, окруженныя несмѣтными тучами птицъ, кажутся погруженными въ волнующійся паръ или туманъ. Шумъ, производимый размахами крыльевъ поднимающейся стаи птицъ, слышенъ по вѣтру иногда за нѣсколько верстъ, а вблизи походитъ на свистъ бури. Нѣкоторыя скалы и острова, совершенно покрытые тучами чаекъ, тупиковъ, кайръ, гагаръ и гагъ, называются птичьими горами или птичьими клубами. Эти птичьи притоны трудно доступны для человѣка и мнѣ удалось взобраться лишь на одинъ изъ нихъ. По скатамъ острова къ морю я едва пробрался черезъ тучи птицъ, медленно взлетавшихъ и крутившихся вокругъ меня; я очутился бук-

вально среди массы птицъ, которыя чуть не садились на голову, били крыльями о самое лицо, осыпали пометомъ и оглушали такимъ пронзительнымъ крикомъ, что не слышно было даже выстрѣла двухствольнаго ружья. Грохотъ выстрѣла мало испугалъ тучу потревоженныхъ птицъ, и я подвигался впередъ, ползя на верхъ, словно на приступъ крѣпости, защищаемоїї тысячами бойцовъ. Нога моя почти не ощущала камня, скользила и проваливалась въ мягкія и засохшія массы помета, которыя скоро облѣпили меня такъ, что я принужденъ былъ бѣжать; при спускѣ я наткнулся на мѣсто высидки и попалъ на поверхность, буквально усѣянную массой яицъ и птенцовъ; нельзя было ступить, чтобы не раздавить яичка или птенца. Облѣпленный пометомъ, оглушенный криками птичьей рати, подавленный невольнымъ причиненіемъ смерти многимъ десяткамъ молодыхъ птицъ, я бѣжалъ изъ птичьяго царства съ тѣмъ, чтобы не пытаться посѣщать его въ другой разъ.

Разумѣется, такая масса птицъ не можетъ оставаться безъ пользы для обитателей фіордовъ. Правда, мясо этихъ птицъ жестко и отзывается ворванью, но туземцы ѣдятъ его охотно, какъ и яйца, составляющія предметъ значительной торговли, имѣющей тѣмъ болѣе значенія, что куры не водятся въ этихъ широтахъ. Всего же дороже для торговли птичьи перья и пухъ, особенно получаемый съ прославленной гаги, собираніе пуха которой составляетъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ промысловъ сѣвера. Хитрая птица, наученная горькимъ опытомъ, кладетъ свои яйца на одинокихъ скалахъ, трудно доступныхъ для человѣка, а потому и промыслить ее становится дѣломъ чрезвычайно труднымъ, сопряженнымъ иногда съ такимъ рискомъ, передъ которымъ блѣднѣютъ даже похожденія альпійскихъ охотниковъ на сернъ. Кто составилъ себѣ понятіе о неприступности норвежскихъ скалъ, тотъ пойметъ, что не легко промыслить гагу. Смѣльчакъ долженъ взбираться на страшныя

крутизны, одинъ невѣрный шагъ на которыхъ ведетъ уже къ неминуемой гибели, долженъ спускаться съ ужасающихъ отвѣсовъ надъ поверхностью бушующаго океана или надъ зіяющими пропастями. Но жажда добычи драгоцѣннаго пуха, который птица вырываетъ у себя на груди, чтобы устлать имъ гнѣздо для будущихъ дѣтенышей, превозмогаетъ все. Нѣсколько разъ я пытался покачаться въ воздушной корзинкѣ надъ ужасающими пропастями, но у меня не хватило духу совершить подвигъ, который совершаютъ иногда норвежскія дѣвицы. Такъ какъ гага, помимо рыбы, составляетъ главное богатство жителей острововъ Лафоденъ и Вестеръ-Алленъ, то она и защищена отъ пріѣзжихъ охотниковъ строгими законами. Добываніе птичьяго гуано представляетъ для норвежцевъ тоже немаловажную статью дохода, которая была бы еще важнѣе, если бы скалы Финмаркена были доступнѣе.

Нордкапъ.

Всего въ ста верстахъ отъ Гаммерфеста лежитъ Нордкапъ, самая сѣверная оконечность Европы, представляющая окончаніе дикаго, засыпаннаго камнями острова Магёро. Величественный гранитный мысъ, какъ таранъ, смѣло вдается въ даль Ледовитаго океана подъ 71° с. ш. и 23° вост. д. Вокругъ него бушуютъ вѣчныя волны и, разбиваясь о каменный таранъ, образуютъ небольшой водоворотъ, обходящій островъ Магёро. Что-то поразительное, въ высшей степени величественное представляетъ одинокая каменная масса Нордкапа, выступающаго далеко своей темной громадой изъ окружающихъ горныхъ острововъ и скалъ.

Неумолчные крики морскихъ птицъ заглушаютъ здѣсь по временамъ ревъ волнъ и свистъ бури. Пароходъ нашъ бросилъ якорь. Капитанъ для утѣхи пассажировъ, страдавшихъ отъ морской болѣзни, велѣлъ выбросить уды съ простыми крючками для трески, шедшей въ это время значительными массами изъ Ту-Фіорда, и каждый пассажиръ могъ заняться рыбною ловлей. Въ четверть часа я простымъ крючкомъ безъ всякой наживки вытащилъ нѣсколько штукъ трески, подрѣзавъ ихъ за бока.

Подъемъ на Нордкапъ я совершилъ въ большой компаніи туристовъ, въ которой были двѣ норвеженки. Мы высадились на восточномъ берегу Ту-Фіорда и начали подъемъ по крутымъ возвышенностямъ, состоящимъ изъ темно-сѣраго слюдистаго камня. И слюдистый сланецъ, и кварцъ, и полевой шпатъ видѣлись въ его измельченной массѣ. Мощные пласты кроваво-краснаго гранита, съ наклономъ къ югу, прорѣзывали вездѣ основную темно-сѣрую, мелкозернистую, легко вывѣтривающуюся горную породу. Нога постоянно оступалась среди каменныхъ глыбъ, и мы ползли часть дороги на четверенькахъ по увлаженному скату. Мѣстами вывѣтрившіяся горныя породы образовали сочную почву, на которой разростался всевозможный ползучій кустарникъ: карликовая береза, ползучая ива, тальникъ, гонобобель, дягиль, ложечная трава, луговая чина съ желтенько-голубыми цвѣточками и лапчатолистная морошка, которыя представляли собой красивый коверъ зелени и цвѣтовъ, какъ-то не вязавшійся съ дикимъ ландшафтомъ, растилавшимся вокругъ. Выше кустарники и травы пропадаютъ, и лишь одни мхи напоминаютъ о растительной жизни. На цѣлый футъ въ вышину разрастаются здѣсь, на каменныхъ плато, бѣлый, желтый и сѣрый оленій и исландскій мхи, но всѣ эти остатки растительности ясно говорятъ о томъ, что ей трудно осилить камень и приспособиться къ ужасающимъ условіямъ борьбы за существованіе.

Наша компанія въ первое время взбиралась хорошо, но черезъ часъ подъема по горнымъ склонамъ, усѣяннымъ острыми камнями, а мѣстами и небольшими ложбинками снѣга, большинство поотстало. Впереди, съ лучшими горными ходоками, бодро взбиралась молодая норвеженка, одна изъ первыхъ достигшая вершины Нордкапа, гдѣ на высшей точкѣ, на высотѣ трехсотъ десяти метровъ, стоитъ гранитный столбъ въ память посѣщенія Нордкапа шведскимъ королемъ Оскаромъ II. Видъ съ вершины поразителенъ и слишкомъ половина горизонта захвачена имъ; безконечный рядъ плоскостей разныхъ высотъ и рельефовъ идетъ за нами въ материкъ: огромныя причудливыя скалы, словно изъѣденныя вѣтрами и непогодами, мѣстами просвѣчивающія кровяно-красными полосами на темно-сѣромъ и свинцовомъ фонѣ гнейсовъ и сланцевъ, безкопечная панорама горныхъ вершинъ, мѣстами покрытыхъ ледниками,—къ югу; безконечный океанъ на сѣверѣ, тянущійся до невѣдомаго полюса, и милліоны морскихъ птицъ, носящихся тучами надъ головами съ шумомъ и крикомъ, порою заглушающими ревъ буруновъ,—всего этого слишкимъ достаточно, чтобы потрясти нервы самаго невпечатлительнаго человѣка. На горизонтѣ бушующаго моря, покрытаго свинцово-сѣрою пеленою нависшихъ тучъ, видпѣются порой спины китовъ и плавники акулъ, а временами—одинъ-другой бѣлый парусъ архангельской шняки, затерявшейся въ океанѣ. Мрачныя трещины и рытвины, полузасыпанныя камнями, кажутся входами въ подземелье, а шумъ бушующаго океана, отдающійся въ каменной толщѣ Нордкапа,—дыханіемъ подземныхъ стихій, подкапывающихъ колоссальную массу сѣверной оконечности Европы.

На востокъ отъ Нордкапа.

Послѣ Нордкапа Нордкинъ, настоящая континентальная оконечность нашей части свѣта, лежащая верстъ на 75 восточнѣе перваго, уже не кажется такъ грандіозной. Двѣ огромныя ея скалы образуютъ входъ въ небольшой циркъ, въ глубинѣ котораго лежитъ рыбачье селеніе Зандверъ. Выступы скалъ, составленные изъ кварцево-песчаниковыхъ массъ, страшно зазубренныхъ и избитыхъ волнами, заходятъ далеко въ океанъ. Часто снѣга сходятъ по рытвинамъ этого каменнаго мыса въ самое море, волнуемое нерѣдко каменными глыбами, катящимися со скалъ Нордкипа. Надъ кварцевыми и гнейсовыми скалами послѣдняго, видно, страшно работало море, изрѣзавшее каменное побережье самыхъ сѣверныхъ фіордовъ. Наши поморы зовутъ Нордкапъ Кепрогомъ, а Нордкинъ мысомъ Наркинымъ и считаютъ ихъ настоящими границами, раздѣляющими русскія воды отъ норвежскихъ.

Страшная буря преслѣдовала насъ, когда мы огибали сѣверную окопечность Европы. Порою изъ темно-свинцовыхъ тучъ, обложившихъ весь горизонтъ Ледовитаго океана, вырывались снопы электрическаго свѣта и короткіе, но сильные удары грома рокотали на небѣ и отдавались прибрежными скалами, стопавшими столько же отъ бури, сколько отъ криковъ безчисленныхъ чаекъ и баклановъ. Скоро начался страшный дождь и туманъ закрылъ бѣловатою густою дымкою и Нордкинъ и другіе береговые утесы.

Берега здѣсь суровы и мрачны. Огромные фіорды, несмотря на свои живописныя окрестности, даже среди іюньскихъ жаровъ дышутъ осенними туманами и зимними непогодами. Голое каменное плато, покрытое желто-сѣрыми

лишаями, представляетъ унылый мертвый видъ, который не оживляютъ даже многочисленныя суда норвежцевъ и поморовъ; вѣчныя бури и тучи какого-то липкаго, слизкаго тумана, набѣгающія съ Ледовитаго океана, и какая-то монотонность всего колорита дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на душу туриста, котораго уже не развлекаютъ ни огромныя птичьи горы, ни фонтанчики китовъ, снующихъ иногда при входѣ въ фіорды, ни даже вѣжи лопарей, мѣстами разбросанныя на фонѣ унылаго пейзажа. Горный ландшафтъ переходитъ здѣсь постепенно въ пейзажъ тундры, и полярный характеръ страны выступаетъ во всемъ своемъ мертвомъ величіи.

Между 70° и 71° с. ш. прекращается всякій намекъ на древовидное растеніе — флора отражаетъ на себѣ суровый климатъ. Ячмень и овесъ дальше всѣхъ растеній идутъ къ сѣверу и встрѣчаются даже на берегахъ Порзангеръ-фіорда, подъ 70° с. ш. и даже на высотѣ 350 метровъ; рожь еле доходитъ до 69°, а пшеница прекращается выше 64°. Среди царства оленьяго мха и лишаевъ ютится еще десятка два-три лиственныхъ растеній, изъ которыхъ родъ щавеля и ложечная трава занимаютъ первое мѣсто по тому значенію, которое они имѣютъ на этихъ крайнихъ широтахъ, представляя единственный родъ овощи или зелени, доступной для туземца. Норвежцы и лопари постоянно жуютъ сочные стебли этого растенія и дѣлаютъ его запасы на зиму; изъ сушенаго растенія приготовляется даже родъ лепешекъ, смѣшанныхъ съ медомъ, который считается однимъ изъ противоцынготныхъ средствъ.

Какъ на югѣ Норвегіи проказа, такъ на сѣверѣ ея и въ Лапландіи цынга представляетъ одинъ изъ величайшихъ бичей населенія. Если въ нашихъ странахъ, благодаря обилію и разнообразію пищевыхъ средствъ, цынга распространяется незначительно даже среди бѣднаго люда, то на сѣверѣ, гдѣ весь запасъ пищи сводится къ рыбѣ и къ консервамъ, безъ

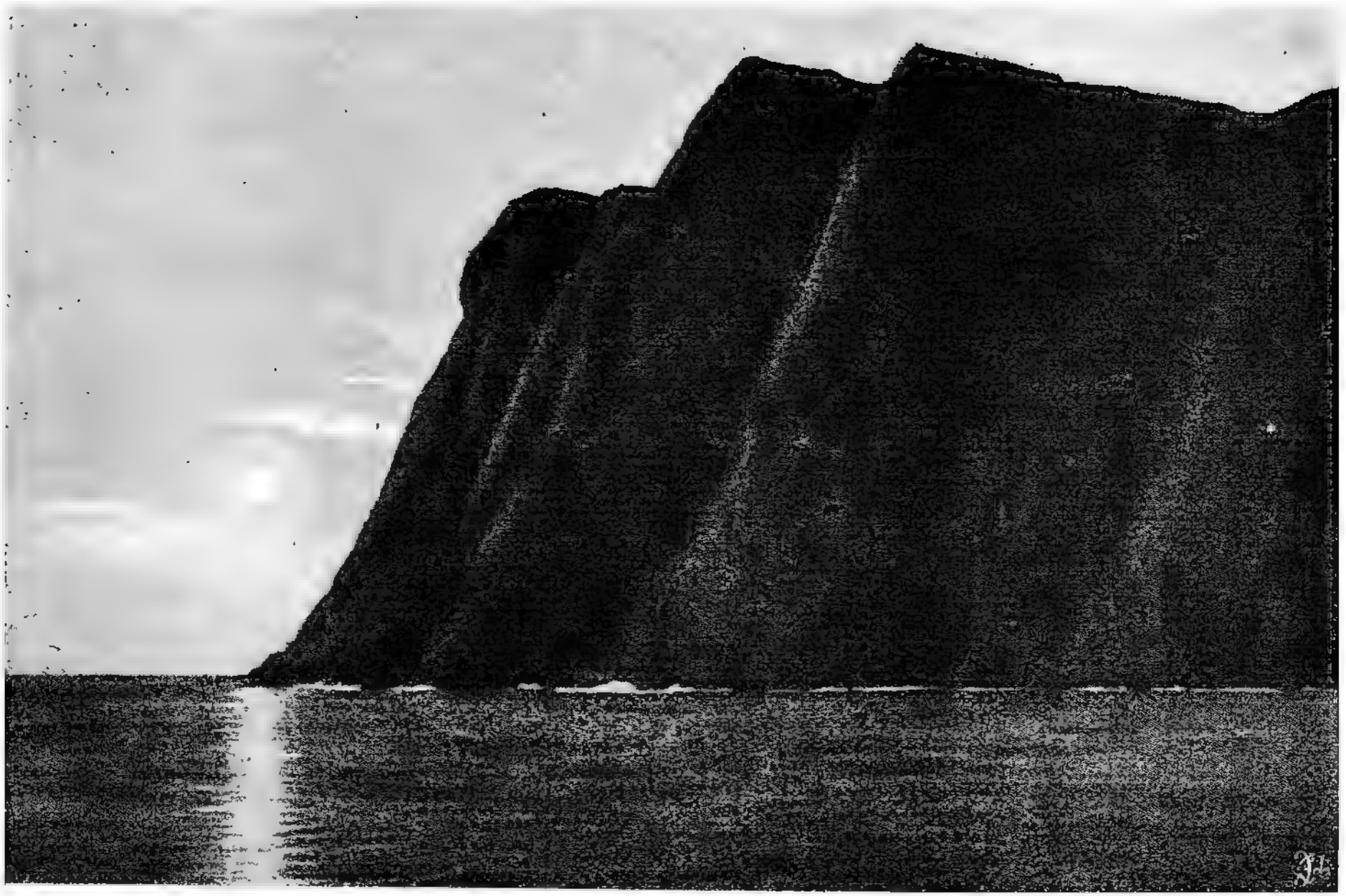

Рис. 7 Мысъ Нордкапъ.

свѣжаго мяса и зелени, эта болѣзнь принимаетъ дѣйствительно ужасные размѣры, которыхъ нельзя себѣ и представить въ нашихъ благословенныхъ странахъ. Начинаясь съ общей слабости всего тѣла, она разбиваетъ человѣка и дѣлаетъ его неспособнымъ ни мыслить, ни трудиться. Еле бродитъ полусонный цынготикъ, не зная, куда сунуться. Ноги и руки его начинаютъ пухнуть; на тѣлѣ появляются красныя и синія пятна, преимущественно на ногахъ; мѣстами показываются язвы; руки и ноги начинаютъ корчиться; острыя ноющія боли пронизываютъ больного насквозь; аппетитъ теряется; кровь выступаетъ не только изъ десенъ, но и изъ горла, и изъ накожныхъ язвъ; больной издаетъ отвратительный смрадъ и послѣ многихъ дней мученія умираетъ въ страшныхъ страданіяхъ. Цынгу, эту болѣзнь питанія, выражающуюся главнымъ образомъ ломкостью и кровоточивостью сосудовъ, можно назвать вполнѣ болѣзнью полярныхъ странъ, какъ желтую лихорадку — характерною болѣзнью притропическихъ областей.

Въ городъ Вардё, Вардегузъ, Варгаевъ нашихъ поморовъ, мы пришли во время страшной бури, которой сорвало у насъ съ парохода одну изъ кормовыхъ лодокъ. Вардё съ 1.400 обитателей представляетъ самую сѣверную и, вѣроятно, самую нестрашную крѣпость Европы, вооруженную нѣсколькими древними пушченками и защищаемую пятнадцатью-двадцатью человѣками команды, которая при нашемъ появленіи потрошила кита, такъ что комендантъ этой комичной крѣпости не могъ найти никого изъ гарнизона для отдачи воинской чести прибывшимъ туристамъ. Въ виду этой нестрашной крѣпости въ 1882 г. качался на рейдѣ и нашъ нестрашный крейсеръ «Полярная звѣзда», на который не безъ ехидства указывали пальцами норвежцы, какъ на вооруженную силу, приготовленную нами для того, чтобы овладѣть Вардё—оплотомъ Финмаркена. Единственная улица Вардё носитъ вполнѣ характеръ городка рыбаковъ. Въ го-

родѣ и по побережью двухъ бухтъ — громадныя приспособленія для вяленія рыбы, висящей на козлахъ милліонами. Весь городокъ пропитанъ запахомъ рыбы и трескового жира, стоящаго огромными чанами на берегу. Все для рыбы и ради рыбы! Гавань Вардё наполнена русскими судами, которыя здѣсь чувствуютъ себя относительно хорошо, какъ и въ сосѣднемъ Вадсё, Васинѣ поморовъ, находящемся на самой русской границѣ.

Кромѣ передней линіи амбаровъ и огромныхъ чановъ, гдѣ на солнцѣ вытапливается жиръ изъ печени и селезенки трески, образующій извѣстный рыбій жиръ, оба города представляютъ рядъ-другой домовъ довольно приличныхъ съ магазинами, а затѣмъ—цѣлый городъ сушеной рыбы, со многими улицами, образованными изъ длинныхъ козелъ съ распластанною трескою. Ужасающій для непривычнаго человѣка запахъ рыбы разносится далеко и по окрестностямъ города, такимъ же печальнымъ, какъ и всѣ сѣверные фіорды. Огромныя сланцевыя и шиферныя скалы круто спускаются къ вѣчно-бушующему морю; кое-гдѣ въ логахъ и ущельяхъ видны небольшія лужайки съ пучками щавеля, дягиля и заячьей капусты.

Блуждая по берегу, въ окрестностяхъ города, я набрелъ на сцену распластыванія кита. Надо имѣть самые крѣпкіе нервы и невзыскательный носъ, чтобы осмѣлиться подойти къ трупу огромнаго животнаго. Еще за поль-версты страшный запахъ колоссальной туши, разлагающейся привольно на берегу, отбиваетъ органъ обонянія. Подойдя къ этой горѣ гніющаго мяса, я ступалъ буквально выше щиколодки въ крови и растопившемся салѣ животнаго, около котораго пятеро норвежцевъ, утопая въ жирѣ и потрохахъ, рубили топорами куски мяса съ реберъ, взобравшись въ самую середину огромнаго трупа, какъ жуки-могильщики въ трупѣ мыши или лягушки.

Вадсё, надо замѣтить, въ настоящее время представляетъ

центръ китобойнаго промысла, такъ какъ тамъ единственный въ Норвегіи заводъ Фойна, не только обрабатывающій китовые продукты, но и занимающійся добываніемъ китовъ. Нѣсколько быстроходныхъ пароходовъ, принадлежащихъ заводу и вооруженныхъ на носу особаго рода пушкой, стрѣляющей гарпунами, постоянно крейсируютъ въ морѣ и высматриваютъ въ подзорныя трубы китовъ. Едва замѣтитъ караульщикъ фонтанчикъ кита, какъ пароходъ направляется на ловлю и какъ ни быстро убѣгаетъ огромное животное отъ своего страшнаго врага, но гдѣ же ему уйти отъ пара и человѣка? Гонитъ, гонитъ царя океановъ быстроходный китобой и, настигнувъ, бросаетъ смертоносное оружіе, которое дѣйствительнѣе гарпуна самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ прежнихъ гарпунщиковъ. Заводъ Фойна избиваетъ такимъ образомъ въ годъ до сотни китовъ, и немудрено, что число этихъ колоссальныхъ животныхъ быстро уменьшается. Можно предвидѣть ту пору (если китовый промыселъ будетъ поддерживаться съ такимъ же успѣхомъ), когда зоологъ вычеркнетъ кита изъ списка живущихъ животныхъ.

Вадсё лежитъ на полуостровѣ подъ 70° с. ш. и вмѣщаетъ до 2000 рыбачьяго населенія, изъ котораго почти половина приходится на долю финновъ—выходцевъ изъ Финляндіи, составляющихъ цѣлую колонію. У нихъ путешественникъ можетъ раздобыться молокомъ, котораго не видитъ часто отъ Тронджейма. Куда ни заходитъ финнъ, вездѣ неразлучна съ нимъ его любимая пища—салака, картофель и молоко: рыбу онъ добываетъ изъ моря, картофель—цѣною страшныхъ трудовъ изъ каменистой почвы, а молоко—разводя коровъ даже подъ 70° сѣверной широты. Самый городъ Вадсё состоитъ больше изъ козелъ съ навѣшанной треской, чѣмъ изъ домовъ. Въ окрестностяхъ его уже попадается до 50 сортовъ полевыхъ травъ; незабудки, курослѣпы, горицвѣты—лучшіе представители цвѣтовъ на берегахъ Варангеръ-фіорда. Городами Вардё и Вадсё оканчи-

вается норвежское побережье, а съ нимъ окончилось и мое странствованіе по цивилизованнымъ странамъ. Отсюда я уже углубился внутрь материка, въ почти дѣвственныя дебри Лапландіи. Отъ Вадсё я сѣлъ на небольшую шняку одного помора и на ней переѣхалъ на южную сторону Варангеръ-фіорда, въ которомъ нѣкоторыя гавани не замерзаютъ круглый годъ. Южный берегъ этого фіорда, лежащій по 69° с. ш., не представляетъ такой пустыни, какъ берега сѣверныхъ фіордовъ, потому что растительность уже начинаетъ одѣвать здѣсь доселѣ безплодныя скалы. Значительные луга разныхъ полевыхъ травъ смягчаютъ унылый видъ полярнаго ландшафта, а лѣса елей и березъ уже говорятъ о высшей флорѣ; чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ деревья становятся выше и вѣтвистѣе, а лѣса—тѣнистѣе и гуще.

Каждое растеніе нуждается для своего зарожденія въ извѣстной суммѣ теплоты, различной для различныхъ видовъ. У нѣкоторыхъ видовъ жизнь начинается или возобновляется послѣ зимняго сна, какъ только термометръ показываетъ 2° или 3° выше 0°. Другія растенія для начала ихъ годичной жизни нуждаются въ теплотѣ въ 10, 12, 15—20°. Растенія, подобныя дягилю, ложечной травѣ, горицвѣту, карликовой березѣ и т. п., живутъ отлично въ ледовитомъ поясѣ, успѣвая въ продолженіе нѣсколькихъ дней полярнаго лѣта и вырости и раскрыть свои лепестки и довести плоды свои до полной зрѣлости, довольствуясь для этого суммой тепла въ 150—160°. Ячмень, изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній ближе другихъ придвигающійся къ полюсу, вступаетъ въ періодъ своего роста, когда температура достигла по крайней мѣрѣ 5 или 6°, а для достиженія зрѣлости требуетъ суммы въ 1000°, которую успѣваетъ получить въ продолженіе полярнаго лѣта. Лапландская камнеломка цвѣтетъ даже подъ снѣгомъ, но вода, орошающая ея корни, и воздухъ, окружающій ея стебли, имѣютъ температуру на 4—5° выше 0°.

Постоянные туманы, лежащіе надъ страной, тоже препятствуютъ развитію растительности: солнечные лучи поглощаются густыми испареніями и количество свѣта и теплоты было бы слишкомъ недостаточно даже для убогой полярной растительности, если бы долгій полярный день не возмѣщалъ этой потери. Въ теченіе длиннаго дня, продолжающагося мѣсяцами, солнце не сходитъ съ горизонта, и количество свѣтовыхъ и тепловыхъ лучей, исходящихъ постоянно изъ него, обусловливаетъ ту чрезвычайную скорость, съ которой сѣверныя растенія по наступленіи весны просыпаются отъ сна и начинаютъ жить.

Сѣверное сіяніе.

Сѣверное сіяніе—это тѣ же магнитныя грозы, которыя разряжаются въ арктическихъ странахъ не быстро и шумно, какъ въ болѣе южныхъ широтахъ, а тихо и болѣе продолжительное время, озаряя небесный сводъ своими мерцающими лучами, слабое подобіе которыхъ можно видѣть въ Гейслеровыхъ трубкахъ.

Слабый, бѣлесоватый, какъ брезжущій свѣтъ ранняго утра, отблескъ, который показывается въ сѣверной части горизонта иногда съ багровымъ оттѣнкомъ, знаменуетъ начало чуднаго явленія. Свѣтъ сгущается по направленію магнитнаго полюса, мигая и блестя отдѣльными проблесками. Мало-по-малу съ краевъ горизонта, охваченнаго сіяніемъ, выступаетъ блестящая арка, отрѣзывающая свѣтовой сегментъ отъ остальной части голубого неба и на своей блестящей дугѣ увѣнчанная короной яркихъ магнитныхъ лучей. Желтовато-бѣлый свѣтъ постепенно усиливается,

принимаетъ багрово-пурпуровый цвѣтъ, который мигаетъ, переливается и колышется, то сокращая, то удлинняя свои блестящіе лучи. Порой изъ яркой свѣтовоїї дуги встаютъ разноцвѣтные снопы трепещущаго сіянія, которые то обѣгаютъ весь горизонтъ, какъ яркія радуги, то ширятся, расплываются и померкаютъ для того, чтобы загорѣться вновь. Эти цвѣтные столбы иногда съ такой правильностью исходятъ изъ свѣтовой арки, что кажутся колоннами великолѣпнаго зданія, освѣщеннаго солнцемъ, радугой и огнемъ. Цвѣтъ этихъ блестящихъ столбовъ, обыкновенно зеленыхъ при основаніи, золотисто-желтыхъ въ серединѣ и пурпурно-красныхъ наверху, съ промежутками голубой лазури увеличивается порой какимъ-то особымъ блескомъ, напоминающимъ миганіе электрическихъ искръ. Иногда эти колонны цвѣтовыхъ лучей, выходящія отъ одного основанія, сливаются и на вершинѣ образуется великолѣпный куполъ волшебнаго зданія, построеннаго изъ красокъ и огня. Порой же столбы, волнуясь и дрожа, расплываются по небу и облекаютъ его разноцвѣтной пеленою. Кроваво-краснымъ, багрово-пурпуровымъ представляется тогда небо, залитое магнитнымъ сіяніемъ, которое отражается и на поверхности земли, одѣтой въ снѣжный саванъ полярныхъ ночей. Въ магнитномъ зенитѣ небо кажется темнымъ, но это еще болѣе увеличиваетъ яркость остального горизонта. Мало-по-малу блестящіе цвѣта свѣтовыхъ столбовъ меркнутъ и догораютъ; яркія краски дрожатъ, расплываются въ бѣловато-желтый цвѣтъ зарницы и постепенно угасаютъ, еще долго озаряя тучи и сѣверный горизонтъ мигающимъ свѣтомъ фосфорическаго сіянія.

Представьте себѣ всю эту игру свѣта и тѣней надъ тундрой, облеченною въ снѣжный покровъ или надъ темной громадой лѣсовъ или надъ покрытымъ причудливыми льдинами океаномъ, и вы не удивитесь, что ради только полярнаго сіянія можно пріѣхать на далекій сѣверъ.

Въ теченіе года мѣстами бываетъ до 150 и 2000 сіяній, а наблюдались такія сутки, въ продолженіе которыхъ было до пяти сіяній.

Норвежцы.

Норвежцы, ближайшіе родственники шведовъ и датчанъ, принадлежатъ къ тому же тевтонскому племени, какъ и нѣмцы и англичане. Самая замѣтная черта въ физическомъ типѣ—длинный и узкій черепъ, высокій ростъ и свѣтлые волосы. Самыхъ чистыхъ представителей типа надо искать внутри страны, между тѣмъ какъ прибрежное населеніе обнаруживаетъ примѣсь чужой крови. Здѣсь у населенія голова шире, волосы темнѣе и ростъ короче и въ то же время оно живѣе, разговорчивѣе, болѣе поддается управленію, чѣмъ упрямые, сдержанные и независимые тевтоны внутреннихъ провинцій.

Норвежцы не только самые свѣтловолосые люди въ Европѣ, но и самые высокіе. Во время гражданской войны въ Соед. Штатахъ Америки было найдено, что изъ всѣхъ солдатъ норвежцы, послѣ американцевъ, имѣли самый высокій ростъ, а по обширности грудной клѣтки были первые изъ всѣхъ. Вѣроятно, что норвежскіе эмигранты представляли самый прекрасный физическій типъ и обладали большимъ среднимъ ростомъ, чѣмъ можно найти нынче въ странѣ, хотя норвежскій ученый Ганзенъ утверждаетъ, что эмиграція вовсе не понижаетъ физическихъ свойствъ народа. Онъ указываетъ, что въ годы сильной эмиграціи, какъ видно изъ записей при наборѣ рекрутъ, оказывается

большій процентъ крѣпкихъ людей и меньше неспособныхъ къ военной службѣ, съ узкой грудью и слабаго сложенія.

Норвежцевъ нельзя назвать красивыми и изящными людьми. Женщины у нихъ крѣпкія, коренастыя созданія и если есть у нихъ какая-нибудь красота, то это красота здоровья, силы, прочнаго крѣпкаго сложенія. У мужчинъ и фигура и черты лица болѣе правильны.

Ясный умъ, несокрушимая настойчивость, необыкновенное упорство, полнѣйшая честность и гордое чувство независимости—духовныя качества норвежцевъ. Бьернсонъ вѣрно замѣтилъ о своемъ народѣ: „мнѣнія у него образуются медленно и онъ упорно ихъ держится; благодаря строгой обособленности одной фермы отъ другой, гдѣ каждый работаетъ у себя на собственной землѣ безъ всякой помѣхи и противорѣчія, развивается чувство самостоятельности и независимости“. Эта уединенная и однообразная жизнь поддерживаетъ въ народѣ флегматичность; однако когда требуется быстрота дѣйствій и рѣшительность, норвежцы обыкновенно очень хорошо справляются съ такими положеніями.

Независимость и прямодушіе характеризуютъ всѣ классы общества. Въ Норвегіи нѣтъ наслѣдственной аристократіи. Въ 1821 г. было постановлено, что она можетъ пожизненно удержать свои титулы, но не можетъ передавать ихъ дѣтямъ. Норвежскій характеръ никогда не былъ испорченъ игомъ рабства. Феодальная система съ ея крѣпостничествомъ никогда не господствовала на сѣверѣ. Народъ всегда оставался собственникомъ земли и хранилъ въ себѣ независимость характера, какую не найдешь въ странахъ, гдѣ масса населенія не владѣла землей. Въ Норвегіи нѣтъ класса дворянскихъ землевладѣльцевъ. Самый богатый землевладѣлецъ и тотъ просто крестьянинъ и ничего больше.

Отсутствіе сословныхъ различій играло руководящую роль въ широкомъ распространеніи образованія среди нор-

вежскаго народа, благодаря чему онъ занимаетъ высокое мѣсто въ культурной исторіи Европы. Духовенство страны почти цѣликомъ выходитъ изъ рядовъ крестьянства. Университетъ въ Христіаніи пополняется сыновьями и дочерями самыхъ мелкихъ земледѣльцевъ. Бьернсонъ вѣроятно правъ, утверждая, что ни въ какой другой странѣ нѣтъ такой массы докторовъ, инженеровъ, учителей, адвокатовъ, которые бы выходили изъ рядовъ крестьянства, часто даже арендаторовъ и рабочихъ классовъ; ни въ какой другой странѣ изъ рядовъ крестьянства не выходитъ столько знаменитыхъ писателей, художниковъ, ученыхъ и государственныхъ людей.

Честность—одно изъ цѣнныхъ свойствъ норвежскаго народа. Попытки надувательства здѣсь такъ рѣдки, что путешественники, привыкшіе къ безчестности латинской расы, вошедшей въ пословицу, находятъ путешествіе въ Норвегіи удовольствіемъ. Англійскій писатель разсказываетъ типичный случай: во время путешествія пѣшкомъ по Норвегіи онъ въ одномъ мѣстѣ потерялъ кошелекъ. Не подозрѣвая своей потери, онъ спокойно продолжалъ свой путь. Вдругъ онъ слышитъ, что его кто-то догоняетъ; обернувшись, онъ увидалъ незнакомаго молодого человѣка, который сунулъ ему въ руку потерянный кошелекъ и исчезъ, прежде чѣмъ англичанинъ успѣлъ достать денегъ, чтобы поблагодарить нашедшаго за его честность. Въ Норвегіи не ожидаютъ за нее награды, потому что народъ тамъ достаточно просвѣщенъ, чтобы понимать, что поступать честно долгъ каждаго порядочнаго человѣка, и достаточно обезпеченъ, чтобы не протягивать своей руки за подачкой по всякому поводу.

Заслуживаютъ удивленія отношенія норвежцевъ не только къ людямъ, но и къ животнымъ. По мягкому и нѣжному обращенію съ ними норвежцы превосходятъ всѣ христіанскіе народы, развѣ только у магометанъ можно найти

подобное вниманіе къ лошадямъ. Норвежецъ не только никогда не ударитъ свою лошадь или корову, но даже не позволитъ себѣ грубымъ окрикомъ нарушить своихъ мирныхъ отношеній съ ними. Много тутъ значитъ добрый нравъ и мягкій характеръ норвежцевъ, но не малое значеніе имѣетъ и трезвость народа.

Норвежцы, подобно швейцарцамъ, имѣютъ большую склонность къ торговлѣ и путешествію. Торговые интересы страны не въ рукахъ евреевъ, нѣмцевъ или англичанъ, какъ во многихъ другихъ странахъ. И сомнительно, чтобы другіе европейцы путешествовали столько, сколько норвежцы: ихъ мореплаватели направляются въ самые отдаленные порты міра, ихъ китобои ѣдутъ въ далекіе края на промыселъ, купцы по всему свѣту отыскиваютъ рынки, ихъ изслѣдователи ищутъ полюсы земли, ихъ литераторы, ученые и артисты переселяются въ крупные культурные центры и ихъ эмигранты ѣдутъ за пристанищемъ и счастіемъ далеко за море. И куда бы они ни являлись, они всюду несутъ съ собой свою прямоту, честность и добродушіе.

Тѣ, кто знаетъ норвежцевъ дома и на чужбинѣ, согласятся, что мало на свѣтѣ людей столь почтенныхъ, пріятныхъ, столь свободныхъ отъ разрушительныхъ страстей и пагубныхъ предразсудковъ. Они любятъ спокойную простую жизнь со своими родственниками и друзьями, домашнія занятія и удовольствія. Ихъ забавы и развлеченія здоровы и спокойны. И теперь, когда быстро уменьшается пьянство, можно ожидать улучшенія въ условіяхъ жизни народа.

Подобно другимъ тевтонскимъ народамъ, норвежцы отличаются чистоплотностью, но, къ сожалѣнію, они въ этомъ отношеніи больше обращаютъ вниманія на свои дома, корабли, скотные дворы, чѣмъ на самихъ себя. Щетки для чистки зубовъ, ногтей и другія полезныя туалетныя принадлежности сравнительно мало распространены, ванны

представляютъ скорѣе исключеніе, чѣмъ правило. Норвежцы обладаютъ одной привычкой, которая не мирится съ чистоплотностью. Это жеваніе табаку. Они до такой степени одержимы этой отвратительной привычкоіі, что даже въ церкви не оставляютъ ея. Постоянное плеваніе на полъ, связанное съ этой привычкой, это пытка для иностранца въ Норвегіи.

Путешественникъ никогда не встрѣтитъ здѣсь нищихъ, потому что съ нищенствомъ ведется борьба. Всѣ неспособные къ работѣ по преклонному ли возрасту, по малолѣтству или вслѣдствіе увѣчья и болѣзни, получаютъ пособія отъ приходовъ и городскихъ управленій, если эти лица не имѣютъ никого, кто по закону обязанъ давать имъ содержаніе. Конечно, не въ роскошныхъ палатахъ живутъ эти несчастные и не сладко ѣдятъ, но всетаки они не на улицѣ и не грозитъ имъ голодная смерть.

Всѣ же способные къ труду обязаны содержать себя и свои семьи. Если они не находятъ заработка, то должны взять работу на огромныхъ казенныхъ земляхъ. Если человѣкъ отказывается отъ назначенной ему тамъ работы, бросаетъ ее безъ достаточнаго основанія или его увольняютъ за плохое поведеніе и онъ самъ вмѣстѣ съ семьей въ теченіе года живетъ на пособія отъ благотворительныхъ учрежденій, его забираютъ въ рабочій домъ, гдѣ онъ при строгомъ режимѣ долженъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Сюда же попадаютъ всѣ, кто бродитъ по странѣ, не имѣя постояннаго мѣстожительства и занятія.

Не такъ давно, всего какихъ нибудь лѣтъ 50—60 норвежцы имѣли полное право считаться первыми пьяницами въ Европѣ, теперь они одни изъ самыхъ трезвыхъ людей. Ужъ самый климатъ Норвегіи, сырой и холодный, съ длинными зимними вечерами гналъ ихъ въ кабаки искать вдохновенія, общества и развлеченій. Здѣсь за бутылкой водки, трубкой табаку и разговорами съ пріятелями время

шло куда веселѣе, чѣмъ въ одинокихъ хижинахъ, заброшенныхъ среди глубокихъ снѣговъ. Народъ пропивалъ свои деньги, здоровье, нравственныя силы. Зло отъ пьянства достигло такихъ размѣровъ, что надо было положить ему предѣлъ. Съ 1871 г. была введена такъ называемая готеборгская система продажи спиртныхъ напитковъ. Она состоитъ въ томъ, что исключительное право продажи спиртныхъ напитковъ передается городскими или приходскими управленіями только извѣстнымъ обществамъ. Эти управленія могутъ и совсѣмъ запретить продажу спиртныхъ напитковъ на своей территоріи. Получая разрѣшеніе на ихъ продажу, общества обязуются изъ вырученной прибыли отчислять въ свою пользу только 5% на свой капиталъ, остальное же отдавать на разныя просвѣтительныя учрежденія, напр., читальни, библіотеки, экскурсіи, театры, которыя бы могли уменьшать потребленіе спиртныхъ напитковъ. Обществу гарантируютъ прибыль въ 5% на его капиталъ, если продажа упадетъ ниже извѣстнаго предѣла. Благодаря этому общество не имѣетъ никакого интереса увеличивать сбытъ спиртныхъ напитковъ: сколько бы ни было продано ихъ, прибыль общества не увеличивается. Напротивъ, оно имѣетъ интересъ больше продавать посѣтителямъ кушаній и напитковъ, не содержащихъ алкоголя, потому что прибыль отъ этой продажи идетъ въ его карманъ. Заведенія, торгующія спиртными напитками, открыты отъ 8 утра до 7 зимой и до 8 вечера лѣтомъ. По воскресеньямъ и по праздникамъ они совершенно закрыты. Съ введеніемъ готеборгской системы потребленіе спиртныхъ напитковъ на душу населенія сократилось вчетверо, народъ сберегаетъ теперь цѣлые милліоны, преступленія уменьшились и продолжительность жизни возросла.

Крестьяне въ Норвегіи.

Если вспомнить, что 60% поверхности Норвегіи занято голыми скалами, 20%—лѣсомъ, 8%—пастбищами, 4%—озерами и 2% ледниками и снѣгами, легко представить себѣ, какая ничтожная часть остается подъ культурныя земли. Однако сельское хозяйство занимаетъ болѣе людей и даетъ больше дохода, чѣмъ другія занятія. Доходы отъ сельскаго хозяйства составляютъ не меньше, чѣмъ доходы отъ судоходства, лѣсоводства и рыболовства, взятые вмѣстѣ.

Почти всѣ норвежскіе земледѣльцы — мелкіе собственники. Законы страны благопріятствуютъ удержанію земли въ рукахъ владѣющихъ ею семей. По старинному закону, дѣйствующему и теперь, проданную землю можно выкупать прежнему владѣльцу, если она принадлежала ему не меньше 20 лѣтъ. Это право теряется, если новый собственникъ продержалъ землю три года. Лучшія фермы расположены по берегамъ озеръ и въ узкихъ рѣчныхъ долинахъ. Въ старину ради безопасности крестьяне селились группами, въ послѣднее время старыя постройки замѣняются новыми домами, расположенными по возможности въ центрѣ владѣній. Дома почти всегда выстроены изъ дерева на солидномъ каменномъ фундаментѣ и крыты черепицей, вмѣсто которой бѣдные употребляютъ бересту и дернъ. Внутри стѣны не штукатурятся и не покрываются обоями, а обыкновенно остаются въ своемъ естественномъ видѣ. Размѣры дома конечно зависятъ отъ богатства крестьянина и количества земли у него, но по большей части они очень помѣстительны. Большая комната, въ которой иногда и стряпаютъ, служитъ столовой, гостиной, а нерѣдко и спальной. Часто бываютъ отдѣльныя спальни для родителей и дѣтей.

Многіе изъ старыхъ домовъ, расположенныхъ по главнымъ дорогамъ, служатъ почтовыми станціями и постоялыми дворами, гдѣ всегда можно получить лошадей, а нѣкоторые наиболѣе обширные дома превратились даже въ небольшіе отели, переполненные лѣтомъ жильцами.

Поблизости отъ жилого дома стоитъ кухня, гдѣ стряпаютъ, варятъ пиво и стираютъ бѣлье. Здѣсь же приготовляютъ хлѣбъ. Онъ дѣлается изъ прѣснаго тѣста овсяной или ячменной муки въ видѣ тонкихъ громадныхъ лепешекъ съ круглымъ отверстіемъ посерединѣ, которыя пекутъ на большихъ сковородахъ, ставя ихъ на горячіе уголья. Запасы хлѣба дѣлаютъ на весь годъ и держатъ ихъ на шестахъ. Съѣстные припасы: мука, рыба, мясо хранятся въ особой кладовой, которая называется стабуръ. Она обыкновенно ставится на высокихъ каменныхъ столбахъ для предохраненія запасовъ отъ сырости, внизу подъ кладовой держатъ экипажи и земледѣльческія орудія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти стабуры украшаютъ простой, но красивой рѣзьбой. Удивительно, что иногда они бываютъ очень почтеннаго возраста въ нѣсколько столѣтій. Лошади и коровы помѣщаются въ длинномъ зданіи, крытомъ черепицей или дерномъ, на которомъ роскошно произрастаютъ травы и цвѣты.

Пища норвежскаго крестьянина проста и не особенно разнообразна. Главную роль въ его питаніи играетъ рыба во всѣхъ видахъ: сушеномъ, соленомъ и свѣжемъ. Свѣжее мясо, баранину, свинину онъ употребляетъ рѣдко, но зато часто ѣстъ оленину. Изъ овощей всего болѣе употребителенъ картофель. Сыры разныхъ сортовъ и цвѣтовъ всегда можно найти на столѣ норвежскаго земледѣльца. Кофе и молоко — его ежедневные напитки.

Старинные костюмы еще можно встрѣтить среди норвежскихъ крестьянъ, но исчезновеніе ихъ, конечно, вопросъ времени. Не особенно давно еще каждый большой округъ

Рис. 8. Норвежскіе крестьяне.

имѣлъ свой особенный костюмъ, но постепенное развитіе путей сообщенія, тѣсная связь города съ деревней и возвращеніе домой эмигрантовъ изъ Америки стремятся вывести изъ употребленія старые наряды. Путешественникъ можетъ видѣть ихъ еще даже въ городѣ на рыбакахъ, которые привозятъ сюда рыбу съ отдаленныхъ острововъ. Горничныя въ отеляхъ обыкновенно одѣты въ національный костюмъ. Всего чаще попадается на нихъ очень красивый костюмъ изъ округа Гардангеръ: короткая черная юбка, обшитая краснымъ шнуромъ и красная съ вышивками корсетка на бѣлой рубашкѣ съ пышными рукавами. Иногда еще добавляется поясъ, вышитый бисеромъ. Но если путешественникъ заберется подальше отъ большихъ дорогъ, въ настоящія дебри, то онъ найдетъ тамъ, хотя и не очень красивые, но очень любопытные остатки старинной одежды. Вотъ, напр., прелюбопытный мужской рабочій костюмъ. Онъ весь—одни брюки, но зато длинныя предлинныя, доходящія спереди и сзади до шеи. Онѣ шьются изъ темной матеріи; на груди онѣ украшены вышивками и серебряными пуговицами въ нѣсколько рядовъ, а сзади на нихъ нашивается для прочности длинная полоса кожи, идущая ниже колѣнъ, чтобы брюки не такъ скоро изнашивались отъ сидѣнія. Если смотрѣть сзади и издали на человѣка въ этомъ странномъ одѣяніи, то онъ вамъ покажется какимъ-то медвѣдемъ, поднявшимся на заднія ноги. По праздникамъ надѣваютъ еще, съ позволенія сказать, куртку, но въ сущности это просто пара рукавовъ, прикрѣпляющихся тесемками къ спинѣ. Какъ мало здѣсь нужно человѣку, чтобы быть прилично одѣтымъ. Въ этомъ же округѣ, гдѣ мужчины одѣваются такъ странно, женщины носятъ болѣе обычный костюмъ: короткую юбку съ кожанымъ поясомъ, который застегивается на серебряныя пряжки, и бѣлую просторную корсетку съ большими красивыми серебряными пуговицами. На ногахъ, обутыхъ въ длинные выше колѣнъ шерстяные

чулки съ серебряными же подвязками, у нихъ башмаки съ носками, загнутыми, какъ лыжи. Въ другомъ мѣстѣ путешественникъ натолкнется на оригинальныя шляпы изъ войлока, пропитаннаго смолой, съ такими широчайшими полями, что подъ ними можно ходить, словно подъ зонтикомъ, даже въ ливень.

Благодаря широкому распространенію образованія и своей зажиточности норвежскіе крестьяне, конечно, ведутъ свое хозяйство очень хорошо и умѣютъ получать со своихъ малоплодородныхъ земель превосходные урожаи. Такъ какъ размѣры земельныхъ владѣній обыкновенно не велики, то собственникъ часто обходится безъ наемнаго труда. Тамъ, гдѣ силы семьи недостаточны, нанимаютъ работниковъ. Эти работники получаютъ за свою работу право пользоваться клочкомъ земли и небольшой хижиной въ добавокъ къ денежному вознагражденію. Бываютъ случаи, что такіе работники изъ поколѣнія въ поколѣніе живутъ на землѣ одного и того же собственника. Положеніе ихъ тяжелое и они часто переселяются или въ города или даже въ Америку, откуда съ небольшой суммой сбереженій возвращаются на родину и покупаютъ себѣ землю.

Въ послѣдніе годы вслѣдствіе паденія цѣнъ на хлѣбъ и вздорожанія молочныхъ продуктовъ стало особенно развиваться скотоводство. Молоко, получаемое отъ скота, перерабатывается въ масло и сыръ. Раньше крестьяне тоже выдѣлывали эти продукты, но каждый у себя дома домашними первобытными способами. Теперь они соединяются въ товарищества и сообща устраиваютъ великолѣпныя сыроварни и маслодѣльные заводы съ мраморными полами, сложными машинами и амбарами-холодильниками. Производство здѣсь ведется въ крупномъ размѣрѣ и получаются отличные продукты, сбываемые главнымъ образомъ въ Англію.

Такъ какъ въ Норвегіи зимы очень длинны и суровы,

то приходится для скота заготовлять много сѣна. Это дѣло доставляетъ норвежцу много хлопотъ. На бѣду лѣто въ Норвегіи очень сырое и дождливое и уборка сѣна при такомъ климатѣ сущая бѣда. Какъ тутъ сушить сѣно, когда чуть не каждый день идетъ дождь. Если бы его сушить по нашему русскому способу, то трудно сказать, много ли бы стоговъ хорошаго сѣна удалось заготовить за короткое лѣто. Норвежцы поняли, что ихъ климатъ требуетъ быстрой сушки и придумали для этого очень простой и остроумный способъ. Трава, скошенная или косой, а гдѣ можно, то и американскими косилками, столь распространенными въ Норвегіи, не оставляется лежать на землѣ, а развѣшивается на особыя приспособленія. Въ землю втыкаютъ колья, соединяя ихъ проволокой, веревкой или длинными жердями, вотъ на нихъ-то дѣти и женщины и развѣшиваютъ свѣжую траву, которую солнце и вѣтеръ быстро высушиваютъ. Получается свѣжее, зеленое, душистое и питательное сѣно. Часть сѣна собирается съ узкихъ береговыхъ полосъ вдоль фіордовъ, но гораздо больше съ горныхъ луговъ, но бѣда опять въ томъ, что иногда они лежатъ въ такихъ мѣстахъ, что туда нѣтъ совершенно проѣзда. Трава скошена, высушена, но какъ свезти ее? Изобрѣтательный норвежецъ и тутъ нашелся: онъ беретъ длинную проволоку, одинъ конецъ которой укрѣпляется высоко на горѣ, а другой внизу въ долинѣ. Сѣно собирается въ большія охапки, связывается и по проволокѣ на вѣсу само собой спускается внизъ.

Но если на горные луга есть дорога, то скотъ обыкновенно на лѣтніе мѣсяцы перегоняется туда. Иногда это цѣлое длинное путешествіе, потому что горныя пастбища деревни могутъ лежать очень далеко отъ нея. Жителямъ острововъ приходится иногда долго везти свой скотъ на пароходѣ, прежде чѣмъ онъ достигнетъ материка и можетъ начать свое восхожденіе въ горы. Переселеніе на горныя пастбища, воспѣтое много разъ норвежскими поэтами и изо-

браженное въ краскахъ художниками, обыкновенно происходитъ около Ивана Купала, но конечно все зависитъ отъ состоянія погоды и количества снѣга, выпавшаго въ горахъ. Коровы, овцы и козы съ колокольчиками, а иногда украшенныя цвѣтами, торжественно двигаются въ путь, выражая свою радость, что послѣ скучнаго и долгаго стоянія въ хлѣву онѣ могутъ насладиться привольной жизнью на свѣжихъ и сочныхъ горныхъ лугахъ. За ними лошади везутъ все необходимое для жизни на горахъ: маслобойки, молочную посуду и котлы для варки сыра. Если сетеръ (такъ называются горныя пастбища) не далеко, то стада, тронувшись утромъ, приходятъ туда вечеромъ. Здѣсь они остаются все лѣто подъ присмотромъ обыкновенно женщинъ, которыя живутъ въ небольшой избенкѣ съ земляннымъ поломъ, гдѣ вмѣсто печки устраивается открытый очагъ безъ трубы и есть кой-какая необходимая домашняя утварь. Избенка ставится обыкновенно на берегу маленькаго горнаго озерка или рѣчки. Кругомъ два-три сарая: одинъ для скота на случай дурной погоды, другой для сѣна. Часто еще дѣлаютъ загородки, куда на ночь загоняютъ молочный скотъ, особенно тамъ, гдѣ водятся медвѣди.

Въ такой неприглядной обстановкѣ среди постояннаго труда живутъ норвежскія пастушки. Онѣ доятъ коровъ и козъ, процѣживаютъ молоко, сбиваютъ масло и варятъ сыръ, а въ свободное время вяжутъ чулки и вышиваютъ. Громкіе звуки рога изъ бересты, подхватываемые горнымъ эхо, созываютъ скотъ на ночлегъ и возвѣщаютъ конецъ трудового дня. Эта однообразная жизнь проходитъ почти въ полномъ одиночествѣ, потому что развѣ только по воскресеньямъ заглянутъ сюда рѣдкіе посѣтители узнать, все ли въ порядкѣ, и въ концѣ лѣта пастушки сильно тоскуютъ по обществѣ. Но и эта тяжелая жизнь не лишена прелести въ глазахъ норвежца: ему нравится это уединеніе на

берегу озера съ отдаленнымъ видомъ на снѣжныя вершины, свѣжій горный воздухъ, и эта торжественная тишина, особенно по вечерамъ, нарушаемая только мелодическимъ звономъ колокольчиковъ, лаемъ собакъ, рѣдкимъ мычаніемъ коровъ да громкими криками пастушекъ.

Но вотъ наступаютъ холодные и короткіе дни, значитъ пора приготовляться къ возвращенію домой. Пріѣзжаетъ хозяинъ, всѣ вещи и запасы приготовленнаго сыра и масла, которые обезпечиваютъ семью на цѣлую зиму, укладываютъ на лошадей и гонятъ сытый скотъ обратно въ долины. Горныя пастбища остаются пустыми до слѣдующаго года.

Во многихъ мѣстахъ въ послѣднее время обычаій гонять скотъ на горныя пастбища исчезаетъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ развалины пастушескихъ избушекъ. Норвежская женская молодежь тяготится суровой и уединенной жизнью въ горахъ и предпочитаетъ уходить на лѣто въ отели, которые одинъ за другимъ появляются по берегамъ фіордовъ вслѣдствіе огромнаго наплыва туристовъ. Здѣсь жить веселѣе и легче, да можно и хорошо заработать. Кромѣ того многихъ соблазняетъ переселеніе въ Соединенные Штаты или Канаду, а разъ норвежская дѣвушка попала сюда, то стоитъ ей только пожелать, и она непремѣнно выйдетъ замужъ, потому что здѣсь норвеженокъ цѣнятъ, какъ лучшихъ въ мірѣ фермерскихъ женъ, и беруть ихъ нарасхватъ.

Крестьянская свадьба въ Норвегіи.

Свадьба, можетъ быть, самый веселый праздникъ въ деревенской жизни, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растягивается на два—на три дня. Многіе изъ старыхъ обы-

чаевъ исчезаютъ, но деревенская свадьба продолжаетъ оставаться событіемъ великой важности и иностранцы очень цѣнятъ случай наблюдать ее лично. Многіе браки въ крестьянской средѣ дѣло соглашенія между родителями невѣсты и жениха. Когда молодой человѣкъ желаетъ жениться, обыкновенно переговоры открываются черезъ посредство какого-нибудь пріятеля обѣихъ сторонъ. Когда всѣ вопросы о приданомъ удовлетворительно разрѣшены, на сцену выступаютъ главныя дѣйствующія лица и легко достигается соглашеніе о днѣ свадьбы, потому что разъ финансовая сторона дѣла устроена, все идетъ гладко. Конечно, бываетъ много случаевъ, когда помолвленные должны долго ждать свадьбы по недостатку средствъ. Но мы теперь имѣемъ въ виду непосредственные переговоры передъ самой свадьбой. Когда приближается важный день, въ домѣ невѣсты идутъ большія приготовленія. Дѣлаются запасы для праздника и приглашаются гости. Существуетъ обычай, чтобы гости привозили съ собой подарки въ видѣ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, какъ-то: масло, рыбу, колбасу, пиво, водку и т. п. Конечно, въ болѣе богатыхъ домахъ этотъ обычай принимаетъ другія формы.

Въ нѣкоторыхъ округахъ Норвегіи невѣста имѣетъ очень величественный видъ, потому что въ день свадьбы, въ первый разъ и единственный разъ въ жизни, она носитъ корону. Эти свадебныя короны часто бываютъ весьма почтенной древностью, потому что сохраняются въ семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, но обыкновенно ихъ беруть на прокатъ у того, у кого онѣ есть, и платятъ за это небольшое вознагражденіе. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ приходахъ ихъ даютъ безплатно. Форма короны весьма различна въ разныхъ мѣстахъ; чаще всего она круглая и ее носятъ, какъ обыкновенную корону, но въ иныхъ мѣстахъ она имѣетъ видъ полумѣсяца. Съ короны свѣшиваются ленты, вышитыя цвѣтнымъ бисеромъ. Платье невѣсты чернаго

цвѣта съ цвѣтными шнурками (обыкновенно красными) въ нѣсколько рядовъ около подола и перетянуто поясомъ изъ серебряныхъ пластинокъ. Корсетка украшается вышивками бисеромъ по красному или зеленому полю. Часто невѣста надѣваетъ на шею серебряную цѣпочку. Волосы она распускаетъ и зачесываетъ назадъ, чего ей никогда не позволяли съ дѣтства и вѣроятно не позволятъ и впредь.

Когда все готово, свадебная процессія направляется въ церковь во главѣ съ необходимымъ лицомъ, скрипачемъ. Если приходится ѣхать по сушѣ, то женихъ съ невѣстой ѣдутъ вмѣстѣ на двухколесномъ норвежскомъ экипажѣ въ сопровожденіи своихъ друзей. Когда же путь въ церковь лежитъ по водѣ, какъ и обыкновенно бываетъ въ округахъ по берегамъ фіордовъ, то процессія лодокъ образуетъ очень привлекательную картину, конечно въ центрѣ лодка съ невѣстой и женихомъ, въ которой спереди сидитъ скрипачъ и на кормѣ развѣвается національный флагъ. Невѣсту сопровождаютъ не подруги, а ея мать и свекровь, которыя по прибытіи въ церковь заканчиваютъ туалетъ невѣсты и старательно счищаютъ съ жениха пыль. Вѣнчаніе продолжается долго и оканчивается длиннѣйшей проповѣдью новобрачнымъ. Возвращеніе домой—веселая поѣздка, всѣ по дорогѣ поздравляютъ молодыхъ и желаютъ имъ счастья.

Затѣмъ начинается празднество. Здѣсь нужно упомянуть объ очень важномъ лицѣ—руководителѣ пира. Въ старину онъ игралъ выдающуюся роль, но теперь старые обычаи почти исчезли. Онъ долженъ былъ быть очень находчивымъ человѣкомъ и всегда смотрѣть, чтобы все было въ порядкѣ на праздникѣ. Онъ обходилъ гостей кругомъ, чтобы убѣдиться, что у каждаго достаточно явствъ и питья, и всегда былъ готовъ своими шутками сгладить неловкость, какая могла возникнуть въ теченіе пиршества. Тосты на свадебномъ пирѣ многочисленны и никогда не бы-

васть недостатка въ напиткахъ, иногда ихъ бываетъ даже черезчуръ много и дѣло нерѣдко доходитъ до ссоръ.

Въ послѣдніе годы пьянство уменьшилось благодаря усиліямъ многихъ обществъ трезвости, но всякій, кто присутствовалъ на свадьбѣ въ деревнѣ, знаетъ, что выдержать всѣ здравицы трудное дѣло и требуется крѣпкая голова, чтобы остаться трезвымъ.

Послѣ угощенія начинаются танцы, которыя продолжаются часами и проходятъ съ большимъ одушевленіемъ. Танцовать съ невѣстой—честь и обязанность всѣхъ. Въ прежнее время за эту честь нужно было платить сообразно состоятельности и положенію танцора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ обычай существуетъ еще и теперь. Въ результатѣ получалась часто почтенная сумма, которая помогала молодымъ начинать хозяйство. Кромѣ парныхъ танцевъ въ Норвегіи есть и танцы для одного, которые тоже не мало поддерживаютъ на высотѣ веселое свадебное настроеніе. Вотъ какъ описываетъ Бьернсонъ одинъ изъ такихъ танцевъ. «Танцоръ присѣдалъ на корточки, прыгалъ въ стороны подъ звуки скрипки, раскачивался туда и сюда, потомъ поднимался, дѣлая видъ, что хочетъ сдѣлать прыжокъ вверхъ, и снова прыгалъ въ стороны, какъ раньше. Скрипачъ игралъ очень искусно, и звуки становились все одушевленнѣе. Танцоръ нагнулъ свою голову назадъ и подпрыгнулъ такъ высоко, что ударился о перекладину, и пыль съ потолка посыпалась на гостей. Они смѣялись и выражали ему одобреніе, дѣвицы стояли, почти не дыша. Скрипка повышала настроеніе, возбуждая танцора все болѣе и болѣе дикими звуками. Онъ не могъ противодѣйствовать вліянію возбужденной толпы и неистовой скрипки, нагибался впередъ, прыгалъ въ тактъ подъ музыку, выпрямлялся, какъ бы намѣреваясь подпрыгнуть, но удерживался, качался туда и сюда попрежнему и потомъ вдругъ, противъ всякаго ожиданія, подпрыгивалъ и звонко ударялся

снова и спова головой о перекладину. Потомъ онъ обора-чивался колесомъ въ одну сторону и другую, совершенно выпрямляясь послѣ каждаго оборота». Если празднество растягивается болѣе, чѣмъ на одинъ день, то на второй день невѣста является уже безъ своей великолѣпной ко-роны. Вѣроятно и она, подобно многимъ старымъ обычаямъ, отойдетъ въ область прошлаго, но въ настоящее время ко-рона еще существуетъ и составляетъ интересное и живо-писное дополненіе свадебнаго наряда.

Морскіе промыслы въ Норвегіи.

Наблюдателя прежде всего поражаетъ скудость фауны берега и колоссальное богатство ея въ морской глубинѣ. Тутъ только можно убѣдиться, что море должно быть раз-сматриваемо, какъ поприще для животной жизни по пре-имуществу, и не столько вслѣдствіе роста и силы своихъ чудовищъ, сколько вслѣдствіе изумительнаго множества скопляющихся въ громадныя массы разнообразнѣйшихъ формъ. Рядомъ съ огромными китами, длиной превосходя-щими 10 саж. и вѣсящими столько же, сколько цѣлая армія въ 2000 человѣкъ, кишатъ милліарды существъ, которыхъ цѣлыя тысячи помѣщаются въ каплѣ воды. Мѣстами море до того переполнено живыми организмами, что кажется ожи-вотвореннымъ; норвежскіе моряки зовутъ часто море жи-вымъ, тогда какъ древніе греческіе поэты называли его безплоднымъ. Уйдешь дальше въ океанъ, и громадное скоп-леніе морскихъ существъ временами измѣняетъ самый цвѣтъ моря. А едва настанетъ ночь, не полярная бѣлая ночь, а

темная, непроглядная ночь осени,—море заблеститъ и засіяетъ страннымъ фосфорическимъ свѣтомъ, который издаютъ изъ себя микроскопическіе морскіе организмы. Какъ горящіе живые факелы, они рѣютъ безчисленными стаями въ глубинахъ океана и освѣщаютъ подводныя пространства свѣтомъ бездны, который является единственнымъ свѣтомъ на глубинахъ свыше 40—50 саж. Бросимъ захватывающій лотъ на дно морское, и на любой точкѣ океана мы извлечемъ слой грязи, въ которой микроскопъ укажетъ остатки безчисленныхъ живыхъ существъ. Въ одномъ гранѣ песку ихъ содержится около 1000; по этому одному можно судить объ огромномъ множествѣ этихъ ничтожныхъ существъ, покрывающихъ дно океановъ и повышающихъ его ежегодно настолько, что, можно думать, современемъ они заполнятъ бездонныя глубины.

Но не одною низшею жизнью богатъ океанъ. Всякій, сдѣлавшій даже одинъ пароходный рейсъ, убѣдится, что море вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ колоссальныхъ чудовищъ, каковы кашалоты и киты,—тысячи акулъ, бѣлугъ, дельфиновъ и тюленей и безчисленныя полчища рыбъ. Припомнимъ только, что одна самка многихъ видовъ рыбъ можетъ содержать сотни, тысячи и даже милліоны яицъ, изъ которыхъ каждое при благопріятныхъ условіяхъ можетъ произвести особь, и тогда намъ будутъ понятны тѣ массы рыбъ, которыми наполнены сѣверныя норвежскія моря и Ледовитый океанъ. Число сельдей, потребляемыхъ рыбаками одной сѣверной Европы, должно исчислять милліардами. Когда армія сельдей подходитъ къ берегамъ норвежскихъ фіордовъ, чтобы метать икру, то покрываетъ собою цѣлыя пространства, достигающія въ длину до 10—15 верстъ, словно «приподнимается громадный островъ и какой-то материкъ готовъ выйти изъ воды». Отдѣльныя особи идутъ здѣсь такъ тѣсно, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что воткнутая въ массу рыбы палка остается въ верти-

кальномъ положеніи. То же самое можно сказать и о трескѣ, которую мнѣ самому приходилось ловить такимъ примитивнымъ способомъ, какъ простое забрасываніе крючка на ничтожную глубину безъ всякой наживки. Потягивая время отъ времени на счастье забропенный крючекъ, я нѣсколько разъ вытаскивалъ черезъ нѣсколько минутъ огромную треску, просто подцѣпивъ крючкомъ одну изъ многихъ, кишащихъ вокругъ парохода. Количество болѣе мелкой рыбы, напр., мойвы, употребляемой для наживки, макрели, салакушки превосходитъ всякое вѣроятіе.

Море, переполненное массой живыхъ существъ и, наоборотъ, чрезвычайно бѣдное растительностью, которая ограничивается десяткомъ, другимъ водорослей и нитчатокъ, разумѣется, не можетъ дать кишащему въ немъ животпому міру иной пищи, кромѣ животной. Поэтому здѣсь вѣчно царитъ самая ожесточенная борьба за жизнь и смерть, пастоящая борьба за существованіе. Съѣсть или быть съѣденнымъ — вотъ задача, которую постоянно приходится разрѣшать безчисленнымъ морскимъ существамъ. Только киты, нарвалы, акулы, моржи, дельфины и нѣкорыя иглокожія могутъ ѣсть, не рискуя быть съѣденными; всѣ остальныя ѣдятъ для того, чтобы въ свою очередь послужить пищей для другихъ. При огромномъ количествѣ морскихъ существъ едва-ли одна десятая часть ихъ погибаетъ естественною смертью, а остальная находитъ свою могилу въ желудкахъ другихъ организмовъ. «Море есть не что иное, какъ арена для убійствъ въ колоссальныхъ размѣрахъ—говоритъ одинъ естествоиспытатель,—гдѣ существа, нарождаясь въ безчисленныхъ миріадахъ, тотчасъ же служатъ добычей милліонамъ и милліардамъ остервенѣлыхъ отъ голода враговъ». Тѣ громадныя стаи сельдей, о которыхъ мы говорили, сопровождаются въ водѣ сотнями разныхъ большихъ морскихъ животныхъ и тысячами хищныхъ птицъ сверху. Всякій хищникъ старается урвать

себѣ добычу изъ стаи беззащитныхъ рыбешекъ; хищная акула и зубатка врываются въ самый строй сельдей, тогда какъ сотни и тысячи чаекъ, баклановъ, буревѣстниковъ и прочихъ морскихъ птицъ выхватываютъ добычу, налетая на нее сверху. Вокругъ по морю плаваетъ маслянистое вещество, образовавшееся изъ желчи милліоновъ растерзанныхъ рыбъ. Кольчатые черви, медузы и моллюски, проглатываемые десятками тысячъ чудовищами моря, въ свою очередь пожираютъ миріады мельчайшихъ существъ, которыхъ до 5—7.000 можетъ помѣститься въ желудкѣ одной медузы.

Въ ужасающей бойнѣ морскихъ существъ принимаетъ участіе и человѣкъ, который избиваетъ самихъ китовъ, моржей, акулъ и дельфиновъ, не имѣющихъ враговъ въ морской глубинѣ. Цѣлыя сотни тысячъ обитателей сѣверной Европы занимаются спеціально морскими промыслами, а Норвегія, какъ лежащая въ самомъ центрѣ обитанія морскихъ существъ, можно сказать, цѣликомъ представляетъ рыболовную страну, такъ какъ земледѣліе не можетъ обезпечивать существованія даже двадцатой части ея обитателей. Вся полоса земли къ сѣверу отъ полярнаго круга населена единственно благодаря обилію рыбы, а потому на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега она является настоящей пустыней, гдѣ бродитъ лишь со своимъ оленемъ полудикій лопарь. Богатыя рыбныя ловли заселили сѣверныя провинціи Скандинавіи, развили правильное пароходство по безплодной каменистой линіи фіордовъ и внесли цивилизацію въ тѣ земли, гдѣ человѣкъ не могъ бы существовать безъ помощи моря.

Развитіе мореходства такъ распространено въ Норвегіи, что большинство бѣдныхъ жителей городовъ вмѣсто того, чтобы отдавать свои маленькія сбереженія въ сберегательныя кассы и банки, помѣщаетъ ихъ въ долю корабля; такимъ образомъ всѣ жители—судовладѣльцы прямо или косвенно

и для всѣхъ одно и то же составляетъ главную статью дохода. Торговый флотъ Норвегіи достигаетъ до 9.000 судовъ съ 75.000 чел. экипажа, не считая еще 20—30.000 небольшихъ рыбачьихъ судовъ—ель,—пропорція наибольшая въ мірѣ для 2.000.000 населенія. Количество товара, поднимаемаго норвежскими судами, превышаетъ общую вмѣстимость французскаго и датскаго флотовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Хотя этотъ огромный коммерческій флотъ и занятъ въ значительной мѣрѣ отпускною и привозною торговлей, вывозя лѣса и рыбы почти на 80.000.000 рублей, тѣмъ не менѣе самая большая часть его посвящена преимущественно рыболовству, которое даетъ каменной Норвегіи хлѣбъ и жизнь, а жителей ея дѣлаетъ всѣхъ состоятельными.

Ни въ одномъ европейскомъ морѣ рыбаки не закидываютъ своихъ сѣтей и удочекъ на болѣе значительную глубину, чѣмъ въ водахъ норвежскаго побережья: даже на глубинѣ въ 450 аршинъ норвежецъ добываетъ себѣ хлѣбъ. Человѣкъ въ этихъ страшахъ, особенно на сѣверѣ въ Финмаркенѣ, зависитъ всецѣло отъ количества рыбы: когда моря доставляютъ обильный уловъ трески, смертность между жителями уменьшается, населеніе возрастаетъ, довольство увеличивается; при меньшемъ количествѣ улова—смертность быстро возрастаетъ, число браковъ и рожденій уменьшается; даже уменьшается число дѣтей, посѣщающихъ школу; треска и сельдь поэтому—главное сокровище, которымъ живетъ Норвегія и, пропади оно, едва ли возможно было бы существованіе населенія выше 55° сѣв. шир. Когда въ началѣ XIX столѣтія вслѣдствіе какихъ-то причинъ рыба перестала появляться въ огромномъ количествѣ у береговъ средней Норвегіи, жители, доселѣ процвѣтавшіе, впали въ крайнюю бѣдность, въ странѣ развилась масса нищихъ, болѣзни, въ томъ числѣ и проказа, начали быстро истреблять населеніе; воротилась рыба — и расцвѣли прибрежныя селенія. Тресковые и сельдяные промыслы по-

этому — вотъ на чемъ приходится останавливаться всего чаще путешественнику на норвежскомъ побережьѣ. Если ловлей одной трески въ странахъ за полярнымъ кругомъ занимается около 10.000 судовъ съ экипажемъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, а всего промышляетъ морскимъ промысломъ до 200.000 норвежцевъ, то можно судить, какое оживленіе и жизнь кипятъ въ фіордахъ, представляющихъ сами по себѣ каменные корридоры.

Сотни рыбачьихъ селеній цвѣтутъ, пріютившись въ глубинѣ этихъ чудныхъ заливовъ, и можно сказать безъ преувеличенія, что это настоящіе тресковые и сельдяные города. Пароходъ на пути къ Нордкапу посѣщаетъ большинство этихъ рыбачьихъ городковъ. Ничѣмъ не привлекаютъ съ виду эти селенія норвежцевъ, похожія одно на другое, какъ двѣ капли воды и разнящіяся только окружающими декораціями. Одинъ, два ряда приморскихъ амбаровъ, спуски и трапы пристаней, чаны съ тресковымъ жиромъ, вытапливаемымъ на солнцѣ, рядъ деревянныхъ домиковъ на каменномъ фундаментѣ, крытыхъ черепицей и чаще всего выкрашенныхъ красною краской, составляютъ передній фасадъ этихъ городковъ. За ними, на второмъ планѣ идутъ двѣ-три улицы, тянущіяся на десятки и сотни саженъ и составленныя исключительно изъ козелъ съ навѣшанною распластанною треской. Запахъ полусгнившей рыбы и вытапливаемаго жира встрѣчаетъ пароходъ еще въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, и пассажирамъ, находящимся на его палубѣ, приходится дышать рыбной атмосферой, даже не сходя на берегъ. Несмотря на суровую природу, окружающую эти города, на нихъ лежитъ печать довольства и недюжинной цивилизаціи.

Великолѣпные комфортабельные пароходы, дѣлающіе еженедѣльные рейсы, соединяютъ отдѣльныя рыбачьи селенія не только съ другими прибрежными пунктами Норвегіи и со столицей королевства, но даже съ Гамбургомъ,

Рис. 9. Шлюзы въ Норвегіи.

Копенгагеномъ и Лондономъ. Сѣть телеграфовъ и телефоновъ оплетаетъ все побережье, служа часто для весьма практическихъ цѣлей — извѣщенія прибрежныхъ рыбаковъ о появленіи стада рыбы въ томъ или другомъ фіордѣ. До 1857 г. правомъ рыболовнаго промысла пользовались лишь лица, получившія на то особую привилегію. Море было раздѣлено между прибрежными землевладѣльцами, основывавшими рыбачьи колоніи на сосѣднихъ мысахъ и островахъ. Теперь же море свободно и открыто для всѣхъ, исключая лишь воскреснаго дня: всякая ловля воспрещена отъ вечера субботы до вечера воскресенья, отъ 5 часовъ по полудни до 5 вечера другого дня. Несмотря на свою небольшую величину, каждое изъ описанныхъ приморскихъ селеній, смотрящихся въ атлантическій океанъ, имѣетъ по нѣсколько школъ, кирку, небольшую библіотеку, почтовую и телеграфную станцію, небольшой докъ и собственную флотилію рыбныхъ лодокъ, на которыхъ по временамъ и старъ и младъ, даже женщины уходятъ на промыслы. Бойкая, здоровая норвежепка не уступитъ мужчинѣ и въ управленіи лодкой и въ выметываніи рыболовныхъ сѣтей.

Не легки рыбные ловы, какъ бы они ни были прибыльными, и прежде не одна сотня норвежцевъ ежегодно находила свою смерть въ морскихъ пучинахъ. Переполненныя добычей лова и рыбными снастями ихъ небольшія, но довольно длинныя и ходкія елы тонутъ и разбиваются цѣлыми десятками при входѣ въ фіорды, куда расходившееся море нагоняетъ волну за волной или еще чаще погибаютъ въ открытомъ океанѣ, вдали отъ родныхъ береговъ, тою безвѣстною смертью, которую норвежскіе промышленники зовутъ роковой судьбиной. Какъ-то въ февралѣ, въ одинъ бурный день море поглотило до 500 рыбаковъ, возвращавшихся съ удачнаго лова съ лодками, переполненными добычей до бортовъ.

Я зашелъ бы далеко, если бы сталъ описывать спо-

собы добыванія сельди и трески, массы которыхъ часто своей страшной тяжестью прорываютъ самыя крѣпкія канатныя сѣти. Огромные ярусы на открытомъ морѣ, различныя сѣти на мелях̀ъ, особенныя удочки съ сотнями наживокъ и всевозможныя приспособленія для ловли рыбы, изобрѣтенныя норвежцами, покрываютъ сѣтью всѣ берега Норвегіи, особенно весной — когда рыба идетъ въ фіорды изъ открытаго моря метать икру. На своихъ поворотливыхъ елахъ, несущихъ простую, но очень практичную оснастку въ два яруса, норвежскіе рыбаки заѣзжаютъ иногда такъ далеко въ море, что тамъ проводятъ цѣлыя недѣли. Нехитро производится самый ловъ трески и сельди, особенно при практичности способовъ, изобрѣтенныхъ рыбаками, но чего стоитъ поработать ранней весной цѣлыя сутки въ сѣверномъ морѣ, когда обледенѣваютъ борта лодокъ и вытащенныя сѣти, когда пальцы корчатся отъ щипящаго мороза и разъѣдающей соленой воды, когда море вѣчно волнуется, а сырой морозящій туманъ пронизываетъ до костей, противъ чего не помогаетъ ни одуряющій норвежскій ромъ, ни теплая шведская куртка, ни полотняное пальто, пропитанное олифой, ни зюдвестка—просмоленная холщевая шляпа съ широкими полями, закрывающая уши и затылокъ.

Главный снарядъ для ловли трески—ярусъ, похожій на тотъ, который употребляютъ и наши рыбаки. Это рядъ канатовъ, связанныхъ концами въ одну линію, на которую привязаны небольшія бичевки съ крючками; на этихъ послѣднихъ насаживается мелкая рыба—песчанка или моііва, родъ небольшой салакушки. Весь ярусъ съ помощью различныхъ тяжестей опускается на дно; мѣстами отъ этой линіи идутъ веревки до поверхности воды съ деревянными поплавками или стеклянными пустыми шарами, обтянутыми веревочною или проволочною сѣтью; эти поплавки помогаютъ слѣдить за положеніемъ яруса. Длина этого послѣд-

няго доходитъ иногда до 10 верстъ съ числомъ крючковъ, выражаемымъ многими тысячами. Можно себѣ представить, сколько труда стоитъ выметываньe и поднятіе такой массы веревокъ, особенно переполненныхъ рыбой, въ холодное весеннее время.

Добытая такимъ образомъ треска идетъ на всѣ потребности норвежца, какъ отъ верблюда и финиковой пальмы въ Сахарѣ все идетъ на пользу человѣку, такъ и у норвежца треска цѣликомъ идетъ въ дѣло. Самымъ разнообразнымъ путемъ приготовленная, сушеная, соленая, вяленая и копченая, треска идетъ въ пищу, замѣняя хлѣбъ для многихъ тысячъ норвежцевъ. Высушенное крѣпкое мясо этой рыбы растирается въ особый родъ муки, идущей на приготовленіе лепешекъ. Плавательный пузырь употребляется для добыванія клея, икра—въ качествѣ приманки; отрѣзанныя и высушенныя головы, которыя на всѣхъ побережьяхъ Норвегіи возвышаются, какъ курганы, такъ же, какъ и высушенныя внутренности, переработанныя на фабрикахъ, даютъ прекрасное гуано для удобреній, а тресковая печень и селезенка—извѣстный каждому тресковый или рыбій жиръ, цѣнность котораго довольно высока. Такимъ образомъ прибрежья сѣверной Норвегіи, будучи огромной рыбачьей колоніей, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и обширной фабрикой тресковыхъ продуктовъ съ милліоннымъ оборотомъ.

Большое значеніе для норвежца представляетъ также и сельдь, которая, хотя и ловится у береговъ постоянно, но даетъ главный уловъ лѣтомъ и осенью, когда она приближается къ берегу, отыскивая себѣ въ пищу низшихъ морскихъ существъ, ютящихся подъ защитой берега, и зимой съ конца января до марта, когда она несмѣтными стаями является у береговъ фіордовъ. Эта періодичность улова породила извѣстную басню о переселеніяхъ сельдей, предводимыхъ сельдяными королями изъ глубины сѣвер-

наго полярнаго моря, еще недоступнаго для моряковъ, къ побережьямъ Скандинавіи. На самомъ дѣлѣ сельдь — постоянная обитательница водъ сѣверныхъ морей, что̀ и доказываетъ ея постоянный небольшой уловъ, но живетъ она постоянно на большой глубинѣ и только для метанія икры подымается ближе къ поверхности. Дно части Атлантическаго океана, заключенное между средней Европой, Норвегіей и Великобританіей, представляетъ въ общемъ неглубокую равнину футовъ въ 600 глубиной и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе значительной глубины. Въ этой-то глубинѣ и находится любимое мѣстопребываніе сельди. Ловля послѣдней производится огромными сѣтями и всего обильнѣе въ южныхъ фіордахъ Норвегіи, между Ставангеромъ и Бергеномъ, гдѣ около 4.000 судовъ и 25.000 человѣкъ заняты этой ловлей. Сѣвернѣе Тронтгейма уловъ незначителенъ, и чѣмъ ближе къ Нордкапу, тѣмъ становится меньше, такъ что въ Норвежскомъ Финмаркенѣ сельди ловятся такъ немного, что жители даже не трудятся ее солить.

При громадныхъ вообще уловахъ трески и сельди немудрено, что въ періодъ промысловъ на берегахъ возникаютъ временныя селенія, учреждаются телеграфныя и почтовыя станціи и устраиваются живые мосты на сваяхъ для пѣшеходовъ.

Кромѣ трески и сельди норвежскіе рыбаки мимоходомъ занимаются ловлею и другихъ рыбъ: лосося, палима, макрели и другихъ, а также морскихъ животныхъ: акулъ, тюленей и китовъ. Обо всѣхъ этихъ промыслахъ мы не будемъ распространяться, такъ какъ они сравнительно незначительны; мы скажемъ только нѣсколько словъ о китовомъ ловѣ.

Величайшій изъ существующихъ и существовавшихъ животныхъ организмовъ — китъ нынѣ почти совсѣмъ повывелся изъ Скандинавскихъ морей и ушелъ дальше на

сѣверъ, въ арктическія воды или поглубже въ океанъ. Еще сравнительно недавно гонялись за китомъ въ виду норвежскихъ фіордовъ, а по временамъ даже и нынѣ море выбрасываетъ этихъ великановъ на берега сѣверной Норвегіи. Но вообще-то говоря, золотой вѣкъ китоваго промысла отошелъ въ вѣчность вмѣстѣ съ замѣноіі поэтическаго, хотя и опаснаго промысла гарпунщиковъ, болѣе прозаическимъ стрѣляніемъ изъ пушекъ въ могучее животное. Для добычи китовъ норвежцы идутъ далеко въ океанъ или въ русскія сѣверныя воды, гдѣ киты еще довольно обильны, хотя число ихъ ежегодно уменьшается отъ неумѣреннаго истребленія. Только моря, омывающія Шпицбергенъ, Янъ-Маіенъ и Гренландію, служатъ привольными обиталищами кита, хотя человѣкъ пришелъ и сюда, неся смерть огромному, ни въ чемъ неповинному животному. Съ уменьшеніемъ добыванія китовъ уменьшилось и число фабрикъ, перерабатывающихъ продукты, получаемые отъ кита, и только заводъ Файна на далекомъ сѣверѣ представляетъ тотъ пунктъ, куда стекаются всѣ китобои. Всѣмъ извѣстна рискованная охота на кита при помощи гарпуна и небольшой ладьи, рискующей быть перебитой могучимъ ударомъ хвоста могучаго животнаго. Но норвежцы ухитрились еще въ древнія времена, когда китовъ было много, бить ихъ изъ громадныхъ самострѣловъ, стрѣлявшихъ деревянною стрѣлой съ желѣзнымъ остріемъ въ футъ длины, которую натягивали на тетиву посредствомъ рычага, толщиной въ руку. Въ настоящее время подобное первобытное орудіе сохраняется только въ музеяхъ, и новые китобои, позаимствовавъ идею, приспособили къ длинной пушкѣ вмѣсто ядра огромный гарпунъ съ канатомъ, которымъ и поражаютъ издалека могучаго кита; огромному животному, разумѣется, становится невозможно бороться съ человѣкомъ при такихъ условіяхъ и оно предпочитаетъ бѣгство всякой попыткѣ къ сопротив-

ленію. Въ настоящее время въ самой Норвегіи китобойный промыселъ прекращенъ на 10 лѣтъ, считая съ 1904 г.

Лѣсное дѣло въ Норвегіи.

Путешественникъ, который посѣтилъ бы только западные берега Норвегіи и ея главные фіорды, пожалуй, пришелъ бы къ заключенію, что въ этой странѣ лѣсу очень мало, такъ какъ во время своего путешествія онъ почти ничего не видалъ, кромѣ голыхъ скалъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ лѣсу здѣсь еще очень много и мѣстами онъ тянется на огромныя пространства, образуя настоящія лѣсныя дебри. Раньше его было еще больше, какъ доказываютъ корни большихъ деревьевъ, находимые въ землѣ, и тамъ, гдѣ теперь все голо или въ лучшемъ случаѣ встрѣчается рѣдкая березовая или ивовая поросль, когда-то шли густые темные лѣса. Въ Норвегіи растетъ главнымъ образомъ хвойный лѣсъ, состоящій изъ сосны и ели, лиственный же занимаетъ всего четверть лѣсной площади и не играетъ важной роли. Изъ лиственныхъ породъ развѣ одна береза имѣетъ значеніе для норвежца, давая прекрасный матеріалъ для деревянныхъ частей земледѣльческихъ орудій, покрывая своей берестой крыши его построекъ, согрѣвая его въ лютые морозы, какъ отличное топливо, и даже питая своими листьями оголодавшій его скотъ.

Лѣсъ большое народное богатство, которое даетъ странѣ ежегодно десятки милліоновъ рублей только въ видѣ вывоза. Не особенно давно вывозили лишь сырой матеріалъ, но потомъ стали на мѣстѣ обрабатывать его, приготовляя

паркетъ, мебель, рамы, двери и даже цѣлые домики, и отправлять готовыя издѣлія. Теперь особенно много требуютъ дерева писчебумажныя фабрики. Міръ сталъ грамотенъ и всѣ стали читать газету. Явился спросъ на дешевую бумагу и былъ изобрѣтенъ способъ дѣлать ее изъ древесной массы. На бѣду норвежское дерево оказалось прекраснымъ для нея матеріаломъ, потому что содержитъ въ себѣ сравнительно мало смолы. Неудивительно, что всѣ бросились на эту цѣнную породу съ такимъ остервенѣніемъ, что норвежское правительство, боясь лѣсоистребленія, вынуждено было удвоить надзоръ за лѣсопромышленниками. Въ юго-восточной части Норвегіи возникло много крупныхъ фабрикъ древесной массы, гдѣ можно наблюдать все производство, начиная съ вытаскиванія посредствомъ машинъ бревенъ изъ воды на берегъ и кончая перевозкой готоваго продукта на пароходы.

Рубка лѣса происходитъ осенью и зимой. Это очень трудная работа, на которую идутъ только сильные и выносливые люди. Жить приходится въ лѣсу среди снѣговъ, работать на морозѣ, питаться кое-какъ, ночевать въ избушкѣ, которая нагрѣвается только костромъ, поддерживаемымъ всю ночь. Мучатся люди, мучатся и лошади, которыя возятъ бревна: бѣдныя, онѣ всю ночь должны мерзнуть подъ открытымъ небомъ, покрытыя лишь шерстяной попоной: рѣдко для нихъ дѣлаютъ въ лѣсу конюшни. Въ большіе морозы, когда можно опасаться, что онѣ, оставаясь неподвижны, могутъ окоченѣть отъ холода, возку продолжаютъ даже ночью. Срубленныя деревья перевозятъ на берегъ рѣки, клеймятъ и складываютъ въ груды. Когда наступаетъ весна, таютъ снѣга и рѣки вскрываются, бревна сбрасываются въ воду и плывутъ внизъ по теченію среди молчаливой лѣсной пустыни такими массами, что покрываютъ рѣку на громадныя пространства, то быстро проносясь по стремнинамъ, то плавно двигаясь тамъ, гдѣ

рѣка замедляетъ свой бѣгъ. Цѣлая армія сплавщиковъ, неутомимыхъ, ловкихъ и безстрашныхъ слѣдитъ за ходомъ лѣса, чтобы онъ не застрѣвалъ на меляхъ, подводныхъ камняхъ или узкихъ мѣстахъ. Достаточно иногда остановиться одному бревну, чтобы затормозить сплавъ: тогда образуются заторы, которые задерживаютъ не только выше плывущія бревна, но даже самую воду, вызывая наводненія. Иногда вода, постепенно накопляясь и собираясь съ силами, сразу пробивается черезъ препятствіе и, словно звѣрь, сорвавшійся съ цѣпи, бѣшено и грозно несется впередъ, унося съ собой и бревна, ударяя ими съ неистовой силой о мосты и плотины на пути и часто совсѣмъ ихъ разрушая. Но чаще эти заторы прочищаютъ сплавщики. Ловко перебѣгая съ бревна на бревно, они расталкиваютъ своими баграми скопленія дерева, сразу опредѣляя опытнымъ глазомъ виновниковъ безпорядка и стараясь протолкнуть ихъ впередъ. Усилія увѣнчались успѣхомъ. Тронулась остановившаяся было масса стволовъ и понеслась внизъ по рѣкѣ и наши сплавщики быстро спѣшатъ къ берегу, съ ловкостью обезьянъ прыгая по плывущимъ и вертящимся подъ ихъ цѣпкими ногами бревнамъ. Тутъ дѣйствуютъ по правилу: «спасайся, какъ знаешь». Одинъ неосторожный шагъ — и человѣкъ погибъ. Иногда заторъ образуется въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оба берега отвѣсно спускаются въ воду, и тогда сплавщикамъ, чтобы расчистить путь, приходится работать своими баграми, сидя надъ рѣкой на широкомъ ремнѣ, привязанномъ веревками на томъ и другомъ берегу. За эти веревки по окончаніи работы товарищи вытаскиваютъ ихъ на берегъ. Встрѣчаются на рѣкѣ водовороты, гдѣ бревна кружатся на одномъ мѣстѣ, и гдѣ нужно ихъ проталкивать по одиночкѣ. Когда лѣсъ достигаетъ озера, его собираютъ вмѣстѣ, окружая кольцомъ изъ бревенъ, связанныхъ цѣпью. Цѣлыя десятины поверхности воды покрываются, словно подвижной мостовой.

Потомъ лѣсъ сортируютъ по клеймамъ, вяжутъ въ длинные плоты и пароходы увозятъ ихъ къ лѣсопилкамъ или фабрикамъ бумажной массы. Для уменьшенія издержекъ сплавщики нанимаются не отдѣльными хозяевами, а цѣлымъ союзомъ всѣхъ лѣсопромышленниковъ данной сплавной рѣки и общіе расходы распредѣляются сообразно съ количествомъ лѣса каждаго предпринимателя.

Въ Норвегіи сплавныя рѣки составляютъ предметъ самаго внимательнаго ухода со стороны человѣка: ихъ старательно чистятъ, взрываютъ подводные камни, выпрямляютъ теченіе, для обхода водопадовъ и пороговъ, гдѣ бревна могли бы получить поврежденія или даже разбиться въ щепы, устраиваютъ обходные каналы, въ удобныхъ мѣстахъ дѣлаютъ плотины, чтобы накоплять воду и вести сплавъ подъ сильнымъ напоромъ. Тамъ, гдѣ подступъ къ рѣкѣ по какой либо причинѣ затруднителенъ, воздвигаютъ длинные наклонные помосты, по которымъ бревна сами собой скатываются на берегъ рѣки.

Долгіе годы безпрепятственно съ безпощадностью и легкомыслiемъ, поистинѣ варварскими, шло истребленіе лѣсовъ, какъ будто ихъ запасы были неистощимы, пока наконецъ правительство серьезно не занялось лѣснымъ вопросомъ. Былъ учрежденъ лѣсной департаментъ съ директоромъ лѣсовъ во главѣ, которому были подчинены лѣсные инспектора, лѣсничіе и цѣлая армія лѣсныхъ объѣздчиковъ и сторожей. Издавались законы, запрещавшіе вывозъ лѣса изъ извѣстныхъ округовъ на нѣсколько лѣтъ. Законодательство касалось главнымъ образомъ государственныхъ лѣсовъ, площадь которыхъ постепенно увеличивается благодаря суммамъ, отпускаемымъ на скупку частныхъ лѣсовъ. Были учреждены лѣсныя школы, питомники и введена продажа сѣмянъ. Многіе посылались въ Германію изучать въ тамошнихъ школахъ лѣсное хозяйство. Въ 1898 г. было основано «Норвежское лѣсное об-

щество», которое поставило себѣ цѣлью заботу о лѣсахъ. Оно выпускаетъ время отъ времени журналъ, въ которомъ сотрудники серьезно призываютъ своихъ читателей содѣйствовать тому, чтобы сдѣлать Норвегію тѣмъ, чѣмъ она нѣкогда была, страной, богатой лѣсомъ. Вотъ, напр., съ какимъ воззваніемъ обращается къ своимъ соотечественникамъ одинъ лѣсной инспекторъ.

«Триста лѣтъ тому назадъ самые отдаленные берега Финмаркена были покрыты березовыми лѣсами и тогда этотъ передовой постъ растительности, ближайшій къ Ледовитому океану, по лѣтамъ оживляло пѣніе птицъ, хотя въ бурные дни его омывали соленыя волны. Теперь эти лѣса до-чиста уничтожены, и это сдѣлано не природой, въ этомъ разрушеніи повиненъ человѣкъ. Мы справедливо съ гордостью говоримъ о нашихъ большихъ лѣсныхъ областяхъ, но онѣ только часть того, чѣмъ онѣ нѣкогда были и чѣмъ должны бы быть. Мы совершенно не умѣемъ пользоваться нашими лѣсными богатствами. Мы, конечно, не должны допускать, чтобы наши лѣса безмѣрно разростались и погибали безъ всякой пользы, но съ другой стороны мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на неприкосновенный капиталъ, и пользоваться только процентами съ него. Это часто упускаютъ изъ виду собственники лѣсовъ. Ради высокихъ цѣнъ мы безразсудно рубимъ наши лѣса, ни съ чѣмъ не сообразуясь. Вдоль каждаго ручья и рѣки появляются лѣсопилки, словно грибы послѣ дождя, и для нихъ мы такъ беззаботно и грубо истребляемъ наши лѣса, что они не могутъ ужъ выростать вновь.

Я думаю, что наши предки съ трудомъ могли бы узнать прекрасную страну, какую они завѣщали своимъ дѣтямъ, и наша страна будетъ въ опасности, если мы будемъ продолжать губить наши лѣса, какъ мы дѣлали до сихъ поръ. Дадимъ себѣ предостереженіе на этотъ счетъ и не будемъ забывать, что человѣкъ, который разоряетъ свою страну,

расхищая ея лѣса, грѣшитъ противъ своего народа, противъ нынѣшняго поколѣнія и грядущихъ. Норвегія—наша мать, деревья — ея зеленый покровъ. Неужели и вы хотите срывать съ нея ея нарядъ? Я думаю, что вы и я скорѣе обязаны защищать ея лѣса, одѣть ее въ богатыя и нѣжныя ткани, чтобы было ей уютно и тепло въ ея глубокой старости».

Большія усилія теперь дѣлаются, особенно въ западной Норвегіи, чтобы поощрить школьниковъ къ древонасажденію, и въ элементарныхъ школахъ имъ даютъ на этотъ счетъ соотвѣтственныя указанія. Ежегодно весной въ опредѣленный день всѣ школьники вмѣстѣ съ учителями идутъ на горные склоны или въ другое заранѣе назначенное мѣсто сажать деревья. Каждый школьникъ садитъ небольшое деревцо въ этотъ день, котораго всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ. Дѣло ведется правильно и систематически и, когда дѣти станутъ взрослыми, тѣ области, которыя они въ своемъ дѣтствѣ видѣли безлѣсными, будутъ богато одѣты зеленой прекрасной растительностью. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ дѣло налажено прочно и черезъ 10—20 лѣтъ будетъ замѣтна перемѣна къ лучшему во многихъ безлѣсныхъ мѣстахъ. Саженцы безплатно отпускаются государствомъ, которое помогаетъ также огораживать засаженные участки и защищать молодыя насажденія отъ ихъ самыхъ страшныхъ враговъ—козъ.

Копенгагенъ.

Выйдя съ вокзала, построеннаго почти въ серединѣ города, мы направляемся по длинной извилистой улицѣ Остергаде. Мы въ старомъ городѣ, въ самой живописной его части. Кирпичные фасады домовъ въ два, три и че-

тыре этажа выкрашены въ красную, сѣрую или темную краску, крыши у нихъ изъ черепицы оранжеваго или гранатоваго цвѣта съ разными затѣйливыми украшеніями. Рамы въ окнахъ двойныя: верхняя неподвижна, нижняя открывается наружу. Всѣ эти рамы вмѣстѣ съ маркизами въ видѣ колпака надъ каждымъ окномъ придаютъ улицѣ характеръ чего-то крайне безпорядочнаго. На улицѣ множество магазиновъ и лавокъ. Они оставляютъ свои товары на выставкѣ всю ночь. Всего больше лавокъ торговцевъ масломъ, однимъ изъ главныхъ богатствъ Даніи и любимымъ лакомствомъ датчанъ. Часто попадаются лавки, торгующія яйцами, сыромъ, мелькаютъ кондитерскія, булочныя, магазины табачные, книжные, писчебумажные, фотографическіе, игрушечные. Среди игрушекъ мое вниманіе обращаютъ на себя гренландскія куклы, аисты, несущіе въ своемъ длинномъ клювѣ младенцевъ, и кузнецы мифологическихъ пещеръ. Въ Копенгагенѣ торговля еще не захвачена крупными магазинами. Единственный универсальный магазинъ—это Сѣверный торговый домъ, въ родѣ парижскаго магазина «Дешевая продажа», но устроенный на нѣмецкій ладъ онъ лишенъ внушительнаго вида и блеска. Поэтому торговцы по большей части ведутъ дѣла скромнаго размѣра, каждый является хозяиномъ у себя, самостоятельно зарабатываетъ свои деньги. Соперничество въ торговлѣ очень сильно и лавкамъ счету нѣтъ. Во многихъ домахъ торговыя помѣщенія находятся и ниже и выше улицы, каждое имѣетъ свою отдѣльную лѣстницу съ мѣдными перилами. Примѣръ устраиваться въ подвальныхъ этажахъ подали бакалейщики, онъ нашелъ такъ много подражателей, что около уже лѣтъ 20 администрація запрещаетъ устраивать эти подземелья, но ранѣе пріобрѣтенныя права сохраняютъ свою силу и въ настоящее время очень большая часть магазиновъ находится одинъ выше другого. Иногда получаются довольно забавныя сочетанія: напри-

мѣръ, надъ складомъ масла помѣщается витрина сапожника, подъ консервами виднѣются книги, англійскіе чулки красуются надъ часами или подъ шляпами оказываются сигары, сыры въ сосѣдствѣ съ галстухами, а пироги съ корсетами.

Естественно каждый магазинъ стремится привлечь вниманіе покупателя. Отсюда всѣ эти вывѣски и разнообразныя эмблемы надъ тротуарами. Табачные магазины, очень многочисленные, даютъ о себѣ знать гигантскими сигарищами съ тремя комочками жевательнаго табаку сверху, все это повѣшено на концѣ желѣзнаго бруска. Булочныя выставляютъ крендель съ царской короной, украшенной блестящими разноцвѣтными камнями. Виноторговцы вѣшаютъ на концѣ изогнутаго прута золотыя виноградныя грозди, какихъ никогда не давала и хапаанская земля. Иногда же вмѣсто этого ангелочекъ съ пухлыми щечками протягиваетъ проходящимъ свои розовыя ручки, предлагая имъ золотой виноградъ и кубокъ. Въ витринѣ парикмахера красуется бюстъ, грудь и плечи котораго задрапированы матеріей національныхъ цвѣтовъ, голова же его исчезаетъ совершенно подъ густыми волосами и фантастическими усами.

По улицѣ разъѣзжаетъ много телѣжекъ, продающихъ разные напитки. Эти телѣжки принадлежатъ многочисленнымъ обществамъ и конечно вызываютъ враждебныя чувства къ себѣ у осѣдлыхъ торговцевъ. Первая телѣжка, какую мы встрѣтили, была съ молокомъ. Она была выкрашена въ желтый цвѣтъ и украшена миѳологическими именами Меркурія, Урана, Паллады, Цереры, Юноны, Тора. За 2—3 коп. вы получаете стаканъ молока, обезвреженнаго по способу Пастёра, отъ прибавленія минеральной воды оно пѣнится и шипитъ. За 5 коп. продавецъ въ синей одеждѣ съ золотыми галунами предлагаетъ подлить въ ваше молоко по вашему выбору вишневаго

или смородиннаго сиропу. Мнѣ передавали, что одинъ заводъ минеральныхъ водъ для привлеченія покупателей держитъ оркестръ, который съ 11 часовъ утра играетъ польки и мазурки. Очень многочисленные акціонеры этого завода получаютъ 100% прибыли. Вотъ телѣжка съ содовой водой. Она бѣлаго цвѣта, какъ слоновая кость, и наполнена этой шипучей жидкостью, которую датчане потребляютъ въ невѣроятныхъ количествахъ. Продавецъ, также въ синемъ, очень вѣжливо обращается съ публикой, но чуть у него минутка свободнаго времени, онъ садится на складной стулъ и погружается въ чтеніе своей газеты—одно изъ любимыхъ занятій датчанъ.

Во внѣшнемъ видѣ Копенгагена много разнообразія и много замѣчательныхъ пунктовъ. Здѣсь кривыя, узкія улицы стараго города, застроенныя обветшавшими домами съ высокими крышами, тамъ прямыя, широкія улицы аристократической части съ ихъ домами-дворцами, бронзовыми памятниками и прекрасными аллеями; здѣсь широкіе бассейны съ сотнями всевозможныхъ судовъ, тамъ запутанная сѣть извилистыхъ каналовъ со старинными мостами и беззвучно медленно скользящими тяжелыми плоскодонными судами; подлѣ пестроії биржи съ многочисленными мансардами, съ маленькими пирамидками и обелисками унылая и величественная развалина замка Кристіансборгъ; могучая набережная съ видомъ на безконечное море, которое усѣяно островками и надъ которымъ тамъ и здѣсь, какъ сказочныя морскія чудовища, встаютъ неподвижные бастіоны, высокая странная башня церкви спасителя съ витой наружной лѣстницей, на которой люди, поднимающіеся вверхъ, кажутся снизу какими-то черными насѣкомыми; остатки средневѣковыхъ построекъ въ родѣ «круглоії башни», поднимающейся подобно феодальному замку посреди мирныхъ домовъ; большіе прекрасные театры, процвѣтающіе

Рис. 10. Театръ въ Копенгагенѣ.

не хуже парижскихъ; словомъ, нѣтъ недостатка ни въ чемъ, что дѣлаетъ прогулку по городу интересной, а жизнь въ немъ пріятной.

Изъ многочисленныхъ музеевъ города первое мѣсто занимаетъ, конечно, музей, гдѣ собраны чудныя произведенія величайшаго скульптора не только Даніи, но и всего міра, Торвальдсена. Питомецъ сурового сѣвера (онъ былъ родомъ изъ Исландіи), онъ умѣлъ своимъ вдохновеннымъ рѣзцомъ придавать мрамору такую жизнь и красоту, что его произведенія соперничаютъ съ безсмертными созданіями великихъ мастеровъ, чей геній развивался подъ солнцемъ юга и чьи руки создавали такія прославленныя вещи, какъ Аполлонъ Бельведерскій и Венера Милосская. По національной подпискѣ датчане воздвигли своему великому артисту достойное его зданіе, собравъ здѣсь его произведенія. Фрески на наружной стѣнѣ музея увѣкочиваютъ тѣ почести, какія были оказаны Торвальдсену по возвращеніи изъ Рима въ Копенгагенъ его соотечественниками, исполненными удивленія передъ его геніемъ. Духъ Торвальдсена и понынѣ живетъ въ его народѣ. Всѣ мелкія отрасли искусства и художественной промышленности дышутъ Торвальдсеномъ. На деревянной рѣзьбѣ, на тисненой кожѣ, на шлифованномъ стеклѣ и въ мозаикѣ, на терракоттѣ, на благородныхъ металлахъ, на камеяхъ, на обыкновенныхъ тарелкахъ повторяются фигуры Торвальдсена или напоминанія о нихъ; и это дѣлаетъ изъ Копенгагена, даже изъ всей Даніи какой-то огромный торвальдсеновскій музей. Здѣсь мы видимъ примѣръ того, какъ образцовыя произведенія не покоятся только въ пустынныхъ залахъ музея, но проникли въ національную культуру и подобно пшеничному зерну, посаженному въ землю, дали сотни стеблей. Ни одинъ художникъ нашего времени не подѣйствовалъ такъ живо и плодотворно на вкусъ и культуру своего народа, какъ Торвальдсенъ. Онъ словно Прометей, который принесъ въ свои

сѣверныя сумерки свѣточъ красоты, зажженный отъ античнаго солнца.

Копенгагенъ—очень дѣятельный торговый центръ благодаря своему исключительному географическому положенію, на это указываетъ и самое названіе его (Копенгагенъ—купеческая гавань). Основанный архіепископомъ Абсаломъ, городъ почти девять вѣковъ не перестаетъ быть мѣстомъ свиданія купцовъ. Въ настоящее время это одинъ изъ самыхъ значительныхъ портовъ сѣверной Европы.

Весь день старый портъ города, расположенный между Зеландіей и островкомъ Амакомъ, необыкновенно оживленъ. Уже съ ранняго утра вдоль мола стоятъ длинныя вереницы пароходовъ. Любопытно посмотрѣть, какъ высаживаются пассажиры: всѣ и папа и мама и даже самые маленькія дѣти тащатъ, смотря по силамъ, свой багажъ. Я видѣлъ рано утромъ, какъ карапузики, едва умѣвшіе протереть глаза отъ сна, несли свои маленькіе саквояжики и чемоданчики, помогая семьѣ. Здѣсь всѣ ѣздятъ налегкѣ и, чтобы попасть въ городъ, берутъ дрожки. До полудня разгружаютъ товары, извозчики, всегда въ черныхъ шляпахъ, увозятъ ихъ на желтыхъ, зеленыхъ, сѣрыхъ, каштановыхъ телѣгахъ, запряженныхъ всегда великолѣпными лошадьми черной или бурой масти, которыя не обезобразили бы и ландо. Съ полудня начинается обратное движеніе: телѣги привозятъ товары, которые грузятся на пароходы. Въ пять часовъ грузовое движеніе остановливается и портъ принадлежитъ пассажирамъ, которые разсаживаются по пароходамъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются звуки колоколовъ, какъ сигналъ отъѣзда. Капитаны командуютъ съ мостика и пароходы удаляются, испуская цѣлые клубы дыма.

Устраивая Кильскій каналъ, нѣмцы предполагали отвлечь къ себѣ огромную массу грузовъ и пассажировъ, слѣдовавшихъ по Зунду. Датчане на это отвѣтили созданіемъ порто-франко въ Копенгагенѣ, перваго глубокаго порта на сѣверѣ;

набережныя его пяти бассейновъ глубиною саженъ въ пять насчитываютъ до 4 верстъ общаго протяженія, освѣщаются электрическими фонарями и обслуживаются желѣзными дорогами. Для привлеченія къ себѣ коммерческихъ пароходовъ датчане сократили портовыя пошлины до 1/5 и устроили склады, гдѣ товары освобождаются отъ стѣснительныхъ и тяжелыхъ таможенныхъ формальностей. Пароходы платятъ пошлины не по тоннажу, но по товарамъ, которые они беруть или сдаютъ. Пароходъ въ 2000 тоннъ, выгрузившій свой полный грузъ и слѣдовавшій дальше съ балластомъ, раньше платилъ болѣе 1000 рублей пошлинъ, а теперь меньше 200 рублей. На устройство порто-франко датчанамъ понадобилось 4 года. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что Копенгагенъ сдѣлается крупнымъ центромъ распредѣленія товаровъ для сѣверныхъ странъ.

Въ серединѣ складовъ возвышается центральный павильонъ, гдѣ можно хранить до 7.000.000 пудовъ зерна. Это огромное зданіе въ 11 этажей веселой архитектуры съ башней наверху, откуда открывается блестящій видъ. Виденъ городъ, портъ, Зундъ и въ отдаленіи на горизонтѣ вырисовывается шведскій берегъ.

Недалеко отъ порта находится такъ тѣсно связанная съ нимъ биржа.

Это образцовое произведеніе голландскаго ренесанса въ Даніи съ удивительнымъ фасадомъ изъ кирпичей и камней, со множествомъ просвѣтовъ, съ причудливыми мансардами и со шпицемъ наверху, который — цѣлая поэма. Этотъ шпицъ—трофей, отнятый у Шведовъ, представляетъ трехъ металлическихъ драконовъ, хвосты которыхъ, закручиваясь постепенно, сходятъ на остріе съ насаженными на него семью золотыми коронами. Копенгагенская биржа интересна тѣмъ, что рѣшительно отличается отъ другихъ «храмовъ Плутуса», потому что въ ней царитъ полное молчаніе. Въ ней неслышно криковъ и шума: каждый, не

говоря ни слова, пробѣгаетъ депеши. Ея темно-коричневая зала напоминаетъ какую-то столовую на морскомъ пароходѣ. Въ кабинетѣ для чтенія можно вполнѣ сосредоточиться и атмосфера тамъ не отравлена сигарнымъ дымомъ, потому что сигары складываются на особую этажерку съ 4 полками.

Копенгагенъ во всей сѣверной Европѣ называютъ «сѣвернымъ Парижемъ» конечно не по численности населенія, но за его пріятную и веселую жизнь. Развлеченія занимаютъ важное мѣсто въ спокойной жизни датчанина, поддерживая его мягкій, веселый и добродушный характеръ. Торговля процвѣтаетъ, налоги не тяжелы—вотъ два условія, благопріятствующія веселости. Здѣсь веселятся искренно и отъ души; но удовольствія всегда заключаютъ здѣсь въ себѣ что-нибудь серьезное, поучительное; къ нимъ можно приложить девизъ, написанный на занавѣсѣ королевскаго театра: «не только для удовольствія». Здѣсь развлекаются, не откавываясь никогда поучаться.

Настоящее народное учрежденіе королевскій театръ представляетъ по зимамъ развлеченіе высшаго порядка: здѣсь даютъ оперы, драмы, комедіи, балетъ.

Ничего нѣтъ проще театральныхъ представленій въ Копенгагенѣ. Дамы являются въ простыхъ платьяхъ съ самыми скромными украшеніями. Даже королевская семья для театра одѣвается поразительно просто. Въ костюмахъ ея членовъ вы не замѣтите ни малѣйшаго признака ихъ высокаго положенія. Дамы въ платьяхъ скромныхъ цвѣтовъ съ незначительными украшеніями въ видѣ медальона или брошки съ драгоцѣнными камнями, мужчины въ черныхъ сюртукахъ. Всѣ держатся такъ непринужденно, что другой путешественникъ и не подумалъ бы, что передъ нимъ обитатели гордаго королевскаго дворца, если бы не сидѣли они въ королевской ложѣ. Шляпы и мужчинъ и дамъ оставляются при входѣ въ огромныхъ гардеробахъ.

Съ удобствомъ разсаживаются, болтаютъ со своими сосѣдями, какъ у себя дома. Молодыя дѣвицы приходятъ сюда цѣлыми группами безъ родителей и во время антрактовъ видишь, какъ мелькаютъ ихъ бѣлыя платья въ фойе передъ Офеліей работы Сары Бернаръ. Взявшись подъ руку, онѣ ходятъ и болтаютъ, какъ пансіонерки на свободѣ. Молодые люди подходятъ къ нимъ потоварищески.

Представленія начинаются въ 7 и оканчиваются въ 10. Послѣ театра идутъ ужинать въ кафе по сосѣдству, по крайней мѣрѣ такъ зимой; лѣтомъ же всѣ, кто не уѣхалъ на дачу, направляются вечеромъ въ кафе улицы Вестерброгаде, этого настоящаго квартала увеселеній. Спокойно сидя, датчане пьютъ кофе, чай, пиво, коньякъ съ зельтерской водой. Бильярды встрѣчаются рѣдко, а карты остаются дома.

Лѣтомъ самымъ модньмъ мѣстомъ развлеченія является Тиволи, о которомъ датчане говорятъ съ восторгомъ. Основанный въ 1842 г. Карстенсеномъ, Тиволи былъ вначалѣ небольшимъ садомъ, разбитымъ на укрѣпленіяхъ; здѣсь собирались вокругъ самоваровъ при тускломъ свѣтѣ коптящихъ лампъ. Въ настоящее же время это эдемъ съ монументальнымъ входомъ. Проникнуть въ этотъ рай стоитъ всего 25 коп. Съ 4 часовъ до 11 вечера предлагаются публикѣ разнообразныя развлеченія, распредѣленныя такъ, чтобы одни не мѣшали другимъ. Въ 4— прогулка по лабиринту, въ 5—катанье по озеру, въ $6^1/_2$ на открытоіі сценѣ первое отдѣленіе концерта, посвященнаго Бетховену, Штраусу, Вейзе и. т. д., въ 7—концертное отдѣленіе въ главноіі залѣ изъ произведеній Верди, Бизе, Вебера и. т. п., въ $7^1/_2$—гимнастическія представленія на трапеціи, разныя акробатическія штуки, дрессированныя животныя, спусканіе воздушнаго шара, въ 8—второе концертное отдѣленіе на открытой сценѣ; въ $8^1/_2$—престидижитація и фантасмагорія, а въ главномъ залѣ продолженіе концерта;

въ 9—хоръ исполняетъ веселыя пѣсни; въ 9¹/₄—иллюминація фонтана; въ 9¹/₂—третье отдѣленіе концерта на открытой сценѣ; въ 10—пантомима, въ главной залѣ 3-е отдѣленіе концерта; въ 11 часовъ три пушечныхъ выстрѣла возвѣщаютъ начало фейерверка. Датчане столь большіе любители этого искусства, что только одни китайцы могли бы поспорить съ ними въ пристрастіи къ нему. Правда, что китайцы зажигаютъ петарды среди бѣла дня, но датчане не дошли еще до этого.

Кромѣ того въ Тиволи есть залъ для игры въ кегли, въ которой датчане особенно отличаются, театръ маріонетокъ изъ каучука, лотерея, деревянныя лошади, тиръ, русскія горы, качели, велосипеды, постоянно вводятся новые виды увеселеній среди зелени и свѣта.

Изъ всѣхъ видовъ спорта датчанамъ больше всего полюбилась ѣзда на велосипедѣ. Въ Даніи существуетъ 30.000 велосипедистовъ, изъ которыхъ 2000 приходится на Копенгагенъ; пятая часть изъ этого числа падаетъ на женщинъ. Существующія въ городѣ общества велосипедистовъ устраиваютъ даже международныя состязанія, наградами на которыхъ бываютъ кубки, бокалы, кружки. На ежегодномъ состязаніи побѣдителямъ выдаются призы, полученіе которыхъ считается очень заманчивымъ; это или салонная обстановка или ломберный или письменный столъ, библіотека. На это состязаніе пріѣзжаютъ издалека. Участниковъ не останавливаетъ ни разстояніе, ни необходимость постоянныхъ пересадокъ при путешествіи въ этой странѣ, изрѣзанной проливами.

Другіе виды спорта: верховая ѣзда, крикетъ, лаунъ-теннисъ, катанье на яхтахъ менѣе интересуютъ датчанъ. Удивительная вещь — въ этой странѣ, изрѣзанной проливами, омываемой со всѣхъ сторонъ моремъ, рѣдко можно встрѣтить страстныхъ поклонниковъ лодочнаго спорта. Но что́ вызываетъ удивленіе иностранца, такъ это увлеченіе

гимнастикой и плаваніемъ даже со стороны женщинъ. Въ Копенгагенѣ существуетъ спеціальная женская гимнастическая школа Петерсена. Курсъ обученія въ ней продолжается два года, въ теченіе которыхъ молодыя дѣвушки занимаются гимнастикой ежедневно по 4—5 часовъ. Успѣшно выдержанный экзаменъ, продолжающійся шесть дней, даетъ право преподавать гимнастику въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣ выпало на долю счастье присутствовать на такомъ экзаменѣ. Ученицы раздѣляются на 2 группы, изъ которыхъ каждая берется за конецъ каната и изъ всѣхъ силъ тянетъ его къ себѣ; но напрасно, потому что сопротивленіе съ обѣихъ сторонъ одинаково; это упражненіе имѣетъ цѣлью лишь наглядно показать мускулатуру соперницъ. Потомъ идетъ ходьба по брусу; осторожно передвигаются по нему ученицы, методически откидывая одну ногу въ сторону, впередъ, назадъ. Упражненія на параллельныхъ брусьяхъ проходятъ превосходно: долго сохраняется отвѣсное положеніе, руки безъ утомленія поддерживаютъ тѣло въ равновѣсіи и въ заключеніе прыжокъ на удивленіе. Восхожденіе по лѣстницѣ требуетъ большой ловкости и математической точности въ дѣйствіи ногами. Ученицы съ ученой правильностью карабкаются по веревкѣ съ узлами и по шесту. Потомъ испытанія увеличиваются по трудности: на кольцахъ обнаруживается сила молодыхъ гимнастокъ, подвижность трапеціи не смущаетъ ихъ, спокойно продѣлываютъ онѣ упражненія на неподвижномъ брусѣ, ложатся, поднимаются, перемѣщаются. Прыжки вверхъ, впизъ и вдоль показываютъ, что ученицы прекрасно усвоили самыя тонкія объясненія о свойствахъ каждаго прыжка. Съ удивительнымъ изяществомъ продѣлываются забавныя подпрыгиванія, опасные переходы по канату и козламъ.

Картина мѣняется. Ученицы то составляютъ кругъ, то становятся другъ противъ друга, то располагаются гусь-

комъ. Потомъ, ставъ другъ отъ друга на опредѣленныя разстоянія, онѣ всѣ разомъ наклоняютъ голову направо, налѣво, впередъ и назадъ, выражаютъ своими руками радушный пріемъ, просьбу, храбрость, становятся въ красивыя позы и продѣлываютъ общія сгибанія, разгибанія и повороты. Поднявъ руки вверхъ, онѣ поднимались на носкахъ, то постепенно присѣдали накорточки, сопровождая свои движенія пѣніемъ. Затѣмъ были показаны разные способы передвиженія: рядами съ переходомъ на противоположную сторону, обыкновеннымъ шагомъ, ускореннымъ, галопомъ, на носкахъ впередъ и назадъ, по кругу съ остановкой и поклономъ. Въ выразительныхъ позахъ ученицы представляли цвѣты и лиру, кружились парами, продѣлывая фигуры менуэта. Послѣ акробатическихъ фокусовъ на коврѣ испытанія окончились и начались отзывы экзаменаторовъ.

Потомъ я присутствовалъ при испытаніи въ плаваніи. Въ тотъ день вода въ Зундѣ была холодна, но дѣвицы въ своихъ приспособленныхъ костюмахъ двигались въ водѣ съ чисто военной правильностью. Послѣ обыкновенныхъ упражненій началось ныряньe на глубину (на 1 1/2 сажени) и на разстояніе (10 саж.), потомъ примѣрное спасаніе утопающаго въ 50 саж. отъ пловца, плаваніе на скорость (25 саж. въ минуту), плаваніе на разстояніе (около версты), плаваніе во всей одеждѣ и обуви (на 1/2 версты). Меня просили бросать въ воду камни до 1/2 пуда вѣсомъ и дѣвицы доставали ихъ тотчасъ же со дна. Въ концѣ концовъ былъ брошенъ камень въ 1 пудъ слишкомъ. Дочь Петерсена нырнула и спустя много времени (я даже началъ безпокоиться) она показалось изъ воды и положила огромный камень къ моимъ ногамъ.

Мало на свѣтѣ странъ, которыя умѣли бы такъ хорошо поставить дѣло народнаго образованія, какъ Данія. Съ дѣтьми начинаютъ заниматься прежде, чѣмъ они посту-

паютъ въ школу. Дамское общество открыло въ разныхъ мѣстахъ столицы «дѣтскіе сады», гдѣ дѣти съ самаго начала играютъ въ разныя игры, поютъ, танцуютъ, качаются на качеляхъ, бѣгаютъ на гигантскихъ шагахъ и т. п. Какъ только умъ дѣтей начинаетъ работать, переходятъ къ предметнымъ урокамъ.

Въ основѣ образованія лежитъ семейная жизнь; закрытыхъ заведеніи почти совсѣмъ не существуетъ. Въ школахъ не чувствуется казарменной дисциплины, обращеніе съ дѣтьми отличается мягкостью и сердечностью: школа является продолженіемъ семьи.

Съ 6 лѣтъ обученіе обязательно и почти вездѣ безплатно. Наплывъ учениковъ въ школы настолько силенъ, что приходится заниматься въ двѣ очереди: одна половина учениковъ приходитъ въ школу съ 8 до 1 часу, другая съ часу до пяти.

Нѣкоторыя школы въ Копенгагенѣ очень многолюдны. Такъ школу въ улицѣ Истедгаде посѣщаютъ ежедневно 1.200 учениковъ. Три раза въ недѣлю 300 бѣднѣйшихъ учениковъ получаютъ безплатно обѣды въ большой столовой. Школьное зданіе обошлось въ 100.000 рублей. Въ немъ есть 4 калорифера, распредѣляющіе теплый воздухъ по всѣмъ комнатамъ, обширныя залы съ большими окнами освѣщаются электричествомъ, мебель сдѣлана изъ хорошей норвежской сосны. Два дня посвящается гимнастикѣ, танцамъ, музыкѣ. Каждую недѣлю устраиваютъ экскурсіи, чтобы развивать въ дѣтяхъ способность и любовь къ наблюденіямъ. Занятія прерываются двумя перемѣнами въ 10 и 20 минутъ. Въ 14 лѣтъ большинство дѣтей оставляетъ школу для полученія конфирмаціи.

На другой улицѣ существуетъ городская школа, гдѣ учится 1.600 мальчиковъ и дѣвочекъ подъ руководствомъ 40 учителей и учительницъ. Это трехъэтажное кирпичное зданіе съ громадными окнами съ черепитчатой крышей въ

итальянскомъ вкусѣ. Кромѣ классовъ и залъ въ школѣ устроены умывальныя, ванныя, мастерскія ручного труда.

Не менѣе хорошо поставлено и среднее образованіе. Уроки начинаются, смотря по времени года, въ 8 или 9 часовъ и продолжаются до 2. Послѣ каждаго урока перемѣна въ 10 минутъ, а послѣ третьяго въ 20. По четвергамъ уроковъ не бываетъ. Въ половинѣ октября занятія прекращаются по случаю праздника на 4 дня, на Рождество отпускаютъ учениковъ на 15 дней, а на Пасху только на 8, но зато Троица празднуется тоже 8 дней. Лѣтнія вакаціи продолжаются 2 мѣсяца. Съ большимъ интересомъ я присутствовалъ въ одной школѣ на предметныхъ урокахъ. Здѣсь предъ глазами учениковъ воспроизводилась вся датская жизнь, показывались небольшія человѣческія фигурки, которыя шили обувь, дѣлали бочки, кроили кожу, рубили коноплю. Ученики разсматривали горшечную мастерскую, сыроварню, маслодѣлательный заводъ, пивоваренный, доменную печь, каналъ со шлюзами, спасательную станцію. Предъ учениками проходила жизнь земледѣльцевъ, рыбаковъ и эскимосовъ Гренландіи. Приводя въ дѣйствіе эти приборы, учитель старался изобразить соотвѣтствующій ландшафтъ.

Въ университетъ каждый годъ поступаетъ около 1.300 студентовъ. У нихъ есть своя гостинница, гдѣ устраиваются ими веселые праздники. Датскіе студенты не дерутся на дуэляхъ, не проводятъ времени въ пустыхъ словопреніяхъ и не предаются шумнымъ удовольствіямъ. Въ своихъ черныхъ фуражкахъ зимой и бѣлыхъ съ краснымъ околышемъ лѣтомъ они прилежно посѣщаютъ лекціи. Ихъ рвеніе таково, что запоздавшіе принуждены толпиться въ корридорахъ. Лекціи слушаютъ не только мужчины, но и женщины. Датскіе студенты живутъ въ тѣсной связи съ народомъ. Каждый годъ они безплатно занимаются съ 2.000 рабочихъ, даютъ имъ книги, пишутъ научныя книжки,

оказываютъ бѣднякамъ безплатную юридическую и медицинскую помощь, устраиваютъ экскурсіи въ музеи, театральныя представленія, концерты, бесѣды. Наконецъ многіе изъ нихъ пишутъ въ газетахъ. Датскій народъ платитъ своимъ студентамъ любовью за ихъ доброе дѣло; кронпринцъ лично интересуется ими и высшіе классы поддерживаютъ ихъ стипендіями и безплатными квартирами.

Датскій крестьянинъ.

Мы ѣдемъ по желѣзной дорогѣ по ровной, довольно однообразной мѣстности, въ которую только прекрасные буковые лѣса по временамъ вносятъ нѣкоторое разнообразіе. Ледниковый періодъ оставилъ по всей странѣ огромную массу большихъ и мелкихъ валуновъ и люди въ теченіе многихъ столѣтій старались освободить свои поля отъ этихъ камней, столь вредныхъ для распашки. Вотъ почему почти каждое поле обведено стѣной изъ валуновъ или имѣетъ по серединѣ почтенную пирамиду изъ собранныхъ камней. Почва роскошна и почти южнаго плодородія, на лугахъ сочная зеленая трава, какую въ Европѣ встрѣтишь только въ Англіи; за живыми изгородями пасется масса скота съ блестящей, лоснящейся шерстью; каждая изъ крестьянскихъ усадебъ, которыя быстро появляются и быстро исчезаютъ, смотритъ маленькимъ замкомъ, съ высокой, гордо поднимающейся вверхъ крышей жилого дома, съ просторнымъ дворомъ, обширными конюшнями и хозяйственными постройками. Многочисленность этихъ отдѣльно стоящихъ крестьянскихъ дворовъ и сравнительная

рѣдкость и незначительность городковъ и мѣстечекъ — характерная черта датскаго ландшафта. Изстари отличительной народной особенностью германца было нерасположеніе его густо заселять землю. Онъ неохотно терпитъ сосѣда слишкомъ близко отъ себя. Онъ не любитъ, чтобы посторонній могъ заглядывать ему черезъ изгородь или въ окно. Онъ предпочитаетъ жить маленькимъ королемъ посреди своей собственности въ полномъ сознаніи своей свободы и правъ владѣнія, считая свободныя товарищескія отношенія вполнѣ достаточной связью съ своими соотечественниками. Этимъ германецъ рѣзко отличается отъ славянина и романца, которые оба, наоборотъ, любятъ жаться другъ къ другу поплотнѣе и никогда не бываютъ такъ довольны, какъ если они чувствуютъ за спиной теплоту дыханія сосѣда и осязаютъ съ боку его локти. Этотъ сильно выраженный индивидуализмъ германца, образующій такую глубокую противоположность съ романской общественностью, не сидитъ такъ крѣпко ни у одного германскаго племени еще и теперь, какъ у датчанина.

Какой великолѣпный представитель человѣческой породы этотъ датскій крестьянинъ! Болѣе зажиточный, чѣмъ крестьянинъ любой европейской страны, онъ открыто показываетъ свое богатство, онъ не старается ни скрывать его вздохами и жалобами на плохія времена, ни отравлять себѣ пользованіе имъ скряжничествомъ и грошевой экономіей, что можно наблюдать въ другихъ странахъ, какъ пережитокъ того отдаленнаго времени, когда безправный крестьянинъ долженъ былъ скрывать свои кровные гроши отъ жадности и насилія рыцарей. Датскій крестьянинъ не прячетъ въ чулки и горшки своихъ денегъ, но разумнымъ образомъ помѣщаетъ ихъ на проценты. Онъ живетъ въ прекрасномъ, просторномъ, отлично меблированномъ домѣ, хорошо одѣвается, имѣетъ богатый столъ и у него только одинъ недостатокъ: очень ужъ онъ

любитъ спиртные напитки. Онъ образованъ, покупаетъ больше книгъ, чѣмъ нѣмецкій баронъ, и читаетъ газеты и при томъ не только жалкіе еженедѣльные листки, но большія ежедневныя, сравнительно дорогія политическія газеты, чѣмъ объясняется удивительно значительное по сравненію съ размѣрами страны и числомъ населенія распространеніе датской печати. Онъ много занимается общественными дѣлами и часто домогается мѣста въ парламентѣ, которое онъ и получаетъ въ многочисленныхъ случаяхъ вопреки какому-нибудь адвокату и городскому краснобаю. Бываютъ случаи, что крестьяне дѣлаются даже министрами. Его поступь свободна и исполнена достоинства. У него вы напрасно стали бы искать хитраго, лицемѣрнаго смиренія, непреодолимаго недовѣрія, робости и подавленности, которыя характеризуютъ въ другихъ мѣстахъ крестьянина въ его сношеніяхъ съ горожанами. Съ гордо поднятой головой входитъ онъ на вокзалъ, въ ресторанъ, въ церковь, широко шагая, бодро и важно идетъ онъ по улицамъ города, просторно и удобно онъ усаживается въ вагонѣ, гдѣ въ каждомъ движеніи проглядываетъ сознаніе своихъ правъ; безъ малѣйшаго слѣда боязливости, безъ малѣйшаго стѣсненія вмѣшивается онъ въ разговоръ сосѣда, живо соглашается со всякой умной мыслью, отвѣчаетъ улыбкой на шутку, всегда готовъ съ убѣжденностью сдѣлать возраженіе, а что его противникъ въ разговорѣ «баринъ», одѣтъ по городскому, это на него не производитъ ровно никакого впечатлѣнія.

Впрочемъ, что же удивительнаго въ томъ, что у датскаго крестьянина столько достоинства и гордости? Развѣ онъ не потомокъ смѣлыхъ морскихъ королей и дикихъ ярловъ, не сынъ народа, который по своей исторіи надо считать господствующимъ народомъ Европы, аристократіей между народами? Его предки господствовали надъ морями и покоряли народы. Они завоевали Русь, Нормандію,

Англію, и Сицилію, принудили Норвегію войти съ ними въ государственное единство, властвовали надъ Швеціей и Константинополемъ, Іерусалимъ и Каиръ склонились подъ ихъ мечомъ. Они дали аристократію большей части народовъ Европы; та же самая кровь, которая течетъ въ жилахъ датскаго крестьянина, течетъ, болѣе или менѣе смѣшанная, и въ жилахъ высшаго французскаго дворянства, сицилiанскихъ и южно-итальянскихъ князей и въ особенности аристократіи Англіи. Во всемъ высшемъ дворянствѣ Западной Европы нѣтъ ни одной фамиліи, которая съ гордостью не указывала бы среди своихъ предковъ нормана и котораго датскій крестьянинъ не могъ бы считать своимъ соотечественникомъ. Если бы отдаленнѣйшій предокъ, подобно роднымъ и двоюродпымъ братьямъ, рѣшился сѣсть на корабль, вмѣсто того, чтобы оставаться дома на своей землѣ, то потомокъ, можетъ быть, жилъ бы въ замкѣ герцога Норфолькскаго, а не въ крестьянскомъ домѣ на Зеландіи.

Очень интересно въ духовныхъ свойствахъ, какъ и въ наружности внуковъ отыскивать фамильное сходство съ страшными предками, военныя пѣсни и звуки щитовъ которыхъ наполняютъ раннюю исторію среднихъ вѣковъ. Это фамильное сходство существуетъ. Раса и теперь та же самая, что была и раньше. Крѣпкая, сильная, великорослая. Изъ всѣхъ германскихъ племенъ датчане самые подвижные и страстные, имъ совершенно чужды флегматичность голландца или умѣренность англичанина; ихъ мужество и доблесть не пострадали въ теченіе столѣтій; датчане и понынѣ безстрашнѣйшіе моряки и храбрые, стойкіе солдаты. Ихъ первопачальная дикость и жестокость, конечно, исчезли подъ смягчающимъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ и многолѣтней культуры, но одна изъ самыхъ существенныхъ и выдающихся чертъ характера

Рис. 11. Одна изъ главныхъ улицъ Копенгагена.

древнихъ датчанъ удивительно сохранилась во всей своей силѣ у потомковъ, это — глубокая, доходящая до страсти религіозность.

Крестьянскія товарищества въ Даніи.

Никѣмъ изъ своихъ сыновъ Данія не имѣетъ больше основаній гордиться, какъ своими крестьянами. Они достигли удивительно высокаго умственнаго уровня, они такъ быстро и полно усвоили новые взгляды на образованіе и политику, научились практично и разумно пользоваться землей и ея продуктами. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, если припомнить жалкое состояніе, въ которомъ еще не такъ уже давно жило датское крестьянство, ихъ нелѣпый прежній способъ распредѣленія земли съ чрезмѣрной черезполосицей, ихъ природную тяжеловатость и медлительность при всей ихъ природной проницательности. Назадъ тому столѣтіе датскому крестьянину, конечно, и во снѣ не снилось, чтобы онъ когда-нибудь сдѣлался піонеромъ, какимъ его теперь всѣ признаютъ. Чему же онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ? Конечно, школѣ, безъ возвышающаго вліянія и воздѣйствія которой ему бы никогда не сдѣлаться образцовымъ хозяиномъ. И это развитіе не ограничилось небольшимъ кругомъ лицъ, особенно даровитыхъ или поставленныхъ въ особо благопріятныя условія, нѣтъ, оно захватило весь классъ крестьянъ, въ которомъ вызвало сильное сплачивающее товарищеское чувство, научая ихъ смотрѣть на самихъ себя, зависѣть отъ самахъ себя и дѣлать свое собственное дѣло.

Интересно, что возрожденіе крестьянства было начато и велось имъ самимъ, съ помощью, конечно, людей образованныхъ, которые однако иногда выходили изъ его же собственныхъ рядовъ. Затѣмъ наблюдателя поражаетъ полная законченность подготовительныхъ работъ, разнообразіе вопросовъ, которые становились предметомъ изслѣдованія, и та основательность, съ какой проводилось примѣненіе научныхъ способовъ хозяйства. Почти въ каждой отрасли земледѣлія и молочнаго дѣла были произведены опыты, которыми старались выяснить преимущества новыхъ способовъ вести хозяйство, значеніе породы скота, машинъ, сѣмянъ и т. п.—все это давало крестьянину возможность соображать тамъ, гдѣ онъ раньше дѣйствовалъ по рутинѣ. Датскій земледѣлецъ не только знаетъ, что ему дѣлать, но и почему такъ нужно дѣлать.

На ряду съ улучшеніемъ техники хозяйства датскіе крестьяне стали устраивать товарищества для производства и сбыта продуктовъ, особенно масла. Хотя Данія дала міру удивительные примѣры земледѣльческихъ и молочныхъ товариществъ, она вовсе не можетъ претендовать на то, что она первая ихъ пустила въ ходъ. Молочныя товарищества существуютъ въ Швейцаріи болѣе шести сотъ лѣтъ и отчеты 1820 г. показываютъ, что въ это время эти товарищества уже не очень сильно отличались отъ современныхъ, конечно за исключеніемъ техники, совершенно тогда неизвѣстной. Въ восточной Пруссіи молочныя товарищества возникли съ 1871 года, между тѣмъ какъ въ Даніи только съ 1882 года. Что же такое эти молочныя товарищества и для чего они устраиваются? Раньше датскіе крестьяне главный доходъ свой получали отъ продажи зерновыхъ хлѣбовъ, но цѣны на нихъ все падали и падали, потому что въ Европу привозили дешевый хлѣбъ изъ Соед. Штатовъ Америки, Австраліи и Аргентины, угрожая полнымъ разореніемъ датскимъ земледѣльцамъ. Волеи-неволей

имъ пришлось забрасывать занятіе, которое становилось, малодоходнымъ, и переходить къ другому. Такъ какъ цѣны на продукты скотоводства, напротивъ, все возрастали то естественно и выгодно было мѣнять земледѣліе на скотоводство. Датчане стали разводить все больше и больше скота который давалъ много молока. Но продавать его въ чистомъ видѣ не такъ прибыльно, какъ въ видѣ масла и сыра. Крестьяне сыздавна умѣли дѣлать эти продукты. Въ старину они не только готовили ихъ для себя, но даже недурно ими торговали. Но наступили новыя времена. Появились огромные маслодѣльные заводы и сыроварни, работавшія при помощи машинъ, паровыхъ двигателей, въ помѣщеніяхъ, отличавшихся безукоризненной чистотой. Здѣсь вырабатывалось масса продуктовъ и притомъ отличнаго качества. Крестьяне и сами видѣли, что ихъ маслу куда же до заводскаго, и что ходу ему не будетъ. Оставалось одно: продавать свое молоко на заводъ, но это значило понижать свой доходъ. Конечно, будь у крестьянина деньги, онъ и самъ бы устроилъ заводъ. Но объ этомъ и мечтать нечего: оборудованіе его стоитъ нѣсколько тысячъ. Но умные крестьяне не потеряли головы. Они говорили своимъ товарищамъ: «Конечно, если каждый изъ насъ будетъ думать только о себѣ и дѣйствовать врозь, мы погибли. Гдѣ же каждому въ отдѣльности при нашихъ средствахъ устраивать заводъ? Да и зачѣмъ онъ каждому въ отдѣльности? Вѣдь заводъ потребляетъ ежедневно молоко нѣсколькихъ сотенъ и даже тысячъ коровъ, а многіе ли изъ насъ имѣютъ даже по десятку коровъ? Ясно, что одного завода будетъ достаточно на нашу компанію въ 100 и болѣе человѣкъ. Составимъ товарищество, положимъ, въ 200 ч. Если бы каждый далъ по 150 руб., то составился бы капиталъ въ 30.000, а на эти деньги можно построить заводъ перваго сорта, да еще останется порядочно на оборотныя средства. Но вѣдь, господа, кто изъ насъ можетъ рас-

полагать и такой суммой? Да въ наличности она есть только у немногихъ, но вѣдь мы можемъ занять денегъ. Что же наши дворы, земля, скотъ не стоятъ этихъ денегъ? Развѣ банкъ, выдавая ссуду, не будетъ вполнѣ обезпеченъ въ томъ, что деньги его не пропадутъ. Конечно, будетъ и конечно мы деньги получимъ; ихъ намъ дадутъ не изъ милости, ихъ выгодно будетъ дать. Помилуйте вѣрное обезпеченіе и акуратные плательщики! Маслодѣльный заводъ—дѣло выгодное, мы легко расплатимся съ долгами. Сами мы не умѣемъ дѣлать масло по ученому, такъ мы пригласимъ ученаго маслодѣла. Итакъ, нечего унывать! Предъ нами раскрывается свѣтлое будущее. Завтра же приступимъ къ дѣлу, а теперь пойдемте и выпьемъ за процвѣтаніе перваго датскаго маслодѣльнаго крестьянскаго товарищества»!

Ораторъ давалъ крестьянамъ простой, практичный и умный совѣтъ.

Это доказываетъ успѣхъ этихъ товариществъ, которыхъ теперь въ Даніи болѣе 1000. Крестьянскіе заводы не хуже другихъ. Они снабжены всѣми новѣйшими машинами: есть и сепараторы, быстро отдѣляющіе сливки отъ молока, и аппараты для обеззараживанія его по способу Пастёра, и маслобойки, и холодильныя машины, и паровой двигатель. Помѣщенія прекрасно вентилируются и содержатся въ поразительной чистотѣ, какъ и посуда. Масло прекраснаго качества и великолѣпно приспособлено для перевозки какъ на пароходахъ, такъ и по желѣзнымъ дорогамъ. Теперь во всѣхъ молочныхъ товариществахъ считается 150.000 членовъ, которымъ принадлежитъ 863.000 коровъ, т. е. болѣе $^4/_5$ всѣхъ коровъ въ Даніи. На выставкѣ по маслодѣлію въ Копенгагенѣ въ 1888 г. одинъ товарищескій заводъ къ большому изумленію всѣхъ получилъ серебряную медаль; а на выставкахъ королевскаго датскаго сельско-хозяйственнаго общества въ Одензѣ въ 1900 г. товарищескіе заводы получили всѣ серебряныя медали (46), 202 бронзовыхъ изъ

210 и массу почетныхъ отзывовъ; на парижской выставкѣ того же года датское масло товарищескихъ заводовъ встрѣтило тоже блестящій пріемъ. Качество датскаго масла изслѣдуется самымъ строгимъ образомъ и его постоянно испытываютъ на государственной опытной лабораторіи въ Копенгагенѣ.

Общее собраніе всѣхъ членовъ выбираетъ правленіе срокомъ на 2 года, которое и ведетъ дѣло. Члены его обыкновенно не получаютъ никакого вознагражденія. Предсѣдатель правленія, который обыкновенно ведетъ счеты, въ значительной степени подлежитъ денежной отвѣтственности, долженъ тратить много своего времени и совершать частыя поѣздки, получаетъ поистинѣ королевское жалованье отъ 40 до 80 руб. въ годъ. Маслодѣлу, который отдаетъ заводу все свое время, конечно, платятъ по-настоящему, но и то не особенно щедро. Разъ въ годъ правленіе отдаетъ отчетъ о своей дѣятельности общему собранію, гдѣ всѣ вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ независимо отъ количества молока, какое каждый членъ поставляетъ на заводъ.

По примѣру молочныхъ товариществъ въ Даніи возникли товарищества для устройства скотобоенъ и продажи мяса. Несмотря на то, что частныя бойни вели противъ нихъ борьбу и старались имъ вредить, товарищескія скотобойни твердо стали на ноги. Теперь въ странѣ числится ихъ до 40. Въ 1908 г. они продали мяса (главнымъ образомъ свинины) милліоновъ на 35. Вывозъ мяса направляется по преимуществу въ Англію, гдѣ за датское мясо платятъ дороже коп. на 8 за фунтъ, чѣмъ за всякое другое.

Всего позднѣе возникъ союзъ товариществъ по вывозу яицъ. До его образованія датскія яйца, несмотря на дешевизну, пользовались плохой славой на англійскомъ рынкѣ и ихъ никто почти не покупалъ. Теперь датскія яйца считаются лучшими въ свѣтѣ и англичане платятъ за

нихъ дороже, чѣмъ за всякія другія. Товарищество это какой-то волшебникъ, который все плохое и дешевое превращаетъ въ хорошее и дорогое. Чтобы поднять въ глазахъ покупателей достоинство датскихъ яицъ, союзъ рѣшилъ вести дѣло съ самой строгой добросовѣстностью и продавать только самыя хорошія яйца. Поэтому члены союза должны доставлять ему только такія яйца, за каждое же испорченное яйцо каждый штрафуется въ первый разъ 2 р. 50 к., а во второй — 5 р. Каждый членъ товарищества и каждое товарищество, входящее въ составъ союза, имѣютъ свои нумера, которые и накладываются особымъ штемпелемъ на каждое яйцо. При пріемкѣ яицъ смотрятъ, чтобы на нихъ штемпеля были отчетливо поставлены. Принятыя яйца отсылаются въ контору союза, гдѣ яйца сортируются посредствомъ рамокъ съ овальными отверстіями различныхъ размѣровъ и испытываются на свѣтъ. По штемпелямъ легко узнать изъ какого товарищества и отъ какого именно члена поступили плохія яйца. Хорошія яйца упаковываются и отправляются по мѣсту назначенія. Мы видѣли, что датское масло, свинина и яйца расцѣниваются на англійскомъ рынкѣ дороже, чѣмъ соотвѣтственные продукты изъ другихъ странъ. Подсчитали, что за годъ Данія получаетъ такимъ образомъ на цѣлыхъ 20 милліоновъ рублей больше противъ той суммы, какую она выручала бы за свои товары, если бы они цѣнились наравнѣ съ другими. Этимъ, конечно, страна обязана своимъ товариществамъ. Кромѣ перечисленныхъ существуютъ и много другихъ, напр., для совмѣстной покупки кормовъ, машинъ, удобреній. При такомъ способѣ покупки, понятно, вещи обходятся дешевле.

Удивительная вещь! Въ то время, когда почти во всѣхъ странахъ Европы раздаются жалобы изъ рядовъ крестьянства на плохое житье, вотъ что́ говорятъ представители датскихъ крестьянъ на публичныхъ собраніяхъ: «Мы, кре-

стьяне, должны быть благодарны за то, что дали намъ послѣдніе годы. Это были хорошіе годы, хорошіе годы вообще для крестьянъ, но въ особенности для мелкихъ. Спросите торговцевъ, спросите у представителей разныхъ товариществъ, и всѣ скажутъ, что долги крестьянъ значительно сократились. Спросите въ сберегательныхъ кассахъ, и вы услышите, что сбереженія мелкихъ крестьянъ увеличились».

Общество улучшенія неудобныхъ земель въ Даніи.

Много лѣтъ, больше столѣтія люди и въ Даніи и въ другихъ странахъ дѣлали попытки улучшенія вересковыхъ пустошей, или во всякомъ случаѣ долго обсуждали этотъ вопросъ, но дѣло считалось безнадежнымъ. Несмотря на это въ 1866 г. горсточка патріотовъ объединилась и основала «общество улучшенія вересковыхъ пустошей», которое исключительно имѣло въ виду интересы страны и было совершенно чуждо мысли о наживѣ. Въ теченіе цѣлаго поколѣнія люди работали, встрѣчая щедрую поддержку и со стороны государства и со стороны частныхъ лицъ и учрежденій. Общество теперь насчитываетъ отъ 4 до 5 тысячъ членовъ, которые ежегодно дѣлаютъ взносы. Государственная помощь дѣлу улучшенія пустошей составляетъ въ настоящее время около 130,000 рублей ежегодно и отчасти оказывается самому обществу, отчасти лицамъ, дѣйствующимъ по его указаніямъ. Дѣло было начато по почину капитана Дальгаса, умершаго лѣтъ 20 тому назадъ. Ему и его сподвижникамъ Данія обязана тѣмъ, что болѣе

половины изъ 9000 квадратныхъ верстъ вересковыхъ пустошей, песковъ и болотъ, существовавшихъ при образованіи общества, было превращено въ лѣса, поля или луга—блестящій рекордъ, какъ говорятъ спортсмены, который врядъ ли кто побьетъ.

Когда-то обширныя пространства центральной Ютландіи были покрыты лѣсами, но они мало-по-малу были уничтожены и тамъ, гдѣ нѣкогда во всей своей красѣ стояли буки, сталъ безгранично царствовать вересклъ. Огромныя пространства, гдѣ ровныя, гдѣ холмистыя, представляли вересковыя пустоши, по которымъ можно идти часами, не встрѣчая ни одного человѣческаго существа или не видя ни одного человѣческаго жилья. Кругомъ былъ только вересклъ. Однако эти печальныя пустоши имѣютъ свою прелесть и ихъ величіе пустыни, исполненное грусти, вдохновляло художниковъ и поэтовъ. Но всѣ онѣ по всей вѣроятности осуждены на исчезновеніе, потому что общество работаетъ съ неослабѣвающей энергіей; его дѣятельность все расширяется: оно не только стало давать совѣты о разумномъ обращеніи съ лугами, но взяло въ свои руки другую великую задачу о правильной разработкѣ обширныхъ торфяныхъ залежей, находимыхъ въ различныхъ частяхъ Даніи и особенно Ютландіи. Дѣло улучшенія пустошей столько же важно, сколько и трудно, требуя между прочимъ обширной сѣти дорогъ, но государство и мѣстныя власти какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ хорошо исполняютъ свой долгъ, и хорошія грунтовыя и желѣзныя дороги перерѣзываютъ теперь области, бывшія еще 10—20 лѣтъ тому назадъ бездорожной пустыней. Для перевозки мергеля, служащаго для удобренія земель, было построено много верстъ легкихъ рельсовыхъ путей и это полезное удобреніе отыскивали по всѣмъ направленіямъ, такъ что теперь его добываютъ болѣе, чѣмъ въ тысячѣ мѣстъ. Общество умѣло пользуется и водоіі, гдѣ бы она

ни встрѣчалась,—такъ что теперь излишняго скопленія ея въ пустоши уже незамѣтно. Были вырыты каналы, канавы и устроены плотины и стало возможно орошать безплодныя прежде земли, превративъ ихъ въ плодороднѣйшіе луга.

Общество распадается естественно на нѣсколько отдѣловъ: лѣсной, полевой, луговой и торфяной. Разведеніе деревьевъ оказываетъ существенную услугу фермеру, доставляя ту защиту, въ которой такъ настоятельно нуждаются огромныя равнины, отданныя въ полную власть западнымъ вѣтрамъ. Общество всегда готово давать безплатные совѣты и государство помогаетъ вездѣ, гдѣ его помощь необходима, и деньгами и натурой, раздавая ежегодно 10—20 милліоновъ саженцевъ. Интересно наблюдать эти крошечныя сосенки и елочки, которыя сами по себѣ противодѣйствуютъ западному вѣтру и засухѣ и, несмотря на все, вырастаютъ въ крѣпкія маленькія деревья, предназначенныя современемъ превратиться въ большой лѣсъ. Эти деревца умѣютъ удержаться тамъ, гдѣ ничего другое не будетъ расти, и много фермеровъ засаживаютъ сосной или елью самыя бѣдныя и безплодныя поля, гдѣ они напрасно старались бы вырастить траву или хлѣбъ, и получаютъ хорошіе доходы, хотя ждать ихъ приходится очень долго. Общество можетъ дѣйствительно съ полнымъ удовлетвореніемъ и гордостью оглянуться на свою дѣятельность и едва ли возможно переоцѣнить то добро, которое оно сдѣлало, особенно въ Ютландіи. Поэтому неудивительно, что главный городъ этой области поставилъ очень красивый памятникъ капитану Дальгасу, гдѣ онъ представленъ идущимъ по вересковымъ пустошамъ въ своихъ большихъ сапогахъ съ палкой въ рукѣ: вѣдь онъ, можно сказать, жилъ въ этихъ пустошахъ и провелъ большую часть своей жизни или по крайней мѣрѣ послѣдніе годы (сперва онъ былъ офицеромъ) подъ открытымъ небомъ. Безъ сомнѣнія, онъ могъ бы ска-

зать вмѣстѣ съ Гейне: «когда будутъ называть лучшихъ людей, то назовутъ и меня». Самому обществу принадлежитъ 16 древесныхъ насажденій, два торфяника и одно имѣніе, гдѣ преобладаютъ луга. Эти земельныя владѣнія представляютъ большую цѣнность, но можетъ быть несовсѣмъ правильно сказать, что они принадлежатъ обществу, такъ какъ оно передало всю свою землю министерству внутреннихъ дѣлъ. Если бы общество какъ-нибудь должно было прекратить свою дѣятельность на томъ основаніи, что ему нечего было бы дѣлать, то это нисколько бы не отразилось плохо на судьбѣ его земельной собственности.

Помимо своей непосредственной работы общество вызвало и поддерживаетъ широкій интересъ къ дѣлу своими изданіями, экскурсіями. Ежегодно общество снабжаетъ тысячи людей въ общей сложности милліонами деревцовъ за половину или четверть ихъ стоимости. Все ведется разумно и обстоятельно, какъ вообще датчане ведутъ свои передовыя предпріятія, теорія и практика всегда поддерживаетъ и дополняетъ другъ друга, никогда не пренебрегаютъ научно обосновывать свои дѣйствія. Датчане большіе поклонники наглядныхъ уроковъ и устраиваютъ многочисленныя поѣздки, чтобы можно было все лично осмотрѣть, сдѣлать сравненія. Такимъ образомъ общество устроило опытную торфяную станцію, гдѣ можно видѣть, какъ нужно разрабатывать торфяники и какъ вести здѣсь хозяйство, чтобы получать хорошіе результаты. Служащіе общества разъѣзжаютъ по странѣ и даютъ указанія всѣмъ, кто ими интересуется. Ежегодно на обширной площади даются наглядные уроки разумнаго обращенія съ лугами и я самъ по личнымъ наблюденіямъ могу говорить о той почти невѣроятной перемѣнѣ, которую оно можетъ вызвать въ какіенибудь два-три года.

Огромныя пространства, покрытыя сыпучими песками, были превращены въ древесныя насажденія съ цѣлью за-

держать пески и получить цѣнный лѣсъ и нѣсколько озеръ и проливовъ были осушены и пущены подъ обработку. Дни завоеваній, понимая ихъ въ обыкновенномъ смыслѣ,— дѣло прошлаго, но въ настоящее время Данія, прибавляя десятину за десятиной хорошей земли къ своимъ ограниченнымъ земельнымъ владѣніямъ, совершаетъ другія завоеванія, завоеванія въ благородномъ смыслѣ слова—проявляя старую сѣверную смѣлость и настойчивость.

Содѣйствіе государства сельскому хозяйству въ Даніи.

Хотя датскій крестьянинъ главнымъ образомъ самъ устраиваетъ свою судьбу, но и государство разнообразными путями поддерживаетъ земледѣльцевъ. Оно предоставляетъ имъ спеціальные поѣзда и оказываетъ денежную помощь спеціальнымъ пароходамъ, чтобы создать лучшія условія для вывоза сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Государство стремится улучшить породу различныхъ домашнихъ животныхъ, выдавая денежныя награды на многочисленныхъ сельско-хозяйственныхъ выставкахъ за лучшіе экземпляры скота или прямо поддерживая общества улучшенія домашнихъ животныхъ. Государство содержитъ высшія и низшія сельско-хозяйственныя школы и выдаетъ стипендіи бѣднымъ ученикамъ. Государство помогаетъ пріобрѣтать въ собственность участки земли безземельнымъ сельскимъ рабочимъ, ставя слѣдующія условія: рабочій долженъ быть не моложе 25 лѣтъ и обыкновенно не старше 50. Онъ долженъ отличаться трезвостью и прилежаніемъ и пробыть

рабочимъ не менѣе пяти лѣтъ. Далѣе, онъ долженъ располагать $^1/_{10}$ стоимости земельнаго участка, который онъ хочетъ купить. Площадь участка должна быть не менѣе десятины и не болѣе четырехъ. Государство выдаетъ ссуду въ размѣрѣ $^9/_{10}$ стоимости покупаемаго участка (она не должна превышать 2200 руб.) изъ 3%. Для тѣхъ земледѣльцевъ, кто не могъ почему-либо пройти сельско-хозяйственной школы, устраиваются краткіе передвижные курсы по правилу: если гора не можетъ подойти къ Магомету, то онъ долженъ подойти къ горѣ. Странствующіе учителя отыскиваютъ подходящее помѣщеніе въ деревенскомъ трактирѣ или въ школѣ, какъ случится, и въ теченіе 2—3 недѣль сообщаютъ полезныя свѣдѣнія интересующимся слушателямъ, которые потомъ возвращаются къ своимъ работамъ. Прочитавъ курсъ въ одномъ мѣстѣ, учитель ѣдетъ въ другой округъ. Государство поддерживаетъ эти курсы денежнымъ пособіемъ. Такимъ же порядкомъ читаются лекціи по домоводству. Учительница собираетъ женщинъ съ ближайшихъ приходовъ, знакомя ихъ съ домоводствомъ, начатками химіи, питательнымъ значеніемъ различныхъ пищевыхъ веществъ, съ требованіемъ гигіены, но болѣе всего съ кухоннымъ искусствомъ. Эти курсы тоже получаютъ пособіе отъ государства.

Но и частныя лица содѣйствуютъ сельско-хозяйственному образованію. Вотъ, напр., какая любопытная школа недавно была открыта для мелкихъ земледѣльцевъ по почину одного господина, симпатизирующаго этому классу своихъ соотечественниковъ. Необходимыя средства были собраны частью по подпискѣ, частью взяты въ долгъ у государства; одинъ городъ пожертвовалъ школѣ 16 дес. земли, крупный землевладѣлецъ далъ немного лѣсу. Насколько школа отвѣчала насущной потребности, видно изъ того, что 500 мелкихъ хозяевъ подписали на школу по 2 р. 50 к. При школѣ есть фруктовый садъ, огородъ,

пчельникъ, птичій дворъ; земля раздѣлена на три мелкіе участка. При школѣ существуютъ долгосрочные и краткосрочные курсы. Съ 1-го ноября по 1-е мая долгосрочные курсы для мужчинъ, гдѣ преподается земледѣліе, скотоводство, огородничество; прослушавшій этотъ курсъ имѣетъ право получить казенное пособіе, чтобы имѣть возможность пройти практическія лѣтнія занятія или при самой школѣ, или въ образцовомъ хозяйствѣ. Съ 1-го мая по 1-е ноября— долгосрочные курсы для женщинъ съ преподаваніемъ огородничества, домоводства и нѣкоторыхъ школьныхъ предметовъ. Краткосрочные курсы продолжаются 12 дней и охватываютъ одинъ изъ слѣдующихъ предметовъ: слѣйдъ (ручной трудъ), огородничество, бухгалтерію, пчеловодство птицеводство, плодоводство, разведеніе ивы, кормовыя средства и т. д. Эти курсы идутъ цѣлый годъ и ихъ стараются располагать такъ, чтобы удобно было все показать на практикѣ. Слушатели школы пользуются безплатнымъ столомъ и квартирой, ничего не платятъ за обученіе, получаютъ безплатные билеты на проѣздъ и даже могутъ получить пособія, чтобы оплатить расходы на наемъ рабочихъ, вызванные ихъ отсутствіемъ изъ дому. Трудно придумать болѣе лучшій способъ проводить знанія въ среду самыхъ бѣдныхъ земледѣльцевъ.

Поѣздка къ большому гейзеру.

Взявъ палатку и съѣстные припасы, мы рано утромъ выѣхали верхами изъ Рейкъявика и послѣ 13-часового, очень утомительнаго пути вечеромъ были около большого гейзера. Этотъ гейзеръ, приводимый во всѣхъ учебникахъ

географіи и самый извѣстный въ Европѣ, вовсе не является самымъ большимъ, онъ лежитъ близко отъ Рейкъявика и наиболѣе доступенъ, поэтому его чаще посѣщали путешественники, чаще описывали и снимали, чѣмъ какой-либо другой изъ великолѣпныхъ гейзеровъ на сѣверѣ или востокѣ острова.

Переночевавъ въ избушкѣ живша́го по сосѣдству съ гейзеромъ одного крестьянина, мы утромъ на слѣдующій день отправились къ самому гейзеру и разбили около него палатку. Погода обѣщала быть прекрасной. Земля кругомъ была до непріятности влажная, но противъ этого зла у насъ были резиновыя подстилки. Мы стали ближе знакомиться съ мѣстностью и источниками.

Мы находились на равнинѣ, слабо покатой на югъ и ограниченной съ сѣвера довольно крутыми холмами въ нѣсколько сотенъ футовъ вышиною. Бѣлыя легкія облака паровъ гдѣ чаще, гдѣ рѣже висятъ надъ землей и носятся по вѣтру взадъ и впередъ. Въ воздухѣ стоитъ гулъ, какъ въ большой машинной мастерской; слышится стонъ, шумъ и шипѣніе, какъ отъ огромныхъ кузнечныхъ мѣховъ, по временамъ раздается пронзительный свистъ и подземный гулъ, усиливаясь иногда до глухихъ отдаленныхъ раскатовъ грома. Илистая почва на болѣе сухихъ мѣстахъ покрыта кое-гдѣ лишь мохомъ и жалкой скудной травой и вся въ большихъ и маленькихъ отверстіяхъ, такъ что напоминаетъ какое-то рѣшето, изъ этихъ-то отверстій и раздается безпрерывно этотъ адскій, наводящій ужасъ шумъ и поднимается паръ. Прежде всего, разумѣется, мы обратили свое вниманіе на большой гейзеръ. Онъ расположенъ на самомъ краю вулканической области, какъ разъ у подошвы холма и представляетъ большое кругловатое возвышеніе, которое поднимается футовъ на тридцать и имѣетъ въ окружности до ста шаговъ. Это возвышеніе напоминаетъ огромный плоскій коровай и цѣликомъ состоитъ изъ

Рис. 12. Башенный мостъ въ Лондонѣ.

сѣроватой, не особенно твердой накипи, которая отлагается изъ воды гейзера и въ теченіе столѣтій нарастаетъ до значительныхъ размѣровъ. Если взобраться на это возвышеніе, то очутишься у самаго бассейна гейзера. Онъ правильноії овальной формы футовъ 56 въ длину и 46 въ ширину. Снаружи стѣнки бассейна слегка закругляются, а изнутри плоскія и полого опускаются къ серединѣ, гдѣ находится отверстіе канала, ведущаго въ нѣдра земли. Это огромное воронкообразное углубленіе почти до самыхъ краевъ наполнено темной горячей водоіі, которая въ самомъ глубокомъ мѣстѣ близъ отверстія канала имѣетъ 4 фута глубины. Около краевъ эта непріятнаго вида жидкость спокойна и неподвижна, но въ серединѣ она все бурлитъ и кипитъ то слабѣе, то сильнѣе, но никогда не бываетъ въ покоѣ. Черезъ короткіе промежутки времени со дна поднимаются съ шумомъ большіе пузыри пара, лопаются на поверхности и освобождаютъ бѣлое облачко, которое одно мгновеніе остается на клокочущей жидкости, а потомъ вѣтромъ относится прочь. На южной сторонѣ бассейна вода проложила себѣ выходъ и низвергается по склону накипи маленькимъ дымящимся водопадомъ, вода течетъ небольшоії струйкой по равнинѣ, прихотливо извиваясь, раздѣляясь на маленькіе рукава, и все болѣе остывая по мѣрѣ удаленія отъ своего источника. Въ самомъ бассейнѣ и вытекающемъ изъ него ручеечкѣ находятъ много самыхъ разнообразныхъ предметовъ, покрытыхъ толстой или тонкоіі коркой накипи; мы собирали окаменѣлую скорлупу, кусочки дерна, цвѣты и птичьи перья, бросая на пользу будущихъ посѣтителей множество подобныхъ же вещей въ воду, способную все превращать въ камень.

Къ юго-западу отъ большого гейзера въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ находится Строккръ, немногимъ уступающіій его соперникъ, а втрое дальше на склонѣ холма, такъ называемыіі, малый гейзеръ, слабый, но крайне безпокой-

ный и шумныій сосѣдъ. Между этими тремя самыми замѣчательными источниками есть еще множество другихъ, въ которыхъ вулканическая дѣятельность проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Здѣсь каждыя пять минутъ съ пронзительнымъ свистомъ поднимаются топкія струи воды на высоту футовъ трехъ и шлепаются обратно въ маленькія отверстія; тамъ по всей поверхности вода въ бассеііньѣ закипаетъ періодически съ оглушительнымъ шумомъ, поднимается до краевъ, переливается черезъ нихъ и потомъ опять опускается на нѣсколько дюймовъ; нѣкоторые источники напоминаютъ большіе котлы, въ которыхъ черная-пречерная илистая масса бурно кипитъ и клокочетъ, не поднимаясь и не опускаясь и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ безъ пузырей пара; особенно непріятное дѣйствіе производятъ совершенно спокоіиныя темноголубыя лужи, которыя не кипятъ и не шумятъ, но испускаютъ палящій зной и безвучно, медленно, однако безпрерывно выпускаютъ большіе пузыри воздуха. Наконецъ кое-гдѣ есть въ землѣ воронкообразныя углубленія поменьше, откуда съ шипѣніемъ вырываются горячіе газы, кругомъ такихъ углубленіи все выжжено и покрыто глазурью. Цвѣтъ воды и осадковъ почти въ каждомъ источникѣ различенъ. Глазъ встрѣчаетъ всевозможные оттѣнки бѣлаго, сѣраго, чернаго, желтаго, оранжеваго и краснаго и вся область источниковъ представляется какой-то колоссальной палитроіи, на которой большія массы различныхъ яркихъ красокъ находятся другъ около друга.

Вначалѣ какъ-то страшновато и не по себѣ посреди этихъ адскихъ отверстіи съ кипящеіі водой, которыя пыхтятъ и испускаютъ паръ, кажется, что ихъ бурныя движенія передаются почвѣ и обрушатся на насъ, чтобы въ ближайшій моментъ поглотить насъ въ свою раскаленную пасть; но скоро привыкаешь къ колебаніямъ земли, безпокойному шуму и къ ямамъ, наполненнымъ грязью и бур-

лящей водой, въ концѣ концовъ бродишь между ними съ равнодушіемъ, словно ты самъ являешься истопникомъ, который поддерживаетъ подземный огонь для этихъ ужасныхъ паровыхъ машинъ и мѣшаетъ уголья въ ихъ печахъ.

Часы проходили быстро и пріятно въ этой возбужденной обстановкѣ. Значительную часть дня занимали производившіяся съ особенной заботливостью и осмотрительностью приготовленія пищи, самая ѣда и часокъ сна для пищеваренія. Для своей стряпни намъ не нужно было огня, гейзеръ доставлялъ намъ въ избыткѣ необходимую теплоту. Трехъ минутъ было достаточно, чтобы сварить вкрутую яйца, немного больше требовалось на приготовленіе нашего супа изъ мясныхъ консервовъ; и если бы мы не хотѣли позволить себѣ роскоши въ видѣ кофе, свѣжей вареной семги и грога съ горячей водой, то приготовленіе пищи потребовало бы меньше времени, чѣмъ самая ѣда. Насъ обслуживалъ съ короткими перерывами Строккръ. Непохожій на лѣнивый, флегматичный, чуть что не безчувственный больной гейзеръ, молодой его собратъ отличался живостью, пылкостью и весьма высокой раздражимостью. Каждые 10—12 часовъ онъ самъ по себѣ безъ всякаго воздѣйствія выбрасываетъ вверхъ свой колоссальный водяной столбъ, но если почему либо спѣшишь и не хочешь ждать такъ долго, то его во всякій моментъ по желанію можно заставить произвести изверженіе. Нужно только бросить въ его жерло порядочную порцію дерну, такъ 4 или 5 большихъ лопатъ, чтобы закупорить его. Въ теченіе пяти минутъ все тихо, вода въ бассейнѣ спокойна и неподвижна и ничто не указываетъ, что устье источника забито не навсегда. Но вдругъ глухой раскатъ грома потрясаетъ воздухъ и землю; почва дрожитъ и съ страшнымъ ревомъ и шипѣніемъ изъ засыпаннаго жерла вырывается огромная струя горячей воды вмѣстѣ съ густыми клубами пара и поднимается на головокружительную высоту. Изверженіе слѣдуетъ за извер-

женіемъ, одинъ раскатъ грома за другимъ и верхушка водяной струи цѣлыхъ пять минутъ держится на одной высотѣ, потомъ постепенно понижается и наконецъ совершенно уходитъ въ землю. При этомъ вынужденномъ изверженіи вода черна, какъ чернила, и выноситъ съ собой совершенно разваренные и размягченные кусочки дерна, разбрасывая ихъ далеко кругомъ. За два дня нашего пребыванія у гейзера мы доставили себѣ это великолѣпное зрѣлище 4 раза, да два раза строккръ извергался самъ по себѣ, итого мы видѣли его въ дѣйствіи шесть разъ.

Что касается большого геізера, то въ первый день онъ совсѣмъ не извергался. Поздно вечеромъ, часовъ въ 11, послѣ того какъ мы напослѣдокъ закатили строккру съ обычнымъ успѣхомъ порцію раздражителя, отправились мы въ палатку и легли спать, конечно, не раздѣваясь. Мы крѣпко спали нѣсколько часовъ, какъ вдругъ, должно быть часа въ три утра, насъ разбудилъ сильный гулъ. Мы быстро вскочили на ноги и бросились вонъ изъ палатки. Гулъ повторился еще сильнѣе и можно было ясно разобрать, что онъ идетъ отъ гейзера. Какъ можно скорѣе мы побѣжали къ бассейну; но тамъ не было никакого возбужденія; черная адская вода неподвижно покоилась въ огромной котловинѣ при слабомъ освѣщеніи ранняго утра. Обманчивый гулъ повторился разъ или два и потерялся вдали, какъ раскаты грома удаляющейся грозы. На этотъ разъ это была лишь ложная тревога, которая привела насъ въ возбужденіе; итакъ, слегка проклиная такъ некстати впавшій въ юмористическое настроеніе гейзеръ, мы возвратились въ нашу палатку и съ трудомъ заснули послѣ насильно прерваннаго сна. Въ этомъ случаѣ я замѣтилъ, что предостерегающій шумъ не соотвѣтствовалъ тѣмъ описаніямъ его, какія я читалъ. Прежніе путешественники съ рѣдкимъ единодушіемъ говорили о глухомъ звукѣ, похожемъ на отдаленные пушечные выстрѣлы; мнѣ же казалось, что какъ

будто я стою на каменномъ полу, о который снизу огромными молотами ударяли циклопы. Я слышалъ рѣзкій ударъ, къ которому примѣшивался звонъ и какое-то неопредѣленное брянчаніе, и чувствовалъ при этомъ легкое сотрясеніе почвы.

Второй день прошелъ еще пріятнѣе, чѣмъ первый: день былъ совершенно сухой и солнечный, да и при разнообразномъ возбужденіи этой чуждой обстановки не могло не появиться чувство нетерпѣнія. Было, должно быть, часовъ 9 вечера, горизонтъ ужъ покрылся легкою тѣнью и мы сидѣли передъ палаткой за дымящимся грогомъ съ горячей водой и сахаромъ, готовые скоро лечь спать, какъ товарищи Вулкана снова начали стучать о землю молотами. Мы не спѣша оставили свои стаканы и отправились къ бассейну. Пока мы шли, подземный гулъ и шумъ однако усилились настолько, удары слѣдовали такъ быстро одинъ за другимъ, земля колебалась такъ неистово, что мы всѣ признали, что теперь дѣло идетъ серьезнѣе, чѣмъ въ прошлую ночь, и рѣшили поторопиться. Черезъ минуту мы уже стояли, затаивъ дыханіе, на краю бассейна. Мы пришли во-время, чтобы вполнѣ насладиться страшнымъ и прекраснымъ въ то же время зрѣлищемъ съ его самыхъ слабыхъ проявленій.

Вода бѣшено бурлила и широкими кольцеобразными волнами ударялась о край бассейна; изъ устья канала раздавался ужасный, полуподавленный ревъ словно какого-то допотопнаго чудовища, которое кто-то душилъ желѣзной рукой; вдругъ что-то шевельнулось въ серединѣ бассейна, изъ воды медленно поднялась темная огромная безформенная масса, расплывающаяся и бурно клокотавшая, словно потрясаемая внутренними судорогами, поднялась и потомъ медленно въ безсиліи опустилась назадъ; во второй разъ поднялось это безформенное чудовище, похожее на этотъ разъ на одного изъ тѣхъ баснословныхъ полиповъ, которые, говорятъ, иногда показывались надъ поверхностью

моря для устрашенія моряковъ, и опять исчезло въ пропасти, откуда клубился паръ. Но вскорѣ вода снова поднялась при громѣ и колебаніи земли на высоту дома. Это была водяная струя гейзера. Водяная струя? Что я говорю! Это выраженіе до смѣшного слабо и вовсе не даетъ ни малѣйшаго представленія о грандіозномъ явленіи; не струя, а огромная колонна, цѣлая гора болѣе сажени въ поперечникѣ поднялась изъ адской пропасти; водяная масса сразу взлетѣла футовъ на 30, испуская огромные клубы пара, потомъ она немного опустилась, новый толчекъ и изъ первой колонны, казалось, была выброшена другая колонна далѣе вверхъ на 30 футовъ, тоже испускавшая изъ себя клубы пара; новое пониженіе на одно мгновеніе и снова чудовищный столбъ воды взлетѣлъ вверхъ, верхушка котораго блестѣла на головокружительной высотѣ, можетъ быть футовъ на 100 надъ нами. Въ этой формѣ явленіе оставалось недолго, верхушка столба вся въ пѣнѣ то немного поднималась вверхъ, то немного опускалась внизъ; иногда масса воды понижалась на половину, но только для того, чтобы сейчасъ же съ страшной силой быть подброшенной вверхъ; изъ глубины неслись разъяренный ревъ и шумъ, земля сильно тряслась и въ жерлѣ демоны, казалось, боролись не на жизнь, а на смерть. Между тѣмъ дулъ довольно сильный вѣтеръ, но онъ вовсе не могъ поколебать водяного столба, который, словно въ какомъ-то оцѣпенѣніи высился прямо, какъ стрѣла; силы вѣтра хватало лишь на то, чтобы отбросить въ сторону клубы пара, которые позади фонтана образовали бѣлую стѣну; на ней тѣмъ рѣзче выдѣлялась темная, какъ бы состоящая изъ расплавленнаго металла масса водяного столба и производила тѣмъ больше впечатлѣнія.

Цѣлую четверть часа мы могли любоваться несравненнымъ зрѣлищемъ во всей его силѣ; затѣмъ водяная колонна стала постепенно уменьшаться, какъ постепенно под-

нималась изъ котловины. Это замѣчательное явленіе я не могу сравнить ни съ чѣмъ другимъ, какъ съ вытягиваніемъ и складываніемъ трубокъ огромного телескопа, изъ которыхъ одна входитъ въ другую. Еще минута, и водяной гигантъ исчезъ, а съ нимъ и вода, которая до сихъ поръ наполняла бассейнъ; подземный гулъ замолкъ, земля перестала колебаться и бассейнъ лежалъ передъ нашими глазами пустымъ, такъ что мы могли видѣть зіявшее по серединѣ отверстіе канала. Мы осторожно подошли къ нему и могли въ глубинѣ, полной непроницаемаго мрака, слышать волненіе и бурленіе утекавшей воды. Каналъ при устьѣ имѣетъ въ поперечникѣ $9^1/_2$ футовъ и на 76 футовъ опускается совершенно отвѣсно.

Молча возвратились мы въ свою палатку подъ сильнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго, не будучи въ состояніи сразу выразить его словами, и долго въ возбужденіи лежали на нашихъ одѣялахъ, пока сонъ не успокоилъ нашихъ нервовъ.

Лондонъ.

A) Общее впечатлѣніе.

Лондонъ — городъ-колоссъ, равнаго ему нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ. «Необъятно, громадно», повторяетъ пораженный путешественникъ, созерцая дѣйствительно цѣлое море домовъ, которое развертывается передъ нимъ. Здѣсь только путешественникъ въ первый разъ въ жизни ясно представитъ себѣ это избитое выраженіе: «море домовъ». Домъ тѣснится къ дому, улица за улицей, и такъ безъ конца,

на цѣлыя версты, на десятки верстъ—просто ума помраченіе. «Ну ужъ и на десятки верстъ!»—усумнится читатель. Увѣряю васъ, на десятки верстъ! Вѣдь Лондонъ тянется въ длину... не угадаете! на цѣлыя пятьдесятъ верстъ и въ ширину на тридцать. Онъ занимаетъ площадь болѣе 1500 квадратныхъ верстъ! Петербургъ въ сравненіи съ Лондономъ прямо карликъ. Полторы тысячи квадратныхъ верстъ вѣдь это хорошій русскій уѣздъ. Такъ представьте же себѣ, что мы цѣлый уѣздъ сплошь застроили домами, тогда мы получили бы Лондонъ. Съ точностью трудно опредѣлить, гдѣ начинается и гдѣ кончается городъ по той простой причинѣ, что ни наружныхъ укрѣпленій, ни заставъ въ немъ не существуетъ. Границы города постоянно распиряются во всѣ стороны съ неимовѣрной быстротой, городъ растетъ буквально не по днямъ, а по часамъ, какъ какой-то сказочный богатырь. Считаютъ, что длина улицъ въ Лондонѣ ежегодно увеличивается верстъ на 75. Въ какія-нибудь пять-восемь недѣль пустынныя пространства обращаются въ цѣлые города, покрываются сѣтью длинныхъ улицъ, обрастаютъ домами, магазинами, дома и магазины наполняются людьми, товарами. Подрядчики-строители часто берутся воздвигнуть цѣлую улицу или площадь заразъ. Отсюда однообразіе построекъ въ одной и той же улицѣ. Какъ громадно пространство города, такъ громадно и населеніе: съ предмѣстьями въ немъ считаютъ около 7 милліоновъ. Въ Европѣ много государствъ, которыя имѣютъ меньше жителей. Судя по пространству, надо бы ожидать для Лондона большей цифры населенія. Несоразмѣрность площади города съ численностью населенія объясняется тѣмъ, что въ Англіи не любятъ дома-муравейники, гдѣ помѣщается нѣсколько сотенъ семействъ, каждый стремится жить въ отдѣльномъ домѣ, каждый хочетъ, чтобы его домъ былъ его крѣпостью. Понятно, что при такихъ наклонностяхъ къ обособленности площадь города должна быть несоразмѣрно велика. Не осо-

бенно давно стали строить въ Лондонѣ большіе многоэтажные дома, и даже слабое подобіе американскихъ небоскребовъ, громадины въ 11—13 этажей, но, кажется, опасности, какія представляютъ онѣ при пожарахъ, нѣсколько охладили увлеченія лондонцевъ Америкой.

Легко представить себѣ, какое огромное движеніе происходитъ на улицахъ города при его громадномъ населеніи! Парижъ и Берлинъ показались бы мертвыми городами въ сравненіи съ этимъ многомилліоннымъ чудовищемъ. Въ извѣстные часы главныя улицы переполнены до невозможности: по широкимъ тротуарамъ валомъ валитъ густыми массами народъ, всѣ спѣшатъ сосредоточенно впередъ, словно на пожаръ или на поле битвы, боясь потерять минуту драгоцѣннаго времени, а по мостовой идетъ другой потокъ еще болѣе могучій: разноцвѣтные омнибусы, переполненные публикой, изящныя кареты; легкіе кэбы, неуклюжія грузовыя телѣги, телѣжки съ фруктами и овощами, блестящіе автомобили, велосипеды, посильщики съ объявленіями сбились въ кучу и запрудили улицу. Просто какое-то столпотвореніе, отъ котораго у непривычнаго человѣка голова пойдетъ кругомъ. А что дѣлается на Лондонскомъ мосту въ часы оживленнаго движенія! Постоянно, безъ перерыва движется въ противоположныхъ направленіяхъ двойной потокъ экипажей и людей, словно муравьи, которые ползутъ черными, безчисленными, однообразными массами, гдѣ глазъ не различаетъ отдѣльныхъ особей, но видитъ только движеніе, и широта, безпрерывность и однообразіе потока въ концѣ концовъ положительно ошеломляютъ.

Переходить лондонскую улицу во время оживленнаго движенія нечего и думать; напрасно вы будете стоять и ждать, что вотъ-вотъ потокъ экипажей разрѣдится и вы проскользнете на ту сторону. Въ Лондонѣ есть только одна сила, которой подчиняется этотъ потокъ. Это—городовой.

Онъ, какъ Моисей, простираетъ свой жезлъ и моментально все замираетъ, разступаются волны потока и пропускаютъ людей и лошадей, снова взмахнулъ онъ жезломъ и опять съ шумомъ помчался потокъ. Городовой обыкновенно рослая, плечистая фигура въ синей формѣ, съ каской на головѣ, но безъ шпаги, сабли или револьвера не имѣетъ воинственнаго вида; хотя онъ не кричитъ ни на кого, не ругается и, конечно, не пускаетъ въ ходъ своихъ кулаковъ, но въ совершенствѣ владѣетъ улицей, какъ опытный механикъ какой-нибудь машиной. Всегда вѣжливый, онъ всегда готовъ и всегда можетъ дать краткія, но ясныя указанія. Трогательно видѣть, съ какой предупредительностью онъ иногда ведетъ черезъ улицу какую-нибудь бѣдную старушонку или мальчишку-оборванца.

На улицѣ шумно. Кричатъ пронзительно продавцы газетъ, орутъ во все горло уличные торговцы, гдѣ-нибудь передъ отелемъ въ смѣшныхъ пестрыхъ костюмахъ съ пѣніемъ и подъ музыку отплясываютъ бѣдные танцоры, въ которыхъ голодъ заглушилъ чувство человѣческаго достоинства, прямо на улицѣ гремитъ шарманка или механическое піанино, по временамъ раздается громкій звукъ рога, возвѣщая прибытіе или отбытіе общественнаго экипажа, поддерживающаго сообщеніе центра съ окраиной, а тамъ передъ толпой слышатся пискливые голоса актеровъ кукольнаго театра.

На главныхъ улицахъ города путешественника поражаетъ необыкновенное развитіе рекламы. Она стремится возбудить вниманіе этихъ людей, что изъ всѣхъ силъ куда-то бѣгутъ, не глядя по сторонамъ, затронуть ихъ любопытство, поразить ихъ глазъ, раскрыть имъ уши и выпуть у нихъ изъ кармана возможно больше денегъ. Домъ снизу до верху покрытъ саженными буквами самой странной формы и цвѣта; на другомъ изображена только одна черная цифра, огромная, идущая отъ перваго этажа до крыши; здѣсь про-

тянулась гигантская позолоченная рука съ молотомъ въ сжатомъ кулакѣ; тамъ въ нишѣ стоитъ громадная статуя пестро разрисованнаго шотландца въ блестящемъ національномъ нарядѣ, нюхающаго табакъ, напоминая что здѣсь продаются табачныя издѣлія. Часовой мастеръ думаетъ обратить вниманіе на свой магазинъ звуками колокольчиковъ и башенными часами съ неграми, дикарями и другими фигурами; фабрикантъ физическихъ приборовъ наполняетъ свои окна сверкающими вертящимися электрическими машинами. Въ лавкѣ торговца игрушками танцуютъ и дрыгаютъ ногами паяцы; большой бассейнъ съ водой, гдѣ среди искусственныхъ утокъ и лебедей плаваетъ обувь, выставленъ торговцемъ водонепроницаемой кожи. Книгопродавецъ выноситъ свои книги на улицу, обозначая крупными цифрами цѣну, и многократными огненно красными надписями по зеленому полю приглашаетъ публику войти внутрь. Въ окнахъ ресторана выставлены во множествѣ вкусныя закуски и блюда, а на табличкѣ передъ дверями виситъ обѣденная карта съ обозначеніемъ цѣнъ купаній. Всѣ свободныя стѣны домовъ, трубы, заборы около вновь строющихся домовъ, рѣшетки садовъ покрыты чудовищными объявленіями, которыя кричатъ еще громче, еще болѣе назойливы, чѣмъ фасады и окна. Вотъ полуобнаженная красавица съ длинными волнующимися волосами, изображенная въ такихъ богатыхъ и крикливыхъ краскахъ, рекламируетъ масло, способствующее росту волосъ; индусскій князь въ красномъ кафтанѣ и съ тюрбаномъ изъ кашемировой шали — реклама фабриканта соусовъ; этотъ земной шаръ въ 2 сажени въ поперечникѣ содержитъ объявленіе газеты, а эта огромная картина убійства съ неистовствующими героями съ искаженными лицами, съ длиннѣйшими кинжалами, широкими ярко-красными потоками крови приглашаетъ въ театръ. Куда бы ни обратить запуганный и

утомленный глазъ, всюду тоже судорожное, насильственное, отчаянное стремленіе овладѣть вниманіемъ прохожаго хотя на одно короткое мгновеніе. Быть замѣченнымъ — вотъ великая цѣль всеобщихъ стремленій. Кто остается незамѣченнымъ—погибаетъ; кому удается яркимъ образомъ или рѣзкимъ крикомъ остановить на себѣ глазъ или ухо толпы, которая, оглушаемая со всѣхъ сторонъ, въ отупѣніи валитъ по улицамъ, тотъ дѣлается богатъ, великъ и могучъ. Вотъ откуда эти крикливые плакаты, зазывающія окна магазиновъ, бѣснующіеся фасады, этотъ шумъ объявленій, надписей, рекламъ и фигуръ напоказъ, которыя превращаютъ торговыя улицы Лондона въ какой-то сумасшедшій домъ.

На ряду съ неподвижными объявленіями есть ходячія. По улицамъ города часто можно видѣть удивительный рядъ людей, иногда числомъ до нѣсколькихъ сотенъ, старыхъ, молодыхъ, маленькихъ, большихъ, слабыхъ и сильныхъ, спрятанныхъ подобно черепахѣ, между двумя большими таблицами, идущими отъ подбородка до пятокъ, такъ что виднѣются только голова да ступни. Эти таблицы покрыты яркими рисунками и кричащими объявленіями. Медленнымъ шагомъ идутъ эти люди гуськомъ, нужна цѣлая четверть часа, чтобы пропустить ихъ всѣхъ мимо себя. Такъ странствуютъ они съ ранняго утра до поздняго вечера по главнымъ улицамъ и возбуждаютъ удивленіе иностранцевъ и вниманіе мѣстныхъ жителей. Публика видитъ только таблицы и вовсе не замѣчаетъ, что надъ ними поднимаются человѣческія лица, блѣдныя, истощенныя лица, которыя стекляннымъ озвѣрѣлымъ глазами смотрятъ на проходящихъ и въ которыхъ прочтешь утомленіе, нищету, голодъ и болѣзнь. Мѣстное остроуміе называетъ несчастныхъ, которые за 50 коп. ежедневно отказываются отъ своего человѣческаго достоинства и унижаются до ходячихъ куколъ, «Сэндуичъ» (бутербродъ), по-

тому что они скрыты между двумя таблицами, какъ кусочекъ сыра или мяса между двумя ломтиками хлѣба.

В) Сити.

Середину города занимаетъ самая старинная его часть—Сити. Это центръ не только лондонской торговли, но и міровой, гдѣ совершаются торговыя сдѣлки на громадныя суммы. Жилыхъ домовъ здѣсь немного, главнымъ образомъ здѣсь сосредоточены торговые многоэтажные склады, конторы, банки. Торговля ведется въ крупныхъ размѣрахъ. Каждая отрасль торговли для оптовой продажи имѣетъ свою отдѣльную биржу, гдѣ сходятся торговцы, торговые посредники и представители обществъ, занимающихся перевозкой товаровъ, и гдѣ въ дни продажъ царитъ необыкновенное оживленіе, напоминающее какой-то муравейникъ. Существуютъ биржи для продажи угля, мѣди, хлѣба мяса, фруктовъ, чая, табаку, шерсти, хлопка, мѣховъ, драгоцѣнныхъ камней и алмазовъ, аптекарскихъ товаровъ и т. д.

Внѣшній видъ Сити только въ громадныхъ размѣрахъ замѣчательно похожъ на внѣшній видъ нашего Китай-города. Конечно, въ Сити, какъ въ центрѣ всесвѣтной промышленно-экономической жизни, торговый пульсъ бьется несравненно сильнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, этомъ торгово-промышленномъ центрѣ всей Россіи и сопредѣльныхъ странъ Азіи.

Въ промежуткѣ между 10 часами утра и 6 ч. вечера въ этомъ замѣчательномъ уголкѣ земного шара дѣлается много, но говорится мало. Самыя важныя операціи совершаются въ нѣсколько минутъ, безъ лишней траты времени и словъ. Двери многочисленныхъ конторъ Сити постоянно открыты настежь и въ нихъ безпрестанно вливаются все новыя и новыя волны дѣлового люда.

Если при входѣ въ контору кто-нибудь вздумаетъ снять

шляпу, то вы не ошибетесь, сказавъ, что это иностранецъ. Обычные посѣтители Сити не только не снимаютъ шляпы при входѣ въ конторы на короткое время, но нерѣдко служащіе даже занимаются тамъ со шляпами на головахъ, этотъ, не совсѣмъ скромный обычай присущъ, впрочемъ, повсюду свободнымъ сынамъ Альбіона.

Женщинъ въ Сити видно мало. Смотришь и думаешь, что попалъ въ какую-то военную колонію. Справа и слѣва густой толпой маршируетъ стройная крѣпко сложенная молодежь. Всѣ одѣты точно по формѣ: визитки, стоячій воротникъ, бѣлый галстукъ и низкая шляпа—вотъ общая обмундировка этой гвардіи.

Вооруженіе всѣхъ состоитъ изъ одной только записной книжечки въ лѣвомъ верхнемъ карманѣ визитки, куда также вложенъ карандашъ — это холодное оружіе всѣхъ обывателей Сити, которымъ они отстаиваютъ себя въ борьбѣ за существованіе. Здѣсь каждый безъ отдыха хлопочетъ только о своихъ дѣлахъ, всѣ люди заняты цифрами и коммерческими соображеніями; безостановочная лихорадочная дѣятельность продолжается до 6 часовъ вечера, когда всѣ дневныя работы кончаются и торговый людъ второпяхъ покидаетъ Сити и возвращается кто по желѣзной дорогѣ, кто въ омнибусахъ по своимъ домамъ, которые обыкновенно лежатъ на почтенномъ разстояніи отъ мѣста ихъ дѣятельности.

Въ Сити всякому предоставлено право безнаказанно толкать ближняго и никто не думаетъ обижаться изъ-за такихъ пустяковъ. Къ 11 ч. утра количество экипажей и пѣшеходовъ на улицахъ Сити достигаетъ огромныхъ размѣровъ и движеніе ихъ очень затрудняется; безчисленныя дрожки, кареты, омнибусы, ломовые загромождаютъ улицы, не оставляя нигдѣ свободнаго мѣста. Каждыя 5 минутъ полицейскіе и конные жандармы останавливаютъ ряды слѣдующихъ другъ за другомъ экипажей для того, чтобы

Рис. 13. Паркъ въ Лондонѣ.

пропустить новый потокъ каретъ, извозчиковъ и ломовыхъ, направляющихся изъ боковымъ улицъ, какъ потоки дождевого ливня. Нѣкоторые перекрестки, какъ, напр., тотъ, что возлѣ англійскаго банка, гдѣ пересѣкются восемь большихъ улицъ, положительно запруженныхъ экипажами, ежедневно бываютъ мѣстомъ тяжкихъ увѣчій. Переходить улицу въ такихъ мѣстахъ всегда очень опасно, несмотря на бдительность городовыхъ и на ловкость, съ которой они моментально останавливаютъ движеніе экипажей, чтобы дать дорогу пѣшеходамъ. Число несчастныхъ жертвъ неосторожности и неосмотрительности все-таки еще очень велико. Разсказываютъ по этому поводу, что одинъ изъ отважнѣйшихъ альпійскихъ проводниковъ, перейдя такой перекрестокъ Сити, замѣтилъ, что самые опасные и самые узкіе проходы въ Альпахъ не такъ страшны, какъ улицы Сити.

Ночью на улицахъ Сити, такъ же, какъ и у насъ въ Китай-городѣ, царствуетъ полнѣйшая тишина. Только одни полицейскіе съ потайными фонарями въ рукахъ совершаютъ свой ночной обходъ, тщательно осматривая своимъ опытнымъ глазомъ всѣ окна и двери, изслѣдуя, всѣ ли замки и засовы находятся въ должной цѣлости.

Тамъ, гдѣ съ 10 до 6 часовъ дня господствовала страшная суматоха и кипѣла горячая дѣятельность, тамъ послѣ 6 часовъ мирно разгуливаютъ стаи голубей, какъ по улицамъ самой глухой деревни.

Сити—главная артерія, черезъ которую проходятъ самые значительные обороты обоихъ полушарій, сильно нуждается, чтобы совершеніе этихъ оборотовъ было наиболѣе упрощено и совершалось бы не посредствомъ звонкой монеты, а простымъ сравненіемъ приходо-расходныхъ счетовъ по кредитнымъ документамъ банковыхъ учрежденій.

Дѣйствительно мы видимъ, что нигдѣ въ Европѣ банковыя дѣла не достигли такого громаднаго и всесторонняго

развитія, какъ въ Лондонѣ. Англійскіе купцы, промышленники и лавочники не имѣютъ обыкновенія держать денегъ у себя въ несгораемыхъ шкапахъ подъ контролемъ артельщиковъ, какъ еще не особенно давно было принято въ Москвѣ, а отдаютъ ихъ банкиру съ тѣмъ, чтобы онъ производилъ всѣ платежи по ихъ чекамъ, билетамъ на предъявителя.

Не только торгово-промышленный міръ Англіи тѣсно связанъ во всѣхъ своихъ финансовыхъ операціяхъ съ банкирами, но всѣ вѣдомства, учрежденія и сословія не могутъ обойтись безъ банкировъ. Эти послѣдніе играютъ роль всеобщихъ кассировъ и совершаютъ всѣ платежи и полученіе денегъ своихъ кліентовъ. Какъ учрежденія, гдѣ сосредоточивается квинтъ-эссенція торговли и промышленности страны, банкирская іерархія тѣмъ самымъ имѣетъ очень важное значеніе во всѣхъ вопросахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней жизни государства.

Самое крупное кредитное учрежденіе не только въ Лондонѣ, но въ цѣломъ мірѣ, это—англійскій банкъ.

Онъ помѣщается противъ дворца лордъ-мэра и представляетъ собой обширное одноэтажное зданіе, занимающее цѣлый кварталъ, который образуется здѣсь отъ пересѣченія четырехъ сходящихся улицъ. Наружныя стѣны зданія совсѣмъ не имѣютъ оконъ и многочисленныя рабочія залы банка освѣщаются частью черезъ потолокъ, частью большими окнами со стороны его девяти внутреннихъ дворовъ.

При устройствѣ банковыхъ помѣщеній предусмотрительные администраторы приняли всѣ возможныя мѣры предосторожности для того, чтобы ни разъяренная толпа въ случаѣ народнаго возмущенія, ни огонь въ случаѣ пожара не могли проникнуть въ зданіе. Ночью зданіе банка охраняетъ рота полицейскихъ солдатъ подъ начальствомъ офицера, а днемъ оно находится подъ бдительнымъ надзоромъ городской полиціи.

Число служащихъ въ англійскомъ банкѣ слишкомъ тысяча человѣкъ.

Для того, чтобы осмотрѣть подвалы, въ которыхъ хранятся сокровища банка, надо запастись предварительно письменнымъ разрѣшеніемъ одного изъ директоровъ банка. Эти подвалы запираются тремя замками, ключи отъ которыхъ хранятся у трехъ лицъ, такъ что никто изъ нихъ въ отдѣльности не можетъ открыть дверей; но только всѣ они вмѣстѣ.

Публика имѣетъ свободный доступъ во всѣ тѣ помѣщенія, гдѣ совершаются текущія дѣла, но если кто-либо изъ публики пожелаетъ посѣтить другія отдѣленія банка или же осмотрѣть типографію, гдѣ печатаются банковые билеты, то онъ долженъ всякій разъ заручиться спеціальнымъ разрѣшеніемъ, которое выдается нелегко, или ему долженъ сопутствовать кто-нибудь изъ директоровъ банка. Машины для заготовленія банковыхъ билетовъ представляютъ особый интересъ.

Однѣ гладятъ, полируютъ и гравируютъ стальныя доски, на которыхъ печатаются банковые билеты, другія растираютъ типографскія чернила до такой степени, что не оставляютъ въ нихъ ни песчинки, или линуютъ, складываютъ и сшиваютъ 300 счетныхъ книгъ, употребляемыхъ еженедѣльно, или, наконецъ, взвѣшиваютъ въ минуту по 80 штукъ золотой монеты, которая скатывается потомъ въ трубу. Неполновѣсныя монеты сталкиваются палочкой съ вѣсовъ въ особый ящикъ, въ которомъ другія машины разрѣзываютъ ихъ на куски. Въ комнатѣ, гдѣ печатаются банковые билеты, стоитъ искусно устроенная машина, дѣлающая обманъ невозможнымъ; она ставитъ на каждомъ билетѣ его номеръ и не только вдвигаетъ подъ прессъ слѣдующіе номера, но въ то же время показываетъ въ нѣсколькихъ отдаленныхъ комнатахъ, какой нумеръ только-

что отпечатанъ. Когда глядишь на работу этихъ машинъ, то почти готовъ вѣрить волшебству.

Англійскій банкъ выпускаетъ кредитные билеты въ 50, 100, 1000 и даже въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, но съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы общая сумма кредитныхъ билетовъ не превышала ту сумму, какая имѣется въ наличности въ видѣ драгоцѣнныхъ металловъ.

Билеты банка ограждены отъ поддѣлки благодаря той особенной бумагѣ, изъ которой они заготовляются, ей они обязаны больше, чѣмъ всякимъ другимъ охранительнымъ мѣрамъ. Бумага эта не только очень тонка сравнительно со своей плотностью и прочностью (она выдерживаетъ тяжесть вѣсомъ въ $1^1/_2$ пуда), но и кромѣ того обладаетъ характернымъ шуршаніемъ или трескучимъ шорохомъ, такъ что человѣкъ, привыкшій имѣть дѣло съ этими билетами, легко можетъ ощупью отличить ихъ отъ всѣхъ другихъ. Другую особенность ихъ составляютъ водяные знаки чрезвычайно запутанной и сложной формы. Знаки эти утверждены парламентомъ и за поддѣлку ихъ виновные подвергаются строгой отвѣтственности. Впрочемъ, и безъ этой охранной мѣры поддѣлка кредитныхъ билетовъ чрезвычайно трудна, такъ какъ кромѣ словъ и волнистыхъ линій, въ нихъ есть нѣкоторыя символическія обозначенія, смыслъ которыхъ извѣстенъ только одной администраціи. Наконецъ банковымъ билетамъ не даютъ истрепываться, конечно насколько директорскій контроль имѣетъ возможность услѣдить за этимъ. Билеты, предъявляемые въ кассу банка, ни въ какомъ случаѣ назадъ не возвращаются. Если, напр., кто-нибудь пріобрѣлъ совершенно новый банковый билетъ и по какимъ-нибудь причинамъ предъявилъ его даже въ тотъ же самый день въ банкъ къ уплатѣ, то этотъ билетъ уже навсегда вынимается изъ обращенія; въ счетныхъ книгахъ банка можно прослѣдить его дальнѣйшую судьбу, но самый билетъ въ обращеніи больше не

появится. Благодаря этому билеты англійскаго банка имѣютъ болѣе опрятный видъ и никогда не бываютъ измяты, какъ наши кредитные билеты, вслѣдствіе чего удостовѣриться въ подлинности ихъ очень легко.

Въ Сити есть очень интересный музей, такъ называемый таможенный музей. Вѣрнѣе было бы назвать его музеемъ контрабандистовъ. Въ немъ выставлены различные предметы, служившіе средствомъ для безпошлиннаго провоза товаровъ, но конфискованные таможеннымъ начальствомъ и сохраняющіеся въ залахъ таможни въ назиданіе потомству. Тутъ всякій убѣдится, что изобрѣтательность контрабандистовъ дѣйствительно не имѣетъ границъ. Какихъ только уловокъ, какихъ ухищреній ни перепробовали они, представители свободной торговли, для того, чтобъ обмануть зоркую проницательность таможенныхъ чиновъ! Но послѣднихъ рѣдко удается провести: они знаютъ, съ какими господами имѣютъ дѣло и бываютъ всегда настороже.

Цѣль основанія этого полезнаго учрежденія наглядно знакомить таможенныхъ чиновъ со всѣми видами тысячи и одной хитрости контрабандистовъ. Двое любителей, служащихъ въ таможнѣ, задумали и привели въ исполненіе свою идею по личной иниціативѣ, безъ содѣйствія правительства. Коллекціи собирались много лѣтъ и до сихъ поръ не получили оффиціальной санкціи.

Вотъ какъ описываетъ музей одинъ посѣтитель, бывшій въ этомъ музеѣ.

Зала наполнена всевозможными, самыми разнообразными предметами. Зрителю при первомъ же взглядѣ бросается въ глаза огромная глыба бѣлаго мрамора, перенесеніе которой на мѣсто, повидимому, должно было стоить невѣроятныхъ усилій и большихъ издержекъ.

— Толкните пальцемъ эту глыбу каррарскаго мрамора! Приглашаетъ посѣтителя чичероне, показывающій чудеса и таіны контрабандистовъ.

Вы исполняете его приглашеніе и съ удивленіемъ убѣждаетесь, что мнимая глыба легче пуха. Это одна изъ тысячи и одной метаморфозъ тайника контрабандистовъ. Глыба, какъ и каждый изъ нумеровъ удивительной коллекціи, имѣетъ особенную исторію. Однажды на кораблѣ, пришедшемъ изъ Турціи, было привезено шесть такихъ же кусковъ мрамора. Одинъ изъ таможенныхъ досмотрщиковъ, подмѣтивъ необычное углубленіе въ одной изъ глыбъ, догадался отломить отъ нея кусокъ камня. Представьте себѣ всеобщее изумленіе, когда глыба оказалась сдѣланной изъ толя. Начинка состояла изъ турецкаго табаку на 100.000 руб.

Не угодно ли вамъ перейти въ другой уголъ залы. Вотъ связка дровъ, которыя, очевидно, приготовлены для поддержанія огня въ каминѣ. Но ошибаться—свойственно человѣку. Въ дѣйствительности каждое изъ полѣнъ сдѣлано изъ металла, покрытаго настоящей древесной корой. Съ обоихъ концовъ привинчено по куску настоящаго дерева, закрывающаго странный футляръ, подобно портсигарной крышкѣ. Курьезная бонбоньерка въ самомъ дѣлѣ предназначалась для безпошлиннаго провоза заграничныхъ сигаръ. Далѣе лежатъ куски полотна, имѣющіе видъ только-что принесенныхъ съ фабрики. Ударьте по ткани тростью, послышится металическій звукъ, обличающій, что передъ вами находится ловко замаскированный сосудъ для провоза не очищеннаго пошлиной спирта.

Вотъ цѣлая груда фарфоровыхъ тарелокъ. Тарелки связаны пачками по 4 дюжины, какъ обыкновенно дѣлается на заводахъ. Настоящія тарелки положены только въ верхней и нижней дюжинахъ. Среднія двѣ дюжины состоятъ изъ однихъ ободковъ, плотно нанизанныхъ вокругъ потайнаго цинковаго сосуда.

Рядомъ съ тарелками въ углу вы замѣчаете высокаго ливрейнаго лакея, повидимому погруженнаго въ глубокій сонъ, судя по его позѣ и головѣ, свѣсившейся на грудь.

— Удивительно, какъ его не разбудили наши шаги и громкая бесѣда—восклицаетъ посѣтитель.

— Хлопните молодца по плечу, чего онъ разоспался!—съ улыбкой отвѣчаетъ смотритель музея.

Молодецъ, теряя равновѣсіе, немедленно вслѣдъ за вашимъ ударомъ падаетъ на полъ.

— Не бойтесь, это манекенъ, при посредствѣ котораго провезено черезъ границу огромное количество иностраннаго спирта. Онъ весь вылитъ изъ цинка, только голова и руки сдѣланы изъ воска, съ искусствомъ, превосходно подражающимъ природѣ. Шрамъ, который вы видите на головѣ, напоминаетъ о происшествіи, которому обязаны его поимкою. Неизвѣстный элегантный господинъ ежедневно въ шесть часовъ проѣзжалъ черезъ таможню. Въ его коляскѣ на козлахъ обыкновенно дремалъ ливрейный лакей, не цинковый, а настоящій. Первое время чиновники исправно осматривали коляску, но, не находя ничего подозрительнаго, стали ограничиваться вѣжливыми поклонами. Въ концѣ концовъ неизвѣстный спортсменъ началъ проѣзжать мимо таможни полнымъ ходомъ своей чистокровной лошади. Эта поспѣшность выдала его. Въ одинъ прекрасный день тяжелая тачка задѣла за легкое ландо и опрокинула его. Сѣдокъ и лакей вылетѣли на дорогу. Хозяинъ коляски поднятъ былъ въ безчувственномъ, но не опасномъ состояніи. Зато паденіе привело въ крайне плачевный видъ сонливаго лакея, недавно нанятаго спортсменомъ. Его черепъ раскрылся, и несчастный сталъ истекать бьющею фонтаномъ... желтоватою жидкостью, которая оказалась — лучшимъ финь-шампань. Что касается коляски, кузовъ и козлы которой обломались при паденіи, то отсюда потекли обильныя струи чистѣйшаго алкоголя.

Всѣхъ диковинъ музея не пересчитать.

C) Западный Лондонъ.

Самая лучшая часть города, гдѣ живутъ богачи и аристократія—это западный Лондонъ. Здѣсь все устроено такъ, чтобы предупредить всѣ потребности и удовлетворить всѣ фантазіи баловней судьбы. Ни одна часть города такъ искусно, такъ тѣсно не переплетена съ природой. Нигдѣ жизнь тѣхъ, кто можетъ оплачивать свою роскошь, не окружена такой изысканностью, такими заботами. Здѣсь много свѣта, воздуху, простора. Широкія улицы, пересѣкающіяся подъ прямыми углами, могли бы, кажется, вмѣстить людскія массы чуть не всего города, и однако толпа никогда не наполняетъ ихъ, длинные ряды однообразныхъ домовъ внушительнаго вида съ ихъ фронтонами, колоннами напоминаютъ греческіе храмы. Сады вокругъ этихъ домовъ огромны, какъ парки, а парки съ ихъ деревьями и цвѣтами шумятъ и зеленѣютъ, словно большіе лѣса. Безпрерывная линія зелени и тѣни доставляетъ въ этихъ счастливыхъ кварталахъ постоянную свѣжесть. Ничто не напоминаетъ здѣсь о человѣкѣ физическаго труда, о бѣдности, нуждѣ. Все непріятное здѣсь удалено отъ глазъ, безпокойный шумъ устраненъ. Экипажи скорѣе скользятъ, чѣмъ катятся по упругой мягкой мостовой, которая ослабляетъ самые шаги лошадей. Каретные сараи и конюшни помѣщены вдали отсюда, въ глухихъ улицахъ, откуда лошадей вызываютъ по телефону. Здѣсь живутъ государственные сановники, послы великихъ державъ, лорды, высшіе чины церкви, словомъ, всѣ, кто по случайности рожденія получили или своей энергіей и настойчивостью завоевали богатство и положеніе.

Лучшимъ украшеніемъ западнаго Лондона служатъ его знаменитые парки.

Какъ въ Сахарѣ оазисы доставляютъ истомленному путнику усладу и отдыхъ, такъ въ Лондонѣ, этомъ неизмѣри-

момъ морѣ каменныхъ построекъ, эту роль играютъ парки, перенося человѣка изъ городской сутолоки и ожесточенной борьбы за существованіе на успокоительное лоно природы. Какъ чудны лондонскіе парки, эти легкіе города. Какое удивительное сочетаніе луговъ, деревьевъ, цвѣтовъ и воды. Мы въ Гайдъ-паркѣ. На обширныхъ лужайкахъ сочной, свѣжей, бархатистой зелени, которую съ такимъ удивительнымъ искусствомъ умѣютъ создавать англичане, мирно пасутся овцы или лежатъ въ высокой травѣ. По этимъ лужайкамъ извиваются чистыя дорожки, посыпанныя пескомъ, и густыя аллеи вѣковыхъ деревьевъ, которыя своими вѣтвями образуютъ надъ дорогами настоящіе готическіе своды и придаютъ проникающему черезъ ихъ листву солнечному свѣту какую-то сказочную окраску. Тутъ и могучіе дубы, величественныя липы, густолиственные каштаны, свѣтлозеленые платаны, ясени, вязы и ивы. Съ лужайками чередуются серебристыя воды, на которыхъ шумятъ заморскія и мѣстныя водяныя птицы, и среди нихъ бѣлые лебеди плавно описываютъ свои круги. Земля то поднимается пологими холмами съ густымъ кустарникомъ, гдѣ вьетъ гнѣздо черный дроздъ и пускаетъ громкія трели соловеіі, то образуетъ низинки, покрытыя восхитительнымъ ковромъ цвѣтовъ. Они растутъ здѣсь почти круглый годъ, смѣняя одни другіе. Въ февралѣ здѣсь блещутъ подснѣжники и крокусы, весной красуются гіацинты, нарциссы, примулы, потомъ тюльпаны, въ разгаръ лѣта цвѣтутъ рододендронъ и розы, осенью вмѣстѣ съ хризантемами, прощальной улыбкой природы, они исчезаютъ. Рядомъ съ залитыми солнцемъ травянистыми полянками, гдѣ сотни нарядныхъ прекрасныхъ дѣтей шумно и весело играютъ подъ надзоромъ нянь и гувернантокъ, тянутся тихія запущенныя аллеи и темныя, густыя таинственныя рощи, гдѣ, сидя на удобной деревянной скамейкѣ, можно спокойно въ уединеніи мечтать; здѣсь всегда царствуетъ освѣжающая прохлада, если даже

на улицахъ города лежитъ самый томительный лѣтній зной. Здѣсь всегда стоитъ надъ вѣчно влажной землей легкій прозрачный туманъ; онъ окутываетъ группы деревьевъ и травянистые холмы золотистой дымкой и виситъ надъ лужайками легкимъ неяснымъ волнующимся облачкомъ, въ которомъ мечтающій глазъ думаетъ открыть ряды прозрачныхъ эльфовъ въ прозрачныхъ развѣвающихся одеждахъ и сквозь который отдаленные дворцы, со своими причудливыми очертаніями, со всѣхъ сторонъ окружающіе паркъ, рисуются, какъ легкія тѣни.

По южной окраинѣ сказачно прекраснаго Гайдъ-парка идетъ широкое шоссе, обсаженное могучими деревьями. Здѣсь дважды въ день показывается во всемъ своемъ великолѣпіи и пышности знатный и богатый Лондонъ. Съ 12 до 2 часовъ дня и еще больше съ 5 до 7 вечера здѣсь проѣзжаютъ взадъ и впередъ цѣлыми тысячами кареты аристократіи и тѣсно къ ней льнущихъ денежныхъ тузовъ. Съ благоговѣніемъ взираютъ на нихъ тысячи зрителей, частью сидя на стульяхъ, разставленныхъ по обѣ стороны дороги, частью прислонившись къ желѣзной рѣшеткѣ, отдѣляющей ее отъ остального парка. Кареты не имѣютъ того легкаго, кокетливаго изящества, какимъ отличаются ландо въ парижскомъ булонскомъ лѣсу; это солидные, тяжелые экипажи, но въ высшей степени роскошные, скромные по окраскѣ, неграціозные по формѣ, но просторные, удобные, расточительно украшенные серебромъ, слоновой костью и гравированной сталью, настоящіе дворцы на колесахъ. Обыкновенныя наемныя кареты сюда не допускаются; тощія клячи, кучера въ потертомъ платьѣ, галопомъ несущіеся кэбы, смиренные плебейскіе экипажи не должны оскорблять своимъ видомъ тѣхъ, кто здѣсь въ великолѣпныхъ каретахъ выставляетъ на показъ свое богатство и могущество. Все тутъ говоритъ о высокомѣріи, полной неприступности и сознаніи своего превосходства. Лошади, за-

пряженныя парой или четверкой,—чистокровной породы, удивительно подобраны по величинѣ, фигурѣ и цвѣту; въ своей тяжелой отъ богатыхъ серебряныхъ украшеній сбруѣ онѣ бѣгутъ рысью, широко разставляя и такъ гордо, чуть не до самыхъ раздувающихся ноздрей поднимая свои ноги, какъ будто бы сами онѣ могли оцѣнить высокую честь везти пэра королевства по Гайдъ-парку. Кучеръ на высокихъ козлахъ—широкоплечій важный старикъ съ краснымъ, гладко выбритымъ четыре-угольнымъ лицомъ, фамильное наслѣдство; рядомъ съ нимъ сидитъ неподвижно лакей съ окаменѣвшимъ лицомъ, скрестивши руки на груди; сзади стоятъ два другихъ одинаковаго роста лакея въ длинныхъ скромнаго цвѣта ливреяхъ и высокихъ цилиндрахъ, смотря на зрителей по обѣ стороны дороги съ великолѣпнымъ презрѣніемъ римскаго тріумфатора. За дверцами, рѣдко украшенными большимъ пестрымъ гербомъ, а обыкновенно скромнымъ шлемомъ, сами господа — апатичный старикъ въ одномъ углу, матрона съ жесткимъ выраженіемъ лица въ другомъ, напротивъ—прелестныя молодыя дѣвушки въ яркихъ платьяхъ, которыя сидятъ такъ прямо на вытяжку, словно статуи египетскихъ фараоновъ въ британскомъ музеѣ, ихъ цвѣтущія лица несравненнаго прозрачнаго цвѣта съ здоровымъ румянцемъ такъ неподвижны, какъ будто онѣ сейчасъ позируютъ передъ фотографомъ. Всѣ эти люди смотрятъ полуоткрытыми глазами на міръ, который, очевидно, по ихъ мнѣнію, не стоитъ того, чтобы раскрывать ихъ вполнѣ, и въ оттянутомъ углу рта застыло полупрезрительное отношеніе ко всѣмъ и ко всему. Они говорятъ мало, едва двигая губами, и почти никогда не улыбаются. Вяло, лѣниво роняютъ они слова, цѣдя ихъ сквозь зубы, какъ гордый аристократъ бросаетъ на ходу мѣдную монету, не смотря на нищаго. Дающему нѣтъ дѣла, дошла ли по назначенію его милостыня, это нищій долженъ ловить ее на лету, бѣгать за ней, почтительно подбирать.

Рядомъ съ каретами между ними и на другихъ дорогахъ—всадники и всадницы тѣхъ же круговъ. Ихъ туалеты не такъ бросаются въ глаза, ихъ лица вслѣдствіе физическаго возбужденія отъ ѣзды нѣсколько живѣе, но ихъ взглядъ не менѣе жесткій, ихъ губы не менѣе насмѣшливы и презрительны, чѣмъ и у сидящихъ въ каретахъ, а сопровождающіе ихъ конюхи того же пошиба, что и величественные кучера и лакеи, которыхъ мы видѣли раньше.

D) Восточный Лондонъ.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ восточный Лондонъ. Подъѣзжая къ городу по желѣзной дорогѣ, идущей отъ устья Темзы по ея лѣвому. берегу, путешественникъ видитъ длинные ряды улицъ печальнаго безотраднаго вида: маленькіе сѣрожелтые неоштукатуренные дома съ довольно плоскими крышами, похожіе другъ на друга, какъ двѣ горошины изъ одного мѣшка, идутъ безъ конца, образуя цѣлыя улицы, даже цѣлые кварталы. Маленькая узкая дверь и окно въ первомъ этажѣ, нѣсколько каменныхъ ступеней, желѣзная рѣшетка около тротуара, вторая маленькая дверь, совершенно такая же, какъ и первая, тоже окно, тѣ же ступени, та же рѣшетка... и такъ дальше до безконечности. Какое мучительное однообразіе! Поѣздъ шумитъ по віадуку наравнѣ съ крышами домовъ, которые на цѣлыя версты окружаютъ насъ и напоминаютъ какой-то колоссальный заводъ для производства черепицы. Мы замѣчаемъ, что каждая пара этихъ, какъ бы машиннымъ способомъ изготовленныхъ домовъ имѣютъ по такъ называемому «саду», куда оба они обращены своими задними сторонами. Это четырехгранники съ низкими стѣнами, но безъ деревьевъ и безъ всякаго слѣда зелени, гдѣ посреди большихъ кучъ мусора и развѣшеннаго бѣлья играютъ толпы дѣтей. Слѣдующія десять минутъ мы пересѣкаемъ дюжины

двѣ прямыхъ боковыхъ улицъ, которыя въ своемъ безотрадномъ однообразіи отнимаютъ послѣднюю надежду уловить что-нибудь живописное въ этой своеобразной части города. Изъ окна вагона эти улицы не кажутся противными или грязными. Небо почти ясно, что̀ бываетъ здѣсь только разъ 60 въ году. Мы поэтому можемъ утѣшиться, что видѣли восточный Лондонъ въ его лучшій моментъ. Если мы пойдемъ по его главнымъ улицамъ, которыя были здѣсь проложены не особенно давно городскимъ управленіемъ въ интересахъ оздоровленія города и порядка, то мы найдемъ, что все прилично: широкія улицы, высокіе дома, магазины, ходятъ конки, омнибусы, ѣдутъ кэбы. Если пойти здѣсь вечеромъ по окончаніи работъ въ докахъ и на фабрикахъ, то по улицамъ встрѣтимъ цѣлыя толпы рабочихъ, которые спѣшатъ домоій или разсыпаются по трактирамъ и кабакамъ. У всѣхъ грязный, печальный видъ, который эта часть города накладываетъ на своихъ обитателей. Нѣкоторые выглядятъ довольно прилично, другіе полуоборваны, но всѣ производятъ впечатлѣніе, что они «щеголяютъ» въ одеждѣ съ чужого плеча. Темно. Въ магазинахъ и трактирахъ зажгли газъ. Около тротуара телѣжки, владѣльцы которыхъ съ оглушительнымъ крикомъ предлагаютъ проходящимъ дешевыя устрицы, съѣдобныя раковины, раковъ, фрукты, жареную рыбу, пироги и другія лакомства восточнаго лондонца. Изъ открытаго окна доносится удушающій смрадъ прогорклаго жаренаго жира. Это дешевая столовая, гдѣ хозяинъ и хозяйка съ обнаженными руками стоятъ передъ цѣлой полдюжиной нагрѣваемыхъ газомъ сковородъ, на которыхъ они жарятъ лукъ, колбасу, картофель, рыбу и мясо, одно возлѣ другого, поливая все щедро какимъ-то невѣдомымъ соусомъ. Все это, конечно, будетъ уничтожено толпой голодныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Но если съ главной улицы свернуть въ сторону и углубиться по извилистымъ узкимъ боковымъ улочкамъ, мы

попадаемъ въ самый центръ нищеты. Здѣсь пустынно, только около кабаковъ и харчевенъ толпятся группы женщинъ и мужчинъ. Лавки попадаются рѣдко. На окнахъ домовъ нѣтъ занавѣсокъ и иногда трудно рѣшить, живутъ ли въ такомъ-то домѣ или нѣтъ. Въ этихъ кварталахъ домашняя жизнь замѣтна только со стороны двора, куда выходятъ кухня и прачешная, комнаты же на улицу отдаются въ наймы неженатымъ рабочимъ, которые обыкновенно поздно приходятъ домой и прямо ложатся въ постель. Невольно сжимается сердце при видѣ этихъ человѣческихъ жилищъ, лишенныхъ всякаго уюта и пріятности. Улочки всѣ похожи одна на другую, только однѣ пошире, посвѣтлѣе, почище, поживѣе, другія поуже, потемнѣе, погрязнѣе и глупе. То тамъ, то здѣсь на путешественника посматриваютъ подозрительно, потому что здѣсь рѣдко показываются люди, не принадлежащіе къ рабочему классу. Впрочемъ оставляютъ его въ покоѣ и даже вѣжливо отвѣчаютъ на вопросы о дорогѣ. Иногда попадаются здѣсь дома и даже цѣлые кварталы, которые говорятъ о страшной нищетѣ и развращенности. Дѣти, шумно играющія здѣсь, своими истощенными лицами пепельно-сѣраго цвѣта и вздутыми животами отъ плохой пищи подтверждаютъ, что права статистика, насчитывающая здѣсь въ этихъ кварталахъ бѣдноты двойную дѣтскую смертность противъ богатыхъ западныхъ частей города. Вечеромъ улочки погружены въ полнѣйшій мракъ, такъ что даже полиція и та боится заходить сюда ночью.

Въ восточномъ Лондонѣ живетъ только небольшая часть огромной арміи бѣдняковъ города. Знаете ли вы, какъ велика эта армія? Около милліона! Въ этомъ блестящемъ и богатѣйшемъ городѣ міра, въ этомъ денежномъ мѣшкѣ, въ который плыветъ золото рѣкой со всѣхъ концовъ міра, въ этомъ городѣ, который свои богатства собираетъ со всѣхъ материковъ, и столько нищеты! Милліонъ людей, ко-

Рис. 14. Парламентъ въ Англіи.

торые никогда въ жизни не знаютъ, что значитъ часъ беззаботнаго существованія, которые, можетъ быть, никогда въ жизни не были сыты понастоящему, для которыхъ въ этомъ мірѣ нѣтъ солнечнаго свѣта и улыбки, для которыхъ вся привлекательность культуры потеряна и имена Шекспира и Диккенса, этихъ великихъ свѣточей міра, звукъ пустой. Не ужасно ли, что 33.000 людей бродятъ по безконечнымъ улицамъ города, не имѣя своего угла? 20.000 людей шатаются, не находя работы! Даже дѣти въ самомъ нѣжномъ возрастѣ узнаютъ самую суровую нужду: болѣе 7000 дѣтей ежегодно ночуютъ въ убѣжищѣ доктора Барнандо для бездомныхъ дѣтей. Въ то время какъ ихъ счастливые сверстники съ розовыми щечками сладко спятъ въ своей мягкой постелькѣ, надъ которой нагибается нѣжная мать, чтобы поцѣловать спящаго ангелочка, несчастныя маленькія созданія въ лохмотьяхъ, коченѣя отъ холода, бредутъ по темнымъ улицамъ огромнаго города, отыскиваютъ убѣжище добраго доктора и дрожащей ручкой дергаютъ за звонокъ, чтобы преклонить на ночь свою усталую голову.

Чѣмъ же живетъ огромная армія бѣдняковъ? Одни заняты гдѣ-нибудь на фабрикѣ или ремесленномъ заведеніи, исполняя плохо оплачиваемую работу, другіе живутъ на счетъ благотворительности, которая хотя и пожираетъ десятки милліоновъ, но является, конечно, каплею въ морѣ, третьи продаютъ на улицахъ спички, мячи, ножи, штопоры, цвѣты и все, что предлагаютъ имъ ихъ хозяева. Изобрѣтательныя головы, держащія въ своихъ рукахъ уличную торговлю, постоянно открываютъ что-нибудь новое, чѣмъ привлечь вниманіе прохожихъ: сегодня смѣшного человѣка, который можетъ поднимать шляпу, завтра—записную книжку, послѣзавтра какую-нибудь машинку для усовъ. И бѣдняга счастливъ, если, простоявъ на улицѣ 12 часовъ и подвергаясь всѣмъ капризамъ природы, заработаетъ шиллингъ.

Давно уже образованные люди Англіи мужчины и женщины даже изъ очень высокихъ круговъ стали изучать восточный Лондонъ. Однихъ влекло сюда благородное стремленіе помочь несчастнымъ бѣднякамъ и въ трущобы нищеты внести свѣтъ знанія и культуры. Эти люди, отказываясь отъ блестящей карьеры и богатства, поступали въ рабочіе, въ разныя мастерскія, чтобы, живя одной жизнью съ народомъ, ближе сойтись съ нимъ, лучше ихъ узнать и вліять на нихъ облагораживающимъ образомъ. Другихъ влекла въ эти пещеры та же жажда приключеній и новыхъ впечатлѣній, которая заставляетъ англичанъ наудачу бродить по Сиріи или Египту, охотиться на тигровъ въ Индіи, стрѣлять львовъ въ Африкѣ или взбираться на высочайшія снѣжныя вершины. Наблюденія, собранныя этими добровольными миссіонерами, вызвали въ широкихъ кругахъ стремленіе распространить просвѣщеніе и поднять духовныя потребности отверженцевъ восточнаго Лондона. Наблюдатели были поражены полнымъ отсутствіемъ здѣсь всего, что скрашиваетъ жизнь, придаетъ ей пріятность, отсутствіемъ разумныхъ, облагораживающихъ развлеченій. Неудивительно, что посреди такого мрачнаго безотраднаго существованія человѣческая натура должна загрубѣть. И вотъ возникаетъ народный дворецъ, огромное обширное зданіе въ самомъ центрѣ нищеты. Здѣсь для народа устраиваются всевозможныя развлеченія: концерты, выставки, театральныя представленія, литературныя чтенія. Каждый записавшійся членомъ народнаго дворца, можетъ проводить здѣсь свободные вечера въ его просторныхъ свѣтлыхъ залахъ и заниматься, чѣмъ угодно: играть въ шашки, читать газеты, обсуждать разные вопросы или просто болтать со своими пріятелями. Въ народномъ дворцѣ можно учиться: есть утренніе и вечерніе классы для общаго образованія и изученія разныхъ ремеслъ въ прекрасно обставленныхъ мастерскихъ подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей.

Жаль только, что и въ этой богатой странѣ не хватаетъ денегъ, чтобы воздвигнуть десятки этихъ дворцевъ, какъ бы слѣдовало. А то и теперь еще масса народу идетъ за пенни въ жалкій кабинетъ восковыхъ фигуръ смотрѣть «вѣрные, какъ портреты», изображенія лондонскихъ убійцъ со временъ Елизаветы. Хозяева этихъ заведеній въ одинъ праздничный день въ этой бѣднѣйшей части города собираютъ 60—70 рублей. Масса и теперь валомъ валитъ въ музыкальныя залы, гдѣ она смотритъ разныхъ акробатовъ, слушаетъ грубыя шутки клоуновъ и нелѣпое пѣніе разныхъ пѣвицъ. Не выше стоятъ и театры восточнаго Лондона, гдѣ въ каждой пьесѣ должно происходить по нѣскольку убійствъ и гдѣ зрители имѣютъ привилегію поощрять героевъ крѣпкими, но не особенно изысканными восклицаніями.

Общество распространенія университетскаго образованія стало устраивать въ восточномъ Лондонѣ популярныя лекціи по исторіи, по географіи, по естественнымъ наукамъ за самую ничтожную плату. Лекціи происходятъ по вечерамъ, чтобы ихъ могли посѣщать люди, занятые днемъ добываніемъ насущнаго хлѣба. Стали возникать цѣлыя университетскія поселенія, гдѣ молодые образованные люди отдаютъ себя на служеніе бѣднякамъ: читаютъ лекціи, даютъ уроки, устраиваютъ развлеченія, оказываютъ матеріальную помощь и изучаютъ жизнь простого народа. Въ этихъ поселеніяхъ принимаютъ участіе члены древнѣйшихъ аристократическихъ университетовъ Англіи, Оксфорда и Кембриджа.

Е) Достопримѣчательности Лондона.

Познакомившись съ тремя главными частями города, посѣтимъ нѣкоторыя его достопримѣчательности. Въ Лондонѣ множество музеевъ. Однимъ изъ извѣстныхъ является британскій музей. Въ немъ хранятся огромныя сокровища

по археологіи, искусству, естественнымъ наукамъ, ихъ такъ много, что для основательнаго знакомства съ музеемъ, какъ шутятъ англичане, нужно сто лѣтъ. Но, можетъ быть, еще больше можетъ гордиться Англія публичной библіотекой, нашедшей пріютъ въ его стѣнахъ. Это памятникъ славы, памятникъ организаторскаго таланта англичанъ. Колоссальнѣйшая библіотека въ мірѣ, насчитывающая $2^1/_2$ милліона томовъ и 50 верстъ книжныхъ полокъ, предупредительно раскрываетъ свои объятія всякому, кто интересуется знаніемъ. И какъ все великолѣпно устроено! Читатель безъ труда оріентируется въ ея 900 толстыхъ каталогахъ, отыскивая въ нихъ нужную книгу. Рѣдко проходитъ больше получаса, какъ книга уже на столѣ у читателя. Вдоль стѣнъ огромнаго круглаго библіотечнаго зала расположено до 80.000 книгъ, которыми можно пользоваться, не обращаясь къ администраціи. Приходи, бери книгу и читай. И какъ все предусмотрѣно, чтобы было удобно заниматься! на полу настилки, которыя дѣлаютъ неслышными шаги, просторные столы, гдѣ находятся перья, чернила и приспособленія для поддержанія книгъ, отличныя электрическія лампы, удобныя кресла, не слышно скользящія на своихъ колесикахъ. Это храмъ знанія и труда, гдѣ читатель предметъ самыхъ нѣжныхъ заботъ со стороны необыкновенно любезноії администраціи.

«Хрустальный дворецъ — что-то вродѣ музея музеевъ. Онъ громаденъ такъ же, какъ самъ Лондонъ и какъ многое въ Лондонѣ. Но какъ описать эту громаду? Всѣ обыкновенныя понятія о величинѣ здѣсь не годятся. Зданіе имѣетъ 2 мили въ окружности, 3 этажа чудовищной вышины; пять или шесть порядочныхъ зданій помѣстились бы въ немъ свободно, оно все изъ желѣза и стекла. Во-первыхъ громадный прямоугольникъ, который въ серединѣ возвышается сводомъ, какъ теплица, и по обѣимъ его сторонамъ двѣ высокія башни; затѣмъ съ двухъ сторонъ длинныя

зданія, выступающія подъ прямымъ угломъ въ паркъ съ его фонтанами, статуями, кіосками или лужайками, группами большихъ деревьевъ, клумбами цвѣтовъ. Стеклянное зданіе сверкаетъ на солнцѣ, на горизонтѣ—линія зеленыхъ холмовъ, утопающихъ въ туманѣ, который придаетъ пейзажу колоритъ тихаго счастья и нѣжности. Все тотъ же способъ пониманія красоты: съ одной стороны паркъ и архитектура растительная, отлично понимаемая, приспособленная къ климату; съ другой стороны—зданіе чудовищныхъ размѣровъ, безъ стиля и свидѣтельствующее не о вкусѣ, а о могуществѣ.

Внутри музей древностей съ гипсовыми снимками со всѣхъ статуй греческихъ и римскихъ, распространенныхъ въ Европѣ, музей среднихъ вѣковъ, музей возрожденія, музей египетскій, ассирійскій, индійскій, модель помпейскаго дома, модель Альгамбры. Есть копіи съ знаменитыхъ итальянскихъ картинъ, достойныя развѣ красоваться на ярмаркѣ. Гигантская тропическая теплица съ прудами и фонтанами, плавающими черепахами, большими водяными растеніями въ цвѣту, сфинксами и египетскими статуями вышиной въ 60 футъ, образчиками колоссальныхъ или стройныхъ деревьевъ; между прочимъ кора съ калифорнской секвойи вышиной въ 450 футъ и 116 футъ въ обхватѣ. Кора приложена къ столбу, чтобы дать понятіе о деревѣ. Концертная зала круглая со ступенями, напоминающая Колизей. Подражанія въ естественную величину допотопнымъ чудовищамъ и масса другихъ интересныхъ вещей, которыхъ и не перечтешь» (Тэнъ).

Своего рода тоже музей представляетъ зоологическій садъ. Лондонскій садъ, безспорно, самый большой въ цѣломъ свѣтѣ. Не знаешь, чему больше удивляться, числу ли и красотѣ большихъ хищниковъ или способу ихъ содержанія. Ихъ держатъ не въ клѣткахъ, а скорѣе въ большихъ загородкахъ. Этимъ благороднымъ плѣнникамъ даютъ

много пространства, и они могутъ чувствовать себя почти на свободѣ. Коллекція пресмыкающихся великолѣпна и ей отведенъ цѣлый дворецъ. Тюлени—радость и удивленіе всѣхъ посѣтителей. Почти нѣтъ ни одного вида животныхъ, который не былъ бы представленъ живьемъ въ зоологическомъ саду Лондона. Прислуга сада очень предана своему дѣлу и поражаетъ своимъ умѣньемъ обращаться съ животными. Она глубоко привязана къ своимъ питомцамъ. Англичане вообще, кажется, пропикнуты большой нѣжностью къ животнымъ, къ которымъ они относятся почти какъ къ людямъ. Отсюда чрезвычайная популярность зоологическаго сада.

На самомъ берегу Темзы стоитъ величественное зданіе парламента со своими высокими башнями и башенками. Высокія безчисленныя стрѣльчатыя окна съ гербами, арабесками и разными скульптурными украшеніями отражаются въ водѣ. Въ нишахъ поставлены статуи королей, начиная съ Вильгельма Завоевателя. Одна изъ массивныхъ высокихъ башенъ имѣетъ часы, циферблатъ которыхъ больше трехъ саженъ въ поперечникѣ. Здѣсь засѣдаютъ обѣ палаты высшаго законодательнаго учрежденія Англіи: верхняя или палата лордовъ и нижняя или палата общинъ. Каждая палата имѣетъ свой отдѣльный залъ засѣданій. Войдемъ сначала въ палату лордовъ. Первое впечатлѣніе, какое мы получаемъ, впечатлѣніе роскоши и величія. Стѣны внизу отдѣланы темнымъ деревомъ съ дорогой рѣзьбой, большія окна съ цвѣтными стеклами, гербы между ними, великолѣпныя люстры, мягкія красныя скамейки—все говоритъ о томъ, что здѣсь засѣдаютъ представители родовой земельной аристократіи, съ дѣтства привыкшіе къ роскоши и богатству. Въ концѣ зала, подъ балдахиномъ стоитъ тронъ, украшенный богатой рѣзьбой и позолотой, на который садится король, когда ему вздумается почтить засѣданіе своимъ присутствіемъ. Немного

пониже у самыхъ ступеней трона стоитъ красный диванъ. Онъ мягокъ и эластиченъ, какъ перина, потому что подъ краснымъ сукномъ находится большой мѣшокъ съ шерстью, знаменитый мѣшокъ, на которомъ возсѣдаетъ предсѣдатель палаты лордовъ, почтенный лордъ-канцлеръ. Этотъ великій человѣкъ не можетъ растянуться въ удобномъ креслѣ, подобно своему товарищу по должности, почтенному спикеру, предсѣдателю палаты общинъ. Причина этого—законъ королевы Елизаветы, которая запретила вывозъ шерсти, главный предметъ англійской промышленности въ ея время. Чтобы законодатели страны всегда имѣли въ виду это распоряженіе, Елизавета постановила, чтобы лордъ-канцлеръ, хранитель закона, на будущее время сидѣлъ на мѣшкѣ съ шерстью. И вотъ и понынѣ такъ, съ той только разницей, что передъ началомъ засѣданія приспособляютъ мягкую спинку, на которую благородный лордъ могъ бы опереться. Кто въ первый разъ видитъ человѣка въ огромномъ бѣломъ парикѣ, въ длинной мантіи, короткихъ панталонахъ до колѣнъ, шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками, важно возсѣдающимъ на своемъ мѣшкѣ, съ котораго свѣшиваются ноги, тому трудно удержаться отъ улыбки. Только въ рѣдкихъ случаяхъ въ великолѣпной залѣ палаты лордовъ бываетъ шумно и многолюдно, обыкновенно же здѣсь присутствуетъ какая-нибудь дюжина или двѣ убѣленныхъ сѣдинами старцевъ, которые съ равнодушнымъ видомъ полулежатъ на красныхъ кожаныхъ скамеійкахъ, хотя всѣхъ членовъ въ палатѣ 560. Насколько не важными считаются ея засѣданія, видно изъ того, что они признаются дѣйствительными даже въ присутствіи трехъ членовъ. Горячихъ преній здѣсь почти не бываетъ, напротивъ, они ведутся здѣсь такъ скучно и сонно, что здѣсь трудно высидѣть и полчаса.

Въ сравненіи съ роскошной залой лордовъ палата общинъ производитъ впечатлѣніе болѣе скромнаго и дѣло-

вого помѣщенія, кажется, что изъ парадной гостиной попалъ въ рабочій кабинетъ. По серединѣ одной изъ коротткихъ стѣнъ четырехугольної залы стоитъ кресло предсѣдателя, напоминающее тронъ. По обѣ стороны его идутъ въ нѣсколько рядовъ длинные диваны, обитые зеленой кожей, для депутатовъ: по правую сторону сидятъ тѣ, кто защищаетъ политику правительства, по лѣвую оппозиція (не одобряющіе политики правительства), обращенные другъ къ другу, словно двѣ враждебныя арміи. Кругомъ залы на стройныхъ колоннахъ идетъ галлерея; одна ея сторона надъ кресломъ предсѣдателя назначена для представителей печати, противоположная для публики, а длинныя стороны для членовъ парламента, потому что внизу можетъ помѣститься только половина ихъ. Передъ кресломъ предсѣдателя стоитъ столъ секретарей, заваленный бумагами, книгами и шляпами въ дикомъ безпорядкѣ. На краю его поперекъ лежитъ огромный позолоченный скипетръ, присутствіе котораго необходимо для дѣйствительности засѣданія. Въ этой скромной обстановкѣ протекаютъ важнѣйшія явленія государственной жизни Англіи: обсуждаются проэкты новыхъ законовъ, утверждается смѣта государственныхъ доходовъ и расходовъ и дѣлаются запросы правительству по поводу дѣйствій его самого или подчиненныхъ ему чиновниковъ. Депутаты держатъ себя непринужденно; одни сидятъ въ шляпахъ, другіе удобно разваливаются на своихъ диванахъ, третьи прячутъ руки въ карманы и вытягиваютъ свои ноги, нѣкоторые даже дремлютъ, прикрывшись шляпами; но не забудемъ, что засѣданія парламента начинаются въ 2 часа и нерѣдко затягиваются за полночь, такъ что сидѣть по всѣмъ правиламъ благовоспитанной институтки было бы очень трудно, съ другой стороны часто засѣданія принимаетъ томительно скучный оборотъ. Но стоитъ только раскрыть ротъ человѣку съ ораторскимъ дарованіемъ, какъ все словно по волшебству преобразуется,

всѣ настораживаютъ уши и направляютъ глаза на оратора и по всей залѣ перекатывается: «слушайте, слушайте!» Въ англійскомъ парламентѣ господствуетъ вѣжливый тонъ и даже въ случаѣ горячихъ дебатовъ не теряютъ изъ виду требованія приличія.

Около парламента находится древнѣйшій памятникъ города: Вестминстерское аббатство; основанное еще въ VII вѣкѣ, оно было заново отстроено въ готическомъ стилѣ въ XII вѣкѣ и потомъ много разъ передѣлывалось. Бродя среди маститыхъ колоннъ, подъ высокими стрѣльчатыми сводами церкви, въ таинственномъ полумракѣ, освѣщаемомъ только узкими высокими окнами съ красивой живописью по стеклу, путешественникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ историческія воспоминанія, которыя при этой обстановкѣ переживаются какъ-то торжественнѣе. Здѣсь погребены англійскіе короли, замѣчательные государственные дѣятели, ученые, путешественники и писатели; здѣсь мы видимъ статуи или бюсты Шекспира, Диккенса, Дарвина, Ньютона, Стефенсона, изобрѣтателя желѣзной дороги, Ливингстона и множества другихъ великихъ людей Англіи. Иногда ихъ поклонники приносятъ сюда лавровые вѣнки, вѣтку кипариса или букетъ цвѣтовъ.

Лондонскіе доки.

Доки представляютъ собой искусственный водный бассейнъ съ постоянной глубиной, окруженный каменнымъ моломъ, въ которомъ мѣстами устроены узкіе проходы со шлюзами для впуска кораблей. По обѣимъ сторонамъ бас-

сейна тянется набережная, на которой разгружаются и нагружаются даже самые большіе океанскіе пароходы не только безъ затрудненія, но даже съ большой экономіей труда и издержекъ; вдоль мола разставлены громадные плавучіе амбары, которые по мѣрѣ надобности могутъ быть переведены съ одного мѣста на другое. Непосредственно къ набережной примыкаютъ обширные складочные амбары въ нѣсколько этажей, куда товаръ выгружается прямо съ судовъ, сортируется и складывается на храненіе.

Въ доки вы можете войти безпрепятственно съ однимъ развѣ условіемъ не мѣшать рабочимъ въ ихъ занятіяхъ. Съ первыхъ же шаговъ вы убѣдитесь въ томъ, что поговорка «время—деньги» находитъ себѣ здѣсь самое блестящее примѣненіе. Куда ни киньте взоръ, всюду кипучая трудовая дѣятельность бьетъ ключемъ. Посмотрите на эту толпу рабочихъ! Каждый молчаливо и сосредоточенно занятъ своимъ дѣломъ, лишь изрѣдка перекидываясь съ сосѣдомъ какимъ-нибудь короткимъ замѣчаніемъ или мѣткимъ словцомъ и ни минуты не оставаясь празднымъ. Всѣ части этого громаднаго живого механизма такъ пригнаны, что машина работаетъ скоро и плавно, безъ малѣйшаго ненужнаго стука и грохота.

Но оглянитесь кругомъ!

Видъ этого лѣса мачтъ, высокія трубы, извергающія цѣлыя тучи чернаго дыма, пестрые флаги, развѣвающіеся въ воздухѣ и эти громадныя арки крытыхъ навѣсовъ, возвышающихся надъ крышами, точно кожухи гигантскаго парохода,—все это вмѣстѣ производитъ особенное ошеломляющее впечатлѣніе.

На пристани вамъ попадаются то люди съ синими лицами, запачканными индиго, то мѣрщики съ длинными жестью окованными линейками, по которымъ еще стекаетъ спиртъ отъ только-что промѣренныхъ бочекъ; то встрѣчается кучка бѣлокурыхъ матросовъ, громко болтающихъ

по-нѣмецки, то смуглолицый морякъ съ высокимъ тюрбаномъ на головѣ; пройдетъ мясникъ съ лоткомъ на плечахъ, пробѣжитъ юнга съ зелеными попугаями въ деревянной клѣткѣ. А тамъ увидите на скамейкѣ женщину съ печальнымъ лицомъ: это переселенка, снарядившаяся въ заокеанское путешествіе.

Въ одномъ мѣстѣ воздухъ пропитанъ острымъ табачнымъ запахомъ, въ другомъ васъ опьянятъ запахъ рома. То вамъ положительно дѣлается дурно отъ зловонія, которое издаютъ кожи и рога, то съ наслажденіемъ вдыхаете вы ароматъ душистаго ваниля, имбиря, кофе и другихъ пряностей. Почти всюду попадается сложенная кубиками пробковая кора, груды желтой сѣры и красноватой мѣдной руды.

Спустившись въ темные подвалы, вы увидите длинный рядъ огней, тускло освѣщающихъ мрачные своды, а кое-гдѣ слабо мерцающія во мракѣ лампы едва позволяютъ различать движущіеся силуэты рабочихъ. Тутъ пахнетъ на васъ запахомъ вина, тамъ обоняніе ваше поражаетъ острый специфическій запахъ вяленаго мяса.

Цѣлый хаосъ нестройныхъ звуковъ царитъ надъ доками. Съ только-что прибывшаго американскаго судна несется дикое пѣніе матросовъ негровъ; на пристани около груды бочекъ стучатъ бондари; гремятъ, взлетая кверху, цѣпи крановъ, освобожденные отъ груза на водѣ плещутъ канаты; приставивъ руку рупоромъ ко рту, громко выкрикиваетъ свою команду капитанъ, откуда-то съ судовъ доносится протяжное блеяніе козы; а порожнія бочки съ глухимъ, барабаннымъ гуломъ катятся, подпрыгивая, по камнямъ мостовой.

Васъ невольно поражаетъ множество такихъ разнообразныхъ товаровъ. Вотъ нежданно-негаданно вы ощущаете щекотаніе въ носу и въ горлѣ, слезы показываются у васъ на глазахъ, вамъ хочется чихать и кашлять,—это мель-

чайшія частицы табаку и перца, котораго здѣсь навалено тысячи пудовъ, производятъ свое обычное дѣйствіе. Вамъ хочетъ выбраться поскорѣе изъ этой убійственной атмосферы, чтобы полюбоваться видомъ кораблей, но вдругъ вы прижаты къ стѣнѣ и посинѣли отъ невольнаго, но неосторожнаго соприкосновенія съ носильщикомъ индиго. А вотъ вамъ снова грозитъ опасность поскользнуться отъ вытекающей изъ худо сколоченныхъ бочекъ сахарной патоки; здѣсь полъ какъ будто бы только-что выкрашенъ этою жидкостью.

На докахъ вы встрѣтите типы всѣхъ обитателей земного шара. Тутъ желающему представляется полная возможность на мѣстѣ изучить этнографическія особенности всѣхъ племенъ и народовъ, не пускаясь для этого въ дальнее путешествіе. Здѣсь же вы можете услышать всевозможные языки и нарѣчія, начиная съ англійскаго и кончая татаро-манджурскимъ. Всѣ оттѣнки, на какіе способна окраска человѣческой кожи, мелькаютъ предъ глазами какъ въ калейдоскопѣ. Бѣлолицый чухонецъ рядомъ съ африканскимъ негромъ, желтокожій китаецъ съ узкими глазами и длинною косой смѣняетъ тонкаго сухощаваго янки съ клокомъ рыжеватыхъ волосъ на подбородкѣ, русскій тулупъ и индійскій халатъ мирно разгуливаютъ другъ подлѣ друга, малайцы, шведы и голландцы посылаютъ одинъ другому ругательства на никому непонятномъ языкѣ, угощаютъ себя взаимно тяжеловѣсными ударами кулака, языкъ котораго одинаково понятенъ подъ всякой широтой. Иногда въ какой-нибудь группѣ вспыхиваетъ молнія и такъ же быстро гаснетъ, въ этомъ мѣстѣ значитъ дѣло дошло до ножей— это вывели изъ терпѣнія горячаго итальянца или испанца. На крикъ раненаго неизвѣстно откуда, точно изъ земли выростаетъ полицейскій, не спѣша, съ сохраненіемъ подобающаго спокойствія приближается онъ къ буяну, схватываетъ его за шиворотъ и молча уводитъ въ участокъ. Если тотъ,

противъ кого направлены справедливыя дѣйствія полицейскаго, вздумаетъ сопротивляться, то тѣмъ хуже для него: онъ ничего не выиграетъ. Вмѣсто одного явятся 4 полицейскихъ и, схвативъ его за руки и за ноги, отнесутъ въ ближайшій полицейскій постъ.

Работа, которая производится на докахъ, поистинѣ чудовищна, а количество товаровъ въ нихъ хранящихся, положительно неимовѣрно.

Однако распредѣленіе рабочей дѣятельности чрезвычайно неравномѣрно и такъ какъ администрація доковъ не имѣетъ возможности содержать на постоянной службѣ то число рабочихъ, какое иногда требуютъ гигантскіе размѣры доковаго дѣла, то она прибѣгаетъ еще къ найму поденныхъ рабочихъ. Какая пестрая и смѣшанная толпа тѣснится каждый день у входа въ доки! Тутъ встрѣтишь и чиновника, оставшагося безъ мѣста, и рабочаго, потерявшаго постоянную работу, и отставного офицера и моряка, и солдата, и лакея, и нищаго, и вора... Словомъ, всѣ тѣ, кто, вставши утромъ не знаетъ, какъ добыть себѣ дневной кусокъ хлѣба, всѣ спѣшатъ въ доки, чтобы заработать свое скудное пропитаніе. Доки это, можетъ быть, единственное въ мірѣ мѣсто, гдѣ бѣднякъ, желающій утолить голодъ и потрудиться, можетъ разсчитывать на полученіе работы, не представляя рекомендацій, ни поручительствъ, требуется только охота, выносливость и здоровые мускулы.

Лондонъ подъ землей и подъ водой [1]).

Подземная желѣзная дорога кольцеобразно проходитъ подъ главнѣйшими частями города, выбрасывая къ его

[1]) Здѣсь описывается старая подземная дорога съ паровымъ двигателемъ; теперь стали строить электрическія дороги.

окраинамъ на поверхность земли боковыя и обходныя линіи. На улицахъ вы нерѣдко встрѣтите надпись крупными буквами: «къ станціи» и изображеніе перста, направленнаго къ землѣ; значитъ, идите по этому направленію и вы попадете въ преисподнюю, а тамъ огненная колесница умчитъ васъ въ непроглядный мракъ длиннаго подземелья и вынесетъ на другой конецъ города. Станція обыкновенно небольшая, приземистая, изъ желто-сѣраго кирпича. Плоскія зданія съ вывѣской и облако бѣлаго пара, безпрестанно выкидываемаго изъ широкихъ отдушинъ въ землѣ, около станціи—все, чѣмъ обнаруживаютъ надъ землеіі свое подземное существованіе эти оригинальные пути сообщенія.

Берите билетъ и спускайтесь по подъемноіі машинѣ. Спустившись на нѣсколько саженъ, вы погрузитесь окончательно въ сѣрнистый воздухъ, перемѣшанный съ паромъ только-что умчавшагося поѣзда; поперхнетесь непремѣнно съ непривычки этимъ щекочущимъ горло воздухомъ и... когда вы откашляетесь и вытрете слезы, выжатыя сѣрной паровой атмосферой, вы можете оглядѣться.

Вы въ длинной галлереѣ, на длинной платформѣ; конецъ и начало ея теряются въ сѣромъ дымчатомъ полумракѣ и обозначаются круглыми красными и зелеными сигнальными фонарями. Стѣны увѣшены и заклеены сплошь самыми фантастическими объявленіями-рекламами. Квадратныя, продолговатыя, круглыя, синія, бѣлыя, оранжевыя, пунцовыя, мелкія, въ нѣсколько квадратныхъ вершковъ, и крупныя, въ сажень длины, съ аршинными буквами, съ картинами и безъ картинъ они напираютъ одно на другое. Достаточно ихъ проглядѣть, чтобы получить понятіе о томъ, чѣмъ Лондонъ въ данную минуту интересуется, гдѣ онъ веселится, что̀ читаетъ, что̀ ѣстъ, чѣмъ лечится, гдѣ вставляетъ зубы и краситъ волосы. Театры выставляютъ портреты популярнѣйшихъ актрисъ и актеровъ, торговцы съѣстными припасами самыя привлекательныя

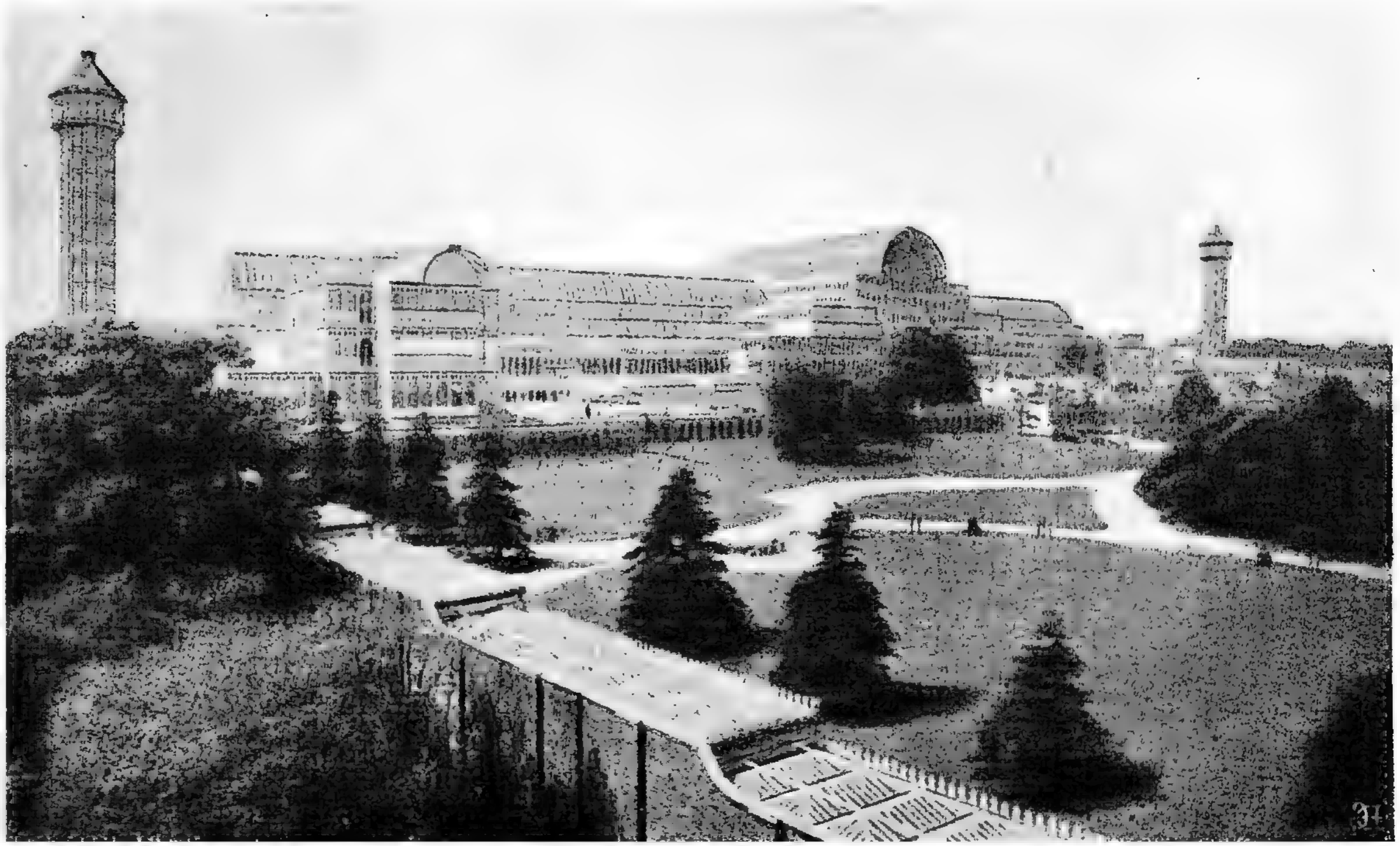

Рис. 15. Хрустальный дворецъ въ Лондонѣ.

и аппетитныя изображенія яствъ, желѣзныя дороги объявляютъ о поѣздахъ, переносящихъ публику въ тѣ пункты, на которыхъ въ данный моментъ сосредоточено ея вниманіе: выставки, концерты, скачки, митинги, открытіе монументовъ, классическія празднества. Газетные столы, на которыхъ разложены послѣдніе нумера журналовъ и около которыхъ повѣшены ихъ объявленія, перемѣняемыя по нѣскольку разъ въ день, по мѣрѣ выхода новыхъ изданій, извѣщаютъ васъ о новѣйшихъ новостяхъ дня, ибо общее содержаніе каждой газеты пропечатано на соотвѣтствующемъ объявленіи такими крупными буквами, что онѣ бросаются въ глаза. Даже не заглядывая въ газету, вы можете составить общее понятіе о томъ, что дѣлается въ политическомъ и коммерческомъ мірѣ; а если захотите заглянуть, положите пенни или полпенни на столъ и возьмите любую газету. У газетнаго стола шкафъ съ продажными книгами. При этомъ интересно то, что въ Англіи на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ книги продаются не только не дороже, чѣмъ въ магазинахъ, какъ это дѣлается у насъ и во Франціи, но даже нерѣдко дешевле. Часто тутъ же гдѣ-нибудь ютится маленькая лавочка съ духами или дорожными принадлежностями и кромѣ того, непремѣнно и вездѣ машины для взвѣшиванія живыхъ людей: небольшіе десятичные вѣсы.

У вашихъ ногъ у края платформы какая-то пропасть. Но не пугайтесь; вглядитесь; это просто два рельсовыхъ пути, проложенные на усыпанной копотью почвѣ подземелья. За этой черной полосой другой берегъ станцій: другая платформа. Въ толстыхъ стѣнахъ, или, вѣрнѣе, въ толщѣ земли какія-то эллиптическія амбразуры, выложенныя бѣлымъ, гладкимъ, какъ зеркало, кафелемъ. Это окна, отдушины, связывающія подземелье съ внѣшнимъ міромъ; но вы и въ самый яркій день не увидите сквозь нихъ поверхности земли. Прежде, чѣмъ до нея добраться, эти

отдушины загибаются и перегибаются. Темно, черно, мрачно, душно и сыро. Но все это не бѣда. Поѣзда ждать недолго: по каждому данному направленію они проходятъ каждыя 7 или 10 минутъ. Можете себѣ представить, до какой кипучей дѣятельности доходитъ это движеніе на станціи, гдѣ сходятся по нѣскольку путей. Есть пункты, которые отправляютъ до 1000 поѣздовъ въ день въ теченіе восемнадцати-часовой работы. Средней руки станціи пропускаютъ около 500 поѣздовъ.

Между платформами и стѣнами чернѣютъ темныя, полукруглыя ворота, огромныя пятна ущелья, изъ котораго вылетаютъ и куда скрываются поѣзда. Вглядитесь въ эту темь. Ни просвѣту, ни малѣйшей блестки: черно—черно и тихо, какъ въ могилѣ, и вдругъ какой-то шурчащій шумъ, розовое облако пара въ глубинѣ этой могилы; шумъ буквально мгновенно выростаетъ въ оглушительный трескъ поѣзда; а облачко такъ же мгновенно раздувается, наростаетъ полными, округленными клубами и застилаетъ потолокъ и стѣны галлереи, утрачивая, по мѣрѣ своего отдаленія отъ краснаго фонаря паровоза, привлекательный розовый свѣтъ. Поѣздъ вылетѣлъ съ полноій быстротоій изъ-подъ арки и подкатилъ къ платформѣ. Страшный визгъ желѣза—это тормазы въ одну секунду, на полномъ ходу остановили всѣ вагоны. Мощное движеніе обуздано. Снопы красныхъ искръ вылетаютъ изъ-подъ колесъ, и темная пропасть, ужаснувшая насъ сначала,—рельсовыій путь—сверкаетъ огненной мелкоій пылью, какъ золотомъ, быстро вспыхнувшимъ и тускнѣющимъ такъ же быстро, какъ золотыя мечты.

— Поѣздъ въ Гамерсмитъ!—кричатъ сторожа, проходя по линіи поѣзда.

— Значитъ не мой поѣздъ, думаете вы.

— Бэкеръ-Стритъ!—выкрикиваетъ прислуга названія станцій.

Изъ другого чернаго отверстія опять съ визгомъ, трескомъ, искрами и криками сторожей вылетаетъ другой поѣздъ; паръ клубомъ захватываетъ всю галлерею; фонари, люди, поѣзда—все исчезаетъ въ немъ; какіе-то люди въ этой непроглядной бѣлой атмосферѣ, какъ неуловимыя тѣни, проскальзываютъ мимо васъ въ вагоны и изъ вагоновъ.

— Готово!—кричитъ кондукторъ перваго поѣзда.

Если бы не было такъ нàрно, вы бы разсмотрѣли, что онъ машетъ небольшимъ зеленымъ флагомъ,—сигналъ для машиниста—и поѣздъ съ мѣста въ карьеръ двигается.

На другой платформѣ та же суета, и третій поѣздъ, выскакивая изъ подземелья, шумитъ, визжитъ, трещитъ, душитъ паромъ и сыплетъ цѣлый фейерверкъ искръ изъ-подъ колесъ.

— Поѣздъ въ Сити!—кричатъ сторожа.

— «Эко»! (газета) пятое изданіе!

— «Пелъ-Мелъ» третье изданіе, 500 человѣкъ потонувшихъ!—выкрикиваютъ мальчуганы.

Новый поѣздъ; вы вскакиваете въ вагонъ.

Поѣздъ унесся, едва вы вскочили въ вагонъ. Туннель черный и безжизненныій промелькнулъ быстро. Три или пять минутъ, не болѣе, и станція, точно такая же, какъ и оставленная нами. Остановка на 40 секундъ, много минуту, и опять подземелье. Это узкая сводчатая галлерея, выложенная кирпичемъ. Ея стѣны освѣщаются только скользящимъ свѣтомъ поѣзда, падающимъ сквозь окна вагоновъ. Подъ землей только два рельсовыхъ пути. Когда два поѣзда встрѣчаются, они едва-едва не касаются другъ друга, и у непривычнаго человѣка замираетъ сердце при мысли о возможности столкновеній поѣздовъ подъ землей. Но дѣло въ томъ, что подземная желѣзная дорога въ Лондонѣ работаетъ, какъ часовой механизмъ, и благодаря этой регулярности, несчастія на ней почти неизвѣстны. Надземныя линіи то и дѣло посылаютъ на тотъ свѣтъ путешественниковъ; а линія, по

наружности препровождающая человѣчество въ царство Плутона, оправдываетъ пословицу: наружность обманчива. Она не только не укорачиваетъ жизнь, а удлиняетъ ее, сокращая разстоянія и оставляя лишнія деньги и минуты для дѣла и услады.

Однако, чтобы при помощи этого средства выигрывать время, надо умѣть садиться въ надлежащіе поѣзда и высаживаться на искомыхъ станціяхъ. А это не такъ легко. Правда, поѣзда одного направленія всегда подходятъ къ одной и той же платформѣ. Но, покинувъ станцію, они разбѣгаются въ разныя побочныя вѣтви. Между тѣмъ прислуга не всегда выкрикиваетъ во время остановки поѣзда имя конечной станціи, къ которой онъ идетъ, и это указаніе написано на узкоій дощечкѣ, прибитоій къ крышѣ одного или двухъ вагоновъ, такими мелкими буквами и покрыто такимъ толстымъ слоемъ копоти, что за мракомъ и паромъ часто не бываетъ возможности его прочитать. А покуда вы найдете, у кого спросить (прислуги весьма немного и вся она бываетъ занята, въ суетѣ) поѣздъ уже умчался. Вы, напримѣръ, ждете на станціи Черингъ-Кроссъ поѣзда въ Бэйсвотеръ. Прилетѣлъ одинъ, идущій по этому направленію. Вы намѣреваетесь садиться, но, къ счастью, кондукторъ кричитъ: «поѣздъ въ Гамерсмитъ!» Вы останавливаетесь. Черезъ полторы минуты другой поѣздъ. Дѣлая неимовѣрныя усилія надъ вашимъ зрѣніемъ, вы прочитываете: Барнесъ. Опять не то. Приходитъ третіи—тоже не вашъ. Наконецъ, четвертый; «ну, думаете вы, это мой поѣздъ», не справляясь, садитесь въ вагонъ и къ величайшей досадѣ попадаете вмѣсто Бэйсвотеръ въ какой-нибудь Уестборнъ-Паркъ, т.-е. на другую линію, съ которой только окольными путями, съ потерей времени и денегъ, можете добраться до цѣли вашего путешествія. Не менѣе затруднительно съ непривычки отыскать названіе искомой станціи, сидя въ вагонѣ, подошедшемъ къ станціи. Надпись эта

совершенно затерта объявленіями. Одинъ юмористическій журналъ помѣстилъ характеризующую это неудобство карикатуру. Въ вагонѣ сидитъ мамаша съ двумя дѣтьми: сыну лѣтъ 5, дѣвочкѣ лѣтъ 8. «Ты его не спрашивай, мама, говоритъ дѣвочка, какая это станція, онъ не умѣетъ читать. А вотъ я тебѣ смогу назвать всѣ, которыя мы проѣхали. Мы были въ Рамсгетѣ, потомъ пріѣхали въ Дэли-Телеграфъ, послѣ Лидія Томпсонъ, а вотъ теперь на станцію Быка въ Лодкѣ. Я вижу его издалека. Вотъ онъ нарисованъ на стѣнѣ». Дѣвочка, какъ и многіе взрослые, не свыкшіеся съ Лондономъ, приняла крупныя надписи различныхъ объявленій за названія станцій и окрестила ихъ именами моднаго морского купанія, ежедневной газеты, популярной актрисы и спеціальнымъ рисункомъ компаніи, торгующей въ Лондонѣ привознымъ изъ Австраліи мясомъ. Торговая марка этой компаніи, ея вывѣска, Быкъ въ Лодкѣ, двухъ-аршинное изображеніе котораго прибито на стѣнѣ станціи.

Несмотря, однако, на эти неудобства, подземная дорога для человѣка привычнаго и осторожнаго представляетъ большія удобства, по деньгамъ и по карману. За какіе-нибудь 6 пенсовъ вы можете объѣхать 50—70 верстъ въ теченіе часа, не болѣе.

Оставивъ подземную желѣзную дорогу, заглянемъ въ подводную трубу, проложенную подъ Темзой съ одного берега на другой для пѣшеходовъ. На земной поверхности ея конецъ или начало обозначается маленькимъ деревяннымъ павильономъ. Узкая дверь, и тотчасъ же — витая истертая лѣстница подъ землю внизъ—сто двѣ ступени. Духота начинается тотчасъ, когда вы вступите въ преддверіе горизонтальной трубы: трубу вертикальную. Тяжелый воздухъ русской казармы. На днѣ этой ямы два турникета; одинъ для впуска, другой для выпуска прохожихъ, и мальчуганъ, взимающій плату — $^1/_2$ пенни, $1^1/_2$ копейки.

Тутъ входъ въ подводный туннель. Вы подъ Темзоіі. Городской шумъ совершенно замираетъ, тишина глубокая, только глухо отдаются шаги прохожихъ по узкой досчатой тропкѣ этого пути. Передъ вами узкая чугунная труба, не болѣе 8 футовъ въ діаметрѣ; средняго роста человѣкъ въ шляпѣ едва можетъ прямо стоять, два человѣка, встрѣтясь, расходятся съ трудомъ. Вся труба свинчена изъ колецъ, окрашена бѣлой краской и освѣщена съ одного бока рѣдкими рожками газа. Свѣтъ падаетъ кольцеобразно на кольцеобразный чугунъ. Кольцо свѣта и тѣни, кольцо свѣта и тѣни, одно за другимъ, тянутся передъ глазами въ длинной перспективѣ и пропадаютъ въ дали и мракѣ, словно нѣтъ конца этой трубѣ. Разстоянія кажутся необыкновенно длинными, благодаря малому діаметру прохода, и люди, появляясь на противоположномъ концѣ едва замѣтной, мелкой тѣнью, быстро вырастаютъ въ препятствіе, съ которымъ сталкиваетесь и которому съ трудомъ, изогнувшись въ бокъ туннеля, можете уступить дорогу. Все это—рабочіе, съ тяжелыми ношами—съ корзинами, женщины съ грудными младенцами—ни одного джентльмена, ни одной лэди. Труба проложена около самой низкой (не въ топографическомъ, а въ соціальномъ отношеніи) части Лондона, около историческаго Лондонскаго Тоуера (башни), и когда вы, пробѣжавъ въ 20 минутъ эту душную трубу, выберетесь по лѣстницѣ на свѣжій воздухъ, вы очутитесь на другомъ берегу Темзы.

Лондонъ въ туманѣ.

Въ музеяхъ показываютъ много египетскихъ древностей, но однако вамъ нигдѣ не покажутъ—мрака египетскаго; нигдѣ — кромѣ Лондона. Ежегодно въ ноябрѣ имъ могутъ любоваться всѣ желающіе, и не только любоваться, но и

испытывать всѣ ощущенія, которыя испытывали древніе египтяне, омраченные еврейскимъ пророкомъ.

Не думайте, впрочемъ, что Лондонъ такъ-таки по цѣлымъ мѣсяцамъ погруженъ въ мракъ египетскій. Дни, когда эта древняя казнь показывается вполнѣ осязательно, можно пересчитать. Ихъ въ году бываетъ не больше трехъ, четырехъ, но зато какіе это дни! Цѣлый городъ, всѣ его окрестности обращаются въ мглу. По праздникамъ туманъ бѣлый, по будиямъ, когда работаютъ фабрики и заводы, онъ желтый отъ примѣси дыма. Его чуть-чуть что неосязаемая пелена окутываетъ человѣка такъ плотно съ головой и ногами, что не въ двухъ шагахъ, а въ двухъ дюймахъ отъ носу вашего ровно ничего не видно. Свѣтъ обыкновенныхъ газовыхъ фонарей не помогаетъ, его не видать; а если, наткнувшись на самый фонарный столбъ, вы огонь увидите, то примете его за огонь потухающей сигары, не больше. Движеніе на улицахъ прекращается, половина работы останавливается.

Я былъ приглашенъ обѣдать къ одному лондонскому знакомому, и, покончивъ часамъ къ пяти со своей домашней работой, снарядился въ гости. У меня все утро вплоть до пяти часовъ въ комнатѣ горѣлъ газъ; дѣло привычное въ осеннюю хмурую, сѣрую погоду. Что дѣлалось на улицѣ— для меня было неизвѣстно, ибо шторы были спущены. Хозяинъ дома, въ которомъ я живу, подмѣтивъ, что я собираюсь выходить изъ дому, заглянулъ ко мнѣ.

— Куда это вы?—спросилъ онъ меня.

— Обѣдать къ М.

— Какъ же вы, пойдете или поѣдете?

Зачѣмъ это ему нужно знать,—подумалъ я, и отвѣчалъ: времени еще довольно; если я пойду скоро, то, думаю, доберусь пѣшкомъ?

— Гмъ, пойдете скоро!—подсмѣялся онъ.—Да какъ же это вы пойдете.

Почтенныіі мистеръ Смитъ поднялъ стору... Я взглянулъ на улицу сквозь стеклянную дверь балкона. Не только домовъ на противоположной сторонѣ улицы, не только, фонаря, который горѣлъ у подъѣзда,—чугунной балюстрады, самого балкона не было видно. Это былъ туманъ; это былъ мракъ египетскій. Смитъ расхохотался, взглянувъ мнѣ въ лицо. Мое изумленіе доходило, надо полагать, до комизма. Я раскрылъ балконную дверь. Неосязаемое, безформенное чудовище влилось въ комнату и безцеремонно расположилось въ ней повсюду. Три яркіе газовые рожка, горѣвшіе посреди комнаты, стали едва замѣтными огненными точками. Смитъ обратился для меня въ неясную тѣнь, я предсталъ передъ нимъ въ видѣ тѣни отца Гамлета. Я поспѣшно захлопнулъ предательскую дверь, но было поздно: египетскій мракъ водворился въ домѣ.

— Ну, такъ какъ же вы, пойдете?—продолжалъ смѣяться Смитъ.

— Ну, поѣду.

— Да и поѣдете какъ же? Во-первыхъ, извозчикъ дороги не найдетъ, можетъ заблудиться; и во-вторыхъ, во всякомъ случаѣ будетъ двигаться тихо-тихо, шагомъ, почти ощупью.

Однако, нечего дѣлать, я пошелъ за извозчикомъ, забился въ его экипажъ и храбро, хотя дѣйствительно шагомъ, двинулся впередъ, погружаясь съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе въ какую-то томительную неизвѣстность. Гдѣ мы ѣхали, что дѣлалось кругомъ, ничего нельзя было разобрать. У самаго колеса нашего экипажа слышался иногда стукъ другого колеса, другого проѣзжавшаго экипажа, иногда грузный грохотъ массивнаго омнибуса, почти сталкивавшагося съ нашимъ кэбомъ; но не только встрѣчнаго экипажа, даже узкаго и массивнаго омнибуса не было видно, хоть бы какое очертаніе—ровно ничего! Мой возница какъ-то неувѣренно потянулъ лошадь, которая, надо

замѣтить, для моего зрѣнія не существовала, сначала направо, потомъ налѣво и остановился.

— Что же?—спросилъ я.

— Да не знаю, куда ѣхать.

Однако, онъ подумалъ, поразмыслилъ и куда-то повезъ меня. Чувство полной безпомощности овладѣло мною. Кромѣ чернаго мрака и частей собственной особы ничего не видно. Итти пѣшкомъ — все равно дороги не найдешь; пожалуй, омнибусъ раздавишь, или, что еще хуже, омнибусъ раздавитъ меня. Вдругъ какой-то стукъ впереди—и толчекъ почти сбросилъ меня съ сидѣнья: весь кэбъ (извозчичій лондонскій экипажъ) затрещалъ. Около головы лошади распахнулось четыреугольное свѣтлое отверстіе, похожее на дверь; за дверью что-то похожее на освѣщенную газомъ переднюю и безпокойные крики двухъ женскихъ фигуръ, появившихся въ этой передней; яркій свѣтъ газа въ передней помогъ увидѣть ихъ тѣни. Дѣло въ томъ, что голова нашей лошади стукнула и уперлась въ дверь какого-то дома, обитатели котораго, испуганные необычайнымъ звукомъ, поспѣшили открыть дверь и очутились лицомъ къ мордѣ полезнѣйшаго животнаго, которое на этотъ разъ показалось имъ какимъ-то чудовищемъ, ибо кто же видалъ, чтобы лошади лѣзли прямо въ домъ и стучались у дверей. Надо было успокоить англичанокъ и извиниться, хотя виноватаго не было. Но онѣ, разобравъ, въ чемъ дѣло, грубо захлопнули дверь и перерѣзали отрадную струю газоваго свѣта, на которомъ рисовался силуетъ лошадиной головы. Опять могила, опять чувство безпомощности. Въ довершеніе моего несчастья, извозчикъ предложилъ мнѣ высадиться, рѣшительно отказываясь—«хотя бы, говорилъ онъ, вы мнѣ золотыя горы сулили»—везти меня дальше. Его приговоръ былъ безапелляціонный. Я высадился. Совершенно такое ощущеніе, какъ бы я высадился

на необитаемомъ островѣ. А между тѣмъ милліоны людей кишѣли гдѣ-то около кругомъ, но ихъ не было видно.

— Да гдѣ мы по крайней мѣрѣ?—спросилъ я извозчика.

— Не знаю,—рѣшительно отвѣчалъ онъ, осторожно выдвигая свою лошадь съ крыльца и тротуара, куда она забралась. На тротуарѣ я столкнулся съ чѣмъ-то мягкимъ, что-то въ родѣ человѣка. Это мягкое выразило неудовольствіе, когда я его безцеремонно ощупалъ. Я опять извинился и опять спросилъ гдѣ я? Слава Богу, мягкое существо оказалось человѣкомъ, мнѣ сочувствующимъ.

— Я не могу вамъ положительно сказать, гдѣ мы,—отвѣчала тѣнь, пробираясь, или, лучше сказать, протираясь между стѣнами домовъ и туманомъ, но думаю, что въ Princes Square. Я попробую убѣдиться,—прибавилъ онъ, опустился на четверепьки и поползъ по тротуару.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ я съ изумленіемъ.

— Я приглядываюсь къ крышкамъ угольныхъ отверстій. Я знаю ихъ узоръ на Princes Square,—отвѣчалъ онъ.

Надо знать, что англійскіе дома имѣютъ свои кладовыя подъ землей, подъ тротуарами, и каменный уголь ссыпается въ эти кладовыя сквозь небольшія круглыя отверстія въ тротуарныхъ плитахъ. Эти отверстія обыкновенно закрываются узорчатыми чугунными кружками. Мой случайный спутникъ обшаривалъ тротуаръ, чтобы увидѣть знакомый узоръ.

— Гэй, ваіі! вай,—раздались около насъ крики, и какіе-то яркіе, но недостаточно сильные огни зашевелились подлѣ насъ. Толпа уличныхъ мальчишекъ неслась съ криками къ намъ навстрѣчу. У каждаго въ рукѣ было по свѣточу. На концѣ лопаты или, пожалуіі весла, ярко свѣтились керосиновыя лампочки. Мальчуганы предлагали свои услуги быть провожатыми. Въ дни густого тумана они промышляютъ этимъ ремесломъ. Я ухватился за саль-

ное плечо одного изъ этихъ крикуновъ и попросилъ вести меня по извѣстному направленію. Гораздо пріятнѣе, чѣмъ ѣхать въ кэбѣ; яркій клокъ пламени, которымъ мальчуганъ силился освѣтить свой путь впереди, въ сущности, ни пути, ни окружающихъ предметовъ не освѣщаетъ, я ничего кромѣ силуэта моего чичероне не видалъ, но и это было много. Свѣтъ, все-таки, свѣтъ, и очертаніе живого человѣка передъ глазами, даже клокъ ваты, выбившійся изъ ушастой шапки, можно было разсмотрѣть — это чего-нибудь да стоило. Но практическаго результата никакого.

И холодъ, холодъ, сырой холодъ словно губкой, смоченной въ ледяную воду, смачиваетъ ваше платье, проникаетъ въ ваше тѣло. Кости начинаютъ ныть и въ памяти пробѣгаютъ имена многочисленныхъ лондонскихъ пріятелей, страдающихъ ревматизмомъ.

Но мальчуганъ и керосинъ ни къ чему не привели. Я заблудился съ ними такъ же, какъ и съ извозчикомъ.

— Гдѣ мы?—спросилъ я послѣ получасового безотраднаго странствованія.

— Не знаю,—боііко отвѣчалъ маленькій плутъ.

— Значитъ, мы заблудились?

— Заблудились,—откровенно отвѣчалъ мой спутникъ и даже изъ экономіи потушилъ свою лампу.

— Да гдѣ же полиція, гдѣ полисмены?—безнадежно спросилъ я.

— На своихъ мѣстахъ,—равнодушно отвѣчалъ мой мучитель, протягивая руку за гонораромъ.

Что тутъ дѣлать? Я, конечно пересталъ думать объ обѣдѣ, который, если даже меня и поджидали, былъ навѣрно съѣденъ наполовину, покуда я терзался въ туманѣ. Я думалъ о томъ, какъ бы добраться до дому. Но какъ? Безпомощно, одиноко, черно. Даже становилось тихо, какъ въ могилѣ, ибо уличное движеніе естественно почти прекра-

тилось, когда сгустился туманъ. Я прислушивался къ этой тишинѣ и къ рѣдкому грохоту экипажей.

Стукъ, стукъ, стукъ,—послышался сухой звукъ, какъ будто кто деревянной палкой слегка ударялъ по плитамъ тротуара. Стукъ, стукъ, стукъ,—звукъ быстро слѣдовалъ одинъ за другимъ и приближался ко мнѣ.

— Провожатаго, провожатаго кому надо—провожатаго! монотонно припѣвалъ кто-то, очевидно, аккомпанируя свою унылую пѣсню ударами трости по тротуару. Трость была провожатымъ этого человѣка, предлагавшаго себя въ провожатые.

Я ухватился за него, какъ утопающій за соломинку, и по звукамъ отыскалъ его руками въ туманѣ.

— Мнѣ надо провожатаго,—сказалъ я. Мои руки скользнули по груди спасителя, и я ощупалъ деревянную доску, привѣшанную на веревкахъ. Я понялъ, съ кѣмъ я повстрѣчался.

На перекресткѣ двухъ сосѣднихъ мнѣ улицъ стоитъ давно извѣстный всѣмъ мѣстнымъ жителямъ человѣкъ. Плотный, почти тучный, въ длинномъ потертомъ двухбортномъ сюртукѣ, подобномъ тѣмъ, которые носитъ русское купечество въ провинціи, въ рукахъ метла, признакъ ремесла—подметанія перекрестка, за что прохожіе подаютъ гроши,—широкополая старомодная шляпа, слегка сдвинутая на затылокъ, и бритое, безжизненное, обрюзглое лицо. Ввалившіеся глаза всегда закрыты, непріятно багровыя полоски обозначаютъ то мѣсто, гдѣ вѣки сомкнулись навсегда, на груди привѣшена доска съ крупною надписью: слѣпой. Я довѣрился слѣпому. Въ дни египетскаго мрака всѣ ослѣпшіе бѣдняки, если здоровье имъ позволяетъ, выползаютъ изъ своихъ конуръ на улицу и промышляютъ. Слѣпцы водятъ зрячихъ. Зрячій пропадаетъ, когда погружается въ мракъ; для слѣпца нѣтъ мрака, потому что для него нѣтъ свѣта, и онъ среди непроглядnаго тумана гу-

ляетъ по родному городу такъ же тихо, такъ же осторожно и такъ же увѣренно, какъ въ самые яркіе солнечные дни.

Мой провожатый вывелъ меня изъ узкихъ улицъ на просторную площадь, гдѣ я добрался до омнибуса.

Черный туманъ—это наказаніе небесное: работы, торговля, уличное движеніе, все застаивается въ такіе дни. Сотни тысячъ людей лишаются заработка, и несчастія на улицахъ, на желѣзныхъ дорогахъ случаются десятками. А сколько заболѣваній! Представьте себѣ, всѣ свободныя мѣста и уголки въ человѣческомъ организмѣ сквозь ротъ и ноздри наполняются тѣмъ самымъ сырымъ, прокопченнымъ туманомъ, который весь городъ обращаетъ въ могилу безконечныхъ размѣровъ.

Это туманъ скверный, ему никакого оправданія нѣтъ; но онъ-то и есть настоящій. Всѣ остальные туманы передъ нимъ мальчишки и щенки. Я особенно люблю желтый съ чернедью. Онъ только небо застилаетъ непроницаемой для дневного свѣта пеленой, но людей не окутываетъ и не ослѣпляетъ, какъ египетскій мракъ, словомъ, не ползаетъ по землѣ вплотную. Зажигайте огни и дѣлайте ваше дѣло, въ домѣ или на улицѣ—все равно. Онъ даже бываетъ красивъ. Ѣдете вы или идете по улицѣ; ночь, какъ ночь; только люди двигаются, какъ днемъ, но все-таки ночь. Если вы заберетесь въ омнибусъ, то можете подмѣтить, что пассажиры слегка подремываютъ, точно они путешествуютъ дѣйствительно ночью... И вдругъ мракъ начинаетъ рѣдѣть, на тротуары, на дома, на фигуры лошадей и экипажей небо начинаетъ свѣтить желтовато, почти розовато—совершенно какъ передъ разсвѣтомъ, и во всякомъ случаѣ этотъ пріятный свѣтъ напоминаетъ свѣтъ, проходящій черезъ желтыя стекла, которыя пасмурный день обращаетъ внутри церкви или бесѣдки въ пріятный солнечный.

Но есть еще туманъ... этотъ я тоже причисляю къ раз-

ряду египетскихъ древностей, ибо онъ нерѣдко напоминаетъ тотъ столбъ, который вывелъ израильтянъ изъ Египта. Представьте себѣ солнечный день, ясное небо. Вы гуляете или дѣлаете дѣло при наилучшемъ настроеніи духа, которое поддерживаетъ наилучшее состояніе атмосферы. Идете вы по улицѣ, ярко освѣщенной солнцемъ, заворачиваете за уголъ на какой-нибудь широкій просторный проспектъ; и вдругъ видите—его пересѣкла въ нѣсколькихъ саженяхъ передъ вами густая, грязная стѣна тумана, въ которомъ скрылась передъ вами вся перспектива. Сначала можно подумать, что это пожаръ, подойдете ближе и вы убѣдитесь, что это туманъ, просто какое-то жирное густое облако, вздумавшее спуститься и отдохнуть посреди лондонскихъ улицъ, какъ отдыхалъ въ пустынѣ облачный столбъ, когда останавливались израильтяне.

Подобное облако имѣетъ такой плотный видъ, что даже подойдя къ нему совсѣмъ близко, боязно въ него погрузиться: кажется, что оно задушитъ. Но бояться нечего. Смѣло пойдите въ его мракъ, подышите минуты три, покуда вы не вышли изъ его области, углеродомъ и затѣмъ вы вынырнете опять на свѣтъ Божій: яркое солнце, чистый воздухъ, веселое небо.

Затѣмъ надо прибавить, что Лондонъ не даромъ пользуется репутаціей туманнаго города. Даже весь островъ признанъ туманнымъ Альбіономъ. Дѣйствительно, въ самые ясные дни воздухъ не прозраченъ, очертанія не ясны, цвѣта не ярки. Возьмите стаканъ чистой невской воды и опустите въ него одну-двѣ капли молока. Цвѣтъ смѣси въ графинѣ дастъ вамъ понятіе о почти постоянномъ состояніи лондонской атмосферы.

Рис. 16. Уголокъ въ западномъ Лондонѣ.

Лондонъ въ воскресенье.

Если это и невѣрно, то хорошо разсказано. Какъ-то лондонскій Пончъ помѣстилъ каррикатуру или, правильнѣе, картинку съ натуры, къ которой отлично примѣняется это выраженіе. Сидятъ въ гостиной двѣ лэди, одна хозяйка дома, другая гостья. 6-лѣтній сынъ хозяйки подбрасываетъ ногой по ковру какой-то мягкій цилиндрическій валекъ.

— Съ чѣмъ это возится вашъ сынъ?—спрашиваетъ гостья.

— А это валекъ съ дивана. Сегодня воскресенье. Нельзя же ему позволить играть съ мячикомъ; такъ я, чтобы его занять, дала этотъ валекъ.

Въ Англіи въ воскресенье человѣкъ дѣлается рабомъ завѣщаннаго временемъ Кромвеля пуританизма. Всякій это испытываетъ на себѣ, особенно континентальные жители, которыхъ судьба забрасываетъ въ Великобританію.

Какъ-то мы четверо русскихъ собрались утромъ въ воскресенье у пятаго соотечественника, нанимавшаго двѣ комнаты въ одномъ англійскомъ семействѣ — чистокровномъ англійскомъ семействѣ. Одинъ изъ насъ, юноша только-что пріѣхавшій изъ Россіи, большой любитель музыки просмотрѣлъ ноты, которыя валялись на пьянино, присѣлъ и взялъ нѣсколько бойкихъ аккордовъ.

— Ради Бога!—схвативъ его за плечи, остановилъ хозяинъ.

— Что ради Бога?

— Да не играйте. Сегодня воскресенье, вы и себя и меня загубите во мнѣніи хозяевъ.

— Даже если буду играть что-нибудь церковное или народный гимнъ?

— Все равно. Не губите.

— А вы еще этого не знали, новичекъ?—расхохотались остальные гости.

— Съ моей женой, разсказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, случилось такое происшествіе. Остановились мы въ какомъ-то респектабельномъ меблированномъ домѣ со столомъ. Дѣло тоже было въ воскресенье. Стала она одѣваться—всѣ воротнички измяты; надо выгладить; позвонила, говоритъ дѣвушкѣ, нельзя ли прогладить. Та выпучила глаза: нѣтъ, говоритъ, нельзя. Нельзя, такъ нѣльзя. Но надо воротничекъ къ платью приметать да пуговицу пришить къ перчаткѣ. Иголки съ собой не было, спросила иголку. Дѣвушка опять выпучила глаза и не дала иголки.

— Отчего?

— Да оттого, что воскресенье. Хозяйка предобрѣйшая старушка, сама приползла въ нашу комнату и прочитала женѣ наставленіе. Съ соболѣзнованіемъ прочитала. Видно, говоритъ, что вы молоды, неопытны! Какъ это можно шить или гладить въ праздникъ! Вы этого никогда въ Англіи не спрашивайте! Объ васъ будутъ дурно думать. Мы расхохотались. Я вспомнилъ, какъ однажды въ воскресенье не могъ добиться чернилъ, чтобы написать письмо. Впрочемъ письма въ воскресенье писать можно, вольному воля—только совершенно безполезно. Они пролежатъ 24 часа на почтѣ, если не будутъ брошены въ особый ящикъ и оплачены по особому тарифу.

Къ воскресенью всякій приготовляется и запасается какъ къ осадному положенію; въ воскресенье Лондонъ не только что пустѣетъ, не только что люди на самыхъ многолюдныхъ проспектахъ словно сквозь землю проваливаются, не только закрываются всѣ магазины и театры, но извозчики исчезаютъ, омнибусы рѣдѣютъ, желѣзныя дороги до второго часа пребываютъ въ бездѣйствіи. И этого мало. Почта почти не разбирается и не разносится. Денегъ нельзя

размѣнять. Всѣ ихъ мѣняютъ наканунѣ, а кому не нужно мѣнять — отправляютъ въ субботу въ банкъ на текущій счетъ. Если дома не заказали наканунѣ обѣда и упустили время, когда на нѣсколько часовъ открываются рестораны, можете остаться голоднымъ. Въ большинствѣ семействъ обѣдъ готовится наканунѣ и все подается холодное, булки и хлѣбъ черствые. Газеты, кромѣ 3—4 спеціально воскресныхъ изданій, не выходятъ.

Клубы пустѣютъ. Улицы обращаются въ пустыню до вечера и сплинъ носится въ воздухѣ вмѣстѣ съ туманомъ и дождемъ, которые какъ-то особенно любятъ Лондонъ въ воскресенье, словно думаютъ: «нечего имъ сегодня дѣлать, пусть посидятъ дома». Но если туманъ и дождь полагаютъ, что англичане любятъ сидѣть дома по воскресеньямъ, что они добровольно подчиняются деспотическому шабашу, то стихіи (лондонскій туманъ, какъ извѣстно, тоже стихія), то стихіи, говоримъ мы, ошибаются. Тэнъ утверждаетъ, что воскресное вынужденное воздержаніе англичанъ отъ труда и забавы есть только оффиціальный мундиръ, который они съ большимъ наслажденіемъ сбрасываютъ, попадая въ континентальные города, особенно если ихъ не сопровождаютъ младшіе или женскіе члены ихъ семействъ, передъ которыми они считаютъ священнымъ долгомъ носить оффиціальный мундиръ и показывать примѣръ ни Богу, ни людямъ ненужнаго благочестія.

Джентри, высшій классъ общества, въ особенности дамы, утромъ наполняютъ церкви. Но лишь только они оставляютъ церкви, открываются кабаки и ихъ наполняютъ члены ниже-лежащихъ слоевъ общества. Въ три часа опять церковная служба, тогда кабаки запираются. Какъ запирается церковь—открывается кабакъ, итакъ до вечера. Къ вечерней службѣ отпускаютъ домашнюю прислугу. Она разрядится и обыкновенно украдкой проскальзываетъ мимо храма Божьяго—погулять. И гуляетъ. Поэтому вечеромъ на ули-

цахъ толкотня. Кто вмѣсто церкви пользуется свѣжимъ воздухомъ, кто съ нетерпѣніемъ у дверей кабаковъ ожидаетъ, когда она распахнется на весь остатокъ вечера. И тогда идетъ дымъ коромысломъ. Практическіе люди умѣютъ проскальзывать сквозь запертую дверь и во время богослуженія. Надо только знать уловку.

— Пустите, говорятъ они кабатчику, легонько стучась въ дверь.

— Нельзя, говоритъ, еще рано.

— Да мы не будемъ пить, мы проголодались, только пару сухарей пожуемъ.

— Ну, это можно, — и дверь отворяется для нихъ. Но кабачная прислуга человѣколюбива. Она понимаетъ, что сухарь—сухая матерія, въ горлѣ першитъ. Голодные люди не могутъ прокапляться.

— Нельзя ли, говорятъ, запить чѣмъ-нибудь?

А запивать въ Англіи что-либо водой послѣдній бѣднякъ не умѣетъ. Появляется кружка пива и дѣло идетъ на ладъ. Въ околоткѣ, гдѣ я живу, 3 церкви и 27 кабаковъ. Каждая церковь вмѣщаетъ среднимъ числомъ 600—700 человѣкъ, значитъ, во время трехъ богослуженій въ воскресенье во всѣхъ нихъ можетъ перебывать около 6000 человѣкъ. Въ каждомъ кабакѣ перебываетъ въ тотъ же день не менѣе 500 человѣкъ и это по умѣренному разсчету, что для всѣхъ 27 составитъ около 14.000 человѣкъ. Казалось, чтобы быть послѣдовательно-благочестивыми, англичанамъ слѣдовало бы въ воскресенье кабаки запирать. А акцизный то доходъ? Такая мѣра нанесла бы ему жесточайшій ударъ. Въ Шотландіи народъ такъ напивается по праздникамъ, что по большимъ дорогамъ на припоссейныхъ каменкахъ и въ канавахъ рабочіе валяются, какъ мертвыя тѣла послѣ сраженія. Нѣтъ, нельзя кабаки въ воскресенье закрывать. Во время богослуженія они закрыты, ну и довольно. Значитъ и Богу свѣчка и чорту кочерга. Тѣ же акциз-

ныя соображенія держатъ по праздникамъ открытыми, но уже въ теченіе цѣлаго дня табачныя лавочки.

Если плебеи роятся въ шабашѣ около кабаковъ, то патриціи богатые или тароватые или просто безсемейные или семейные да ускользнувшіе отъ контроля и надзора вѣрной супруги, любятъ разсыпаться по окрестностямъ, насладиться природой, освѣжить легкіе, а то и покутить самымъ беззавѣтнымъ образомъ.

Тѣ изъ плебеевъ, которые жаждутъ чистаго воздуха, любятъ природу и не увлекаются кабаками, отправляются за городъ и въ парки пѣшкомъ и тащутъ за собоій цѣлый домъ кромѣ хоромъ: и грудного младенца и жареное плечо баранины.

Впрочемъ для иностранца Лондонъ въ праздникъ кажется скучнымъ, однообразнымъ, пропитаннымъ сплиномъ только тогда, когда этотъ иностранецъ неопытенъ. Въ сущности же онъ представляетъ по праздникамъ много интереснаго.

Митинги, уличные проповѣдники и ораторы, богослуженіе въ паркахъ, воскресные рынки въ бѣдныхъ кварталахъ города, собраніе спиритовъ и т. д. и т. д.

Идемъ въ Гайдъ-паркъ. День теплый и свѣтлый. Въ паркѣ очень хорошо. Просторно, зелено, свѣжо, пахло молодоій листвой. На одной изъ лужаекъ стояла группа людей. Дамы въ темныхъ платьяхъ, мужчины въ черныхъ сюртукахъ, нѣсколько дѣвочекъ въ бѣлыхъ коленкоровыхъ шляпахъ стояли посединѣ круга, который образовала любопытная прохожая публика. Каждый изъ лицъ, составлявшихъ центральную группу, держалъ въ рукахъ маленькую книжку и всѣ они стройно, звучно и вдохновенно, но однообразно пѣли псалмы одинъ за другимъ. Мы подошли къ толпѣ. Одна изъ толстыхъ дамъ отдѣлилась отъ хора и подала намъ брошюрку съ псалмами, указавъ на тотъ, который они пѣли въ данную минуту. Такую же брошюрку она

подавала каждому новому лицу, подходившему къ группѣ. Нѣкоторые изъ публики проталкивались впередъ и присоединяли къ хору свои болѣе или менѣе нестройные голоса и, когда такихъ любителей и любительницъ накопилось много, пѣніе утратило свою гармоничность и стало однообразнымъ, почти неблагозвучнымъ, но продолжало быть восторженнымъ и вдохновеннымъ попрежнему.

Это были методисты.

Покинувъ ихъ, мы въ другомъ концѣ парка увидали другихъ сектантовъ.

Сколько ихъ находилось въ небольшой толпѣ, кольцомъ охватившей лужайку, на которой проповѣдывали два повидимому простолюдина, мы не знаемъ, но эти два и въ особенности одинъ изъ нихъ привлекалъ къ себѣ вниманіе толпы. Одни, увлекаясь его проповѣдью и пламенной молитвой, кричали: «слушайте, слушайте, правда, правда», другіе хохотали надъ его тѣлодвиженіями и озареннымъ религіозной страстью лицомъ. Мальчишки передразнивали его, повторяли его фразы, бросались вслѣдъ за нимъ на колѣни и, когда онъ вздымалъ руки къ небу, они опрокидывались на голову и болтали въ воздухѣ ногами, подобно тому, какъ онъ потрясалъ руками, призывая къ молитвѣ и труду

На немъ не было шляпы; сухіе прямые черные волосы, видимо съ утра приглаженные водой, начинали трепаться вѣтромъ, нѣсколько прядей прилипло ко лбу, покрытому крупными каплями пота. Сѣрые глаза до того ввалились, что казались почти черными и вдохновенно страдальчески выглядывали изъ-подъ черныхъ бровей. Выдавшіяся скулы и впавшія щеки придавали ему истощенный видъ средневѣковаго аскета.

— Вы изстрадались,—говорилъ онъ, протягивая длинныя руки къ окружавшей его толпѣ,—вы изстрадались въ трудѣ и заботѣ.

При этихъ словахъ слушатели почти вздрогнули, словно по нимъ пробѣжалъ электрическій токъ.

— Вы изстрадались въ трудѣ и заботѣ. И онъ изстрадался за васъ. Вамъ обѣщаютъ блаженство, когда вы умалите свой трудъ, вамъ обѣщаютъ спокойствіе, если вы добьетесь богатства—не вѣрьте. Я вамъ обѣщаю его именемъ (проповѣдникъ указалъ на небо) именемъ неба и силы, создавшей это небо, что ваше блаженство въ трудѣ, что вы въ немъ найдете то, что потеряли. Любите вашихъ ближнихъ и забота о нихъ будетъ для васъ отрадой. Молитесь! О, знаете ли вы, какъ отрадно молиться!—Почти вырвался крикъ изъ его груди и онъ бросился на колѣни, шепча импровизированный вдохновенный гимнъ. Половина толпы пала одновременно съ нимъ на колѣни, за толпой уличные мальчишки болтали въ воздухѣ босыми ногами.

Сзади насъ въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ раздались звуки ирландскаго марша, исполняемаго большимъ хоромъ громкихъ металлическихъ трубъ, съ акомпанементомъ барабановъ, густо отбивавшихъ тактъ длинной лентѣ народа, вступавшаго вслѣдъ за музыкой и яркими знаменами въ мраморныя ворота Гайдъ-парка По шести въ рядъ, съ цвѣтными кокардами на шляпахъ, какъ колонна пѣхоты, быстро, мѣрно, въ ногу шли ирландцы на митингъ. Хвостъ колонны терялся далеко въ Пикадилли, пересѣкая путь каретамъ и пѣшеходамъ, и влекъ за собой другой хоръ роговой музыки. Когда оба эти хора сошлись въ Гайдъ-паркѣ, проповѣдникамъ пришлось замолчать, и пѣніе псалмовъ потонуло въ ирландскомъ маршѣ.

Мы пошли въ самый бѣдный кварталъ на ярмарку лохмотьевъ. Лондонъ вообще городъ поражающихъ противоположностей, но контрастъ, который представляютъ эти ярмарки сравнительно съ пустынными, тихими въ воскресенье улицами, словно парализованными праздникомъ, нельзя передать словами.

Въ этихъ узкихъ, мелкихъ переулкахъ, въ которыхъ едва возможно дышать отъ газа и угара, подымающагося надъ желѣзными жаровнями и вылетающаго сѣрыми клубами изъ подземныхъ кухонь, въ трущобахъ, гдѣ воняетъ прогорклымъ масломъ и сырымъ тряпьемъ, въ воскресенье утромъ закипаетъ торговля и движеніе. Лавочки открываются и обвѣшиваются разнымъ домашнимъ скарбомъ, на ручныхъ лоткахъ и на землѣ раскладываются кастрюли, подтяжки, сапоги, картины, раковины, шляпы, сигары, мясо, пуговицы, стаканы, все вмѣстѣ. Отъ товаровъ прохода нѣтъ, а народъ кишитъ такъ, что иголкѣ упасть негдѣ. Рабочіе всевозможныхъ профессій въ самомъ откровенномъ домашнемъ неглиже прогуливаются и бесѣдуютъ, торговцы кричатъ, мошенники ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Рабочему тутъ веселѣе, чѣмъ дома, въ тѣсной квартирѣ, мошеннику и торговцу прибыльно, одна полиція уныло-оффиціально и безсильно поглядываетъ, прижимаясь къ стѣнамъ черныхъ домовъ.

«Широкія волны горя и заботы, перекатываясь черезъ великій городъ, оставляютъ здѣсь свой темный осадокъ». Тутъ въ сборѣ подонки общества, «опасные классы его». Изъ каждыхъ шести человѣкъ, одинъ, говорятъ, мошенникъ. 20, а иногда и болѣе тысячъ народа собралось или, лучше забилось на это торжище въ узкой улицѣ. Около трети ихъ составляютъ мелкіе уличные торговцы и разносчики, процентовъ 20 чернорабочіе и бѣдныя женщины, промышляющія шитьемъ, вязаньемъ, стиркой и всякаго рода черной работой, около трети совершенно нищихъ, или что называется, подозрительныхъ субъектовъ. Между остальными встрѣчается всякаго жита по лопатѣ: цвѣточницы, подтяжечники, поставляющіе дюжину (изъ готоваго матеріала) за два пенса, игрушечники, подметатели улицъ, ветошники, роющіеся въ водопроводахъ, собиратели сигарныхъ окурковъ и проч. и пр. Протолкаться можно только съ огромнымъ трудомъ

и не безопасно для цѣлости вашего платья. Послѣ обѣдни тутъ просто проходу нѣтъ. Крикъ, давка и соблазнительная дешевизна.

— Шляпы, шляпы, бросьте вашу, примѣрьте нашу. Новая стоитъ шиллингъ. И въ придачу къ каждой по сигарѣ.

— Приданое невѣстѣ, все готовое — три шиллинга и одинъ пенсъ. Торговецъ показываетъ свой товаръ, подвѣнечное платье, двѣ юбки, чепчикъ съ лентами и цвѣтами, корсетъ, зеленое шелковое на шелковой красной подкладкѣ пальто, обшитое бархатомъ, все вмѣстѣ три шиллинга и одинъ пенсъ. — Костюмъ для жениха! полный костюмъ— три шиллинга и три пенса! Подтяжки—пенни! одинъ пенни!

Подозрительная фигура продаетъ золотую цѣпочку за нѣсколько шиллинговъ. Это ярмарка воровъ и мошенниковъ; здѣсь они мало стѣсняются на виду у 30.000 народу и полиціи. Но что полиція?

Каменноугольныя копи.

Каменноугольная промышленность Англіи достигла колоссальнаго развитія. Ежегодно добывается въ ней 14 милліардовъ пудовъ каменнаго угля. Если бы возможно было земной шаръ опоясать по экватору (немного меньше 40.000 верстъ) рельсовымъ кольцомъ, то длины его было бы слишкомъ недостаточно, чтобы помѣстить на рельсы всѣ вагоны, какіе бы потребовались для этого огромнаго количества угля. Цѣлая милліонная армія рабочихъ роется въ сырыхъ и мрачныхъ подземельяхъ, добывая этотъ необходимый

продуктъ со скрытоій въ немъ волшебной силой. Своимъ углекопамъ Англія обязана тѣмъ, что пользуясь волшебной силой угля, заставляетъ работать на пользу человѣка машины своихъ безчисленныхъ заводовъ и фабрикъ, доменныя печи плавить въ своемъ адскомъ пламени желѣзную руду, паровозы и пароходы перевозить людеій и грузы. Мало того. А кто даетъ тепло каминовъ и свѣтъ въ домахъ и на улицахъ, какъ не тотъ же уголь? А если еще вспомнить, что чумазое вещество можетъ радовать взоръ всѣми оттѣнками всѣхъ цвѣтовъ радуги и услаждать обоняніе нѣжными запахами (теперь изъ угля научились дѣлать краски и духи), то по истинѣ можно сказать, что въ каменномъ углѣ, такомъ невзрачномъ съ виду, положительно таится волшебная сила.

Чтобы добраться до угля, который часто залегаетъ очень глубоко подъ землеій, дѣлаютъ шахту, облицовывая ее каменной кладкой. Отверстіе шахты скрыто внутри зданія съ высокой башней, составляющей какъ разъ продолженіе шахты. Вертикальной перегородкой послѣдняя раздѣляется на двѣ половины, въ каждой изъ которыхъ движется по клѣткѣ. Клѣтки расположены такъ, что когда одна находится на самомъ верху, другая на самомъ низу. Разсматривая верхнюю клѣтку, мы видимъ, что она виситъ на проволочномъ канатѣ, привязанномъ къ крѣпкому крюку на ея крышѣ. Канатъ проходитъ сквозь башенку вверхъ, перекидывается черезъ большой блокъ, помѣщенный надъ ней, и идетъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ онъ навертывается на громадный валъ больше сажени въ поперечникѣ. Сдѣлавши множество оборотовъ, канатъ опять направляется къ башенкѣ, перекидывается черезъ второй блокъ и опускается книзу, до крюка нижней клѣтки. Понятно, что при такомъ устройствѣ, если вращать валъ при помощи паровой силы, съ одного конца канатъ будетъ накручиваться, съ другого раскручиваться, и значитъ одна клѣтка

пойдетъ кверху, другая внизъ. Клѣтки, предназначенныя для людей, высоки настолько, что въ нихъ можно стоять, а клѣтки для угля перегорожены на два и даже на три этажа, куда ставится по вагонеткѣ съ углемъ. Какъ ни крѣпки желѣзные канаты, но и они изнашиваются, особенно отъ перемѣнъ температуры. Разрывъ каната при спускѣ или подъемѣ людей неминуемо влечетъ за собоіі страшныя увѣчья, если не смерть. На этотъ случаіі каждая клѣтка снабжается особымъ аппаратомъ, удивительно простымъ и остроумнымъ въ то же время. Какъ только канатъ разрывается, аппаратъ начинаетъ дѣйствовать, и, о, чудо! Клѣтка вмѣсто того, чтобы стремглавъ нестись внизъ, почти моментально останавливается. Рабочіе спасены. Ихъ сейчасъ же примутъ наверхъ. Аппаратъ имѣетъ пружины, которыя при разрывѣ каната, напирая съ страшной силой на стѣнки шахты, вызываетъ чудовищное треніе, которое и не позволяетъ клѣткѣ летѣть внизъ. Кромѣ главной подземной шахты по англіійскимъ горнымъ законамъ должна быть вторая для вентиляціи воздуха въ копяхъ. Надъ самой этой шахтоіі устраиваютъ громадный винтъ, приводимый въ быстрое вращательное движеніе. Благодаря этому онъ вытягиваетъ испорченный воздухъ подземныхъ галлерей, на мѣсто котораго черезъ главную шахту устремляется свѣжій. При другомъ болѣе простомъ устройствѣ вентиляціи на днѣ побочноіі шахты постоянно горитъ сильный огонь, который, нагрѣвая воздухъ, гонитъ его вверхъ, и притягиваетъ къ себѣ воздухъ изъ проходовъ копи, замѣняемый воздушнымъ токомъ черезъ главную шахту.

Съ замираніемъ сердца входитъ новичекъ въ клѣтку и начинаетъ быстро спускаться внизъ. Ему все мерещатся ужасы подземной жизни, о которыхъ онъ читалъ или слыхалъ. Но стоитъ спуститься разъ или два и всякіе страхи проходятъ, тогда входишь въ клѣтку съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ въ городѣ садишься въ подъемную

машину. Спустившись внизъ, путешественникъ попадаетъ въ главный подземный корридоръ, отъ котораго идутъ боковые проходы. Здѣсь по главному корридору проложены двѣ пары рельсъ, по которымъ посредствомъ канатовъ приводимыхъ въ движеніе машиной, сами собой двигаются вагонетки: по однимъ рельсамъ съ углемъ, по другимъ пустыя. Въ отдаленныхъ же проходахъ вагонетки хотя двигаются тоже по рельсамъ, но уже лошадьми. Въ небольшихъ копяхъ онѣ возятъ уголь и по главному корридору. Бѣдныя, онѣ все время живутъ въ копяхъ, не видя солнца и зелени, вѣчно пребывая въ темнотѣ, отчего онѣ слѣпнутъ. Здѣсь въ подземельѣ для нихъ устроены и конюшни. Въ Англіи ихъ ежедневно купаютъ въ особомъ бассейнѣ, такъ какъ за рабочій день они покрываются угольной пылью. Если копи не освѣщаются электричествомъ, что бываетъ не часто даже и въ Англіи, то онѣ погружены въ полнѣйшій мракъ, въ которомъ рабочіе свѣтятъ себѣ особой рудокопной лампочкой. Особенность ея состоитъ въ томъ, что стекло ея окружается колпачкомъ изъ металлической сѣтки для предохраненія отъ взрывовъ рудничнаго газа. Въ нѣкоторыхъ копяхъ введены лампочки, устроенныя такъ, что онѣ тухнутъ при попыткѣ ихъ открыть, поэтому рабочіе не могутъ закуривать свои трубки отъ такихъ лампочекъ. Тамъ, гдѣ уголь содержитъ много рудничнаго газа, курить табакъ нельзя, потому что даже отъ куренія можетъ произойти взрывъ. Если пойти по главному корридору и свернуть въ боковой проходъ, то можно дойти до забоя, гдѣ рабочіе кирками откалываютъ уголь. Полуодѣтые, задыхаясь отъ жары и страшнаго напряженія мускуловъ, они во мракѣ при тускломъ свѣтѣ лампы врубаются въ уголь.

Трудъ углекопа очень тяжелъ, потому что почти всегда приходится ему дѣйствовать руками, рѣдко когда можно встрѣтить въ англійскихъ копяхъ примѣненіе углерѣза, машины, дѣйствующей сжатымъ воздухомъ. Зависитъ это

оттого, что работать машиной можно только при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, которыя встрѣчаются очень рѣдко. Хорошо, если въ копяхъ нѣтъ рудничнаго газа и можно работать при помощи взрывчатыхъ веществъ, а то рудокопъ предоставленъ исключительно силѣ своихъ мускуловъ. Постоянныя опасности угрожаютъ его жизни и, спускаясь въ копь, онъ не знаетъ, вернется ли онъ назадъ домой въ свою семью и не суждено ли ему можетъ, быть, погибнуть жертвой обвала, наводненія или взрыва газа. Отколотый уголь нагрузчики доставляютъ на себѣ до того корридора, гдѣ проходитъ конно-желѣзная дорога. По прибытіи къ шахтѣ, вагонетки съ углемъ поднимаются вверхъ, здѣсь ихъ вынимаютъ изъ клѣтокъ и пускаютъ по рельсамъ, проложеннымъ по особому помосту, къ воронкамъ, въ которыя уголь автоматически и высыпается. Изъ воронокъ уголь попадаетъ на платформу, которая посредствомъ рычага приводится въ наклонное положеніе, высыпая уголь въ подставленный вагонъ желѣзной дороги.

Въ заключеніе два слова о томъ, какъ живется англійскому углекопу. Раздѣляя со всѣми своими европейскими товарищами по ремеслу опасности и невзгоды работы въ мрачныхъ подземныхъ корридорахъ, онъ живетъ однако лучше, чѣмъ кто бы то ни было изъ нихъ. Прежде всего, онъ работаетъ всего 8 часовъ въ сутки, такъ какъ по англійскимъ законамъ работа въ копяхъ не можетъ продолжаться долѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ работаютъ всего даже по 6 часовъ. За эту работу англійскій углекопъ получаетъ въ мѣсяцъ рублей 100 и даже болѣе. Короткій рабочій день и порядочное содержаніе даютъ ему возможность сохранять свои силы до глубокой старости. Гдѣ въ Европѣ вы найдете въ копяхъ убѣленныхъ стариковъ 60—70 лѣтъ, которые были бы достаточно крѣпки, чтобы владѣть киркой? Нигдѣ, кромѣ Англіи. Зайдите въ квартиру англійскаго углекопа и вы вѣроятно будете удивлены, какъ хо-

рошо онъ живетъ. Чистая, просторная квартира въ 4 — 5 комнатъ; хорошо обставленная съ картинами, цвѣтами, занавѣсками, а иногда и музыкальнымъ инструментомъ. Здѣсь вы найдете газету и маленькую библіотеку. Дѣти его одѣты такъ хорошо, что, встрѣтивъ ихъ на улицѣ, вы приняли бы ихъ за дѣтей изъ зажиточнаго класса. Въ этомъ семейномъ уголкѣ такъ пріятно отдохнуть послѣ тяжелаго трудового дня. Отправляясь на работу и возвращаясь съ нея, углекопъ подкрѣпляетъ себя вкусной и питательной пищей, которая поддерживаетъ организмъ въ хорошемъ состояніи. Имѣя досугъ, онъ много читаетъ и можетъ пользоваться разумными удовольствіями, которыя удерживаютъ его искать вдохновенія въ кабакѣ. Состоя членомъ союза углекоповъ, онъ увѣренно смотритъ въ будущее: товарищи поддержатъ его въ случаѣ безработицы или болѣзни.

Въ черной странѣ.

Я ѣду изъ Оксфорда въ Бирмингамъ по центральнымъ провинціямъ, совершенно земледѣльческимъ. По небу медленно плывутъ огромныя массы сѣроватыхъ облаковъ; при очень мягкомъ освѣщеніи разстилаются передо мной прекрасные англійскіе луга со своей свѣжей, однообразной, яркой зеленью, все это — пастбища, окруженныя живой изгородью; изрѣдка въ низинахъ или на высокихъ мѣстахъ этой слегка холмистой страны, по склонамъ мягкихъ холмовъ отдѣльныя деревья, богатыя, роскошныя, группы этихъ крѣпкихъ деревьевъ въ полномъ развитіи, этихъ на-

Рис. 17. Видъ въ гористой Англіи.

стоящихъ патріарховъ англійской деревни. Они здѣсь для удовольствія, по традиціи. Они здѣсь не имѣютъ другого назначенія, какъ давать прекрасную темную тѣнь и приковывать взоръ. Породистый скотъ пасется посреди золотистыхъ бутоновъ, стоя по колѣно въ густомъ коврѣ. По временамъ посреди этой однообразной зелени мелькнетъ небольшая хижина изъ красноватаго кирпича съ черепитчатой крышей.

Вдали туманъ низко виситъ надъ горизонтомъ, большая сѣрая масса, приросшая къ землѣ, тутъ словно дымящееся отверстіе подземнаго царства: это Бирмингамъ. Посреди этой удивительной деревенской обстановки, посреди этой спокойной и мягкой природы сразу встаетъ промышленный адъ. Мы пересѣкаемъ длинныя нити вагоновъ, нагруженныхъ углемъ, желѣзной рудой, болванками, мы приближаемся. Безчисленныя трубы заводовъ помрачаютъ дневной свѣтъ и окутываютъ все туманомъ неопредѣленнаго цвѣта. Ряды, цѣлая неподвижная армія небольшихъ домиковъ въ два этажа, похожихъ какъ двѣ капли воды другъ на друга, одинаково безобразныхъ и черныхъ поднимаются и спускаются по холмамъ и ничто не нарушаетъ однообразія этой арміи безъ вождя. Это промышленный городъ во всемъ своемъ ужасѣ.

Бирмингамъ лежитъ на границѣ черной страны, откуда онъ получаетъ уголь и желѣзо. Отъ Бирмингама до Ульвергэмптона на $^3/_4$ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ тянется «черная страна». Среди бѣла дня она представляетъ очень странное зрѣлище, какое только можно видѣть. Вся страна перерыта, просверлена, искромсана, переворочена, ни одинъ камень, ни одна глыба земли не остались на мѣстѣ; невозможно представить себѣ такой хаосъ, болѣе огромную груду, искусственно насыпанную. Природа исчезла подъ слоемъ отбросовъ, безчисленныхъ обломковъ. Тамъ наверху жалкіе дома, безобразныя постройки, потрескавшіяся, раз-

рушенныя, закопченныя, какъ будто опустошили огромную столицу, отъ которой остались только одни обломки. Отверстія шахтъ узнаешь по угольнымъ телѣгамъ; во многихъ мѣстахъ земля опускается, цѣлые заводы скрыты въ невидимой пропасти. Здѣсь высокая труба, отъ которой виднѣется только верхушка; тамъ внизу цѣлый рядъ домовъ опускается къ копи, сползая въ пропасть.

Улицъ нѣтъ, видишь просто какіе-то кирпичные ящики, брошенные какъ попало на груды промышленныхъ отбросовъ; узкіе каналы съ грязной водой, похожіе на длинныя борозды на морщинистой кожѣ какого нибудь толстокожаго животнаго, идутъ по этимъ отвратительнымъ долинамъ; мѣстами земля кругомъ совершенно изрыта, каналъ виситъ надъ ней между топкими плотинами, готовыми треснуть. Желѣзная дорога какимъ-то чудомъ равновѣсія и предусмотрительности остается нетронутой посреди этихъ развалинъ; но поѣздъ идетъ осмотрительно и осторожно по этой подкопанной странѣ. И насколько можетъ видѣть глазъ, тянется эта безотрадная картина.

Дѣти играютъ среди этихъ безформенныхъ обломковъ; вокругъ нихъ надъ копями на оставленныхъ кучахъ отбросовъ растетъ тощая трава въ видѣ рѣдкихъ кустиковъ. Вотъ и все, что они знаютъ о прекрасной и доброй природѣ.

Въ мірѣ купли и продажи.

Когда читаешь описаніе англійскихъ конторъ, какими онѣ были въ первой половинѣ прошлаго вѣка и даже гораздо позже, до 70-хъ и 80-хъ годовъ его, невольно уди-

вляешься происшедшей съ ними громадной перемѣнѣ. Отличительной чертой тогдашнихъ торговыхъ конторъ какъ будто была одна лишь строгая тишина. Въ романѣ Диккенса «Домби и сынъ», какъ и въ цѣломъ рядѣ романовъ другихъ авторовъ, только и встрѣчаешь слова: «въ конторѣ было тихо», «конторщики работали среди мертвой тишины», «вошедшій гость прервалъ тишину». Теперь никакіе гости не могли бы прервать тишины, а скорѣе шумъ конторы заглушилъ бы приходъ всякаго гостя, который долженъ обладать голосомъ іерихонской трубы, чтобы обратить на себя вниманіе конторщиковъ. Телефонъ, телеграфъ и пишущая машина какъ бы разбудили англійскую контору и наполнили ее шумомъ и суетливостью, о которыхъ трудно было бы и думать еще не дальше, какъ лѣтъ 10—15 тому назадъ.

Въ большихъ конторахъ телефоны проведены не только въ общую комнату, но и во всѣ отдѣльные кабинеты директоровъ и управляющихъ и изъ комнаты въ комнату. Фирма въ Лондонѣ можетъ переговариваться по телефону со всѣми своими отдѣленіями въ провинціи и съ разными другими лицами и учрежденіями, если только они находятся въ болѣе или менѣе порядочномъ торговомъ центрѣ. Всѣ главные портовые города Англіи и Шотландіи, какъ Саутгемптонъ, Кардифъ, Ливерпуль, Глэсго, Эбердинъ, Денди, Ньюкестль соединены съ Лондономъ и между собою, какъ и съ наиболѣе крупными городами внутри острова Великобританіи, телефонной сѣтью. Лондонъ можетъ также переговариваться, а черезъ него и провинціальные города, съ Калэ, съ Парижемъ, Булонью и другими городами Франціи, какъ и съ Бельгіей. Можно себѣ поэтому представить тотъ звонъ и шумъ, какіе должны стоять въ конторѣ фирмы, имѣющей большія связи за границей и съ мѣстнымъ торговымъ міромъ.

Звонокъ то и дѣло гудитъ, то приглашая къ телефону,

то давая отбой, то просто нелѣпо и пронзительно звякая, какъ шальной, вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія на главной станціи.

Въ то же время и телеграфъ и почта и разсыльная служба лихорадочно работаютъ. Телефонъ не только не убавилъ работы у телеграфа, но повидимому еще значительно прибавилъ ея, и то и дѣло дверь раскрывается и впускаетъ мальчика въ формѣ телеграфнаго разсыльнаго, который бодро, съ видомъ очень занятого и дѣлового человѣка бросаетъ телеграмму въ желтомъ конвертѣ на прилавокъ, громко выкрикивая имя адресата. Въ день такихъ телеграммъ, въ большинствѣ городскихъ, приходитъ штукъ 50—60 и выкрики имени фирмы то и дѣло раздаются въ ушахъ нашихъ.

Въ дополненіе къ этому переписчицы на пишущихъ машинахъ съ какимъ-то самоотверженіемъ продолжаютъ выстукивать разныя письма, заглушая все и всѣхъ. А тутъ еще время отъ времени раздается какъ бы робкое стрекотаніе сверчка. Это бюро новостей, телеграфный аппаратъ, стоящій въ комнатѣ управляющаго или директора, механически работаетъ и посредствомъ развертывающейся длинной бумажной ленты сообщаетъ всѣ биржевыя извѣстія о продажахъ, покупкахъ, колебаніяхъ и прочихъ событіяхъ мѣстнаго торгово-промышленнаго рынка. Для свѣдѣнія русскаго читателя слѣдуетъ, можетъ быть, прибавить, что такіе аппараты очень распространены въ Англіи и обыкновенно на нихъ абонируются у общества доставленія извѣстій, телеграфныхъ и иныхъ.

Такимъ образомъ, сидя у себя въ кабинетѣ, современный англійскій коммерсантъ находится въ постоянномъ и тѣсномъ сообщеніи чуть ли не со всѣмъ міромъ, во всякомъ случаѣ съ тѣмъ міромъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и казалось бы, что всѣ эти улучшенные способы сообщенія должны были совершенно избавить его отъ личныхъ сви-

даній и переговоровъ и доставить ему огромный досугъ. Однако на самомъ дѣлѣ личныя дѣловыя свиданія не только не уменьшились, а еще стали болѣе важными, чѣмъ прежде, и главнымъ руководителямъ торговыхъ домовъ и акціонерныхъ компаній приходится теперь куда больше тратить времени на личныя бесѣды и разговоры съ нужными людьми, чѣмъ это было раньше. У дѣлового человѣка теперь оказывается гораздо меньше времени и его гораздо труднѣе словить, чѣмъ въ тѣ далекіе дни (какъ быстро время летитъ!), когда еще не было ни телефоновъ, ни телеграфныхъ бюро и никакихъ другихъ средствъ для сбереженія времени. Вмѣстѣ съ телефонами, желѣзными дорогами, автомобилями и прочими улучшеніями растетъ и напряженность работы въ мірѣ промышленномъ. Число покупателей все болѣе увеличивается, вкусы ихъ болѣе и болѣе разнообразятся и мѣняются, требованія усложняются и въ то же время въ силу растущей конкурренціи погоня за покупателемъ дѣлается болѣе быстрой и оживленной. Эта-то напряженная погоня за покупателемъ, заказчикомъ, кліентомъ и составляетъ одно изъ первыхъ условій успѣха какъ англійской промышленности, такъ и всякой другой. Отыскать покупателя, довести до свѣдѣнія его возможность купить такую-то нужную ему вещь у такого-то фабриканта или торговца, уговорить его, склонить къ сдѣлкѣ и доказать ему всю выгодность ея—вотъ одна изъ основъ успѣха и главный нервъ англійской промышленности.

Торговая практика, какъ извѣстно, выработала даже особую спеціальность странствующихъ приказчиковъ. Каждый болѣе или менѣе солидный торговый домъ имѣетъ своихъ странствующихъ приказчиковъ, двухъ-трехъ человѣкъ или даже нѣсколько десятковъ ихъ, состоящихъ на жалованьи. Мыло, духи, различные консервы: мясные, рыбные, фруктовые, шерстяныя и бумажныя матеріи, пишущія и швейныя машины, кухонная и столовая посуда и разные другіе

всевозможные товары стараго давно извѣстнаго фасона или новенькіе только-что изобрѣтенные и только что пущенные на рынокъ — все это предлагается къ свѣдѣнію покупателямъ безъ малѣйшаго напряженія съ его стороны. Странствующій приказчикъ состоитъ посредникомъ главнымъ образомъ между лавочникомъ, продающимъ въ розницу, и фабрикантомъ или оптовымъ торговцемъ.

Важное значеніе личныхъ сношеній съ покупателями все болѣе и болѣе признается необходимѣйшимъ условіемъ успѣшной торгово-промышленной дѣятельности. Это доказывается уже одной цифрой роста числа странствующихъ приказчиковъ. Въ 1851 г. ихъ всего было въ соединенномъ королевствѣ 9.734 человѣка. Черезъ 30 лѣтъ всеобщая перепись ихъ насчитала уже 41.921. Въ 1891 г. ихъ ужъ было около 49.000, а теперь вѣроятно больше 65.000.

Погоня за покупателемъ сдѣлалась даже частью конторской рутины. Такъ въ большинствѣ англійскихъ фирмъ заведены книги со спеціальною цѣлью записыванія въ нихъ всего, что такъ или иначе связано съ ихъ дѣломъ и можетъ служить къ расширенію сбыта ихъ товаровъ. Затѣмъ на одномъ изъ конторщиковъ въ каждой большой фирмѣ лежитъ между прочимъ обязанность слѣдить за всѣмъ, что появляется въ печати или, правильнѣе говоря, въ тѣхъ газетахъ, которыя выписываются въ конторѣ. Вотъ, напр., извѣстіе о томъ, что на такой-то улицѣ рѣшено снести пять старыхъ домовъ и построить одну большую гостинницу. Если это извѣстіе близко касается фирмы, оно вырѣзывается и вклеивается въ спеціальную книгу, а на поляхъ дѣлается отмѣтка: «своевременно узнать имя строителя» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Разъ или два въ недѣлю управляющій велитъ подавать себѣ эту книгу съ печатными вырѣзками и дѣлаетъ по нимъ распоряженія. Если, напр., фамилія строителя уже извѣстна, фирма пишетъ ему письмо, посылаетъ прейсъ-куранты,

каталоги и т. п. Или вотъ разсказъ о томъ, какъ пожаръ въ такомъ-то мѣстѣ начался съ плиты. И это извѣстіе, какъ говорится, наматывается на усъ, вырѣзка наклеивается съ отмѣткой: «узнать какой системы плита», или дѣлается какое-либо другое примѣчаніе.

Нечего прибавлять, что въ конторахъ большихъ торговыхъ домовъ, имѣющихъ дѣло съ заграничными покупателями, вы обязательно найдете всевозможные торговые адресъ-календари на разныхъ языкахъ. Пользуясь этими справочными изданіями, фирмы не жалѣютъ почтовыхъ марокъ на циркуляры и прейсъ-куранты, которые онѣ разсылаютъ въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

Среди новыхъ способовъ исканія и привлеченія покупателей слѣдуетъ отмѣтить изданіе альманаховъ, календарей и разныхъ другихъ книгъ. Страховыя общества почему-то особенно облюбовали эту форму рекламы и выпускаютъ разные календари; но къ ней же прибѣгаютъ и чайные торговцы и мыловары и другіе, выпуская иногда прямо роскошныя изданія. Таковы, напр., прекрасно иллюстрированные ежегодники фирмы сѣменоводства Сеттонъ и сы-я, представляющіе собою превосходные ботаническіе атласы съ объясненіями.

Эти атласы, ежегодно составляемые на основаніи опытовъ, дѣлаемыхъ ею на собственныхъ своихъ плантаціяхъ, фирма распространяетъ приблизительно въ количествѣ 150—200 тысячъ экземпляровъ въ годъ.

Чайная фирма Мацавети выпускаетъ маленькіе словарчики и географическіе атласы по баснословно дешевой цѣнѣ, довольствуясь лишь тѣмъ, что названіе фирмы пестрѣетъ на каждой страницѣ выпускаемыхъ ею изданій.

Мыловаренная фирма Пирсъ идетъ еще дальше и не только продаетъ энциклопедіи собственнаго изданія, но и копіи съ извѣстныхъ картинъ. Одна картина была для нея нарочно написана однимъ извѣстнымъ англійскимъ ху-

дожникомъ. На картинѣ, по размѣрамъ очень небольшой, представленъ мальчикъ, пускающій мыльные пузыри; за картину фирмой было уплачено до 10.000 рублей. Само собой разумѣется, что копіи съ своихъ картинъ фирма продаетъ очень дешево, но зато на рамкѣ копіи и внизу подъ рисункомъ непремѣнно имѣется названіе фирмы.

Упомянувъ о фирмѣ Пирсъ, нельзя не прибавить, что въ отношеніи рекламы она явилась въ нѣкоторомъ родѣ піонеромъ. Никто до нея такъ остроумно, такъ широко и умѣло не напоминалъ о себѣ потребителю мыла, какъ она это дѣлала. Кто въ Англіи не знаетъ фразы: «онъ счастливъ только тогда, когда получаетъ его», красующейся внизу рисунка, на которомъ представленъ ребенокъ въ ваннѣ, протянувшій ручку за кускомъ мыла Пирса. Или кому въ Лондонѣ не бросалось въ глаза въ омнибусѣ или въ другихъ мѣстахъ привѣтствіе: «съ добрымъ утромъ, сэръ, пользовались ли вы сегодня мыломъ Пирса?».

Такимъ образомъ, мы видѣли, что главные предприниматели какъ бы вѣчно стоятъ на каланчѣ, высматривая, откуда покажется покупатель. Неудивительно поэтому, что разсылка по почтѣ разныхъ торговыхъ циркуляровъ занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ англійскихъ конторахъ, занятія въ которыхъ я теперь и намѣренъ вкратцѣ описать.

Раньше всего слѣдуетъ отмѣтить въ высшей степени умѣлое составленіе коммерческихъ писемъ и циркуляровъ, сразу показывающее на высокій уровень развитія промышленнаго класса.

Грамотное, складное, и въ то же время сжато и ясно написанное письмо составляетъ такую же отличительную черту англійской торговой корреспонденціи, какъ и выдающаяся аккуратность ея.

Обыкновенно всѣ письма диктуются переписчику, который все записываетъ стенографическимъ способомъ, а

потомъ уже переписываетъ на пишущей машинѣ. Стенографія является поэтому для большинства работающихъ на пишущихъ машинахъ въ англійскихъ конторахъ необходимымъ знаніемъ. Безъ знанія стенографіи въ высшей степени трудно найти мѣсто переписчика. Въ послѣдніе годы переписныя занятія во множествѣ англійскихъ торговыхъ конторъ перешли въ руки женщинъ, обладающихъ, конечно, и знаніемъ стенографіи, и при томъ огромномъ числѣ писемъ, нынѣ обыкновенно составляемыхъ и отправляемыхъ торговыми конторами, трудно себѣ даже и представить, какъ онѣ могли бы обойтись безъ стенографовъ, гектографовъ и пишущихъ машинъ съ ихъ разными усовершенствованными копировальными приспособленіями. Часто случается, что работы больше, чѣмъ могутъ успѣть сдѣлать служащіе; тогда приходится на часъ-два взять лишняго переписчика. Дѣлается это очень просто и легко, такъ какъ кооперативныя артели или конторы переписчиковъ и стенографовъ имѣются во множествѣ и не только въ Лондонѣ, гдѣ ихъ насчитывается много десятковъ, но и въ каждомъ мало-мальски промышленномъ центрѣ Англіи. Стоитъ только по телефону дать знать въ такую контору, что требуется человѣкъ, чтобы черезъ 10 минутъ къ вашимъ услугамъ уже была барышня съ пишущей машиной, присланной одновременно съ ней.

Кромѣ барышенъ-переписчицъ въ штатѣ каждой англійской торговой конторы уже обязательно имѣется мальчикъ-переписчикъ лѣтъ 14—17. Если еще можно найти много конторъ—пожалуй, большинство ихъ—безъ барышенъ, то безъ мальчика найти контору здѣсь довольно трудно.

Вообще слѣдуетъ сказать, что конторская служба, какъ переписка, отправленіе и содержаніе въ порядкѣ корреспонденціи, провѣрка и составленіе счетовъ, веденіе вспомогательныхъ книгъ въ Англіи почти всецѣло въ рукахъ очень юной молодежи, рѣдко перевалившей за 23—25 лѣтъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ англійская молодежь смотритъ на контору лишь какъ на школу, въ которой можно изучить дѣло.

Въ большинствѣ случаевъ крупныя фирмы принимаютъ только по рекомендаціямъ и очень рѣдко по объявленіямъ, и иной мальчикъ, сынъ какого-нибудь богатаго коммерсанта радъ поступить и безъ денегъ, лишь бы имѣть практику. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности болѣе сложныхъ и оживленныхъ, какъ дѣло морской торговли и фабричное, платится даже и порядочное вознагражденіе за одну возможность служить въ конторѣ, и первыя 4—5 лѣтъ юноша или ничего не получаетъ, или получаетъ крайне незначительное жалованье.

И можно смѣло сказать, что для молодого человѣка, только-что соскочившаго со школьной скамьи, служба въ солидной англійской фирмѣ является лучшимъ воспитательнымъ средствомъ для выработки характера. Раньше всего молодой человѣкъ или, лучше сказать, мальчикъ, научается щепетильной аккуратности въ каждомъ поступкѣ своемъ. Аккуратность конторскаго веденія дѣлъ по нашимъ русскимъ понятіямъ доходитъ въ Англіи даже до чрезмѣрнаго педантизма. Ни одна бумажка, поступающая въ контору, въ курсѣ дѣла хотя бы и вовсе не нужная, не должна пропадать; ни одинъ пенсъ не можетъ быть израсходованъ безъ оправдательнаго документа, и ни одно письмо не оставляетъ конторы, не будучи скопировано. Въ біографіи бывшаго главы крупной лондонской фирмы, торгующей кружевами, разсказывается, какъ этотъ милліонеръ-филантропъ, бывало, поднимаетъ страшный шумъ, переворачивая всю контору вверхъ дномъ изъ-за какихъ-нибудь 3 пенсовъ, потраченныхъ служащимъ на проѣздъ въ омнибусѣ и не поставленныхъ отдѣльно въ счетъ.

Въ глазахъ англичанъ единственно серьезное дѣло на свѣтѣ—это дѣло, посредствомъ котораго можно наживать

деньги, притомъ именно на поприщѣ торгово-промышленномъ. Все остальное—это игра, развлеченіе. Политикой можно заниматься, лишь обезпечивъ себя. Политическая дѣятельность, это дѣло уже второй половины жизни, когда силы и способности начинаютъ уже слабѣть и когда страсти начинаютъ потухать и остается лишь одно честолюбіе—единственная страсть, которая къ старости не только не слабѣетъ, а еще разростается. Лучшіе же годы жизни до 40—50 лѣтъ англичанинъ отдаетъ «настоящему дѣлу».

Объ искусствѣ, профессіяхъ и государственной службѣ и говорить нечего, что это не «дѣло». Правда, иной художникъ, или адвокатъ, или докторъ можетъ загребать большія деньги, но это—счастливая случайность, игра случая, результатъ исключительныхъ способностей. Тутъ, значитъ, важно не само занятіе, а человѣкъ, посвятившій себя ему, или случай, выдвинувшій его. Другое дѣло коммерція. Она сама по себѣ—дѣло, сама по себѣ существенное, жизненное дѣло, требующее лишь прилежанія, честности и умѣлости.

Удивительно ли, что при такомъ взглядѣ на торгово-промышленную дѣятельность англичане относятся къ своимъ торговымъ дѣламъ и занятіямъ съ какой-то суровой, я бы сказалъ, монашеской серьезностью. Будь дѣло маленькое или большое, оно всегда чуждо неряшливости и небрежности и всегда обставлено всѣми формальными требованіями. Да при той острой конкуренціи, какая существуетъ въ странѣ съ свободой торговли, беззаботность и небрежность въ веденіи торговыхъ дѣлъ и немыслимы: малѣйшее упущеніе и разгильдяйство въ дѣлахъ одного сейчасъ же даетъ лишній шансъ побѣды другому, и дѣло, ведущееся безъ достаточной энергіи, безъ постоянства и мелочной организованности, неминуемо должно погибнуть въ водоворотѣ сталкивающихся интересовъ.

Съ точки зрѣнія русскаго, привыкшаго у себя на ро-

динѣ видѣть конторщиковъ съ папиросками въ зубахъ, съ прохладцемъ (дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ) водящихъ перомъ по конторской книгѣ, видъ англійской конторы кажется ужъ слишкомъ серьезнымъ. Это не контора, а храмъ, въ которомъ самъ хозяинъ или управляющій играетъ роль первосвященника, мелкіе служащіе — левиты. Раньше всего—въ общей комнатѣ не принято курить. Самъ хозяинъ или управляющій, конечно, воленъ дѣлать, что ему угодно, но мелкій служащій, т.-е. тотъ, кто не работаетъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, никогда не позволитъ себѣ курить въ конторѣ во время занятій. Придя на службу, конторщикъ никому не протягиваетъ руки, а прямо подходитъ къ своему столу или конторкѣ и лишь изрѣдка онъ киваетъ головой въ видѣ привѣтствія работающему рядомъ съ нимъ товарищу. Разговоровъ и бесѣдъ, не относящихся къ дѣлу службы, въ стѣнахъ общей комнаты не услышите.

Начиная съ сапожной ваксы, фабрикацію которой началъ слишкомъ 150 лѣтъ тому назадъ основатель все еще существующей фирмы, и кончая системой телеграфовъ Маркони, полу-англичанина по матери и воспитанію, англійская промышленность ищетъ все новыхъ и новыхъ путей къ увеличенію богатства народа и лучшаго болѣе разумнаго и болѣе полнаго удовлетворенія потребностей человѣка. Стоитъ, напр., познакомиться съ біографіей милліонера Солта, умершаго въ 1876 г., чтобы увидѣть, сколько требовалось энергіи и предпріимчивости, вѣры въ себя, чтобы ввести въ Англіи новый видъ матеріи, выдѣланной изъ грубой шерсти ангорскихъ козъ и альпака. Никто до него въ Англіи не употреблялъ этой шерсти для ткани и никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы изъ нея можно было прясть ровную, крѣпкую и красивую нить. А Солтъ добился этого.

Въ рукахъ Польсона маисъ, котораго англичане вовсе не потребляли, обратился въ особо обработанную очень

тонкую муку, лишенную непріятнаго для вкуса масляни-стаго вещества, и теперь онъ составляетъ здѣсь распро-страненный предметъ пищи.

Кукъ, желая вначалѣ облегчить лишь съѣзды для чле-новъ обществъ трезвости, развилъ свою систему путеше-ствій, нашедшую подражателей во многихъ другихъ стра-нахъ.

Лордъ Машамъ сумѣлъ обратить въ прекрасный плюшъ и бархатъ шелковые очески, выбрасывавшіеся раньше въ мусоръ, какъ ни къ чему негодная вещь. Одному этому дѣлу онъ посвятилъ 10 лѣтъ жизни и одни опыты ему стоили около $3^1/_2$ милліоновъ рублей. Теперь его заводъ вблизи Бредфорда, занимающій подъ зданіями свыше 6 де-сятинъ земли, является, конечно, вполнѣ заслуженнымъ плодомъ его творческаго генія.

Даже въ газетно-журнальномъ дѣлѣ англичане сумѣли ввести особенные, совершенно новые типы изданій, какъ дешевые иллюстрированные журналы, создавъ себѣ такимъ образомъ новыхъ читателей, новый рынокъ.

Я уже не говорю о такихъ изобрѣтателяхъ, какъ Ар-крайтъ, Уатъ, Стефенсонъ, Томсонъ (нынѣ лордъ Кель-винъ), Армстронгъ, Бессемеръ, Мэсонъ (стальныя перья) и пр. А кто перечислитъ все то безконечное разнообразіе мелкихъ новостей, ежедневно появляющихся на рынкѣ, все то множество мелкихъ улучшеній, незначительныхъ съ виду, а въ общемъ составляющихъ огромный шагъ впе-редъ, всѣ тѣ мелочи въ резиновой мануфактурѣ, всѣ эти новыя патентованныя запонки, не портящія петель, вин-тики, никогда не выпадающіе, щетки, освѣжающія будто бы голову, булавки, которыми нельзя уколоться и которыя нельзя уронить, ламповыя горѣлки, безопасныя въ пожар-номъ отношенія и пр. и пр.—всѣ эти вещицы, прибавляю-щія столь много къ нашему комфорту и богатству?

Домашняя жизнь обезпеченныхъ классовъ въ Англіи.

На каждаго иностранца, наблюдающаго домашнюю жизнь Англіи, самое сильное и глубокое впечатлѣніе, можетъ быть, производитъ поразительное совершенство, съ которымъ все, начиная съ прислуги до подставокъ для ножей, приспособлено къ своей цѣли и не менѣе удивительная гладкость и легкость, съ какою все идетъ. Англійскій комфортъ означаетъ, что для удовлетворенія всякой, хотя бы ничтожной, человѣческой потребности имѣютъ въ своемъ распоряженіи особое средство, будь это человѣкъ или вещь, и что каждая часть сложнаго механизма выполняетъ свою службу такъ же методически, однообразно и беззвучно, какъ небольшія газовыя машины, мелющія кофе въ лондонскихъ складахъ. Поэтому зажиточный англійскій домъ отличается изобиліемъ домашней утвари и переполненъ прислугой. Богатая англійская семья занимаетъ отдѣльный солидный домъ въ 10—14 комнатъ. На самомъ верху, въ чердачныхъ помѣщеніяхъ находятся спальни прислуги. Ниже идутъ свѣтлыя обширныя спальни господъ съ ванной и гардеробной комнатой. Въ этомъ же этажѣ помѣщаются дѣтская, спальни взрослыхъ дѣтей и одна-двѣ комнаты для гостей. Всѣ эти спальные покои въ строгомъ смыслѣ слова спальни и ничего больше.

Для гостя нѣтъ физической возможности написать письмо въ комнатѣ для гостей, такъ какъ здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ великолѣпной желѣзной кровати, мраморнаго умывальника съ громадной раковиной и кувшинами для воды, большого плоскаго сосуда для холодныхъ обтираній, туалета, шкафа да нѣсколькихъ стульевъ. Кровать весь день стоитъ готовой для спанья, дѣлать постель только

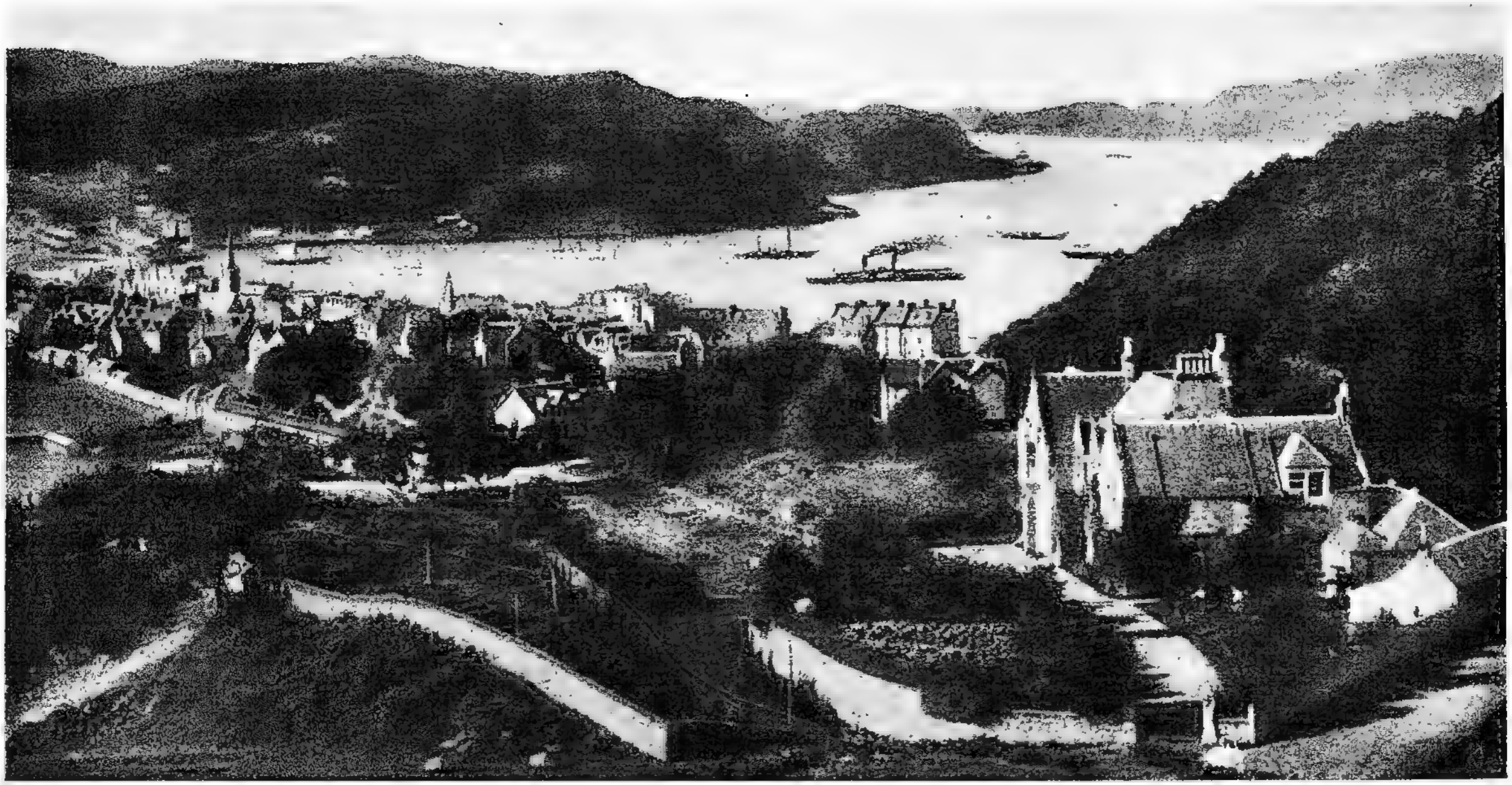

Рис. 18. Западный берегъ въ Шотландіи.

вечеромъ, а на день покрывать ее красивымъ одѣяломъ—въ Англіи не принято. Умывальникъ такъ умывальникъ, а не какая-нибудь американская штучка, которую можно сложить и превратить въ шкафъ.

Зимой никому не придетъ въ голову топить въ спальной. Несмотря на ея дорогую и изящную обстановку, здѣсь нѣтъ никакой мебели, которая указывала бы, что здѣсь проводятъ время днемъ. Часто вы не найдете здѣсь и кушетки, безъ которой хозяйка на континентѣ считала бы свою спальню недостаточно меблированной. Точно такъ же не бываетъ, чтобы англичанка явилась къ утреннему завтраку въ блузѣ, какъ и англичанинъ никогда не явится къ нему въ халатѣ, въ которомъ онъ идетъ только въ свою ванную. Всѣ являются къ завтраку въ опредѣленное время и вполнѣ одѣтые. Это придаетъ семейной жизни Англіи бодрый, энергичный характеръ, потому что каждый членъ семьи сразу, не разнѣживаясь въ просторномъ утреннемъ туалетѣ, надѣваетъ, такъ сказать, рабочее платье.

Еще ниже, въ первомъ этажѣ находятся комнаты, въ которыхъ собственно живутъ: гостиная, столовая и кабинетъ. Между собой эти комнаты не сообщаются, онѣ имѣютъ только по одной двери, выходящей въ обширный залъ, украшенный коврами, драпировками и произведеніями искусства. Такое расположеніе мы, обитатели материка, живущіе въ квартирахъ, а не въ домахъ, едва ли бы нашли удобнымъ. Въ англійскихъ домахъ при пріемѣ многочисленныхъ гостей часто чувствуется несносная тѣснота именно потому, что принимать гостей можно только въ одной, въ лучшемъ случаѣ въ двухъ комнатахъ, не раздѣляя ихъ на отдѣльныя группы: вѣдь комнаты между собой не имѣютъ сообщенія. Но англичанинъ держится твердо за свое практическое правило, что комфортъ можетъ существовать только при самомъ строгомъ раздѣленіи домашнихъ помѣщеній. При случаѣ онъ охотно помирится

съ нѣкоторой тѣснотой, лишь бы быть увѣреннымъ, что никакой запахъ не можетъ проникнуть изъ столовой въ залъ и что всѣ, сидя на мягкихъ креслахъ въ кабинетѣ, могутъ спокойно заниматься, не тревожимые звуками рояля. Англичанинъ устраиваетъ свой домъ по потребностямъ обыденной жизни, отодвигая на второй планъ его приспособленіе къ общественнымъ пріемамъ и празднествамъ.

Характеристическая особенность богатаго англійскаго дома—многочисленность прислуги, строгое раздѣленіе обязанностей между ней и отношеніе ея къ господамъ. Семья изъ 4—6 лицъ, занимая отдѣльный домъ выше указаннаго размѣра, держитъ обыкновенно 5—7 человѣкъ прислуги. Кому лично не приходилось наблюдать, до какого совершенства умѣлъ англичанинъ довести раздѣленіе домашняго труда, едва ли можетъ понять, что собственно должна дѣлать цѣлый длинный день эта армія услужающихъ духовъ, особенно если хозяинъ и взрослые сыновья съ утра до вечера заняты въ конторѣ, не приходя завтракать домой, а хозяйка вмѣстѣ съ дочерьми ежедневно выѣзжаетъ изъ дому на 3—4 часа, чтобы дѣлать покупки, визиты и прогулки.

Разсмотримъ это подробнѣе. Кухарка добросовѣстно ограничиваетъ свою дѣятельность тѣмъ, что покупаетъ провизію, готовитъ обѣдъ и накладываетъ кушанья на блюда. Жаркое у нея самое вкусное, но овощи послѣдніе въ свѣтѣ. Ея пудинги посредственны, напротивъ, пирожныя изъ фруктовъ кислы, какъ уксусъ, и покрыты коркой тѣста очень сомнительной переваримости. Словомъ, ея кухонные рецепты бѣдны идеями, консервативны и однообразны, какъ англійскіе романы. Она скорѣе откажется отъ мѣста, чѣмъ отъ правилъ поварского искусства, унаслѣдованныхъ отъ прабабушки. Она просто автоматъ. Кухонная дѣвушка моетъ посуду и чиститъ овощи. Няня и гувернантка исключительно заняты маленькими дѣтьми.

Горничная убираетъ комнаты, накрываетъ столъ и служитъ при немъ; особая каммермэдхенъ завѣдуетъ гардеробомъ госпожи и запасомъ бѣлья въ домѣ. Мальчикъ исполняетъ порученія внѣ дома, помогаетъ прислуживать при столѣ, открываетъ посѣтителямъ двери и докладываетъ о нихъ господамъ. Кучеръ кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей чиститъ обувь. Если при домѣ есть садъ, держатъ садовника, который еще исполняетъ тяжелыя работы по дому, напр., носитъ уголь. Этого мелочного раздѣленія труда строго придерживаются. Всѣ отлично вышколены для своего назначенія. Горе иностранцу, который по неопытности обратился бы съ просьбой не по адресу. Въ отвѣтъ ему пожмутъ плечами и полупрезрительно улыбнутся.

Эта маленькая хорошо дисциплинированная армія со строгимъ раздѣленіемъ на ранги стоитъ къ своимъ господамъ скорѣе въ оффиціальныхъ, чѣмъ въ патріархальныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Каждый носитъ какъ бы присвоенную его званію форму, если онъ не получилъ отпуска. Горничныя постоянно носятъ на головѣ бѣлую съ кружевами наколку. Утромъ онѣ ходятъ въ свѣтлыхъ ситцевыхъ платьяхъ однообразнаго, простого, но довольно красиваго покроя, а днемъ всѣ, за исключеніемъ кухоннаго персонала, являются въ такихъ же простыхъ черныхъ шерстяныхъ платьяхъ съ кокетливыми бѣлыми фартуками. Мальчикъ носитъ постоянно свою короткую тѣсную куртку, за безчисленныя маленькія латунныя погувицы которой его прозвали въ шутку «пуговицами».

Англійская прислуга никогда не обращается къ своимъ господамъ и никогда не отвѣчаетъ, не прибавляя соотвѣтственно сэръ или мадамъ, Послѣднее слово обыкновенно сокращается въ «мамъ» и это монотонное, механическое «да, мамъ», чѣмъ англійская горничная отвѣчаетъ на малѣйшее замѣчаніе и порученіе своей госпожи, выражаетъ хорошо всю суть отношеній между господами и прислугой

въ Англіи. Это холодныя, такъ сказать, исключительно служебныя отношенія безъ малѣйшаго слѣда человѣческаго участія. Если прислуга заболѣла, ее сейчасъ же отсылаютъ въ больницу и, возвращаясь по выздоровленіи, она обыкновенно находитъ, что мѣсто ея занято окончательно преемникомъ. Англійскія дамы вообще имѣютъ привычку часто мѣнять свою прислугу. Придите въ богатый домъ черезъ два мѣсяца, и вы почти никого не найдете изъ прежней прислуги.

Ни одинъ народъ не придаетъ такого важнаго значенія изящной сервировкѣ стола, какъ англичане. У нихъ приборы и серебро на столѣ блестятъ, словно заново отполированные. Вся стеклянная посуда, прежде чѣмъ появиться на столѣ, въ послѣднюю минуту еще разъ вытирается какъ нельзя лучше, такъ что, несмотря на постоянно влажный климатъ Англіи, блеститъ, какъ хрусталь. Въ цвѣтахъ также нѣтъ недостатка за англійскимъ столомъ, и часто кромѣ большихъ декоративныхъ растеній по серединѣ стола, ставятъ еще маленькія прелестныя вазочки съ особенно красивыми цвѣтами передъ каждымъ приборомъ, какъ и маленькія хорошенькія солоночки и перечницы. Изящные приборы, чтобы ѣсть рыбу, пуддингъ, десертъ, фрукты, отличаются въ Англіи новизной и оригинальностью фасона, потому что здѣсь именно происходитъ постоянное усовершенствованіе этихъ предметовъ роскоши. Пить за обѣдомъ пиво считается вульгарнымъ, поэтому пьютъ красное вино съ водой. Теперь входитъ въ моду пить только одинъ сортъ вина, не смѣшивая различные сорта другъ съ другомъ.

Сатирическое замѣчаніе, что англійская семья каждый вечеръ собирается въ столовой, чтобы $1^1/_2$—2 часа священнодѣйствовать за обѣдомъ, конечно имѣетъ свое основаніе, но только нужно замѣтить, что англичане умѣютъ справлять этотъ матеріалистическій культъ чрезвычайно

утонченнымъ образомъ и съ сохраненіемъ мѣры. Обѣдъ въ англійской семьѣ представляетъ не только важное проявленіе въ семейной жизни, но и единственный большой перерывъ среди дневного труда. Слова «обѣдъ» и «домъ» сливаются своеобразно въ одномъ чувствѣ. Первый получаетъ въ устахъ истаго англичанина сантиментальный оттѣнокъ, который собственно принадлежитъ второму.

Въ отношеніяхъ между супругами въ Англіи, какъ между родителями и дѣтьми, иностранецъ замѣчаетъ вообще меньше искренности и теплоты, чѣмъ у себя на родинѣ. Въ англійскомъ домѣ рѣдко слышишь нѣжное слово или замѣчаешь дружескій взглядъ или жестъ. Обычный тонъ и обхожденіе кажутся поразительно формальными и холодными. Родители и дѣти относятся другъ къ другу сдержанно, скорѣе съ уваженіемъ, чѣмъ съ глубокимъ чувствомъ симпатіи. Зная, что англійскому характеру вовсе нельзя отказать въ сантиментальности, чувствуешь себя невольно въ смущеніи, не замѣчая и слѣда чувства тамъ, гдѣ по континентальнымъ понятіямъ оно прежде всего обычно пробивается.

Да, конечно, Джонъ Буль можетъ быть сантиментальнымъ, но дѣло въ томъ, что онъ никакъ не можетъ побороть крайней сдержанности въ своемъ поведеніи. Даже въ четырехъ стѣнахъ своего дома онъ предпочитаетъ старательно скрывать свои болѣе мягкія чувства и непосредственныя наклонности подъ спокойной условной внѣшностью. По его понятію было бы въ высшей степени неделикатно даже въ близкомъ семейномъ кругу обнаруживать сокровеннѣйшія побужденія душевной жизни. Поэтому въ англійскомъ домѣ ничто не нарушаетъ мирнаго теченія жизни, тамъ нѣтъ мѣста волненіямъ и возбужденіямъ, все идетъ такъ спокойно и гладко, какъ въ отелѣ перваго ранга. Въ каждой мелочи ясно проглядываетъ мысль, что прежде всего надо добиваться комфорта даже

въ самыхъ пустякахъ и утонченности во внѣшнихъ формахъ жизни. Всѣ другія нравственныя и умственныя блага даются уже этимъ однимъ, думаетъ практическій Джонъ Буль.

Его необыкновенно удивляетъ, что иностранецъ не вполнѣ раздѣляетъ его убѣжденіе. Онъ не можетъ понять справедливаго упрека, что его домашняя жизнь однообразна, чтобы не сказать, безсодержательна, что она слишкомъ суха и безцвѣтна. Еще менѣе согласенъ онъ съ опасеніями континентальнаго наблюдателя, что это преклоненіе предъ этикетомъ и условное самообладаніе ради него самого можетъ подѣйствовать на насъ въ такой же степени вредно, какъ и благодѣтельно. Англійскому народу присуще убѣжденіе, что игнорированіе дурного или отвратительнаго— первый и вѣрнѣйшій шагъ къ совершенствованію. Поэтому всѣ вѣрятъ, что Джонъ Буль—лицемѣръ. Безъ сомнѣнія онъ лицемѣръ въ высокой степени, но онъ лицемѣритъ вообще съ дѣтскимъ убѣжденіемъ, что то, что мы называемъ его лицемѣріемъ, первая ступень по пути всѣхъ добродѣтелей. Но если онъ по пути добродѣтели никогда не идетъ дальше этого перваго шага, состоящаго лишь въ бездушномъ соблюденіи внѣшней формы добродѣтели, то этимъ однако достигаетъ тѣхъ важныхъ выгодъ, какія въ высокоцивилизованномъ государствѣ безусловно достаются по внѣшности «почтенному» гражданину.

Но это доведенное до крайности стремленіе ставить въ ежедневныхъ сношеніяхъ хорошія формы обхожденія выше искренности, условную респектабельность выше подлинныхъ душевныхъ переживаній дѣйствуетъ въ Англіи менѣе вредно, чѣмъ могло бы показаться на первый разъ. Англичанинъ человѣкъ труда, полный силъ, который любитъ практическую дѣятельность и развлеченія, укрѣпляющіе тѣло и душу. Онъ поэтому менѣе подверженъ искушеніямъ, чѣмъ народъ менѣе дѣятельный, болѣе изнѣжен-

ный, болѣе наклонный къ эстетикѣ. Въ связи съ этимъ у него есть похвальная наклонность признавать за всѣми, въ томъ числѣ и за тѣми, кто отъ него непосредственно зависитъ, большую долю свободы, которая въ сущности ограничивается только его представленіемъ о «респектабельности».

Если въ англійскомъ домѣ мало искренности чувства, зато много свѣжаго духа самостоятельности и независимости въ отношеніяхъ различныхъ членовъ семьи. Вѣдь избытокъ нѣжности можетъ и повредить. Сантиментальная, ложно направленная любовь родителей можетъ заглушить индивидуальность дѣтей. Въ этомъ отношеніи типичная англійская семья не грѣшна. Какъ только сыновья выросли изъ дѣтскоій, ихъ посылаютъ въ закрытое учебное заведеніе, гдѣ они живутъ на полномъ пансіонѣ. Съ 8—9 лѣтъ до 16—17 мальчикъ живетъ, правда, въ комфортабельной, но болѣе казарменной, чѣмъ семейной обстановкѣ. Родительскій домъ онъ можетъ посѣщать только трижды въ годъ на нѣсколько недѣль во время вакацій. Образованные люди Англіи всѣ питомцы пансіоновъ, а не родительскаго дома. Если они принадлежатъ къ особенно состоятельнымъ фамиліямъ, то первую часть своей юности они провели въ одной изъ знаменитыхъ школъ Итона, Гэрроу, Уинчестера, которыя прежде всего являются академіями для образованія джентльменовъ, а потомъ уже учебными заведеніями въ нашемъ смыслѣ слова. Здѣсь мальчикъ уже съ ранняго возраста научается обращаться съ равными себѣ, не связанными семейными связями, узнаетъ слабыя стороны своего характера. Здѣсь его закаляютъ, какъ солдата, и самымъ строгимъ образомъ формируютъ по данному образцу по крайней мѣрѣ со стороны внѣшности. Напротивъ, онъ предоставленъ почти исключительно своей любознательности, насколько онъ за свои школьные годы пріобрѣтетъ знаній, потому что ученіе

стоитъ въ англійскихъ школахъ на второмъ планѣ. Но не можетъ онъ уклониться отъ желѣзной дисциплины спорта, который преслѣдуетъ двойную цѣль: развить его мускулатуру и отвлечь его вниманіе отъ разныхъ соблазновъ. Гораздо чаще случается, что мальчика приходится брать изъ школы, потому что его организмъ мало подготовленъ для обязательныхъ физическихъ упражненій, чѣмъ потому, что его способностей недостаточно для усвоенія обязательныхъ знаній.

И дѣвочекъ по достиженіи 10—11 лѣтъ отдаютъ въ пансіоны, гдѣ ихъ учатъ и тренируютъ, хотя по прекраснымъ, но нѣсколько шаблоннымъ способамъ. Родители, конечно, стараются выбрать то заведеніе, которое ведется въ согласіи съ ихъ собственными воззрѣніями; но результаты конечно получились бы другіе, если бы воспитаніе шло на дому.

Поэтому въ зажиточной англійской семьѣ рѣдко или почти никогда не видно дѣтей, прежде чѣмъ они не достигнутъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ. До школьнаго возраста ихъ съ педантической строгостью держатъ въ обширныхъ дѣтскихъ верхняго этажа. Въ школьные годы ихъ нѣтъ дома, и они, можетъ быть, въ совершенно другой части страны.

Если молодые люди женятся, то они устраиваютъ свою домашнюю жизнь по тѣмъ же самымъ правиламъ: они относятся другъ къ другу съ большимъ уваженіемъ, но мало проявляютъ вовнѣ теплаго чувства и держатъ своихъ дѣтей всегда нѣсколько вдали. Конечно, бываютъ исключенія. Но вообще можно сказать, что ни въ какой странѣ домашняя жизнь различныхъ общественныхъ классовъ не имѣетъ такихъ однообразныхъ опредѣленныхъ рамокъ, какъ въ Англіи.

Время отъ времени семья принимаетъ гостей. Удивительно, какъ еще существуетъ въ Англіи обычай ходить въ гости. Идти въ гости въ Англіи значитъ обрекать себя

на неимовѣрную скуку. Природа отказала англичанину въ искусствѣ занимать гостей и быть хорошимъ собесѣдникомъ. Англичане—дѣльцы, хорошіе работники, прекрасные спортсмены, у которыхъ хорошо развиты мышцы ногъ, и рукъ, и груди, но очень плохо мышцы языка. Самые даровитые изъ нихъ рѣдко обладаютъ талантами свѣтскаго человѣка. Для этого имъ недостаетъ разнообразія интересовъ и способностей. Если у нихъ вообще есть талантъ, то обыкновенно только одинъ, имъ неизвѣстна многосторонность. Легкій французскій умъ съ его удивительнымъ разнообразіемъ способностей имъ совершенно чуждъ. Вести разговоръ въ обществѣ для англичанина тяжелая работа, а не освѣжающее удовольствіе. Разговаривать съ людьми, не принадлежащими къ его ближайшимъ родственникамъ и друзьямъ, это—непосильное бремя. Держаться въ обществѣ англичанинъ не умѣетъ. Онъ, повидимому, склоненъ думать, что людей нужно тренировать въ искусствѣ сходиться въ салонахъ и пріемныхъ залахъ, двигаться въ музыкальныхъ комнатахъ, лицомъ къ лицу сидѣть за столомъ, доставать себѣ кушанье съ одного блюда и наливать вино изъ одного графина, не обнаруживая ни взглядомъ, ни выраженіемъ лица, ни жестомъ, что что-нибудь знаешь о присутствующихъ, кромѣ хозяевъ да 2—3 человѣкъ, съ которыми уже раньше былъ знакомъ. Хозяйка дома не представляетъ никого, если ее объ этомъ не просятъ и если гости спеціально не приглашены за тѣмъ, чтобы познакомиться съ такими-то лицами. Конечно, не запрещается вступить въ разговоръ съ незнакомымъ господиномъ или дамой, и иностранецъ, конечно, въ сто разъ чаще воспользуется этой свободой, чѣмъ самъ англичанинъ, но дѣло въ томъ, что не принято, какъ это бываетъ на континентѣ, при случаѣ, въ разговорѣ назвать свою фамилію и представиться другъ другу. По англійскимъ правиламъ выходитъ, разъ разговоръ начался безъ представленія, онъ и

долженъ кончиться безъ него. Стоитъ замѣтить, что въ этомъ отношеніи дамы не такъ строго придерживаются обычая, какъ мужчины. Не умѣя вести занимательный и живой разговоръ, англичане не умѣютъ веселиться. Когда богатые люди хотятъ повеселиться, они не знаютъ для этого другого способа, какъ пригласить наемныхъ увеселителей въ родѣ итальянскихъ пѣвцовъ, японскихъ фокусниковъ, нѣмецкихъ пьянистовъ, разныхъ декламаторовъ и разсказчиковъ, которые избавляютъ ихъ отъ необходимости говорить.

Жизнь въ англійскихъ имѣніяхъ.

Аристократія англійская проводитъ большую часть года въ своихъ имѣніяхъ. Надо поэтому посѣтить ихъ старые средневѣковые замки и современныя виллы, окруженныя роскошными парками и обширными, обросшими густою обстриженною травою газонами, чтобы познакомиться съ барскою жизнью въ Англіи, не имѣющей себѣ подобной въ цѣломъ мірѣ. Гостепріимство въ Англіи превышаетъ по своей широтѣ и утонченности все, чѣмъ континентальная Европа можетъ гордиться въ этомъ отношеніи. Принимаютъ гостя безъ лишней пышности, но такъ, что ему дается иллюзія пребыванія у себя дома. Онъ пользуется услугами особаго камердинера; его комната, или комнаты, такъ расположены, въ башнѣ или особомъ флигелѣ, что до него не доходитъ ни малѣйшаго шума изъ остальнаго дома; вся роскошная обстановка дома—библіотеки, галлереи, бильліардная, музыкальные инструменты, и т. д., и конюшня—

находятся въ его распоряженіи; онъ вполнѣ свободенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и только обязанъ соблюдать часы завтрака и обѣда. Въ комнатахъ гостей висятъ печатныя карточки съ обозначеніемъ времени завтрака и обѣда, отхода и прихода почтъ и разстоянія до ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій. Поблизости находятся особыя ванныя, гдѣ можно во всякое время дня или ночи принимать теплую или холодную ванну; повсюду электрическое освѣщеніе; просторные камины, нагрѣвающіе и очищающіе воздухъ комнатъ своимъ огнемъ. Постель мягка и широка,—въ ней спится превосходно; туалетъ снабженъ огромными зеркалами, письменный столъ—всѣми принадлежностями, и въ томъ числѣ почтовою бумагою, на которой, въ верхнемъ лѣвомъ углу, напечатанъ почтовый адресъ замка; вся мебель выдержана въ извѣстномъ стилѣ; на столѣ стоитъ большой букетъ съ отборными цвѣтами.

По англійскому обычаю, спальни находятся въ верхнихъ этажахъ, тогда какъ нижній этажъ содержитъ библіотеку, столовую, салоны, танцовальный залъ, билліардную, картинныя галлереи и большой входной залъ, украшенный разнымъ оружіемъ и охотничьими трофеями. Часто обвиняютъ англичанъ въ недостаткѣ эстетическаго чувства, но какія у нихъ, однако, роскошныя коллекціи цѣнныхъ картинъ! Въ Аливикѣ, замкѣ герцога Нортумберландскаго, я видѣлъ картины первоклассныхъ итальянскихъ мастеровъ—Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто, Ботичелли, Рафаэля, Фра Бартоломео. Въ замкѣ Ревенсвортъ мнѣ показали Рубенса и Ванъ-Дейка. Въ Виндлестонѣ, имѣніи баронета Иденъ, находится драгоцѣннѣйшая коллекція картинъ великихъ мастеровъ почти всѣхъ главныхъ школъ европейскаго континента. Замки лорда Армстронга изобилуютъ самыми разнообразными и великолѣпными картинами. Почти во всѣхъ красивыхъ виллахъ и домахъ посѣтитель находитъ большія коллекціи англійской живописи.

Кромѣ того, англичане любятъ составлять коллекціи историческихъ и другихъ рѣдкостей. Особенно хороши и богаты ихъ коллекціи разныхъ фарфоровъ,—севрскаго, мейсенскаго, берлинскаго, итальянскаго, азіатскаго и англійскаго. Всѣ роды фарфора означаются довольно курьезно однимъ и тѣмъ же словомъ: китайскій. Въ имѣніи Честерсъ, лежащемъ близъ римской стѣны, воздвигнутой императоромъ Адріаномъ противъ нападеній дикихъ сѣверныхъ племенъ, пиктовъ и скоттовъ, находится въ особомъ домѣ музей съ интереснѣйшими остатками римскаго владычества, найденными при римскихъ лагеряхъ, расположенныхъ вдоль Адріановой стѣны.

Эстетическое чувство англичанъ выражается также большою ихъ любовью къ цвѣтамъ. Каждый, сколько-нибудь большой домъ въ графствахъ и городахъ, имѣетъ свои теплицы для разведенія самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ большихъ имѣніяхъ теплицы и оранжереи занимаютъ обширное пространство и производятъ такое изобиліе цвѣтущихъ растеній, что можно украшать домъ круглый годъ самымъ изящнымъ образомъ. Особенно роскошно бываетъ убранъ обѣденный столъ, и замѣчателенъ тотъ фактъ, что обязательное украшеніе обѣденнаго стола цвѣтущими растеніями соблюдается не только въ богатыхъ домахъ, но и въ широкихъ слояхъ буржуазіи, которые въ континентальныхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи и Россіи, не думаютъ о томъ, чтобы расходовать деньги на такой кажущійся имъ ненужнымъ предметъ, какъ цвѣты, не приносящіе никакой практической пользы. Изъ этого видно, что у англичанъ эстетическое чувство даже болѣе развито, чѣмъ на континентѣ, и что они достаточно умѣютъ цѣнить не только практическую, но и изящную сторону жизни.

Вообще говоря, распредѣленіе жизни въ англійскихъ имѣніяхъ представляетъ чрезвычайно здоровое и пріятное

соединеніе тѣлесныхъ упражненій и отдыха въ комфортабельнѣйшей и роскошнѣйшей обстановкѣ. Раннее утро обыкновенно идетъ на почтовую корреспонденцію. Англичане, и особенно англичанки, пишутъ очень много писемъ, и ихъ вѣжливость въ этомъ отношеніи можетъ служить образцомъ для представителей другихъ націй. Для каждаго, имѣющаго дѣловыя или общественныя сношенія съ англичанами, полезно будетъ не забывать, что отъ него ожидаютъ приложенія той же вѣжливости, какою онъ пользуется съ ихъ стороны. Напримѣръ, въ Англіи принято отвѣчать на письмо въ тотъ же самый день, когда оно было получено, и если нельзя этого сдѣлать по сложности запросовъ, то по крайней мѣрѣ сейчасъ же увѣдомлять о полученіи письма и о предстоящемъ будущемъ подробномъ отвѣтѣ. Послѣ посѣщенія имѣнія, возвратясь домой, необходимо немедленно послать письмо, выражая благодарность за гостепріимство. Отвѣчаютъ также на каждое письмо съ приглашеніемъ, будь это только приглашеніе на чашку чая.

Большая часть времени во время пребыванія въ деревнѣ отводится спорту, главнымъ образомъ, охотѣ верхомъ. Удовольствіе, извлекаемое изъ жаркой погони на кровной лошади за лисицею черезъ заборы и живыя изгороди, которыми поля и луга отдѣлены другъ отъ друга, не имѣетъ себѣ равнаго въ глазахъ англичанъ. Для охоты, какъ для всякаго спорта, англичане надѣваютъ, конечно, спеціальный костюмъ. При ѣздѣ верхомъ дамы носятъ панталоны изъ чернаго сукна, юбку, падающую до сапогъ, и тѣсно прилегающую длинную жакетку изъ той же матеріи, высокіе сапоги изъ лакированной кожи и круглую шляпу-котелокъ, покрывающую всю прическу. Нельзя сказать, чтобы костюмъ этотъ былъ дамамъ къ лицу, для этого онъ слишкомъ напоминаетъ неудачное подражаніе мужской одеждѣ. Зато онъ болѣе цѣлесообразенъ для верховой ѣзды, чѣмъ длинная юбка и высокая шляпа наѣздницъ

прошлаго столѣтія. Мужчины надѣваютъ короткіе брюки и длинныя штиблеты. Управляющій охотой и пикёры бываютъ въ красныхъ кафтанахъ. Красивую картину представляетъ встрѣча передъ самымъ началомъ охоты. Число лицъ, принимающихъ участіе въ гонкѣ, часто доходитъ до 100. Встрѣча происходитъ въ условленномъ мѣстѣ, обыкновенно въ красивой мѣстности, поблизости одного изъ имѣній. На лицахъ обрисовываются ожиданіе и радость; образуются оживленныя группы, но избѣгаютъ громкихъ возгласовъ или вульгарной экспансивности. Все происходитъ безъ шума, гладко и аристократично. Появляются гончія собаки, весело помахивая хвостами. Ихъ бываетъ приблизительно семьдесятъ пять. Наконецъ, выступаетъ «мэстеръ» и пикеры. Они указываютъ направленіе, по которому пойдетъ гонка, и охота начинается. Лошади, употребляемыя на этихъ охотахъ, большею частью прекрасноіі породы. Онѣ перескакиваютъ черезъ заборы, изгороди и каменныя преграды съ замѣчательной вѣрностью и легкостью. Въ Ирландіи всѣ поля раздѣлены другъ отъ друга не живыми изгородями, а каменными оградами, но это нисколько не мѣшаетъ охотѣ. Если принять во вниманіе, что охота верхомъ продолжается почти полгода и что она во многихъ графствахъ производится по три-четыре раза въ недѣлю, то можно лишь удивляться рѣдкости несчастныхъ случаевъ съ удалыми наѣздниками и наѣздницами. Это показываетъ, насколько ихъ лошади надежны. Тогда какъ лисица обыкновенно бѣжитъ по одному направленію, заяцъ дѣлаетъ круги и постоянно приходитъ обратно къ прежнему мѣсту. Поэтому охота верхомъ производится лишь на лисицъ, чтобы имѣть возможиость скакать на далекихъ разстояніяхъ, а на зайцевъ охотятся пѣшкомъ съ собаками меньшей породы. При этомъ не приходится бѣгать все время: часто дамы и мужчины, принимающіе участіе въ этомъ спортѣ, предполагающемъ хорошія легкія и длинныя ноги, остана-

Рис. 19. Самая высокая гора въ Шотландіи (Бэнъ-Невисъ).

вливаются на возвышенныхъ мѣстахъ, чтобы слѣдить за погонею, нерѣдко вертящеюся кругомъ и возвращающеюся къ прежнему мѣсту.

Занимаются различными спортами обыкновенно до четырехъ часовъ пополудни, съ перерывомъ для второго завтрака. Къ чаю въ пять часовъ происходитъ основательное измѣненіе туалетовъ. Къ этому часу женщины переодѣваются въ элегантныя платья для визитовъ, а мужчины надѣваютъ черный сюртукъ съ лакированными сапогами или башмаками. Англичане никогда на свѣжемъ воздухѣ не носятъ калошъ, а крѣпкіе шнурованные сапоги, обмѣняемые на легкіе лакированные башмаки, когда они возвращаются домой. Время отъ пяти до обѣда, бывающаго въ восемь часовъ, проводится въ бесѣдѣ, за чтеніемъ, за билліардною игрою, въ отправкѣ писемъ и т. д. Каждый совершенно свободенъ предпринять, что ему угодно. За полчаса до обѣда раздается гонгъ, предупреждающій дамъ о томъ, что пора одѣваться. На обѣдъ женщины являются въ бальныхъ туалетахъ декольте и съ цвѣтами, мужчины—во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Часто вмѣсто обыкновеннаго чернаго фрака носятъ цвѣтной фракъ, съ изображеніями того охотничьяго общества, къ которому данное лицо принадлежитъ, короткіе шелковые штаны, высокіе черные чулки и лакированные башмаки съ серебряными пряжками. Обычай быть каждый день къ обѣду во фракѣ соблюдается приблизительно каждымъ сколько-нибудь состоятельнымъ англичаниномъ, и ихъ дамы къ этому времени одѣваютъ если не платье декольте, то, по крайней мѣрѣ, элегантный вечерній костюмъ. Русскому человѣку обычай этотъ покажется чопорнымъ, англичанамъ же онъ кажется единственнымъ, достойнымъ джентльмена и вообще культурнаго человѣка. Частая перемѣна костюма составляетъ характерную черту англійской жизни, но при этомъ у нихъ не существуетъ пустого щегольства, старающагося удивить

міръ какою-то изысканною манерою одѣваться. Въ Англіи никто не придаетъ особеннаго значенія тому, чтобы быть одѣтымъ, какъ слѣдуетъ, и всякія излишества и стараніе выдѣлиться отъ другихъ особенно богатыми и причудливыми костюмами истолковываются, какъ признаки дурного воспитанія.

Приблизительно послѣ одиннадцати часовъ дамы уходятъ къ себѣ, и мужчины, переодѣвшись въ удобный смокингъ, или короткіе халаты, проводятъ еще часъ въ курильной съ виски или коньякомъ, разбавленными водою. По воскресеньямъ планъ жизни измѣняется тѣмъ, что спортъ и игры не допускаются, за исключеніемъ крокета; ходятъ въ церковь въ костюмахъ чернаго цвѣта, мужчины—въ длинныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ, хотя это не обязательно. Для ночи не одѣваютъ старомодной ночной рубашки, вмѣсто нея—костюмъ причудливыхъ цвѣтовъ, панталоны и жакетку изъ мягкой шерсти иля шелка.

Какъ видно, у англичанъ нѣтъ недостатка въ умѣніи жить. Жизнь въ имѣніяхъ дворянъ и мѣстнаго джентри, дѣйствительно, не оставляетъ желать лучшаго. Живущій исключительно для удовольствія кругъ людей ею злоупотребляетъ, а для занятаго дѣлами она даетъ самый удовлетворяющій и подходящій отдыхъ. Многіе дѣловые люди постоянно живутъ въ собственныхъ или наемныхъ домахъ, далеко отъ городовъ, въ графствахъ, и каждый день пріѣзжаютъ въ городъ для своихъ дѣловыхъ цѣлей. Прекрасныя желѣзнодорожныя сообщенія и все болѣе распространяющіеся моторные экипажи содѣйствуютъ этому.

На фермахъ въ Англіи.

Я началъ осматривать англійскія деревни. Первая деревня, въ которую я попалъ и подробно осмотрѣлъ, называлась Айфордъ. Въѣздъ въ нее шелъ по большому каменному очень древнему мосту. За мостомъ сейчасъ же было раскинуто нѣсколько котэджей. Эти котэджи напоминали собою наши малороссійскія хатки. Они по большей части мазаные и крытые соломой,—зато то и другое дѣлается очень прочно. Котэджи двухъэтажные и въ нѣсколько комнатъ. Внизу—кухня, столовая, ванна. Вверху—помѣщеніе для спанья и дѣтей. Комнаты низкія, довольно тѣсныя, но въ нихъ всегда чисто, онѣ убраны картинами, бездѣлушками и обставлены необходимой приличной мебелью.

Котэджи, однако, принадлежатъ не деревенскимъ хозяевамъ, а занимаютъ ихъ просто рабочіе на фермѣ, къ которой и принадлежитъ вся деревня.

Передъ каждымъ котэджемъ разбитъ небольшой палисадникъ, а сзади него тянется полоска земли, такъ въ сто квадратныхъ саженъ. Эта земля предназначается для огорода. И это не только въ деревнѣ, а и въ предмѣстьяхъ городовъ, гдѣ селятся семьи рабочихъ и мелкихъ служащихъ. Сдаваемый трудовымъ людямъ котэджъ всегда имѣетъ землю. На этой землѣ сажается все необходимое для продовольствія семьи, что очень облегчаетъ ея существованіе. Воздѣлывается земля рабочимъ въ свободное время. Свободное же время у англійскаго рабочаго отъ 5 часовъ вечера до 7 утра и $1^1/_2$ часа въ полдень. По утрамъ и вечерамъ онъ копается съ лопатой или вилами и раздѣлываетъ ее. Для удобренія земли дѣтишки рабочаго ѣздятъ съ телѣжкой по дорогѣ или улицѣ и собираютъ навозъ,

пыль. На это же идетъ и пометъ куръ. Куры—единственный домашній скотъ, который имѣетъ англійскій рабочій; другого скота онъ имѣть не въ состояніи.

Ферма въ Айфордѣ раскинута по обѣимъ сторонамъ переулка, идущаго въ сторону отъ главной дороги, пролегающей черезъ деревню. Съ одной стороны ея кузница, домикъ кузнеца, навѣсы для телѣгъ; съ другой, за каменнымъ заборомъ, аршина въ полтора вышины,—постройка скотнаго двора, молочная, сараи, амбары. Всѣ постройки каменныя, крытыя черепицей. Коровники съ каменнымъ поломъ; у кормушки для каждой коровы свое мѣсто и цѣпь для привязи ея на ночь. Подстилка держится одну ночь; потомъ выбрасывается на дворъ, который коровники охватываетъ покоемъ. Навозъ на дворѣ складывается въ высокія кучи, поливается всегда стоящей въ ямѣ жижей и перегнаивается. При такомъ обращеніи съ навозомъ его получается гораздо больше, чѣмъ если навозъ оставлять подъ скотомъ до самаго вывоза.

На другомъ дворѣ возвышались старые ометы соломы, скирды съ еще немолоченнымъ хлѣбомъ, стога клевера и груды кормовой свеклы и брюквы. Въ другой части двора видна молотилка, соломотрясъ, навѣсъ съ орудіями. Крупныя мохноногія лошади выѣзжали со двора, съ плугами и боронами. Время было горячее,—кипѣла работа по посѣву. Пахать ѣхали парами и тройками. Лошадьми управлялъ одинъ рабочій. Одна пара шла запряженная въ огромную волокушку, похожую на сѣть изъ желѣзныхъ колецъ. Этой волокушкой проходились луга и ею разбивались на нихъ комья и старый пометъ коровъ и разравнивались нарытыя кротами кучи земли. Дѣлалось это какъ на тѣхъ лугахъ, которые шли подъ покосъ, такъ и на тѣхъ, которые предназначались подъ пастбище.

Въ коровникахъ два работника и работница доили крупныхъ, разношерстныхъ, съ огромными вымями коровъ. Удой сливали въ большую посуду съ ушатъ величиной, а по-

томъ сносили въ молочную, цѣдили и разливали въ посуду молочника, который арендовалъ молоко и одинъ имѣлъ право распоряжаться имъ. Въ назначенный часъ онъ пріѣзжалъ къ молочной, устанавливалъ полученное молоко на свой полокъ и увозилъ его. Хозяинъ коровы оставлялъ себѣ только выговоренное количество и не имѣлъ права никому продавать его. Корова давала въ среднемъ въ день около ведра молока, что̀ по мѣстнымъ цѣнамъ стоитъ 80—90 копеекъ.

Домикъ фермера былъ дальше. Это былъ уже барскій домикъ съ палисадникомъ вокругъ, съ яркозелеными газонами травы, съ клумбами цвѣтущихъ тюльпановъ, туями, лаврами и другими растеніями. Насъ встрѣтила дочь хозяина, немного засидѣвшаяся въ дѣвахъ миссъ, и хотѣла передать на руки своему брату, вѣдающему надзоръ за фермой, но онъ только-что откуда-то пріѣхалъ и, бросивъ лошадь, которая одна направилась въ конюшню, куда-то исчезъ. Походивши по двору, чтобы отыскать его, и не найдя, мы вернулись въ домъ. Насъ провели въ гостиную, и миссъ Аллисонъ пошла сказать о насъ отцу.

Гостиная была съ роялью, съ мягкой мебелью. На комодѣ и стѣнахъ были фотографіи съ видомъ деревни, фермы и снимки съ нѣкоторыхъ экземпляровъ скота.

Хозяйственные интересы простирались и на гостиную. Ждали мы недолго. Вскорѣ къ намъ спустился и самъ мистеръ Аллисонъ. Это былъ толстый старикъ, съ выбритымъ подбородкомъ и типичными англійскими сѣдыми баками. Онъ съ любезностью освѣдомился, что намъ угодно. Мы заявили, что намъ хочется кое-что узнать о способахъ англійскаго земледѣльческаго хозяйства.

— О, пожалуйста, готовъ служить!

Прежде всего онъ заявилъ, что хозяйствовать въ Англіи становится годъ отъ года труднѣе. Земля возвышается въ цѣнѣ, поэтому растетъ и арендная плата. Его ферма не

собственная, а вся земля и всѣ постройки принадлежатъ лэндлорду. Онъ только арендуетъ ее. Арендуетъ онъ 140 десятинъ, и платитъ въ годъ за каждую десят. до 40 руб. Ремонтъ построекъ и страхованіе ихъ идетъ на счетъ помѣщика, но заботы о сохранности и цѣлости движимости лежатъ исключительно на немъ. Главный доходъ онъ имѣетъ отъ молока, находящаго всегда сбытъ въ сосѣднихъ городахъ, имѣющихъ курортный характеръ. Кромѣ молока, продается и приплодъ отъ коровъ.

— Какой породы скотъ у васъ?

— Чистой породы у меня нѣтъ, а больше «миксъ» (смѣсь). Лучшими коровами по молочности у насъ считаются, если онѣ взяты отъ двухъ разныхъ хорошихъ породъ.

— Какія цѣны на корову стоятъ у васъ?

— Молодая корова отъ 160 до 200 руб. Старая корова идетъ за 150—160 рублей.

— Какія цѣны на лошадей?

— Дешевле 400 рублей трудно найти.

— А телѣги во что обходятся?

— Двуколка 120—150 рублей, четырехколесная для сноповъ, возки мѣшковъ и прочаго 320—330 рублей.

— Слѣдовательно и на инвентарь нуженъ капиталъ?

— Да, и порядочный...

— А сколько вы платите рабочимъ?

— 6—7 рублей въ недѣлю.

— И они у васъ работаютъ отъ 7 утра до 5 вечера?

— Отъ 7 до 5; во время уборки работаютъ бо́льше, но тогда и плата увеличивается чуть не вдвое.

— А каковы у васъ урожаи?

— Пшеница выходитъ не совсѣмъ хороша: съ десятины собирается отъ 14 до 20 четвертей, овесъ отъ 21 четверти до 30, сѣна около 230 пудовъ. Зерно идетъ въ продажу, а корнеплоды и сѣно употребляются въ своемъ хозяйствѣ.

Мы спросили насчетъ налоговъ. Мистеръ Аллисонъ заявилъ, что всѣ налоги взимаются только съ собственниковъ. Не имѣющій собственной земли не платитъ никакихъ налоговъ. Школы безплатныя. Въ школу ребенокъ можетъ ходить отъ 3 до 14 лѣтъ. Съ малышами тамъ играютъ, понемногу пріучаютъ къ рисованію, пѣнію, гимнастикѣ. Это представляетъ большую выгоду для матерей: находясь подъ хорошимъ надзоромъ въ школѣ, дѣти не мѣшаютъ имъ работать.

Ходятъ дѣти въ школу въ Англіи почти весь годъ, только въ іюлѣ и августѣ ихъ отпускаютъ на 6 недѣль да на святки на 2 недѣли. Другіе же отпуски ограничиваются нѣсколькими днями.

Съ фермы я прошелъ въ школу. Школа была смѣшанная, для мальчиковъ и для дѣвочекъ. Учили двѣ учительницы, и имъ помогала одна изъ старшихъ дѣвочекъ. Чтобы лучше увидѣть постановку народной школы, я пошелъ туда во время занятій.

Зданіе школы было спеціально построенное, небольшое, но свѣтлое. Въ первомъ отдѣленіи сидѣли малютки и складывали изъ кубиковъ домики, различныя фигурки, или же разсматривали картинки. Дальше писали, читали и рисовали. На стѣнахъ висѣли литографированныя картинки, содержащія сцены изъ жизни разныхъ народовъ, карты Англіи и другихъ государствъ. Въ одномъ углу помѣщался шкафъ съ книгами и письменными работами учениковъ и небольшой музей наглядныхъ пособій. Учительницы любезно показали мнѣ учебники. Изъ нихъ особенно хорошо и полно были составлены хрестоматія изъ литературныхъ произведеній на англійскомъ языкѣ и сборникъ разсказовъ изъ жизни природы А. Беклей, извѣстный и у насъ.

Начинался урокъ гимнастики. Учительница предложила мнѣ посмотрѣть. Я вышелъ на дворъ. Выстроившіяся въ шеренгу дѣвочки, какъ рекруты, по командѣ опускали,

поднимали руки, дѣлали повороты направо и налѣво и маршировали въ ногу. А мальчики занялись въ это время игрой въ футъ-болъ.

Потомъ я осмотрѣлъ еще одну ферму нѣкоего мистера Эльфорда. Поля его тянулись по направленію къ морю и упирались въ высокій пустынный холмъ, огороженный проволочной изгородью.

На этомъ холмѣ, принадлежавшемъ, какъ оказалось, какому-то богачу, жили кролики. Загородка съ двухъ сторонъ мѣшала имъ забираться въ поля, а съ другихъ двухъ сторонъ имъ не давали ходу рѣка и море. Пространство, занимаемое кроликами, было довольно обширное, на немъ могла помѣститься и существовать цѣлая ферма, но владѣлецъ этого не хотѣлъ. Земля была очень дикая, она вся поросла рѣдкими колючими кустами, папоротникомъ, верескомъ. Жесткая, несъѣдобная, какъ щетина, трава наводила грусть; болѣе же нѣжнымъ травамъ не давали расти кролики. Какъ только травка показывалась, они набрасывались на нее и поѣдали.

Зато замѣтнѣе выдѣлялась обработанная земля. Та же почва, только отдѣленная небольшимъ валикомъ и загородкой, имѣла въ обработкѣ совсѣмъ иной видъ. Точно начинался другой міръ. Какъ изумрудъ, зеленѣла мягкая луговина, волновалась начинающая итти въ колосъ, посѣянная на кормъ, рожь. Растительность была сочная, густая. Она ярко выставляла результаты человѣческихъ трудовъ и усилій.

Мнѣ приходилось наблюдать, какъ англичане приводятъ пустынную землю въ такое прекрасное состояніе. Точно чинятъ старую шубу. Тамъ положатъ заплату, здѣсь сравняютъ шовъ. Вырубятъ дерево, образуется яма. Сейчасъ находятъ какой-нибудь бугорокъ, срываютъ его, подвозятъ землю и засыпаютъ эту яму. Въ другомъ углу выбираются камни; на ихъ мѣстѣ плодородной земли мало. Въ низинѣ

вырывается канава; черная земля перевозится отсюда и сваливается. Потомъ все перекапывается, выравнивается, и получается ровное, гладкое поле.

Эти поля изъ дикаго состоянія въ прекрасное были приведены стараніями самого мистера Эльфорда въ началѣ его арендаторства. Снявши этотъ участокъ за дешевую цѣну, онъ приложилъ къ нему большіе труды. Лопатой, плугомъ, а гдѣ можно было, и другими орудіями онъ взрыхлилъ всю землю, обвелъ ее валикомъ, обгородилъ живой изгородью, поднялъ или прорылъ канавы въ ея низинахъ и сталъ ее удобрять. Онъ клалъ въ нее навозъ, золу, известь, покупалъ гуано и химическіе туки и все вкладывалъ въ эту землю. На первыхъ порахъ земля мало это чувствовала, скупо отвѣчала на его ожиданія. Мистеръ Эльфордъ не падалъ, однако, духомъ. Онъ былъ, помимо того, кузнецъ, и то, чего не добиралъ отъ земли, пополнялъ заработкомъ въ кузницѣ, сводилъ концы съ концами и надѣялся, что земля когда-нибудь восчувствуетъ...

И земля восчувствовала. Внѣшній видъ ея сталъ мѣняться. Зелень стала выгоняться гуще и гуще; потомъ пошли такіе урожаи, что мистеръ Эльфордъ былъ съ избыткомъ вознагражденъ за вложенные имъ раньше труды и затраты.

Всей земли мистеръ Эльфордъ арендовалъ 28 десятинъ и постоянно работалъ. Ему было уже подъ 60 лѣтъ, но онъ казался очень свѣжимъ. Особенно въ праздникъ, когда онъ надѣвалъ новый пиджакъ, чистую манишку, голубой галстукъ. Тогда онъ выглядывалъ совсѣмъ молодцомъ. Въ будни же онъ мѣнялся: въ рыжихъ плисовыхъ штанахъ, въ вытертомъ пиджакѣ, въ полинявшемъ картузѣ съ выдавшимся впередъ козырькомъ, очень похожимъ на русскіе картузы, онъ ничѣмъ не отличался отъ своихъ работниковъ. Что онъ хозяинъ, а не работникъ, видно было лишь по тому, что онъ за работой стоялъ на самомъ важномъ

мѣстѣ. Въ посѣвѣ мистеръ Эльфордъ шелъ за рядовой сѣялкой и управлялъ ею, чтобы регулировать посѣвъ. При посадкѣ картофеля онъ проводилъ борозды и такъ прямо, что борозда черезъ все поле тянулась, точно отсѣченная по ниточкѣ. Когда кончались полевыя работы, онъ шелъ въ кузницу, или починялъ что-нибудь, или сооружалъ какую-нибудь новую машину.

Однажды я засталъ мистера Эльфорда за полкой овса. У насъ овесъ не полютъ, а если полютъ, то просто ходятъ по полю и вырываютъ сорныя травы руками. Здѣсь же эта работа велась совсѣмъ иначе. Полка шла при помощи полольника. Пололькикъ этотъ состоялъ изъ шести зубьевъ, устроенныхъ на двухколесномъ передкѣ, какъ зубья конныхъ грабель. Концы у зубьевъ были такіе же лапчатые, какъ у нашихъ скоропашекъ. Въ пололькикъ запрягалась лошадь, лапы его направлялись между рядовъ овса и, взрыхляя землю, вырывали траву и засыпали слегка съ боковъ рядъ всходовъ, какъ засыпается картофель при окучиваніи. Дѣлалось это быстро, ловко, и польза для хлѣба оказывалась громадная. Сорныя травы уничтожаются, разрыхляется земля, въ нее легче можетъ проходить воздухъ, и стебли хлѣба, засыпанные при всходахъ свѣжей землей, могутъ больше выгнать корней и сильнѣе укрѣпиться.

— А хорошо работаетъ, Мистеръ Эльфордъ!—не удержался я, чтобы не похвалить его работу.

— О, еще бы! На то она и машина, чтобы дѣлать хорошо.

— Вы считаете машины важнымъ дѣломъ въ хозяйствѣ?

— А какъ же? Съ машинами только и можно хорошо работать. Съ нею не пролукавишь, кое-какъ не сдѣлаешь. Вотъ глядите, я ее веду здѣсь, и она дожна итти безпрепятственно. Земля должна быть взрыхлена и разработана

за первый сортъ. И посѣвъ долженъ быть сдѣланъ правильно. Тутъ нельзя оставить въ землѣ камня или непропаханнаго мѣста; если останется комъ или пластъ, зацѣпится сѣялка, не войдетъ и полольница, или выворотитъ этотъ пластъ и сдѣлаетъ яму, а это невыгодно. Машина повѣряетъ одну работу другою и требуетъ, чтобы все было сработано какъ можно лучше. А при хорошей работѣ хорошо родится и хлѣбъ.

— Но машины очень дороги.

— Да, дороги. У моего отца было меньше машинъ, и у него дѣла шли хуже. Подъ бокомъ строился городъ. Земля дорожала, аренда поднималась, работники тоже становились дороже. Онъ не хотѣлъ, чтобы я былъ фермеромъ, и отдалъ меня въ ремесло. Я учился газопроводному и водопроводному дѣлу, сталъ слесаремъ и кузнецомъ. Это мнѣ оказалось очень полезнымъ. Когда я занимался этимъ ремесломъ, я разстроилъ себѣ здоровье. Но когда померъ отецъ, я рѣшилъ бросить ремесло и взяться за землю. На землѣ ремесло и сослужило мнѣ службу. Новыя машины и намъ не по карману. Покупать ихъ можно только на наличныя, въ кредитъ же задавятъ проценты. Тогда я сталъ ходить по аукціонамъ и приглядывалъ старыя машины. Какъ была какая подходящая, я ее и покупалъ. Такія машины всегда дешевы. Вмѣсто 150 рублей купишь ее за 10 или 15 рублей, починишь, приладишь и работаешь. У меня во всемъ машины. Я ими кошу, жну, рѣжу бураки. Для рѣзки бураковъ я такую нашелъ машину, что, когда она работаетъ, двое не успѣваютъ подавать,— такъ я придѣлалъ къ ней механическое подавало, и оно работаетъ за этихъ двухъ. А съ жаткой я одинъ на двухъ лошадяхъ скошу и свяжу въ день больше десятины пшеницы. Ремесло въ хозяйствѣ хорошо. Когда у меня подросъ старшій сынъ, я его отдалъ тоже въ механики, такъ онъ теперь въ машинахъ понимаетъ больше меня.

— А какихъ вы достигли урожаевъ?

— Овесъ я получаю самъ 15, пшеница тоже около того. Зерно у насъ родится лучшаго качества, цѣны на него стоятъ высокія.

— Почемъ вы продаете зерно?

— Послѣдній разъ я продавалъ бушель пшеницы въ 63 фунта за 1 руб. 75 коп., а бушель овса въ 40 фунтовъ по рублю 12 коп. Если взять 45 бушелей пшеницы съ акра, то, за вычетомъ сѣмянъ, 3 бушелей на акръ, у меня останется 42 бушеля, а это 80 рублей да солома. Заплатить за землю надо 15 рублей, но все-таки кое-что останется за удобреніе и за работу.

— А какая цѣна соломы у васъ?

— Пшеничной 30 руб. тонна (62 пуд.), а овсяной— 25 рублей.

Я сталъ разсчитывать, что останется отъ овса. Съ акра получается до 80 бушелей, взять пять бушелей на сѣмена— останется 75; по 1 руб. 12 коп. выйдетъ 84 руб. Вычесть за землю—опять останется 69 руб., кромѣ соломы. У насъ же овесъ при сѣвѣ 3 четвертей на десятину дастъ 12 или 15 чистыхъ. Взять хотя по 4 руб. за четверть и того получится 48 руб. И это съ десятины, а не съ акра, который всего $^{2}/_{5}$ десятины.

Разница огромная!

Спортъ въ Англіи.

Спортъ играетъ огромную роль въ воспитаніи англійской молодежи. Англійскій ландшафтъ не полонъ безъ игроковъ въ мячъ, будетъ ли это осенью, весной или лѣ-

томъ. Если мы будемъ бродить по южной холмистой Англіи среди ея сочныхъ луговъ, обнесенныхъ живой изгородью, мы непремѣнно натолкнемся на группу игроковъ въ мячъ, хотя бы мѣсто лежало въ нѣсколькихъ англійскихъ миляхъ отъ города или отъ школы. При каждой прогулкѣ по странѣ мы встрѣтимъ группы юношей и взрослыхъ, разсѣянныхъ по обширному лугу. Изящные легкіе бѣлые или полосатые фланелевые костюмы, удары энергично размахиваемыхъ ракетокъ о твердые мячи, безпрерывныя, но методическія движенія игроковъ, мягкій солнечный свѣтъ, деревья, холмы— все сливается въ одинъ прелестный образъ, въ который никому не придетъ въ голову вносить прикрасы. Если мы предпримемъ свою прогулку осенью или безснѣжной зимой, мы найдемъ мѣстность оживленной играющими въ футболлъ. Двѣ группы юношей въ фланелевыхъ костюмахъ различнаго цвѣта дѣйствуютъ другъ противъ друга, какъ двѣ враждебныя арміи до изобрѣтенія пороха. Идетъ безпрерывная свалка. Хорошимъ ударомъ ноги мячъ подброшенъ высоко въ воздухъ, онъ описываетъ надъ лугомъ длинную дугу. Тотчасъ за нимъ устремляется очевидно по установленнымъ законамъ игры вся масса играющихъ, чтобы продолжать жаркую свалку тамъ, гдѣ онъ упадетъ. Небо сѣрое, воздухъ влаженъ отъ тумана, земля размягчена и каждый игрокъ сверху до низу обрызганъ грязью. Эта картина конечно не такъ привлекательна и свалка иногда принимаетъ грубый характеръ, но нужно быть исполненнымъ предразсудковъ, чтобы не удивляться бодрому, веселому настроенію и не оцѣнить подлиннаго увлеченія, съ какимъ молодые люди въ свѣжіе холодные дни часами толпятся, играя на грязномъ лугу.

Ужъ изъ того, какъ много вниманія удѣляютъ спорту газеты, можно видѣть, какое важное мѣсто въ интересахъ англичанъ занимаетъ крикетъ и футболлъ. Большіе города имѣютъ ежедневныя изданія, посвященныя спорту;

а еженедѣльныхъ изданій, которыя занимаются вопросами спорта, — цѣлый легіонъ. Ни одна политическая газета большая или маленькая не можетъ не печатать длинныхъ отчетовъ о партіи въ крикетъ или футболлъ, составляющихъ событіе дня. Къ спорту относятся такъ же серьезно, какъ и къ вопросамъ политики. Иногда трудно рѣшить, есть ли какая-нибудь разница въ степени интереса, съ какимъ другой англичанинъ просматриваетъ извѣстія о важнѣйшихъ парламентскихъ преніяхъ и пробѣгаетъ отчетъ о большомъ ежегодномъ состязаніи въ крикетъ.

Иногда дѣйствительно склоненъ повѣрить, что у англичанина политика превращается въ спортъ, а спортъ въ политику. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ величайшихъ недостатковъ въ Англіи занятія спортомъ. Онъ часто превращается въ дикое безсмысленное соперничество, которое вмѣсто того, чтобы укрѣплять и совершенствовать тѣло, губитъ его или чрезмѣрно и односторонне развиваетъ. Основная мысль спорта — физическій отдыхъ и развитіе, покой послѣ однообразной служебной дѣятельности и общеніе съ природой совершенно теряется и спортъ превращается въ какую-то лихорадочную манію соперничества; въ такомъ видѣ онъ вовсе не составляетъ освѣжающаго перерыва среди той нервной маніи соперничества, на которое обрекаетъ въ такой степени современнаго англичанина ежедневная борьба за существованіе. Впрочемъ игра въ крикетъ и футболлъ отчасти превратилась въ какое-то цирковое ремесло, которымъ занимаются спеціалисты своего дѣла и которому удивляется толпа людей, ищущихъ сильныхъ ощущеній, а не поклонниковъ спорта. Напротивъ, прекрасно и для внутренней связи великой колоніальной имперіи полезно, что англійскіе спортивные клубы часто ѣдутъ далеко за море, чтобы помѣряться силами со своими товарищами въ колоніяхъ (Австраліи, Новой Зеландіи, Канадѣ), которые въ свою очередь ѣдутъ

Рис. 20. Замокъ на озерѣ въ Шотландіи.

съ тѣми же цѣлями въ метрополію. Этотъ обычай—дальнѣйшее развитіе стариннаго англійскаго обычая устраивать ежегодно состязанія во всевозможныхъ физическихъ упражненіяхъ между университетами и провинціями.

Извѣстна желтая лихорадка, но читатель, можетъ быть, никогда не слыхалъ о «синей» лихорадкѣ. Это болѣзнь, которая свирѣпствуетъ въ Англіи со второй недѣли великаго поста и достигаетъ высшей степени развитія наканунѣ вербнаго воскресенья, послѣ чего она исчезаетъ словно по волшебству до слѣдующаго года. Причина этой эпидеміи университетскія лодочныя гонки, борьба между синими Оксфорда и голубыми Кембриджа. Какъ только противники начинаютъ готовиться къ борьбѣ, появляется лихорадка. Весь міръ, кажется, затронутъ заразой, начиная съ мальчика въ мясной лавкѣ, обсуждающаго со своимъ товарищемъ шансы соперниковъ въ то время, когда кухарки ждутъ своихъ бифштексовъ и котлетъ, начиная съ извозчиковъ, которые украшаютъ свои бичи цвѣтомъ любимаго университета, до молодой свѣтской барышни, которая разсчитываетъ по случаю состязанія пополнить свою коробку съ перчатками и которая говоритъ своей матери, обнимая ее: «мама, не грѣхъ ли молиться о томъ, чтобы Оксфордъ побѣдилъ?» По мѣрѣ того какъ приближается день гонокъ, пульсъ пацієнта бьетъ скорѣе и въ вербную субботу наступаетъ бредъ. Это состязаніе на водѣ производитъ на Джона Буля то же дѣйствіе, что́ и скачки. Съ женой и дѣтьми онъ устремляется на берега Темзы, какъ черезъ нѣсколько недѣль онъ помчится на дюны Ипсома. Нѣкоторые думаютъ, что энтузіазмъ къ университетскимъ гонкамъ уменьшается, но смотря на огромныя массы людей, которые тѣснятся на берегу, этому трудно повѣрить. Вечеромъ побѣдители и побѣжденные собираются на большой банкетъ, гдѣ они вознаграждаютъ себя за лишенія, которымъ они подвергались во время подготовки къ состяза-

нію. Но какъ наверстать время, потерянное для занятій? Объ этомъ они меньше всего безпокоятся.

Не менѣе знамениты въ Англіи состязанія въ крикетъ между двумя аристократическими школами Итона и Гэрроу. Эта игра, можетъ быть, еще болѣе имѣетъ право называться національной, чѣмъ футболлъ. Игра состоитъ въ томъ, что бойцы каждой партіи, состоящей изъ 11 человѣкъ, стараются повалить ворота противника посредствомъ мяча, ударяемаго особой колотушкой, и возможно больше разъ пробѣжать взадъ и впередъ разстояніе между обоими воротами. Игра эта небезопасна. Мячи очень тверды и когда они брошены съ силой, могутъ причинить даже увѣчья, поэтому играющіе защищаютъ себѣ ноги и руки особыми приспособленіями. Вотъ почему можетъ быть раньше въ крикетъ играли только мужчины. Но женщина завоевываетъ въ Англіи настойчиво свои права. Теперь прекрасный и слабый полъ пріобрѣлъ себѣ право бороться съ сильнымъ поломъ въ благородной игрѣ крикета. Въ первый разъ это происходило на площадкѣ Паддингтона. Партія красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько актрисъ, любимицъ публики, держа въ своихъ рукахъ, прикрытыхъ особыми перчатками, колотушки самаго усовершенствованнаго фасона вызвали на бой молодыхъ людей. Они приняли вызовъ по-рыцарски. Чтобы уравнять силы, они отказались пользоваться колотушками, замѣнивъ ихъ ручками отъ метелъ, которыя они взяли въ лѣвыя руки. При такихъ условіяхъ было нелегко попасть на лету въ маленькіе мячи и послать ихъ къ тѣмъ, кто ихъ метнулъ. Несмотря на эти невыгоды, молодые люди должны были развить чудеса ловкости, чтобы въ концѣ концовъ дать себя побить своимъ милымъ противникамъ.

Ипсомскія скачки.

Ипсомскія скачки! Могу ли я, живя среди Лондона и дыша его атмосферою, говорить съ вами о чемъ-нибудь другомъ? Кто теперь станетъ интересоваться тѣмъ, что на этой недѣлѣ была новая стычка между оппозиціей и министерствомъ; что существованіе министерства было одно мгновеніе подъ сомнѣніемъ? Шансы тѣхъ, которые стараются идти впередъ, опасенія тѣхъ, которые хотятъ остаться, палата лордовъ, палата общинъ, интересъ платящихъ подати, политика... до всего этого мало теперь дѣла! То, что теперь составляетъ вопросъ дня; то, отъ чего англичане уже вѣсколько дней, какъ въ лихорадкѣ; то, что доставило мнѣ удовольствіе видѣть одного изъ моихъ друзей изъ глубины Ирландіи; то, что заставило другого моего друга написать ко мнѣ изъ Манчестера: «достаньте мнѣ во что бы то ни стало мѣсто на верху какого-нибудь омнибуса»; то, о чемъ говоритъ каждый, забывая обо всемъ остальномъ въ мірѣ; то, что здѣсь называется «великимъ событіемъ»,—это, выражая все однимъ словомъ, дерби.

Во вторникъ вечеромъ къ моей двери подошелъ человѣкъ, покрытый рубищемъ. Онъ несъ нѣсколько цвѣтовъ въ корзинѣ и умолялъ меня купить ихъ у него. Видъ этого человѣка тронулъ меня. Лицо его было такъ блѣдно, голосъ такъ печаленъ, глаза такіе умоляющіе! Безъ сомнѣнія, онъ оставилъ дома больную старуху мать, жену и дѣтей, нуждающихся въ кускѣ насущнаго хлѣба? Онъ сказалъ мнѣ: «Увѣряю васъ, сударь, у меня нѣтъ ни гроша, а между тѣмъ завтра скачки». Возможно ли отказать такой трогательной просьбѣ?

Дѣйствительно, въ Англіи дерби всеобщій праздникъ,

праздникъ по преимуществу, праздникъ вѣчно неизмѣнный и вѣчно новый, который заставляетъ на одинъ день жить одною жизнью сильныхъ и слабыхъ, лордовъ и ихъ лакеевъ, знатныхъ дамъ и уличную торговку плодами, государственныхъ мужей, нищихъ, разслабленныхъ, ханжей и вольнодумцевъ, мудрыхъ и глупыхъ, словомъ, какъ выражаются здѣсь, «весь свѣтъ и его жену». На этотъ день прощай дѣла, работы и заботы, споры и самолюбія, кажется, надо прибавить, прощай любовь! Парламентъ отдыхаетъ, то же дѣлаетъ Сити, банкъ, лавки. Литераторъ оставляетъ свое перо, художникъ—свои кисти, служанка—свою щетку, миледи—свой только-что начатый романъ; ходатай по дѣламъ покидаетъ на время свою добычу, политики предоставляютъ земному шару вращаться безъ всякаго ихъ вмѣшательства.

Я увѣренъ, что древніе греки не придавали играмъ, праздновавшимся въ Коринфѣ, большей важности, нежели сколько придаютъ англичане ипсомскимъ скачкамъ. Во всякомъ случаѣ другое время, другіе нравы. Соотечественники Перикла отправлялись на истмійскія игры смотрѣть людей, оспаривавшихъ другъ у друга первенство въ борьбѣ, въ прыганьѣ, въ метаніи диска, дротика, въ музыкѣ и поэзіи; соотечественники лорда Пальмерстона отправляются смотрѣть конскую скачку и ѣдятъ холодную телятину, потому что какъ бы ни было велико мое желаніе идеализировать, я не могу пропустить этой неизбѣжной подробности. Дѣйствительно, нельзя не сознаться, что въ удовольствіяхъ этого дня главнѣйшую роль играетъ шампанское, содовая вода, эль, джинъ, съѣстные припасы, пріятные хлопоты везти, а затѣмъ пріятный трудъ освободиться отъ всего этого. Надо сказать правду, англичане ни въ чемъ не держатся теоріи искусства для искусства; и на конскихъ скачкахъ имъ болѣе всего нравится—страшно вымолвить—предлогъ, доставляемый этими скачками, выпить по-англійски и предаться патріотическому несваренію желудка. Это

отвѣтъ одному журналу, который третьяго дня не ограничился упрекомъ французовъ за ихъ военные смотры и испанцевъ за ихъ бой быковъ, но въ то же время поздравилъ англичанъ съ тѣмъ, что имъ доступны лишь благородныя страсти и что они даже въ выборѣ удовольствій имѣютъ превосходство надъ всѣми другими народами.

Какъ бы то ни было, Англія ожидала этого дня съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Болѣе чѣмъ за 8 дней до того не было ни одной чулочной лавки, передъ которой не развѣвались бы голубыя и зеленыя вуали, предназначенныя спасать лица щеголей прилавка отъ нападенія пыли и солнца; уже за нѣсколько дней до того костюмъ, необходимый для скачекъ, составлялъ одно изъ искушеній, выставленныхъ на показъ прогуливавшимся на Риджентъ стритѣ.

Наконецъ взошло солнце середы. До понедѣльника года стояла прекрасная; во вторникъ сдѣлалось пасмурно; даже въ среду утромъ небо казалось обложеннымъ облаками довольно дурного предзнаменованія. Но Провидѣніе покровительствуетъ скачкамъ, и еще задолго до полудня англійскій народъ вздохнулъ свободно, чувствуя себя въ безопасности отъ страшнаго національнаго бѣдствія: дождливаго дерби.

Въ день бѣговъ Лондонъ не въ Лондонѣ, безъ сомнѣнія и я отправился вслѣдъ за нимъ въ Ипсомъ, находящійся въ 22 километрахъ отъ главнаго города.

Въ Ипсомъ ведутъ нѣсколько дорогъ: совершенно такъ, какъ въ Римъ. Упражняющійся въ искусствѣ для искусства, т.-е. тѣ, которые любятъ въ скачкахъ самыя скачки и не въ состояніи оцѣнить прелестей національнаго путешествія, отправляются по желѣзной дорогѣ до Кингстона, но оттуда полями достигаютъ обѣтованной земли, или въ экипажахъ, если они имѣютъ экипажъ и выслали его ожидать ихъ тамъ, или въ какой-нибудь повозкѣ, за которую

должны заплатить очень дорого, или же пѣшкомъ, если небольшой моціонъ полезенъ для ихъ здоровья или для ихъ кошелька.

Въ Кингстонѣ высаживаются пассижиры второго и третьяго класса, чтобы бодро пройти пѣшкомъ сначала по проложенной дорогѣ, а потомъ прямо по полю. Поистинѣ храброе предпріятіе, потому что при этомъ принимаютъ участіе солнце и пыль. Васъ безпрестанно останавливаютъ неумолимые мальчишки, которые безпокоятъ васъ обычнымъ: «помните о скачкахъ». Достигнувъ полей, вы еще не освободились отъ всѣхъ неудобствъ. Тамъ бодрствуютъ съ обѣихъ сторонъ тропинки суровые караульщики въ штиблетахъ, вооруженные длинными хлыстами, люди положительные, недоступные соблазнамъ вашей улыбки, противопоставляющіе легкимъ стрѣламъ эпиграммъ, посылаемымъ имъ проходящею толпою, непроницаемость кожи древнихъ щитоносцевъ. Берегитесь отойти въ сторону за какимъ-нибудь одуванчикомъ или горе вамъ!

Чтобы вполнѣ воспользоваться всѣми удовольствіями этого дня, чтобы вдохнуть въ себя все его опьяненіе, чтобы понять всю его великость, надо отправиться по доброй старой дорогѣ, по той, по которой среди облаковъ пыли и подъ лучами майскаго солнца катится въ страшной сумятицѣ все, что движется или только можетъ двигаться на колесахъ: экипажи въ четыре лошади, кабріолеты, омнибусы, фіакры, тильбюри, быстрые фаэтоны, хромоногія двухколесныя телѣжки, походныя лавочки торговцевъ инбирнымъ пивомъ, тяжелыя повозки, подвижные магазины съѣстныхъ припасовъ, фургоны, наполненные громко хохочущими молодцами и предающимися веселью юными болтуньями.

И надо видѣть, какъ весь этотъ людъ движется, поетъ, проклинаетъ, угрожаетъ своему сосѣду, подсмѣивается надъ всѣмъ, забываетъ обо всемъ въ мірѣ и чувствуетъ себя

счастливымъ! Здѣсь полное торжество демократіи. Я полагаю, что въ ряду вещей, служащихъ къ уравниванію людей, дерби занимаетъ третье мѣсто послѣ любви, этого случайнаго уравнителя, и смерти.

На пути къ Ипсому шарабаны и коляски находятся въ отношеніяхъ такого добраго сосѣдства, между всѣми этими путешественниками и путешественницами такъ много общаго въ привлекающемъ ихъ спектаклѣ, что даже герцогиня привѣтливо улыбается, проѣзжая мимо плебейки съ румяными щеками, которая съ высоты своего катящагося трона такъ фамильярно кланяется ей. Есть только двѣ вещи въ этомъ мірѣ, научающія равенству: во-первыхъ, великія скорби и затѣмъ великія радости.

Понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ стремленіе въ Ипсомъ громадно; въ нынѣшнемъ году можно сказать, что оно было страшно. Ничто не можетъ быть величественнѣе вида равнины послѣ полудня. Я не помню, чтобы мнѣ гдѣ-нибудь приходилось видѣть подобный муравейникъ человѣческихъ существъ. Количество головъ, тѣснившихся по обѣ стороны поля скачекъ, превышаетъ всякій разсчетъ. Такъ какъ плата въ 10 шиллинговъ за входъ составляла слабое препятствіе для доступа во святилище, извѣстное подъ именемъ great Stand, то столовыя залы въ самое короткое время были наводнены и переполнены гастрономами, между тѣмъ, какъ снаружи скамейки гнулись подъ тяжестью зрителей и зрительницъ. Противъ, на холмѣ стояла такая масса каретъ, что мнѣ было бы очень трудно дать вамъ понятіе о ней. Созерцаемое издали, все это представляло чудную и поистинѣ грандіозную картину.

Я находился въ верхнихъ скамьяхъ Great Stand — во время первой скачки, въ которой побѣдителемъ остался Уэддингъ. — «Лошадь барона Нивьера», воскликнулъ я въ патріотической слабости, которая была бы понятна вамъ, если бы вы находились за границей. «Франція! да здрав-

ствуетъ Франція!» Окружавшіе меня англичане улыбались и поздравляли меня съ такой полнаго добродушія привѣтливостью, какъ если бы я былъ ни болѣе ни менѣе, какъ владѣтель одержавшей побѣду лошади.

Однако эта первая скачка была не болѣе, какъ небольшое развлеченіе въ ожиданіи главнаго зрѣлища. Я спустился внизъ и, между тѣмъ какъ мѣстные диллетанты спѣшили тѣсными группами къ оградѣ, за которую вводили лошадей, предназначаемыхъ къ состязанію на главный призъ, я, какъ безпристрастный наблюдатель, отправился на находящійся противъ Grand Stand холмъ бродить вдоль рядовъ покрывающихъ его каретъ. На этихъ каретахъ — по большей части отложенныяхъ, раскрытыхъ и уже обращенныхъ въ маленькія залы пиршества,—рои русыхъ дочерей Альбіона, окруженныхъ прислуживавшими имъ изящными кавалерами, уже для подкрѣпленія себя противъ волненій отъ приближающейся скачки предавались тому потребленію холодныхъ пулярокъ, паштетовъ изъ голубей, ветчины, салату, которое составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ ипсомскихъ скачекъ; изумительно было видѣть, съ какою быстротою опоражнивались всюду корзины съ провизіей; еще изумительнѣе казалась неустрашимость, съ какой красота атаковала шампанское.

Кругомъ насъ вперемежку съ отдыхающими лошадьми, неизбѣжныя цыганки съ головами, обернутыми желтыми и красными платками, подстерегали мгновеніе, когда миссъ такая-то пожелаетъ узнать день своей свадьбы и сколько у ней будетъ дѣтей. Здѣсь слѣпецъ читаетъ Библію, тамъ фокусникъ проглатываетъ цѣлыя стопы бумаги: тонкій намекъ на предметъ недавнихъ парламентскихъ преній; дальше два боксера ради шутки напоминали бѣшенымъ обмѣномъ кулачныхъ ударовъ тотъ бой Сейра и Гинана, который нѣсколько времени тому назадъ такъ соблазнительно дѣйствовалъ на страсти Англіи и Америки.

Ипсомскія скачки не могутъ обойтись безъ ужаснѣйшаго шума; это ужъ общее правило. На этотъ разъ содомъ различныхъ инструментовъ былъ оглушителенъ до невозможности. Я видѣлъ, какъ маленькія бѣдныя дѣвочки, не болѣе семи лѣтъ отъ роду дули въ кларнеты. Быть столь юными и уже вынужденными зарабатывать себѣ право на жизнь! Одна изъ любимѣйшихъ тамошнихъ забавъ, самая модная забава состоитъ въ сбиваніи палками другихъ палокъ, воткнутыхъ въ землю и имѣвшихъ на верхушкѣ отвратительныя фигуры. Горе проходящему слишкомъ близко отъ предающихся этому пріятному развлеченію! Шляпѣ моей суждено было получить страшный ударъ и, само собою разумѣется, что голова моя была въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ шляпою.

Скачки представляютъ благодарное поле для наблюденій, потому что всевозможныя разновидности нашего рода здѣсь налицо, сближены до того, что ихъ всѣхъ можно окинуть однимъ взглядомъ отъ юнаго лорда, возбуждающаго удивленіе своею упряжью, до жонглера, возбуждающаго удивленіе своими продѣлками; отъ знатной дамы, выставляющей на показъ свои кружева, до цыганки, выставляющей на показъ свои рубища; отъ ростовщика, дрожащаго отъ страха не заснуть милліонеромъ, до нищаго, который счастливъ, если долженъ нѣсколько пенсовъ; отъ кокетки съ нарумяненными щеками до негровъ поддѣльной кожи! Точно такъ же, если только въ это время можно было философствовать, то не было недостатка въ матеріалахъ для грустныхъ размышленій, потому что здѣсь съ чрезвычайной рельефностью выказывались всѣ самые поразительные контрасты, представляемые новѣйшей цивилизаціей.

Но вотъ раздается звонъ колокола. Свѣсили жокеевъ. Сейчасъ начинается главная скачка. Состязающіяся лошади направлены отъ ограды, за которою имъ производили смотръ любители, къ исходной точкѣ. Онѣ въ числѣ восемнадцати,

между которыми былъ французскій конь, принадлежащій графу Лагранжу. Но увы! этотъ конь не былъ ни первымъ, ни вторымъ любимцемъ. Голоса знатоковъ и симпатіи толпы предназначали побѣду или Дёнди или Діофантусъ, въ особенности послѣднему. Итакъ, Дёнди и Діофантусъ — вотъ кому принадлежали главныя роли въ пари.

Поднялась страшная суматоха. Полисмены прогнали съ мѣста бѣга множество шатавшихся на немъ зѣвакъ. Со всѣхъ сторонъ раздался крикъ: «шапки долой!» Всѣ взоры направились въ одну точку. Сигналъ поданъ. Начинается; двинулись.

Я не стану вамъ разсказывать подробностей этой достопамятной скачки; но умолчать объ одной изъ нихъ мнѣ не дозволяетъ національная гордость. Нѣсколько времени нашъ соотечественникъ былъ въ числѣ самыхъ передовыхъ и достойно поддерживалъ честь Франціи, какъ вдругъ, о, злополучіе! не знаю, на которомъ поворотѣ одинъ изъ его сотоварищей толкаетъ его, сбиваетъ съ ходу и оставляетъ его позади слѣдовавшаго за нимъ Дёнди. Не вслѣдствіе ли этого несчастнаго приключенія французскій конь не прибылъ первымъ?

Я не буду утверждать этого, но безъ всякаго патріотическаго преувеличенія имѣю право предположить, что, не случись этого, онъ не оказался бы шестымъ. Наконецъ побѣдилъ... Дёнди? нѣтъ. Діофантусъ? тоже нѣтъ. Оба любимца прибыли послѣ лошади, хотя очень сильной и красивой, но занимавшей очень невысокое мѣсто въ спискѣ державшихъ пари. Таковы случайности войны!

Изумленіе было сильное, когда узнали, что пальма первенства досталась не Дёнди, но послѣ первыхъ минутъ оцѣпенѣнія, на всѣхъ устахъ было имя Кетльдрёмъ и на полковника Таунли, владѣтеля Кетльдрёма, посыпались поздравленія, тѣмъ болѣе заслуженныя, что, появившись недавно на поприщѣ конскихъ ристалищъ, онъ уже успѣлъ

отличиться между всѣми конскими заводчиками ревностью и безкорыстіемъ своего усердія въ улучшеніи лошадиной породы. Такъ какъ барышъ не былъ цѣлью полковника Таунли, то онъ никогда не держалъ пари. Самая большая ставка, на какую онъ когда-либо отваживался, была та, которую ему выигралъ Кетльдрёмъ; она не превышала 20.000 рублей,—сумма, считаемая на этихъ скачкахъ ничтожною.

Любопытно замѣтить, что эта скачка продолжалась только двѣ минуты и сорокъ пять секундъ. Въ этотъ вѣкъ изобрѣтеній, стремящихся къ тому, чтобы уничтожить время и пространство, лошади, какъ видите, не остаются назади и обѣщаютъ быть достойными соперниками пара.

Вотъ, милостивый государь, исторія этого «дня дней». Но какъ была бы она не полна, если бы я не сказалъ вамъ нѣсколько словъ о возвращеніи со скачекъ! Отправляться въ Ипсомъ — удовольствіе; возвращеніе же оттуда представляетъ еще нѣчто другое! Пусть всѣ, которые считаютъ англійскій народъ важнымъ, холоднымъ, флегматичнымъ, придутъ посмотрѣть, что въ это время дѣлается на дорогѣ и что составляетъ предметъ любопытства для всѣхъ облѣпившихъ окна находящихся на этой дорогѣ домовъ.

Какое переполненіе жизни! Какое гремящее веселье! Какая полная распашка! Какая готовность слѣдовать самымъ смѣлымъ внушеніямъ шампанскаго или «пріятнаго эля!» Васъ толкаютъ, указываютъ на васъ пальцемъ, бранятъ, забрасываютъ братски язвительными насмѣшками и рѣпою; здѣсь нелѣпъ каждый, не потерявшій разсудка, и милъ каждый, не мертвецки пьяный.

Ахъ! я и забылъ сказать то, съ чего долженъ былъ бы начать: въ ипсомскихъ скачкахъ замѣчательно то, что онѣ располагаютъ всѣхъ къ благотворительности и что онѣ открываютъ кошельки столько же, сколько и сердца. Возвратясь домой, я вспомнилъ о тѣхъ деньгахъ, какія видѣлъ

раздаваемыми отверженнымъ міра сего, и заснулъ съ мыслью, что по крайней мѣрѣ въ этотъ вечеръ множество бѣдняковъ имѣли, на что поужинать!

Физическое воспитаніе въ англійской школѣ.

Я почти два года училась въ одной закрытой англійскоіі школѣ. Гигіеническія условія въ нашей школѣ были безусловно очень хорошія. Мы не знали совсѣмъ, что такое затхлыіі, непровѣтренный воздухъ. Спали всегда при открытыхъ окнахъ, и зимой и лѣтомъ. Это было совершенно обязательно. Во всѣхъ классахъ почти постоянно были отворены окна, а если ихъ при низкой температурѣ и закрывали иногда, то провѣтривали классъ основательно послѣ каждаго урока. Въ комнатахъ, гдѣ мы учили уроки, закрывали окна только на ночь и обыкновенно открывали не одно окно, а всѣ — два или три. Сквозного вѣтра не боялись, а смотрѣли на него, какъ на нѣчто благотворное, способствующее очищенію воздуха. Въ общихъ спальняхъ отворялись на ночь 12 оконъ одно противъ другого, такъ что иногда дулъ такой вѣтеръ, что у насъ взлетали одѣяла (въ классахъ отъ сильнаго движенія воздуха часто прыгали картины на стѣнахъ).

Всѣ классныя помѣщенія были очень просторны, а между тѣмъ самое большое число ученицъ въ классѣ было 18, слѣдовательно на каждую приходилось очень много воздуха.

Ученицы дѣлали много движенія на свѣжемъ воздухѣ: играли три раза въ недѣлю въ подвижныя игры, не считая

субботъ; передъ занятіями гуляли скорымъ шагомъ; между уроками 10 минутъ маршировали на дворѣ, а послѣ обѣда гуляли $1^1/_2$ часа. Въ школу и обратно въ дома, гдѣ мы жили, проходили по двору, слѣдовательно и тутъ провѣтривались.

О физическомъ воспитаніи учащихся очень заботились: слѣдили за тѣмъ, чтобы всѣ принимали участіе въ подвижныхъ играхъ, непремѣнно дѣлали гимнастическія упражненія, занимались по утрамъ маршировкой и совершали прогулки. Всему этому придавали такое же значеніе, какъ и ученью. Ученицы, державшіяся не совсѣмъ прямо, должны были послѣ обѣда лежать на полу, на спинѣ. Слабыя должны были ежедневно заниматься спеціальными гимнастическими упражненіями съ учительницей. Въ началѣ и въ концѣ каждаго триместра ученицъ взвѣшивали: обыкновенно замѣчалось увеличеніе вѣса, и только лѣтомъ нѣкоторыя теряли въ вѣсѣ.

За чистотой слѣдили тоже—незамѣтно, но пристально и строго. Каждая ученица обязана была въ теченіе недѣли брать одну ванну вечеромъ и одну или двѣ теплыя ванны по утрамъ. Расписанія ваннъ висѣли въ дортуарахъ, и старшая въ дортуарѣ слѣдила за тѣмъ, чтобы ученицы брали свои ванны. Кромѣ того, каждое утро всѣ обязаны были совершать въ своихъ комнаткахъ омовенія холодной водой съ мыломъ въ круглыхъ жестяныхъ ваннахъ, которыя у каждой стояли подъ кроватью. Старшая въ дортуарѣ, обязанная слѣдить за тѣмъ, чтобы это дѣйствительно выполнялось, прислушивалась къ плеску воды въ ваннахъ. Разрѣшеніе не брать ванны, напримѣръ—по слу̀чаю простуды, исходило отъ нея или отъ няни. Послѣ игръ должны были немедленно мѣнять бѣлье и вытираться досуха, а послѣ матчей принимавшія въ нихъ участіе должны были брать теплыя ванны. Головы мыли три раза въ триместръ, группируясь по четыре сразу. Зимой сушили волосы у

каминовъ: няня при этомъ помогала и слѣдила за тѣмъ, чтобы не ложились въ постель съ влажной головой.

Питаніе было вполнѣ достаточное, только лѣтомъ ложились иногда послѣ прогулки немного голодными. За каждымъ обѣдомъ и зимой и лѣтомъ давали овощи и компотъ. Считали обильные утренніе завтраки необходимыми для успѣшныхъ занятій. Нѣкоторые родители немного приплачивали, и тогда ихъ дочерямъ каждый вечеръ давали фрукты, которые онѣ по утрамъ съѣдали въ общихъ спальняхъ.

Доктора при заболѣваніяхъ призывали довольно скоро. Малокровнымъ онъ обыкновенно прописывалъ рыбій жиръ или особенный препаратъ изъ ячменя. Я не видѣла, чтобы въ этихъ случаяхъ принимали желѣзо. Какъ подкрѣпляющее, былъ нерѣдко въ ходу портвейнъ съ примѣсью особеннымъ образомъ приготовленнаго мясного сока; его выпивали разъ въ день по маленькой рюмочкѣ.

Разъ въ триместръ пріѣзжала въ школу женщина-врачъ и черезъ разъ осматривала каждую ученицу подробнѣйшимъ и тщательнѣйшимъ образомъ, не исключая глазъ, ушей и носовой полости. Лекарствъ она обыкновенно не прописывала, но назначала укрѣпляющіе препараты и довольно часто—особыя гимнастическія упражненія, напр., для ногъ или для спины. Подвергаться этому осмотру должны были всѣ безъ исключенія,—развѣ что освобождалась иная, имѣющая свидѣтельство другого врача о произведенномъ во время каникулъ осмотрѣ.

О переутомленіи не могло быть и рѣчи даже передъ экзаменами, такъ какъ строжайшимъ образомъ воспрещалось заниматься больше положеннаго времени. Въ дортуары не смѣли заносить ни одной книги,—это строго преслѣдовалось, притомъ и свѣтъ тушили ровно въ 10 часовъ. Каждая имѣла для сна отъ 9-ти до 10-ти часовъ. До прихода горничной вставать было запрещено.

Въ нашей школѣ, какъ вообще во всѣхъ англійскихъ

Рис. 21. Высокій берегъ въ Ирландіи.

школахъ, много времени и вниманія удѣляли подвижнымъ играмъ. Изъ такъ называемыхъ «капитановъ» образовывался комитетъ для игръ, подъ предсѣдательствомъ учительницы гимнастики, а средства добывались изъ членскихъ взносовъ, обязательныхъ для всѣхъ ученицъ въ школѣ, принимающихъ участіе въ играхъ, и вносимыхъ въ началѣ каждаго триместра въ размѣрѣ 2 шиллинговъ 6 пенсовъ съ каждой.

Въ теченіе зимняго и весенняго триместра играли въ хоккей, а лѣтомъ—въ крикетъ и тенисъ. Для игръ было три поля, окаймлявшихъ школу непосредственно съ двухъ сторонъ. На средства школы они поддерживались въ порядкѣ садовникомъ: онъ сажалъ газоны и укатывалъ ихъ. Эти поля очень берегли и въ дождливую погоду поэтому никогда не играли.

Въ каждомъ «домѣ», въ которомъ жили ученицы, подъ предсѣдательствомъ своего «капитана» была своя команда, состоящая изъ 11 человѣкъ. Ученицы всегда очень желали попасть въ эту команду; ихъ назначалъ «домашній капитанъ» и указывалъ имъ, какой постъ въ игрѣ каждая должна занимать. Для всей школы въ совокупности были кромѣ того составлены двѣ сборныя команды изъ лучшихъ игроковъ «домашнихъ» командъ: команда № 1 и команда № 2—получше и похуже. Этими сборными командами предводительствовалъ «главный капитанъ» для игры. Члены этихъ сборныхъ командъ нашивали на кармашекъ своихъ блузъ для игръ значокъ съ обозначеніемъ номера команды. Попасть въ сборную команду было мечтой почти каждой ученицы. Избиралъ ихъ комитетъ, состоящій изъ капитановъ. Попавшія въ команду гордились этимъ несказанно и съ радостью нашивали свой значокъ на блузу. Когда приходило время назначенія ученицъ въ команды, вся школа волновалась, особенно же тѣ дѣвицы, которыя предполагали, что ихъ кандидатура на очереди. Въ виду такого

сильнаго желанія попасть въ команды, ученицы ревностно играли и постоянно упражнялись, желая совершенствоваться. Присутствовала на играхъ и давала указанія учительница гимнастики.

Какъ я уже говорила выше, каждая ученица была обязана принимать участіе въ подвижныхъ играхъ три раза въ недѣлю, кромѣ субботы. Въ эти дни главную роль играло именно упражненіе и усовершенствованіе, и учительница гимнастики руководила играми какъ бы во время урока.

По субботамъ же играли, какъ хотѣли и только, если хотѣли.

Во время весенняго триместра, по субботамъ, происходили три матча въ хоккей между «домами». Жребій рѣшалъ, кому надо было играть противъ кого, и побѣдители сражались потомъ между собой. Окончательно побѣдившій «домъ» получалъ серебряный кубокъ, который переходилъ изъ «дома» въ «домъ» ежегодно и на которомъ каждый годъ вырѣзали названіе выигравшаго дома. Лѣтомъ происходили такіе же матчи въ крикетъ, и выигравшія тоже получали кубокъ. Кубки красовались въ столовой на каминѣ.

Передъ этими матчами во всей школѣ царило цѣлыми недѣлями неописуемое волненіе. Каждый «домъ» становился гораздо болѣе сплоченнымъ, а связи съ другими «домами» ослабѣвали и дружескія чувства охлаждались. Съ яростью готовились къ этимъ матчамъ, и иногда команды играли съ такимъ увлеченіемъ и пыломъ, что учительницамъ приходилось вмѣшиваться во избѣжаніе пораненій (изрѣдка случалось, что какая-нибудь ученица покидала поле съ сильнымъ ушибомъ). Судьями во время матчей были капитаны обоихъ домовъ, не принимавшихъ участіе въ игрѣ. Онѣ должны были держать себя строго безпристрастно. На матчахъ присутствовала вся школа, не исключая учительницъ и начальницы (очень обижались, когда какая-нибудь

изъ ученицъ, напр., иностранка, предпочитала идти гулять). Всѣ проявляли небывалый интересъ, волновались, кричали ура, когда ихъ «домъ» одерживалъ побѣду и яро аплодировали.

Передъ матчами въ теченіе 6 недѣль входившія въ составъ командъ ученицы подвергались особому режиму: по утрамъ вмѣсто хлѣба получали сухари, вмѣсто масла и патоки по апельсину; за обѣдомъ не ѣли пуддинговъ. Особенно строго слѣдила за режимомъ начальница, такъ какъ она всегда больше всѣхъ желала, чтобы ея «домъ» одержалъ побѣду; она заставляла свою команду какъ можно больше упражняться и выражала свое неудовольствіе капитану, если команда терпѣла пораженіе.

Всѣ ученицы горой стояли за свой «домъ». Царило въ день матча приподнятое настроеніе. Къ чаю намъ давали что-нибудь особенно вкусное: пирожное, шоколадъ и т. д. Во время матчей ученицы сражающихся домовъ другъ съ другомъ не говорили.

Кромѣ этихъ, всепоглощающихъ матчей, по субботамъ очень любили устраивать матчи подъ разными предлогами, напр., между дортуарами, классами. Былъ неизбѣжный матчъ весной, въ день регатъ между Оксфордскимъ и Кэмбриджскимъ университетами, при чемъ сторонницы Кэмбриджа играли за Кэмбриджъ, а другія за Оксфордъ, и всѣ ученицы въ школѣ украшали себя лентами: голубыми—Кэмбриджъ или синими—Оксфордъ. Были матчи политическіе—между либералами и консерваторами и т. д.

Наша первая сборная команда ѣздила иногда—въ сопровожденіи учительницы гимнастики—сражаться со сборными командами другихъ школъ или обществъ, что̀ очень любили.

Въ тенисъ играли сравнительно мало, такъ какъ сильный вѣтеръ и дурныя мѣста не благопріятствовали этой игрѣ. Матчей въ тенисъ не было.

Въ Англіи установлены въ школахъ подвижныя игры не только ради развлеченія ученицъ. Имъ совершенно основательно придаютъ большое значеніе для физическаго воспитанія дѣвочекъ. Польза, приносимая однимъ часомъ такой игры, какъ хоккей, болѣе значительна, нежели отъ трехчасовой прогулки. Кромѣ того, при игрѣ развивается ловкость, подвижность, мѣткость удара, глазомѣръ и т. д. Дѣвочки, играющія въ игры, гораздо смѣлѣе, ловчѣе и бодрѣе тѣхъ, которымъ почему-нибудь врачъ запретилъ принимать въ нихъ участіе.

Подвижныя игры, какъ хоккей и крикетъ, имѣютъ большое воспитательное значеніе, такъ какъ пріучаютъ ученицъ играть дружно, заодно съ другими, имѣя въ виду общую цѣль, тогда какъ для личнаго тщеславія остается мало мѣста. Развивается желаніе взаимной помощи и каждая стремится, поддержавъ подругу, послужить общему дѣлу.

Однажды въ воскресенье, за вечернимъ богослуженіемъ учительница, замѣщавшая начальницу, прочла намъ проповѣдь, произведшую на насъ глубочайшее впечатлѣніе навсегда. Она говорила объ играхъ и проводила параллель между ними и жизнью: какъ въ играхъ, такъ и въ жизни постоянно приходится бороться противъ цѣлаго ряда противниковъ; жизнь—длинная борьба слабаго противъ сильнаго или равносильныхъ. Къ борьбѣ надо готовиться съ бодростью и энергіей, но съ добрымъ чувствомъ въ сердцѣ и безъ злобы къ противнику. Все вниманіе должно быть сосредоточено на служеніи общимъ интересамъ, а тщеславіе должно исчезать совершенно. Побѣдѣ надо радоваться, но относиться съ тактомъ къ побѣжденнымъ. Говорила она также, какъ надо проигрывать: уходить (въ крикетѣ) съ поля съ достоинствомъ, но не сердиться и не стыдиться,—личная неудача не должна удручать; для всѣхъ долженъ быть лозунгъ—исполнять до послѣдней минуты свой долгъ и стараться не для себя, а для всѣхъ, а неудачу переносить

храбро, бодро и весело,—тогда не будутъ имѣть мѣста мелкія чувства личныхъ интересовъ.

Въ заключеніе учительница обратила наше вниманіе на то, что слишкомъ часто интересъ къ играмъ переходитъ въ сплетни, осужденіе другъ друга и недобрые пересуды; слишкомъ часто во время матчей возникаетъ нѣчто вродѣ ненависти между «домами». Это—не цѣль игръ. Цѣль ихъ развивать мужество, энергію и готовность сплотиться для борьбы съ общимъ противникомъ.

Эта проповѣдь выражаетъ уже все то, что я могла бы сказать о воспитательномъ значеніи игръ. Она оказала вліяніе на манеру игры при матчахъ, которая значительно смягчилась; стали говорить объ играхъ меньше и съ болѣе высокой точки зрѣнія.

Весь духъ нашей школы выразился этою проповѣдью: трудиться и стараться для общей пользы, для добра, не думая о собственныхъ удобствахъ и интересахъ.

Эдистонскій маякъ.

Около береговъ Англіи въ разныхъ мѣстахъ очень много подводныхъ камней. Сколько тысячъ жителей и какое множество цѣнныхъ товаровъ поглотило море возлѣ этихъ камней! Частыя крушенія кораблей заставили англичанъ позаботиться о маякахъ, которыми Англія весьма изобилуетъ.

Въ 15 миляхъ отъ Плимута на подводной скалѣ вышиною въ 600 футъ со дна океана, совершенно покрываемой водою во время высокихъ приливовъ, стоитъ знаменитый Эдистонскій маякъ.

Маякъ этотъ выстроенъ въ 1759 г. въ видѣ башни вышиною почти въ 130 футъ и 23 фута въ поперечникѣ, свѣтящійся же приборъ расположенъ на высотѣ 143 футъ надъ уровнемъ моря во время высокихъ приливовъ. Первый разъ былъ выстроенъ на этомъ мѣстѣ маякъ въ 1693 г., но онъ простоялъ недолго: 7 лѣтъ спустя страшная буря сбросила башню въ море и бурныя волны смыли ее до основанія; но неутомимые англичане вскорѣ выстроили на мѣстѣ стараго маяка новый, который простоялъ однако всего около 50 лѣтъ, какъ его постигло новое несчастіе: онъ былъ до тла истребленъ страшнымъ пожаромъ, случившимся вѣроятно отъ оплошности сторожей, наблюдавшихъ за фонаремъ, потому что пожаръ начался съ вершины башни, съ того мѣста, гдѣ помѣщался свѣтящійся приборъ.

Англичане послѣ двукратной неудачи не упали духомъ и опять на томъ же самомъ мѣстѣ воздвигли въ 1759 г. новый маякъ, лучше и крѣпче всѣхъ предыдущихъ. И стоитъ теперь онъ гордо уже болѣе столѣтія, какъ бы насмѣхаясь надъ безполезными усиліями разсвирѣпѣвшаго океана — сбросить башню опять въ море. Дѣйствительно покажется удивительнымъ всякому, какъ до сихъ поръ стоитъ эта одинокая постройка; никакія усилія волнъ не производятъ въ ней ни малѣйшаго измѣненія, хотя у ея основанія неумолчно шумитъ свирѣпый бурунъ, а въ сильныя бури прибой волнъ бываетъ здѣсь до того силенъ, что гребни ихъ подымаются слишкомъ на 25 футовъ выше самаго маяка. Этотъ величественный взбросъ воды, обдающій Эдистонскій маякъ сверху до низу, представляетъ поистинѣ эффектную и изумительную картину! Можно себѣ представить силу удара волнъ, происходящаго на глубинѣ почти 90 саженъ подъ обрывомъ у Эдистона, когда онъ взбрасываетъ воду на высоту 188 футовъ надъ уровнемъ моря, поднимая при этомъ столбъ воды объемомъ отъ 70

до 100 тысячъ кубич. футовъ и вѣсомъ болѣе 200.000 пудовъ!

Имѣя въ виду эту страшную массу воды, падающей на одинокій маякъ, невольно удивляешься крѣпости постройки и съ гордостью думаешь, что человѣкъ побѣждаетъ даже стихіи своею удивительною настойчивостью, своимъ изобрѣтательнымъ умомъ.

На маякѣ для зажиганія спасительной лампы и для наблюденія, чтобы она постоянно горѣла чисто и ярко отъ захода до восхода солнца, живутъ два человѣка. Какая страшная отвѣтственность лежитъ на нихъ! Погасни по какой-нибудь оплошности фонарь и можетъ случиться кораблекрушеніе. Жизнь ихъ безотрадная: въ 15 миляхъ отъ берега проводятъ службу свою они среди бушующихъ волнъ, слушая постоянно завываніе вѣтра. Разумѣется, на такую должность выбираютъ людей высоконравственныхъ; они пользуются большимъ уваженіемъ народа; на нихъ смотрятъ, какъ на добровольныхъ изгнанниковъ, отдавшихъ всю жизнь свою на служеніе обществу.

Озеро Ломондъ.

При магическомъ вечернемъ освѣщеніи нашъ пароходъ отчаливаетъ отъ крутого скалистаго берега, поросшаго темнымъ лѣсомъ, деревья котораго отражаются въ водѣ, и мы устремляемся въ глубь озера. Слѣва идутъ одинъ за другимъ холмы съ куполообразными вершинами. Листья и мохъ залиты лучами вечерняго солнца, густыя тѣни раздѣляютъ прозрачныя очертанія отдѣльныхъ конусовъ и

скалъ, въ отдаленіи они рисуются легкими воздушными силуэтами въ желтоватыхъ, зеленоватыхъ, сѣрыхъ и голубоватыхъ тонахъ, переходящихъ другъ въ друга. Когда мы подходимъ ближе, то на легкомъ туманномъ фонѣ съ магической быстротой выступаетъ самый тонкій рисунокъ дерева, фантастическія жилки на скалахъ, цѣлый альбомъ ландшафтовъ, радуя нѣсколько времени глазъ, и потомъ столь же граціозно все принимаетъ опять неясныя очертанія, какъ въ сновидѣніи. Вѣрнѣе будетъ сказать, что эти явленія появляются и исчезаютъ, чѣмъ что они приближаются и удаляются. Но такъ какъ въ теченіе немногихъ минутъ дѣйствительное поле зрѣнія постоянно мѣняется вслѣдствіе безчисленнаго множества близкихъ предгорій и отдаленныхъ холмовъ, то эти легкія превращенія отдѣльныхъ предметовъ съ неожиданными измѣненіями сцены переходятъ въ какую-то очаровательную фантасмагорію, которая держитъ вниманіе въ самомъ пріятномъ напряженіи. Такъ у Тарбета неожиданно открывается прелестная альпійская долина съ чудными лужками, которая манитъ здѣсь остаться и идти по ней пѣшкомъ; по ту сторону между тѣмъ поднимается высокая гора, которая круто падаетъ въ озеро и представляетъ заманчивую горную прогулку. Однако черезъ четверть часа альпійская долина виднѣется лишь въ видѣ темной тѣни между холмами; освѣщенная солнцемъ Бенъ Ломондъ выростаетъ въ величественную гору, между нимъ и Штармиганомъ тянутся обширныя альпійскія долины (путь на вершину обозначается ясными извилинами мимо болѣе низкихъ холмовъ); гора-королева становится выше и прекраснѣе; плодородныя долины лежатъ между отрогами у ея подошвы, дикія ущелья—между скалистыми хребтами наверху; за серебристымъ водопадомъ, исчезнувшимъ за скалой, слѣдуетъ другой, сверкая изъ темнаго лѣса. И едва этотъ горный міръ въ возбуждающей смѣнѣ картинъ выступилъ во всемъ

своемъ великолѣпіи и величіи, озаренный блескомъ солнечныхъ лучей, подъ чистой лазурью, омываемый синими водами, берега озера къ югу какъ будто смыкаются и въ то же время дальнѣйшіе холмы рисуютъ новыя видѣнія. Озеро расширяется, то опять суживается. Кажется, что лѣсъ спускается съ холмовъ и его темные листья плаваютъ по озеру. Какъ мечта, проносится тѣнистый островъ мимо мягкихъ воздушныхъ очертаній противоположнаго берега. Вдругъ озеро въ три, четыре, пять разъ увеличивается въ ширину; берега, которые мы до сихъ поръ охватывали однимъ взглядомъ, убѣгаютъ въ обѣ стороны и кончаются тамъ гдѣ-то далеко. Не два и не три, а цѣлая дюжина островковъ лежитъ теперь у насъ на пути: настоящія бесѣдки, садики, памятники, покрытые мхомъ, маленькіе лѣски, милыя пастбища. Съ каждымъ дыханіемъ машины измѣняется сцена, то, что было впереди, приближается настолько, что можно разсмотрѣть каждый отдѣльный стволъ дерева, а отдаленные холмы опять создаютъ новую пеструю волшебную картину. Плавая въ золотѣ заходящаго солнца, островки манятъ насъ въ свои рощи. Берегъ отдѣляется отъ берега, островъ обособляется отъ острова, какъ въ сказкѣ проносятся они мимо насъ, покрытые полосами золота, но вотъ послѣдній лучъ солнца пылаетъ на вершинѣ роскошныхъ вѣтвей, и островки, какъ видѣнія, тихо тонутъ въ синихъ водахъ озера. Однако Бенъ Ломондъ блеститъ еще въ золотѣ и пурпурѣ, каждая вершина улыбается ясной улыбкой, долины и впадины горы, столь бѣдныя, безотрадныя и пустынныя вообще, утопаютъ въ морѣ свѣта и блаженства. Лишь медленно ползутъ вечернія тѣни изъ долины на вершину горы, превращая острова, ущелья, предгорья, холмы въ таинственныя видѣнія. Незабвенно прекрасно было мгновеніе, когда только самая верхушка Бенъ Ломонда пылала въ лучахъ потухающаго солнца и посылала свое вечернее привѣтствіе

обширному, мирно засыпавшему озеру. Тогда на небѣ началась игра цвѣтовъ: золото, пурпуръ, оранжевый свѣтъ, зеленоватый, синій тихо одинъ за другимъ разливались по обширнымъ вершинамъ и еще мягче около дремавшихъ островковъ. Изъ многихъ прекрасныхъ вечеровъ, какими я наслаждался въ Шотландіи, сегодняшній былъ самый прекрасный. Озеро Ломондъ заслуживаетъ своего названія: «короля шотландскихъ озеръ».

Не мало содѣйствовало повышенію удовольствія то, что пароходъ пять разъ пересѣкъ озеро поперекъ, послѣдніе два раза среди многихъ острововъ, которые своими очертаніями, своей роскошной растительностью, развалинами замковъ и монастырей отчасти напоминали, отчасти различались отъ Гебридъ. Замки, виллы, церкви и деревни на берегу сильно оживляютъ картину, прибрежные холмы все заключаютъ какъ бы въ красивую рамку. Только Бенъ Ломондъ съ нѣкоторымъ величіемъ выступаетъ изъ чудной картины.

Поѣздка въ долину Оссіана.

Въ 8 часовъ утра мы оставляемъ гавань Обэна, маленькаго городка на западномъ берегу Шотландіи. Изъ обширной бухты мы направились въ проливъ, все болѣе суживающійся, между островомъ Лисморомъ и берегомъ Шотландіи, въ который синее море глубоко врѣзывается. Едва мы прошли этотъ проливъ, какъ передъ нами опять на пути бархатисто-зеленые островки, изумруды изъ шкатулки съ драгоцѣнностями дочерей допотопныхъ великановъ. Они настоящее украшеніе на темно-синей мантіи

моря. Великолѣпное утро! Море бросило свои сѣрые желѣзные доспѣхи и одѣлось въ синій атласъ. Юношеской свѣжестью блещутъ около насъ его богатыя складки, сверкая серебрянымъ шитьемъ. Какъ призракъ, встаютъ берега полуострова Морвена, ограничивая дышащую жизнью поверхность моря, и въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ поднимаются степи по горамъ и холмамъ. Если мы подходимъ къ берегу, то видимъ, какъ свѣжій вѣтеръ колышетъ тихо шелестящую траву и бурно танцуетъ прибой около каменистаго прибрежья.

Прелестные дубы высятся по пустыннымъ берегамъ и въ извилистыхъ долинкахъ утреннее солнце вызываетъ чудную игру свѣта. Если идемъ опять въ море, то тотъ же свѣжій вѣтеръ гонитъ по нему кудрявыя волны и яркій солнечный свѣтъ блеститъ золотомъ на тысячѣ выступающихъ скалъ. Два-три паруса оживляютъ милое море, не лишая его однако очарованія пустыни. Сѣрый парусъ блещетъ бѣлизной лиліи на синемъ фонѣ.

Мы ѣдемъ по широкому морскому заливу, который тянется на сѣверо-востокъ, образуя съ одной стороны бухту за бухтой. Это источникъ все новыхъ неожиданныхъ красотъ. Словно перелистываешь книгу съ картинками: обогнешь предгорье и предъ тобой мигомъ новый видъ.

Наконецъ я пересталъ различать направленіе; заливъ со всѣхъ сторонъ казался замкнутымъ землей и посылалъ бухты по всѣмъ странамъ свѣта; при этомъ мѣстность стала пустыннѣе, гористѣе и лѣсъ чаще прерывалъ степь. Такъ какъ я не замѣтилъ поворота парохода, я думалъ, что мы все еще плывемъ на сѣверъ, между тѣмъ мы шли прямо на востокъ, гдѣ Лохъ Левенъ, кажется, теряется въ лѣсахъ. Передъ нами было бы настоящее альпійское озеро, если бы степь во вкусѣ Оссіана не тянулась по холмамъ и не соединяла альпійскій міръ съ моремъ. Но этого одного достаточно, чтобы удалить съ береговъ героевъ Швейцаріи

и населить ихъ сѣверными судами и смѣлыми охотниками слѣпого барда. Это мнѣ давало достаточно занятія при созерцаніи однообразной панорамы и дѣлало въ высшей степени пріятнымъ объясненіе и освѣщеніе столь оспариваемыхъ и сурово критикуемыхъ произведеній, и однако столь простыхъ и прекрасныхъ.

Въ этихъ водахъ можно найти къ нимъ прекрасныя комментаріи. Ихъ начинаешь любить, потому что находишь ихъ столь правдивыми, столь безыскусственными, совершенно вылившимися изъ самой природы. То, на что́ слѣпой пѣвецъ часто намекалъ однимъ словомъ, здѣсь выступаетъ въ ясныхъ, восхитительныхъ очертаніяхъ, оживаетъ въ волшебной игрѣ цвѣтовъ, находитъ живой откликъ въ душѣ. Повтореніе одного и того же мотива, которое при ограниченности нашихъ словъ, должно казаться однообразнымъ, въ природѣ допускаетъ поразительное разнообразіе рисунка и красокъ. Такимъ образомъ смягченное однообразіе имѣетъ своеобразную прелесть, давая успокоеніе и удовлетвореніе, и героическій пафосъ, какъ и просто возвышенное, находятъ въ величіи природы хорошее обоснованіе, а между тѣмъ въ чтеніи они быстро утомляютъ.

Великую грусть навѣваетъ пустынный ландшафтъ. Буря шумитъ надъ мрачною степью, лѣсной потокъ среди высокихъ дубовъ низвергается со скалы, бѣлый парусъ сверкаетъ пурпуромъ и вечернее солнце громоздитъ на дымящихся горахъ груды огненныхъ облаковъ. Съ моря затѣмъ поднимается легкій туманъ и виситъ въ долинѣ, питая цвѣты тихой, мечтательной степи; милые ручейки съ журчаніемъ несутся мимо могилъ героевъ въ неизмѣримое море; глухія пещеры затерялись въ зеленомъ, уединенномъ лѣсу; чудится пыхтѣніе собакъ въ чащѣ, трескъ вѣтвей и шелестъ листьевъ, произведенный охотниками; одинокія суда отдыхаютъ у берега, шумныя волны

бьются о сверкающіе камни; мягкій воздухъ шелеститъ травой; темныя облака нависли на безплодныхъ скалахъ; кричитъ чайка и задѣваетъ блестящимъ крыломъ то серебряную пѣну волны, то край ночного облака; странные огни свѣтятся въ лѣсу, на небѣ, въ морѣ, и на скалахъ; море среди горъ разводитъ чудную игру. Самъ ландшафтъ уноситъ мысль въ первыя эпохи развитія человѣчества, когда процвѣтала пастушеская и охотничья жизнь, борьба на горахъ и на морѣ. Если бы исторія и сага не внесли въ эти бухты парусовъ отдаленныхъ народовъ, то ихъ должна бы изобрѣсти фантазія. Боевой духъ и страсть къ передвиженію живетъ въ этихъ кельтскихъ островныхъ племенахъ и долины пиктовъ выходятъ къ морю, такъ что море и горы взаимно перепутываются.

Слѣпой бардъ, который въ этихъ грустныхъ пустынныхъ мѣстахъ оплакиваетъ мертвецовъ своего народа, вѣритъ, что они собираются въ видѣ туманныхъ столбовъ, привѣтствуетъ ихъ въ блестящей звѣздѣ надвигающейся ночи, этотъ слѣпой бардъ, говорю я, самая прекрасная, самая подходящая, естественная выдумка, какая могла существовать, если бы такой фигуры не было. Но почему бы ей и не существовать? Кельты имѣли своихъ бардовъ. Почему бы одному изъ прежнихъ пѣвцовъ героевъ не называться Оссіаномъ? Вѣдь старыя кельтскія пѣсни называютъ его имя и преданія плоскогорья вспоминаютъ о немъ.

Въ Баллачёлишѣ мы высадились и пересѣли на одинъ изъ омнибусовъ, которые уже поджидали насъ на берегу и на которые поспѣшно устремились туристы. Вмѣстѣ съ другими я бросился къ ближайшему омнибусу и занялъ хорошее верхнее мѣсто. Подходили мужчины и дамы и черезъ двѣ минуты я очутился въ тѣсно сидѣвшемъ обществѣ, среди нѣсколькихъ молодыхъ людей, молодыхъ дамъ и одной толстой женщины, о которой я недоумѣвалъ, какъ могла только она влѣзть наверхъ.

Съ шумнымъ ура тронулся первый омнибусъ, мы за нимъ, а потомъ и остальные. Мнѣ нравилась веселая, быстрая ѣзда. Я чувствовалъ себя перенесеннымъ въ доброе старое время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, и смотрѣлъ во всѣ стороны. Не было видно ни городовъ, ни деревень, ни одной церкви ни одной дачи, даже ни одного зáмка, никакой развалины. Кругомъ насъ была только великая прекрасная природа. Только отель, деревушка, рядъ каменоломенъ, два одинокихъ дома напоминали о людяхъ, да и то все это скоро лежало за нами. Но зато природа была дѣйствительно великолѣпна. Она отчасти воспроизводила красоты швейцарскаго альпійскаго міра, а отчасти раскрывала невиданныя мною черты, картины дикой горной пустыни.

Видъ на море скоро исчезъ. Мы ѣдемъ по довольно широкой долинѣ среди свѣжихъ луговъ, тѣнистаго лѣса. Часто попадаются озера: они то лежатъ совершенно открыто, то смотрятъ украдкой изъ-за листвы деревьевъ. Вотъ бѣдная, но красивая деревушка съ хижинами, крытыми черепицей. Любопытныя женщины и дѣвушки спѣшатъ отъ печекъ къ дверямъ посмотрѣть, кто ѣдетъ; дѣти что-то строятъ изъ песка и глины; у окна мурлыкаютъ кошки; дерутся пѣтухи; прыгаютъ мальчики въ національныхъ костюмахъ, старухи прядутъ передъ домомъ. Потомъ идутъ богатыя ломки шифера, между которыми пролегаетъ дорога. Кое-гдѣ виднѣются горныя овцы съ густой шерстью и изогнутыми рогами, рогатый скотъ сильной, хотя не очень крупной породы. Но настоящій шотландскій быкъ все-таки очень красивъ.

Дорога становится болѣе дика. По сторонамъ долинъ поднимаются крутые, обрывистые конусы самыхъ разнообразнѣйшихъ, удивительныхъ формъ, какъ полуготовыя массы, застывшія при отливкѣ. Среди образуемыхъ ими пропастей громоздятся опять другія скалы и при каждомъ

Рис. 22. Хижина въ Ирландіи.

поворотѣ дороги принимаютъ новыя формы. Маленькій милый ручеекъ журчитъ по долинѣ, придавая ей нѣсколько жизни и пріятности. Хотя солнце стоитъ высоко, но среди безпорядочно нагроможденныхъ глыбъ полегли тѣни. Дорога начинаетъ подниматься, напоминая не столько обыкновенныя горныя дороги Швейцаріи, сколько тѣ уединенныя ущелья Граубюндена, которыя рѣдко посѣщаются туристами. Растительность становится все скуднѣе, напротивъ, скалы принимаютъ самыя удивительныя формы. Конечно высота ихъ незначительна; самая высокая вершина поблизости поднимается только на 380 саженъ; и горы не разсѣчены глубокими, страшными пропастями. Но узкая горная дорога настолько сужена скалами, что чувствуешь себя какъ бы въ плѣну въ романтическомъ ущельѣ, и онѣ продолжаютъ ту же игру, что и море: внезапно выдвигаютъ новыя препятствія, чтобы при поворотѣ открыть новые болѣе дикіе виды. День былъ прекрасный и уже приближался полдень и однако среди этихъ давящихъ скалъ было такъ мрачно, страшно, какъ въ огромномъ подземельѣ. Но если по скаламъ взоръ взбирался вверхъ къ золотому небу, которое сводомъ нависало надъ ними, то опять становилось бодро на душѣ и, слѣдя за лучемъ, открываешь тысячи странныхъ линій и гіероглифовъ на поднимающихся скалахъ. И гдѣ меньше всего ожидаешь, находишь въ горахъ озерко, въ которомъ вмѣстѣ съ привѣтливымъ лучезарнымъ солнцемъ отражаются мрачныя скалы. Мы какъ разъ въ странѣ озеръ. Здѣсь я впервые услыхалъ отъ другихъ имя Оссіана; они говорили, что онъ жилъ здѣсь, и нѣсколько дальше высоко вверху на почти неприступной скалѣ показывали пещеру, гдѣ онъ будто бы игралъ, — настоящее орлиное или ястребиное гнѣздо на самой дикой высотѣ совершенной пустыни. Какъ только онъ могъ такъ высоко забираться съ арфой? Но одно достовѣрно, болѣе прекраснаго мѣстожительства

для барда, чѣмъ это ущелье, нельзя себѣ и представить. Все—дико и величаво, могуче и возвышенно. Фингалъ, Альпинъ и какъ бы тамъ иначе ни назывались герои, они совершенно подходятъ къ мѣсту. Какой видъ оно должно имѣть, если не яркое полуденное солнце, а блѣдная луна освѣщаетъ безотрадную долину сквозь облака? Если темныя тучи окружаютъ вершину скалы? Если по ущелью раздаются раскаты грома, повторяемаго тысячекратнымъ эхо? На обширныхъ пространствахъ тянутся фантастическія скалы, безотрадная степь опускается по унылымъ скатамъ внизъ. Ручей въ долинѣ, водопадъ, низвергающійся со скалы, крикъ дикихъ птицъ — вотъ что́ только оживляетъ пустыню.

Я думаю, что въ Швейцаріи есть много подобныхъ дико романтическихъ мѣстъ, можетъ быть даже болѣе величественныхъ. Но въ близости моря и въ соединеніи съ лабиринтомъ его бухтъ есть во всякомъ случаѣ что-то совершенно своеобразное, что́ превосходитъ по фантастичности впечатлѣнія близость и видъ высокихъ горъ.

Мы стояли и сидѣли группами и любовались возвышенными видами. Налюбовавшись вдосталь, мы поѣхали обратно и могли еще разъ пережить испытанныя впечатлѣнія.

Глэзгоу.

Глэзгоу—самый многолюдный городъ во всемъ соединенномъ королевствѣ послѣ Лондона—насчитываетъ около милліона жителей. Уже издали замѣчаешь, что приближаешься къ крупному центру. Многочисленныя желѣзно-

дорожныя вѣтки подходятъ къ главной линіи, скорые и товарные поѣзда проходятъ мимо насъ, справа и слѣва мелькаютъ большіе заводы съ однообразными рабочими домами вокругъ. Поселенія носятъ еще старинныя различныя названія, но они слились между собой и черпаютъ свою жизнь изъ одного общаго источника.

По своему положенію городъ напоминаетъ Лондонъ: удаленный отъ моря на нѣсколько часовъ ѣзды, онъ благодаря судоходной рѣкѣ какъ бы придвинутъ къ нему и можетъ развивать въ громадныхъ размѣрахъ торговлю и промышленность. Въ расположеніи частей города тоже есть нѣкоторое сходство: центръ его лежитъ къ сѣверу отъ рѣки, крупная торговля сосредоточена около рѣки въ серединѣ города, на сѣверѣ и востокѣ находятся крупныя фабрики и обширные рабочіе кварталы, на западѣ аристократическая часть города съ прекрасными парками и скверами; но Темза течетъ съ запада на востокъ, Клайдъ же, жизненная артерія Глэзгоу, въ обратномъ направленіи. Но не одной природѣ городъ обязанъ тому, что сталъ первокласснымъ торговымъ центромъ, а и энергіи шотландцевъ, которые сумѣли сдѣлать мелкую рѣку судоходной до самаго сердца города, истративъ на это десятки милліоновъ рублей.

Глэзгоу—типичный торговый и промышленный городъ. Гигантскіе товарные склады, цѣлый лѣсъ мачтъ пароходовъ въ обширныхъ докахъ и около набережныхъ, шумныя корабельныя верфи, пылающія доменныя печи и сталелитейные заводы, сотни дѣятельныхъ фабрикъ, сырая атмосфера, отравленная копотью и дымомъ, длинные ряды роскошныхъ магазиновъ и богатыхъ домовъ, цѣлыя огромныя пространства однообразныхъ домовъ въ рабочихъ кварталахъ — вотъ что характеризуетъ городъ. Центръ и душа города—городское управленіе, которое очень дѣятельно ведетъ городское хозяйство. Водопроводъ, освѣщеніе, бани,

телефонъ, трамваи, музеи, народный дворецъ, библіотеки въ рукахъ города. Всѣ эти отрасли городского хозяйства ведутся образцово. Городъ пускается въ смѣлыя финансовыя предпріятія, чтобы обезпечить себѣ удобства городской жизни. Предсказанія ворчуновъ, что городскія предпріятія неизбѣжно поведутъ къ банкротству, не оправдываются. Напротивъ, послѣднія затѣи, какъ телефонъ и трамвай, имѣли блестящій успѣхъ. Что касается трамвая, то тутъ городъ кажется переусердствовалъ: на нѣкоторыхъ даже очень оживленныхъ улицахъ можно видѣть, какъ каждую минуту идетъ не мало полупустыхъ вагоновъ, а мѣстами рельсы до того нагромождены, что напоминаютъ густую сѣть подъѣздныхъ путей. Многія городскія предпріятія даютъ хорошій доходъ и этимъ облегчаютъ бремя налоговъ для ихъ плательщиковъ. За хорошее веденіе хозяйства члены городского управленія пользуются большимъ уваженіемъ населенія, которое больше чтитъ развѣ только одно духовенство. Городъ прекрасно снабженъ великолѣпными образовательными средствами, начиная съ элементарной школы и кончая университетомъ. Въ немъ есть ученыя общества, нѣтъ недостатка въ библіотекахъ, концертныхъ залахъ, театрахъ и лекціонныхъ залахъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что печать въ немъ стоитъ на высотѣ призванія. Его вечернія газеты, находящія доступъ почти въ каждый домъ, вѣроятно превосходятъ всѣ другія вечернія дешевыя газеты Великобританіи не только своимъ размѣромъ и количествомъ свѣдѣній, но искусствомъ, съ какимъ онѣ развлекаютъ и поучаютъ своихъ читателей.

Самое замѣчательное въ городѣ это соборъ и некрополь. Соборъ — прекрасный памятникъ готическаго искусства. Массивное, серьезное, мрачное, но величественное и прекрасное въ своей художественной законченности зданіе съ высокой башнеіі по серединѣ служитъ лучшимъ украшеніемъ богатаго и громаднаго города, хотя и является про-

изведеніемъ мрачнаго средневѣковья. Предъ многими другими этотъ соборъ имѣетъ то большое преимущество, что стоитъ совершенно открыто на площади. Больница стоитъ довольно далеко, чтобы подавлять его своими размѣрами, а маленькая церковь, напротивъ, скорѣе даже усиливаетъ впечатлѣніе величія собора по своей ничтожности.

Къ сѣверу отъ собора протекаетъ рѣчка, когда-то воспѣтая поэтами за чистоту своихъ водъ, а въ наше время превращенная въ каналъ, обязанный служить промышленности. По ту сторону рѣчки возвышается довольно крутой холмъ саженъ 30 — 40 высоты, куда пологими зигзагами ведетъ прекрасная дорога, вправо и влѣво отъ которой стоятъ могильные памятники всевозможныхъ формъ. Это большое кладбище среди города, некрополь (городъ мертвыхъ), какъ его называютъ, и онъ вполнѣ заслуживаетъ этого названія, потому что это настоящій городъ, наполненный не только могильными плитами и обелисками, но и обширными склепами и часовнями всевозможныхъ стилей. Красивая рѣшетка отдѣляетъ городъ мертвыхъ отъ города живыхъ: около нея сторожка. Я ожидалъ, что при входѣ въ царство мертвыхъ нужно будетъ заплатить Харону мзду, но онъ вполнѣ удовольствовался тѣмъ, что попросилъ насъ только расписаться въ книгѣ посѣтителей. Потомъ мы перешли рѣчку по мосту, который называется мостомъ вздоховъ. Попадая на это кладбище, человѣкъ испытываетъ почти такое же впечатлѣніе, какъ въ театрѣ при подъемѣ занавѣса: словно онъ перенесенъ въ новый міръ. Смотря на эти обелиски, колонны, статуи и блестящія гранитныя стѣны, можно бы предположить, не будь этой мрачной свинцовой атмосферы, что попалъ въ какую-то страну востока къ подножію знаменитаго холма, гдѣ приносились жертвы и поклонялись идоламъ. Раньше этотъ холмъ былъ засаженъ пихтами и представлялъ прекрасный городской паркъ, образуя зеленый фонъ для собора, но теперь онъ

такъ загроможденъ памятниками, что остается мало мѣста не только для деревьевъ или кустарниковъ, но даже для цвѣтовъ. Вершина холма увѣнчана почернѣлой колонной, на которой стоитъ странная фигура Джона Нокса, основателя шотландской церкви.

Неподалеку отъ некрополя расположенъ городской сквэръ, гдѣ поставлено много памятниковъ разнымъ знаменитостямъ, среди которыхъ можно отмѣтить Вальтера Скотта и Уатта, изобрѣтателя паровой машины.

Среди природы въ Ирландіи.

Во многомъ Ирландія, особенно прибрежная часть напоминаетъ Шотландію. Тѣ же узкія и длинныя озера въ горахъ, тѣ же глены, т.-е. глубокія ложбины, стѣны которыхъ покрыты снизу до верху деревьями и на днѣ которыхъ течетъ по камнямъ мелкій ручей, скрытый подъ нависшими надъ ними вѣтвями деревьевъ; тѣ же высокіе береговые обрывы, иззубренные волнами, съ разсѣянными вблизи шхерами, и тѣ же, наконецъ, пещеры и пропасти, измытыя моремъ или образовавшіяся провалами. Но Ирландія не столь сурова, какъ Шотландія. Ея горы не столь высоки и на нихъ не играютъ туманы вѣчной смѣной своихъ дивныхъ оттѣнковъ; а поверхность ея гораздо болѣе шотландской богата зеленью. Недаромъ ирландцы назвали свой островъ изумрудным. Даже самые высокіе холмы его покрыты травой и зеленой листвой деревьевъ. Даже торфяныя болота, составляющія чуть ли не седьмую часть его поверхности и занимающія главнымъ образомъ централь-

ную и западную часть острова, покрыты зеленой травкой, хотя никакіе другіе полезные злаки на нихъ произрастать не могутъ.

И эта природа, живущая какой-то своей собственной, индивидуальной и таинственной жизнью, запечатлѣлась въ умѣ кельта чисто человѣческими и фантастическими образами, которые онъ видѣлъ въ каждой отдѣльной черточкѣ ландшафта. Вся ирландская поверхность отъ востока до запада и отъ юга до сѣвера покрыта легендами и историческими сказаніями. Каждый клочокъ земли чѣмъ-либо замѣчателенъ, борьбой ли людей, боговъ или чертей. Какъ и древняя Грецiя, она развернутая хартія былой жизни и фантазіи народа. Что ни холмъ, то сказка, что ни озеро, то легенда, что ни ручей, то воспоминаніе. Если бы кто-либо изъ ученыхъ изслѣдователей народныхъ повѣрій вздумалъ составить фольклорную географію, на подобіе коммерческой или политической и окрашивать на картахъ ея всякое мѣсто, отмѣченное легендой, то, несомнѣнно, карта Ирландіи была бы сплошь покрыта соотвѣтственной краской. Я положительно не знаю тамъ уголка, который остался бы внѣ области ирландской миѳологіи и исторіи. Куда я ни заглянулъ, я вездѣ наталкивался на остатки старины и на чрезвычайно образныя названія, свидѣтельствовавшія о богатствѣ фантазіи и о склонности видѣть въ неодушевленной природѣ олицетворенія живыхъ существъ.

Какъ ни полонъ очарованія восточный берегъ Ирландіи, ни одно мѣсто его не произвело на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ сѣверный берегъ ея, въ особенности знаменитое шоссе Гигантовъ, близъ Портреша. Недаромъ народная фантазія приноровила къ этому мѣсту большой циклъ кельтскаго эпоса. Все здѣсь окружено какой-то невыразимой жуткостью, словно пещера таинственнаго, невидимаго волшебника. Море здѣсь по большей части бурное, усѣянное скалами. Берегъ на огромномъ протяженіи

представляетъ собою рядъ фантастическихъ профилей и страшныхъ пропастей, обнимая собою и такое чудо, какъ нагромождение базальтовыхъ столбовъ въ одной изъ своихъ бухтъ. Напрасно ирландцы какъ бы нарочно стараются обратить «шоссе» въ грубый базаръ, въ вульгарное зрѣлище для туристовъ. Въ 1898 г. они даже создали синдикатъ, который поставилъ у базальтовыхъ столбовъ калитку и взимаетъ по шиллингу за входъ. Напрасно понаставлены лавочки, въ которыхъ продается разный хламъ въ видѣ сувенировъ, и пищіе, и проводники, и лодочники, и всякій другой сбродъ слѣдуютъ по вашимъ пятамъ. Напрасно! Природа продолжаетъ говорить своимъ величаво-таинственнымъ языкомъ, исходящимъ какъ бы изъ нѣдръ первобытнаго хаоса, и чувствуется, что не калитку для взиманія шиллинговъ, не лавочки слѣдовало здѣсь построить, а воздвигнуть величайшій храмъ, если вообще сама природа не служитъ здѣсь таинственнымъ и великимъ храмомъ.

Самое «шоссе», хотя съ геологической точки зрѣнія составляетъ любопытнѣйшее явленіе, представляетъ собою лишь мелкую подробность въ очень большой картинѣ. Проводники любятъ ту или другую мелочь, какъ самую интереспую. Столбы базальтовые, выступающіе въ море сплошной массой вплотную другъ къ другу, какъ бы нарочно вбитыхъ въ морское дно многогранниковъ, далеко не однообразны по формѣ. Есть трехугольные, четырехугольные и съ большимъ числомъ граней. Вышина ихъ также разная, такъ что ходить по нимъ не какъ по паркету, а подпрыгивая со столба на столбъ. И проводники считаютъ своимъ долгомъ обращать ваше вниманіе, что вотъ подъ вашей ногой пятигранный столбъ или трехгранный и что въ этомъ мѣстѣ просачивается вода, а тамъ столбъ съ выемкой. Дѣло, однако, вовсе не въ отдѣльныхъ столбахъ и смотрѣть надо не подъ ноги себѣ, а на общій видъ берега, и только тогда можно постичь народную фантазію, изукрасившую это

мѣсто, которое ученые объясняютъ изверженіемъ базальтовой лавы, борьбой гигантовъ и надѣлившую всю эту мѣстность легендарными названіями. Вотъ группа выдѣлившихся столбовъ, образовавшихъ «Кресло гиганта», вотъ «Гробъ гиганта», его «Подкова», вотъ «Органъ гиганта». Этотъ «Органъ», состоящій изъ ряда столбовъ у самаго берега, по народному повѣрью играетъ лишь разъ въ семь лѣтъ, но и тогда издастъ лишь два тона.

Одинъ изъ приставшихъ къ намъ лодочниковъ убѣдилъ меня и нѣкоторыхъ моихъ спутниковъ прокатиться съ нимъ въ одну изъ ближайшихъ пещеръ. Море было волнистое, небо пасмурное, берегъ дикій, словомъ, обстановка какъ разъ такая, при которой въ далекую старину морскія пещеры посѣщались лишь разбойниками или темными духами. Обогнувъ «Шоссе гигантовъ», мы направились къ мысу, торчавшему на западной сторонѣ бухты, и здѣсь мимо скалъ, почти закрывавшихъ съ виду пещеру, мы приплыли къ мѣсту нашего назначенія. Лодка вошла подъ высокій и узкій сводъ, покрытый какой-то зеленью, повидимому не растительной. Вода стояла тихой и прозрачной гладью, черезъ которую, несмотря на страшную глубину, виднѣлось красивое и свѣтлое дно, словно подъ нами была крыша затонувшаго волшебнаго дворца. И кругомъ была такая царственная, величавая тишина, что малѣйшій звукъ казался громомъ.

Лодочникъ проплылъ въ глубь грота саженъ пять и остановился. Всѣ какъ-то невольно примолкли. Все казалось полнымъ таинственнаго ужаса.

— Купите, господа, камешки. Дешево продамъ,—вдругъ раздался громовымъ эхо голосъ лодочника.

Тишина и спокойствіе пещеры показались ему, очевидно, наиболѣе удобнымъ моментомъ для его торговыхъ операцій и, вынувъ изъ-подъ скамейки ящички съ минералогическими коллекціями, онъ сталъ навязывать ихъ

память въ сувениры; — какъ будто можно было унести отсюда болѣе глубокій, болѣе возвышенный и драгоцѣнный сувениръ, чѣмъ воспоминаніе о пережитомъ чувствѣ.

Ирландцы.

Ирландія по преимуществу земледѣльческая страна: $^3/_4$ ея населенія такъ или иначе связано съ землей. Всѣ мы слыхали, какъ живутъ ирландскіе земледѣльцы. Домъ ирландца это какой-то хлѣвъ, темный и грязный, съ отвратительнымъ воздухомъ, а самъ ирландецъ первый на свѣтѣ оборванецъ. Но если, вмѣсто того, чтобы полагаться на чужія слова, самому посмотрѣть, какъ живутъ въ Ирландіи, то получатся другія впечатлѣнія. Вернувшись изъ поѣздки по Ирландіи, путешественникъ будетъ недоумѣвать, какъ онъ могъ такъ превратно судить объ этой странѣ. Дѣло очень просто. Благосостояніе Ирландіи за послѣднее время поднимается благодаря законамъ, изданнымъ англійскимъ парламентомъ въ пользу ея населенія. Ирландія теперь не то, что она была лѣтъ 30 тому назадъ. Въ ней появляются мелкіе собственники земли и арендаторы ограждены теперь закономъ отъ произвола лэндлордовъ, которые ужъ не могутъ попрежнему поднимать платы за пользованіе землей, какъ имъ вздумается. Это очень важныя условія, а многіе все еще представляютъ себѣ Ирландію такой, какой она была, когда этихъ условій не было налицо. Да и тѣ картины крайней нищеты и разоренія, которыми характеризовали старую Ирландію, вѣроятно, были написаны слишкомъ сгущенными красками.

Защитники Ирландіи, желая возбудить жалость и сочувствіе къ странѣ, выставляли впередъ самыя жалкія и грязныя лачужки, какъ типичное жилище ирландца. Противники ея тоже хватались за эти лачуги, какъ за доказательство того, что ирландцы полудикій презрѣнный народъ, который вовсе не можетъ пользоваться дарами самоуправленія. Всѣ судили объ Ирландіи по самому худшему, что въ ней было.

Большинство ирландцевъ живетъ въ небольшихъ выбѣленныхъ хижинахъ съ соломенной крышей въ двѣ или даже одну комнату. Большею частью невзрачныя на видъ, безъ садика, огорода, онѣ рѣдко украшены зеленью и цвѣтами и иногда поражаютъ своимъ неряшливымъ видомъ: сломанная дверь наскоро укрѣплена веревкой, камнями или вѣтками кустарника, вмѣсто основательной починки, а тамъ оконная рама или труба носятъ слѣды многократныхъ поправокъ, которыми видимо хотятъ по возможности отдалить тотъ непріятный день, когда ихъ придется замѣнить заново. Нѣкоторые поверхностные наблюдатели выводятъ отсюда заключеніе, что ирландцы по природѣ неряшливы. Между тѣмъ, это просто привычка, унаслѣдованная отъ старыхъ временъ безграничнаго господства лордовъ въ Ирландіи. Въ эти тяжелыя времена ирландецъ сознательно избѣгалъ выставлять на показъ свое благосостояніе, потому что онъ зналъ, что если его домъ будетъ имѣть привѣтливый видъ и его загородки будутъ въ порядкѣ, это не ускользнетъ отъ зоркаго глаза агентовъ лорда, они занесутъ его въ списокъ зажиточныхъ и сообразно этому повысятъ ему плату за землю. Теперь эти опасенія не имѣютъ мѣста, но привычки народа измѣняются медленно.

Войдите внутрь и вы не увидите той грязи, какую ожидали встрѣтить. Все довольно опрятно.

«Гмъ, довольно опрятно!» сомнительно качаетъ головой недовѣрчивый читатель «Какая ужъ тутъ опрятность, когд

живешь вмѣстѣ съ свиньями», думаетъ онъ. Позвольте, милостивый государь! Во-первыхъ, въ Ирландіи никто съ свиньями не живетъ, рѣшительно никто. Правда, часто въ книгахъ можно встрѣтить, что сожителемъ ирландца является свинья. Но это чистѣйшій вздоръ! Но въ этомъ вздорѣ есть ничтожная частичка правды. Чрезвычайно рѣдко, въ самыхъ бѣднѣйшихъ округахъ дѣйствительно ирландцы берутъ къ себѣ въ домъ свиней по зимамъ, когда бываетъ очень холодно. Такихъ дней бываетъ въ Ирландіи очень немного. Во-вторыхъ, не нужно думать, что свинья и грязь неразлучны. Можно и свинью пріучить къ чистотѣ. Все зависитъ, такъ сказать, отъ воспитанія. Я зналъ одну лэди съ очень утонченными манерами и совершенно нормальнаго человѣка, которая держала свинью, какъ домашнюю любимицу.

Вмѣсто печи въ хижинѣ ирландца каминъ, гдѣ горитъ торфъ; надъ огнемъ виситъ старомодный тяжелый котелъ или черный котелокъ съ выпуклыми стѣнками новѣйшаго фасона. Высоко на стѣнѣ ряды полокъ съ красивой и разноцвѣтной посудой. Въ углу деревянная кровать, широкая, большая и высокая настолько, что на нее никакъ не сядешь. Нѣсколько деревянныхъ стульевъ и можетъ быть длинная деревянная скамейка. Если есть другая комната, она столь же бѣдна и лишена украшеній. Иногда только въ ней по стѣнамъ развѣшаны грубо раскрашенныя изображенія святыхъ, купленныя у разносчика или присланныя церковными газетами. Еще рѣже встрѣчаются фотографіи родственниковъ, знакомыхъ, эмигрировавшихъ или умершихъ, ярко размалеванные портреты выдающихся людей и большія картины политическаго содержанія, отпечатанныя по случаю выборовъ въ парламентъ.

Національные костюмы, какъ и повсюду, почти совершенно исчезли и путешественникъ рѣдко можетъ наблюдать тѣ ярко красныя, ярко синія и ярко зеленыя юбки, кото-

рыя когда-то такъ любили ирландскія женщины и которыя требовали невѣроятнаго количества матеріи. Единственная принадлежность національнаго женскаго костюма, уцѣлѣвшая еще по всей Ирландіи, это шали. Многія жены фермеровъ и рабочихъ носятъ ихъ вмѣсто шляпокъ, хотя нѣкоторыя носятъ и шляпки, особенно по воскресеньямъ. Черные и сѣрые цвѣта можетъ быть самые распространенные, но вообще надо сказать, что въ каждомъ округѣ существуютъ свои модные цвѣта и своя манера носить шали. Въ одномъ округѣ вы найдете почти только коричневыя шали, часто съ широкой каймой рисунковъ другого цвѣта. Въ другомъ округѣ женщины носятъ по двѣ шали: одну на плечахъ и другую на головѣ. Въ фабричныхъ городахъ ихъ носятъ по монашески, туго натягивая около головы и закалывая булавкой подъ подбородкомъ. Когда женщины въ шаляхъ, такимъ образомъ надѣтыхъ, спѣшатъ вечеромъ по улицамъ, освѣщеннымъ лампами, онѣ напоминаютъ какихъ-то мадоннъ чудной скрытой красоты. Національный мужскоій костюмъ: кильтъ (юбку) не клѣтчатой матеріи, какъ носятъ шотландцы, а шафраннаго цвѣта изъ домотканной матеріи, можно встрѣтить только на особенно пылкихъ патріотахъ. Взрослые теперь ужъ не ходятъ босикомъ, какъ бывало раньше, и только одни дѣти бѣгаютъ еще съ босыми ногами и непокрытой головой. У многихъ ирландцевъ чувствуется недостатокъ одежды: вымоченные дождемъ (а при влажномъ климатѣ Ирландіи это бываетъ часто) они не имѣютъ, во что переодѣться.

Печать бѣдности лежитъ и на питаніи ирландскаго земледѣльца. Мяса онъ не знаетъ, кромѣ свинины, да и ту онъ покупаетъ плохую, американскую, а свою хорошую продаетъ: иначе ему не свести концы съ концами. Чаій, хлѣбъ, картофель—вотъ чѣмъ онъ поддерживаетъ себя ежедневно.

Ирландцы живутъ въ бѣдности, несмотря на то, что

они прекрасные земледѣльческіе работники, развивающіе прямо удивительную настойчивость и энергію. Даже люди, которые первоначально придерживались распространеннаго предразсудка, будто бы ирландцы лѣнивы, писали имъ панегирики, послѣ того какъ лично наблюдали ихъ на работѣ, видя, какъ они, напр., съ отчаянными усиліями обрабатывали прямо скалы и полосы камней, при видѣ которыхъ оставалось бы только придти въ отчаяніе. Но имъ не хватаетъ земледѣльческихъ знаній, а главное—земли. Въ Ирландіи почти $^2/_3$ всей площади отведены подъ луга, на которыхъ пасется скотъ. Быки занимаютъ лучшія земли, оставляя для людей незначительныя пространства. Въ другихъ округахъ эти пастбища тянутся безконечно, такъ что только кое-гдѣ попадается человѣческое жилье, и пастухи живутъ въ уединеніи, словно въ какой-то пустынѣ. Чтобы пополнить недохватки въ хозяйствѣ, многіе ѣдутъ на заработки въ Шотландію и Англію косить сѣно, копать картофель и жать пшеницу, другіе поступаютъ на фабрики или уѣзжаютъ въ Америку.

Въ Бельфастѣ.

Я пріѣхалъ въ Бельфастъ въ воскресенье. Всѣ магазины, театры, концертныя залы, библіотеки были закрыты. Некуда было дѣваться. Пришлось или сидѣть въ гостиницѣ, или бродить по улицамъ, или пойти въ церковь. И я выбралъ послѣднее. Какъ разъ недалеко отъ гостиницы была церковь, откуда раздавалось пѣніе гимновъ и звуки органа. И я отправился туда. Церковь, блестѣвшая внутри

чистотой и яркимъ свѣтомъ электрическихъ лампочекъ, была полна жизнерадостностью. Она принадлежала пресвитеріанской общинѣ и отличалась той простотой, не лишенной однако удобствъ, какая вообще господствуетъ въ англійскихъ протестантскихъ церквахъ. Тутъ не было ничего вычурнаго, искусственно-показного, таинственнаго. Ни статуй, ни картинъ, ни алтарей. Католикъ принялъ бы помѣщеніе скорѣе за концертную залу, чѣмъ за церковь. Ничто тутъ не внушало мистическаго страха и боязливаго благоговѣнія. Ни стѣны, ни мебель, ни люди не обладали здѣсь сверхъестественными силами. Самая служба, лишенная таинственности, поднимала и возбуждала своей простотой, красотой и человѣчностью. Отцы и матери, сестры и братья, взрослые и дѣти сидѣли рядомъ, совмѣстно пѣли гимны, перемежавшіеся краткими рѣчами съ амвона, какимъ-нибудь соло, спѣтымъ мужщиной или женщиной, и пьесой, сыгранной на органѣ. Служба, если вообще этимъ словомъ можно обозначить жизнерадостное, любовное и свободное собраніе людей, кончилась рано, и мы вышли изъ церкви, сожалѣя, что все такъ скоро кончилось. На сердцѣ было легко и радостно и вѣрилось въ счастье, братство людей, въ вѣчный разумъ, слѣдящій за судьбами ихъ.

Бельфастъ полонъ промышленной дѣятельности. Въ 1901 г. населеніе его было 349.000 чел., на 60.000 больше, чѣмъ въ Дублинѣ. Въ то время, какъ единственное крупное производство въ Дублинѣ—это портеръ и спиртъ, въ Бельфастѣ идетъ обработка всякаго сырья, минераловъ и волокнистыхъ веществъ, и его торговые обороты достигаютъ многихъ десятковъ милліоновъ рублей. Въ Бельфастѣ я пробылъ всего два дня, но и за это короткое время успѣлъ достаточно насмотрѣться на его гигантскую дѣятельность, сказывающуюся рѣшительно во всемъ. Какъ разъ за нѣсколько недѣль до нашего пріѣзда было тамъ открыто новое зданіе городской думы, могущее служить

достойнымъ символомъ богатства и культурнаго роста этого ирландскаго города. Насъ водили по разнымъ помѣщеніямъ этого зданія и показывали его прекрасное внутреннее устройство, его огромныя залы для засѣданій, для митинговъ и концертовъ, его кабинеты и пріемныя, предназначенныя для городского головы, его многочисленные разные административные департаменты и т. д. Но если бы мы и не видѣли этихъ мраморныхъ лѣстницъ и лѣпныхъ карнизовъ, этихъ высокихъ куполовъ, электрическихъ люстръ и расписныхъ потолковъ, всей этой внутренней роскоши, съ насъ было бы довольно одного взгляда снаружи, чтобы судить о широкомъ размахѣ бельфастскаго городского управленія.

Административный центръ города стоитъ на большой площади, возвышаясь надъ ней огромнымъ квадратнымъ корпусомъ въ стилѣ возрожденія, хотя и не строго выдержанномъ. Высокія башни въ центрѣ и по угламъ заканчиваются куполами съ заостренными верхушками. На фронтонѣ главнаго фасада вылѣплены разныя фигуры-символы, по которымъ легко замѣтить, чему поклоняется Бельфастъ. Въ серединѣ, конечно, стоитъ богиня Ирландіи, Иберія съ короной на головѣ. Въ одной рукѣ у ней свѣточъ знанія и прогресса, а другою она опирается на арфу, эмблему ея національности. Справа отъ нея стоитъ Минерва съ Меркуріемъ, передъ которыми преклоняются промышленность и трудъ. Слѣва стоитъ свобода. Она простираетъ пальмовую вѣтку въ сторону промышленности, представленной въ видѣ женщины съ кускомъ полотна. У ногъ свободы сидитъ другая женщина съ прялкой, а кругомъ стоятъ въ позахъ любопытныхъ наблюдателей мальчики, эти символы молодости и энергіи народа. Есть на фронтонѣ и другія фигуры, представляющія судостроительство и разные другіе промыслы, процвѣтающіе въ Бельфастѣ. Отсюда уже видно, въ чемъ гордость и сила Бель-

фаста. Въ Дублинѣ на фронтонѣ городской думы, если бы вздумали тамъ соорудить новое зданіе, несомнѣнно поставили бы св. Патрикія съ крестомъ, а рядомъ съ нимъ какихъ-нибудь епископовъ и политиковъ. Для характеристики Бельфаста, насколько она выражается въ только-что воздвигнутомъ зданіи думы, слѣдуетъ еще, можетъ быть, прибавить, что постройка ея обошлась въ 3 милліона съ чѣмъ-то, не считая внутренней обстановки и украшеній.

Кромѣ своей думы, бельфастцы показывали намъ и свои верфи, заводы, фабрики, музеи и пр. Первый визитъ мы сдѣлали одному изъ крупнѣйшихъ въ мірѣ судостроительныхъ заводовъ фирмы Гарландъ и Вольфъ, этой утробѣ, откуда вышли разные океанскіе великаны, плавучіе караванъ-сераи водныхъ пустынь. Во время нашего визита, кромѣ разныхъ другихъ работъ, шло и подготовленіе къ спуску въ воду новорожденнаго «Адріатикъ», самаго большого когда-либо построеннаго на бельфастской верфи парохода. Пока онъ передъ нами стоялъ весь, какъ на ладони, начиная съ киля и кончая остріемъ своего носа, и казался огромной и отвѣсной горой, на верху которой у самаго обрыва ея копошились какіе-то маленькіе люди. Сопровождавшій насъ по верфи служащій началъ сыпать цифрами. Длина 725 футовъ, бимсъ—75 фут., водоизмѣщеніе 40.000 тонпъ. Но цифры мнѣ ничего не говорили въ сравненіи съ тѣмъ, что говорили мнѣ, мои собственные глаза, и я вовсе не удивился, когда на вопросъ одного изъ насъ: „На сколько пассажировъ разсчитанъ пароходъ?», нашъ путеводитель отвѣтилъ: «на 3000 пассажировъ, размѣщающихся съ большимъ комфортомъ, не считая, конечно, экипажа судна».

Наше обозрѣніе верфи не могло быть особенно подробнымъ. Весь заводъ занимаетъ до 30 десятинъ на берегу бельфастскаго залива и даетъ работу свыше 10.000 рабочихъ. Проходя черезъ разные навѣсы, дворы и мастерскія,

мы чувствовали себя какъ бы потерянными въ этомъ гигантскомъ лабиринтѣ труда.

Отъ судостроительнаго завода мы перешли къ осмотру прядильно-ткацкой фабрики, принадлежащей самой крупной въ Бельфастѣ льнопрядильной компаніи. Несмотря на то, что осмотръ верфи насъ порядочно утомилъ, мы съ интересомъ начали обходъ и фабрики. Перемѣна оказалась живительной и освѣжающей. Вмѣсто твердыхъ и огромныхъ кусковъ стали и желѣза, издававшихъ подъ гигантскими молотами и пневматическими сверлами неистовый визгъ и шумъ и извергавшихъ искры, словно они метали громъ и молніи противъ дерзнувшаго покорить ихъ человѣка, мы теперь то-и-дѣло наталкивались на мягкія глянцовитыя волны льняныхъ волоконъ, на нашихъ глазахъ преображавшіяся въ паутину тонкихъ нитокъ, въ мягкія тальки и упругіе клубки, въ длинныя ткани и узорчатыя скатерти, въ кокетливые батистовые платочки или миніатюрныя столовыя салфетки. Конечно и тутъ дѣло не обходилось безъ шума и звуковъ. Но вмѣсто лязга, стука и визга стояло какое-то оглушительное жужжаніе, охватывавшее насъ со всѣхъ сторонъ, сковывавшее подчасъ наши чувства и притуплявшее наши способности. Кругомъ насъ, словно вырвавшіеся изъ неволи духи ада, бѣшено вертѣлось несчетное число какихъ-то маленькихъ круглыхъ полувоздушныхъ существъ, въ которыхъ лишь при остановкѣ той или другой машины мы могли узнать катушки (веретена) съ намотанными на нихъ нитями. Безконечные ряды прядильныхъ и ткацкихъ машинъ безпрерывнымъ трещаніемъ, щелканіемъ и стукомъ создавали гулъ, мѣстами уподоблявшійся поразительно шуму водопада. И въ этохъ вихрѣ звуковъ мы видѣли десятки и сотни молодыхъ дѣвушекъ, почти дѣтей, сновавшихъ у машинъ. Растрепанныя, босыя, испачканныя, эти юныя работницы произвели на всѣхъ насъ самое тяжелое впе-

чатлѣніе, не изгладившееся и тогда, когда при переходѣ въ другія отдѣленія фабрики, мы встрѣчали ряды прилично одѣтыхъ и причесанныхъ женщинъ и дѣвушекъ съ интеллигентными и здоровыми лицали.

Какъ я уже сказалъ, осматриваемая нами фабрика была самая крупная въ Бельфастѣ. Въ виду огромности ея мы даже не успѣли побывать во всѣхъ ея отдѣленіяхъ. Достаточно сказать, что число ея веретенъ достигаетъ 75.000, а число ткацкихъ станковъ свыше 3.000. Размѣры ея производства выражаются приблизительно въ 15 милліоновъ ярдовъ ткани и около 2 милліоновъ фунтовъ пряжи. Эти цифры говорятъ, конечно, мало нашему воображенію. Но если ихъ представить себѣ въ наглядной формѣ, то онѣ покажутся чудовищно-великими. Стоитъ только себѣ вообразить хотя бы снѣжно-бѣлую дорожку въ ярдъ ширины. Эта дорожка тянется, положимъ, отъ Одессы на сѣверъ. Она пролегаетъ черезъ города и села, черезъ степи, рѣки, озера, болота, простирается вдоль по меридіану до Петербурга, проходитъ черезъ Финляндію, достигаетъ Ледовитаго океана и все еще продолжаетъ бѣлѣть вдаль по поверхности моря, то сливаясь съ бѣлизной глубокихъ полярныхъ снѣговъ, то выдѣляясь опять тонкой бѣлой лентой въ ярдъ ширины на голубой поверхности льдинъ, пока не достигаетъ сѣвернаго полюса. Здѣсь она огибаетъ сѣверное полушаріе, протягивается по Канадѣ и Соед. Штатамъ и оканчивается въ Мексикѣ. Вотъ этотъ кусокъ полотна и составляетъ приблизительную величину производительности одной изъ бельфастскихъ фабрикъ, не считая ея пряжи. Если же взять общую ткацкую производительность Ирландіи, то послѣдняя своимъ полотномъ въ ярдъ ширины могла бы опоясать три раза земной шаръ вдоль по экватору.

Послѣ льно-прядильной фабрики мы осмотрѣли колоссальную канатную фабрику, на которой между прочимъ

изготовляются по спеціальнымъ заказамъ канаты для военнаго флота Англіи. И здѣсь также насъ поражалъ конечно размахъ энергіи и предпріимчивости, безконечное разнообразіе машинъ, свивавшихъ всевозможнаго размѣра шнуры, бечевы, веревки и канаты, трепавшихъ и мявшихъ разнаго сорта и вида пеньку и наматывавшихъ огромные круги товару. Фабрика вырабатываетъ въ среднемъ 100 тоннъ въ недѣлю, но директору ея этого казалось мало и онъ жаловался на конкурренцію и свободу торговли.

— Что же, вы хотите весь міръ опутать вашими веревками?—спросилъ я его въ шутку.

— А почему бы и нѣтъ!—гордо и смѣло отвѣтилъ онъ.

И въ этомъ отвѣтѣ заключался и весь секретъ процвѣтанія Бельфаста, гордо посылающаго свой вызовъ міру своей вѣрой въ себя, своей энергіей и развитіемъ, своимъ желаніемъ побѣдить, побѣдить не на узкомъ полѣ національной политики, а на широкой аренѣ международнаго мирнаго соперничества.

Оглавленіе.

	Стран.
Стокгольмъ.—Гейденстамъ и Сьестедтъ.	1
Готскій каналъ.—Нордау	20
Шведская деревня.—Гейденстамъ	28
Шведское помѣстье.—Киллардe	35
Кируна.—Сьестедтъ.	39
Общество Фалунскихъ мѣдныхъ рудниковъ.—Сьестедтъ. . .	45
Ивановъ день въ Швеціи.—Гейденстамъ	50
Зимній спортъ въ Швеціи.—Гейденстамъ	53
Отъ Христіаніи до Тронджейма.—Елисѣева	56
Лофоденскіе острова.—Елисѣева.	69
За полярнымъ кругомъ.—Елисѣева.	71
Птичьи базары.—Елисѣева	82
Нордкапъ.—Елисѣева.	84
Къ востоку отъ Нордкапа.—Елисѣева.	87
Сѣверное сіяніе.—Елисѣева.	95
Норвежцы.—Монро	97
Крестьяне въ Норвегіи.—Монро.	103
Крестьянская свадьба въ Норвегіи.—Вильсонъ	111
Морскіе промыслы въ Норвегіи.—Елисѣева	115
Лѣсное дѣло въ Норвегіи.—Вильсонъ.	128
Копенгагенъ.—Бершонъ	133
Датскій крестьянинъ.—Нордау	149
Крестьянскія товарищества въ Даніи.—Брокнеръ	155
Общество улучшенія неудобныхъ земель въ Даніи.—Брокнеръ.	161
Содѣйствіе государства сельскому хозяйству въ Даніи—Брокнеръ.	165

Стран.

Поѣздка къ большому гейзеру.—Нордау. 167
Лондонъ.—По многимъ источникамъ 177
Лондонскіе доки.—Шпо. 211
Лондонъ подъ землей и подъ водой.—Н. Ф. —ъ. 215
Лондонъ въ туманѣ.—Н. Ф. —ъ. 224
Лондонъ въ воскресенье.—Н. Ф. —ъ. 235
Каменноугольныя кони 243
Въ черной странѣ—Леклерка 248
Въ мірѣ купли и продажи—Рапопорта 252
Домашняя жизнь обезпеченныхъ классовъ въ Англіи—Стеффенъ. 264
Жизнь въ англійскихъ имѣніяхъ—Гейкинга. 276
На фермахъ въ Англіи—Семенова 285
Спортъ въ Англіи—Стеффенъ и Вернаръ. 294
Ипсомскія скачки—Блан 301
Физическое воспитаніе въ англійской школѣ—Иванценко. . . 310
Эдистонскій маякъ—Малинина 319
Озеро Ломондъ—Баумгартнеръ 321
Въ долину Оссіана—Баумгартнеръ. 324
Глэзгоу—Гендерсенъ 332
Среди природы Ирландіи—Рапопорта 336
Ирландцы—Линдъ 340
Въ Бельфастѣ—Рапопорта 344

7-50
7120186

600 | 16
48 | 36
120
108
24